



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Harvard College
Library



THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢВА.

(1892 г.).

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

~~Slaw 25, 21~~
P Slaw 381 - 60

DEPARTMENT OF LIBRARY
GIFT OF
ROBERT CARY COOLIDGE
JULY 1 1922



2045

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Кареев.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

СТР.

| | |
|--|-----|
| Е. Н. Щепкинъ. Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами средняго образованія вообще | 1 |
| С. В. Рождественскій. Царь В. И. Шуйскій и боярство | 26 |
| Н. П. Любавичъ. Новый французскій трудъ по исторіи Пруссіи. | 49 |
| М. М. Ковалевскій. Зарожденіе республиканскій партіи во Франціи | 65 |
| Е. Ф. Шмурло. Русская исторія на Московской Географической выставкѣ 1892 г. | 119 |
| П. Г. Виноградовъ. Развѣтіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ | 156 |
| Историческая хроника | 175 |
| Критика: П. Н. Ардашевъ. Новое пособіе по исторіи французской революціи | 249 |
| О. П. Герасимовъ. Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ | 260 |
| Н. И. Карѣвъ. По поводу новой формулировки матеріальной исторіи | 272 |
| С. Л. Пташницкій. Польскія историческія изданія за 1891—92 годы | 281 |
| Перечень историческихъ статей въ общихъ журналахъ за 1891 годъ | 289 |

Отдѣлъ II.

| | |
|--|---|
| В. И. Модестовъ. Н. М. Благовѣщенскій. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Историческаго Общества 21 октября 1892 г. | 1 |
|--|---|

NB. Обзоръ русской исторической литературы за 1891 г., протоколы и отчеты Историческаго Общества за 1892 г. и списокъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку Общества, будутъ помѣщены въ VI томѣ „Ист. Обзорнія.“

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Преподаваніе Исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами Средняго образованія вообще ¹⁾.

Е. Н. Щенкина.

Въ прошломъ 1891 году кружокъ Московскихъ учителей исторіи задался цѣлью познакомить Учебный Отдѣлъ съ постановкой преподаванія исторіи въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы. Исходя отъ условій русской школы, жизнь которой повидимому равно бѣжить въ руслѣ министерскихъ учебныхъ плановъ, члены этого кружка и для характеристики преподаванія исторіи на Западѣ самымъ надежнымъ матеріаломъ признали официальные программы Австріи, Пруссіи, Франціи и, въ лучшемъ случаѣ, объяснительныя къ нимъ записки ²⁾. Но по отношенію къ Англіи эта попытка потерпѣла неудачу: изъ Англіи не удалось достать ни официальныхъ программъ, ни объяснительныхъ къ нимъ записокъ; ибо ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ тамъ, да и никогда не было. А между тѣмъ судьба исторіи, какъ учебнаго предмета въ русской гимназій, должна была бы подготовить учителей къ такому открытію. Вѣдь и у насъ учебнымъ планамъ только потому удавалось подойти къ ученику вплотную, что они находили свое воплощеніе или свой первообразъ въ какомъ-нибудь специальномъ учебникѣ исторіи, ихъ двойникѣ и посредникѣ. Вслѣдствіе взаимодѣйствія при послѣдующихъ переизданіяхъ, про-

¹⁾ Это сообщеніе было сдѣлано въ 1892 г. отчасти въ годичномъ засѣданіи Московскаго Учебнаго Отдѣла при Общ. Распр. Техн. Знаній, отчасти въ Исторической Коммиссіи при томъ-же Отдѣлѣ. Источниками послужили — тексты англійскихъ учебниковъ, преимущественно по исторіи Англіи, и въ „Educational Times“.

²⁾ См. статью В. Н. Беркута въ „Истор. Обзорніи“ 1891 г.

грамма и учебникъ, форма и матерія, срослись до того, что новымъ поколѣніямъ учителей приходилось доискиваться, да гдѣ-же здѣсь *primum movens*, первое движущее начало, за кѣмъ изъ нихъ первенство по времени? И вотъ мы привыкали отождествлять руководство съ учебными планами. Программа, какъ всякая норма, всегда для однихъ *minimum*, для другихъ *maximum*; но учебникъ сталъ какой-то золотой серединой: мы и наши предшественники забывали, можетъ быть, иногда заглянуть въ программу, но всегда зато держались за Кайданова, Смарагдова, Иловайскаго. Не ясно-ли изъ этого примѣра, что и при полномъ исчезновеніи обязательныхъ нормъ, страна не всегда будетъ лишена единства преподаванія. Какъ разъ въ такомъ положеніи и находится Англія. Тамъ нѣтъ учебныхъ плановъ, но единство въ преподаваніи исторіи поддерживается единствомъ учебниковъ, освѣщенныхъ привычкой или именемъ, славнымъ въ наукѣ. Тамъ нѣтъ объяснительныхъ записокъ, но извѣстные приемы преподаванія путемъ традиціи и опыта вошли въ плоть и кровь учителей; ихъ достоинства и недостатки обсуждаются въ обществахъ наставниковъ. Изучить распространенные учебники и пренія въ педагогическихъ обществахъ—такое единаственное средство познакомиться съ преподаваніемъ исторіи въ Англіи. Но раньше надо выяснитъ, почему нѣтъ системы въ Среднемъ образованіи Англіи, почему нѣтъ тамъ ни программъ, ни объяснительныхъ записокъ. На это можетъ отвѣтитъ исторія.

Типы англійскихъ школъ выросли исторически, и организація Средняго образованія, какъ она существуетъ тамъ нынѣ, никогда не была предварительно продумана ни государственными людьми, ни философами. Въ Шотландіи Ноксъ съ предусмотрительностью государственнаго челоуѣка основалъ систему приходскихъ школъ и сдѣлалъ возможной связь между первоначальнымъ обученіемъ и Университетами; въ Пруссіи министръ Фалькъ въ 1872 г. урегулировалъ законодательнымъ путемъ систему образованія элементарнаго, средняго и нормальнаго, т.-е. образцовыхъ школъ для упражненія учителей: англійскія школы созданы отчасти исторіей и преданіемъ, отчасти случаемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ достались современному поколѣнію по наслѣдству; другія были приворовлены къ особымъ мѣстнымъ условіямъ, къ потребностямъ специальныхъ профессій или желаніямъ религіозныхъ конгрегацій; многія возникли, благодаря частной предприимчивости. Едва-ли дѣлалась когда-либо серьезная попытка свести всѣ англійскія школы къ одному образцу или установить, по крайней мѣрѣ, извѣстную послѣдовательность между ними. До Реформаціи, когда образованіе составляло привиллегію богатныхъ, было только два типа воспитанія—въ монастырѣ и въ замкѣ сеньора. Молодой сквайръ или

рыцарь считался достаточно образованнымъ, если онъ умѣлъ ѣздить верхомъ и охотиться, если онъ былъ искусенъ въ атлетическихъ упражненіяхъ и военномъ ремеслѣ. Знакомство съ книгами было доступно для провинціального джентльмена только въ незначительной степени, да большаго отъ него не требовало ни общество, ни онъ самъ. Напротивъ, самое слово „clerk“ современными отбѣнками своего значенія (клеркъ и клерикъ) напоминаетъ, что умѣнье писать составляло нѣкогда въ Англіи прерогативу духовенства или вообще людей, воспитанныхъ въ монастыряхъ. Небольшая часть мірянъ въ XIV и XV вв. находила доступъ въ монастырскія школы, въ благотворительныя школы при аббатствахъ и соборахъ и тѣ немногія „школы грамматики“ (grammar schools, т.-е. классическія гимназіи), которыя возникли еще до конца XV в. въ соборныхъ городахъ Карлилъ, Винчестеръ и Салисбери. (Итогъ своимъ основаніемъ обязанъ Генриху VI).

Но въ сущности обезпеченныя вкладами „Грамматическія школы“ сдѣлались многочисленными только послѣ Реформаціи и Возрожденія наукъ: тогда онѣ стали оказывать сильное вліяніе на умственную жизнь Англіи. Къ концу XVII в. такихъ учрежденій насчитывалось въ Англіи не менѣе 620; только въ нихъ и выражалась забота общества о народномъ образованіи. Большинство этихъ Грамматическихъ школъ было обезпечено вкладами, образовавшимися изъ имуществъ, конфискованныхъ при уничтоженіи монастырей. Подъ вліяніемъ установившейся здѣсь системы, общее образованіе въ Англіи навсегда неразрывно связало свою судьбу съ классическими языками. Можетъ быть нигдѣ въ Европѣ дѣли и методы средневѣковыхъ учителей не пользовались такъ долго уваженіемъ, какъ въ Англіи; нигдѣ преданье и обычай не господствовали такъ всецѣло надъ обученіемъ; нигдѣ, однимъ словомъ, школы, обезпеченныя особыми фондами, не налагали въ такой степени своего отпечатка на всю умственную жизнь страны на протяженіи четырехъ или пяти столѣтій. Грамматическія школы въ силу своихъ статутровъ обязаны были сдѣлать греческихъ и латинскихъ классиковъ главнымъ предметомъ занятій по той простой причинѣ, что классическіе языки служили тогда ключемъ ко всѣмъ знаніямъ, доступнымъ человечеству; къ тому-же только эти гуманитарныя занятія и были облечены въ форму, достаточно систематичную для преподаванія въ школахъ. Большинство Грамматическихъ школъ было непосредственно связано съ Университетами самымъ кругомъ преподаваемыхъ предметовъ или даже черезъ посредство правившихъ ими корпорацій. Величайшей гордостью этихъ школъ было выпускать учениковъ, способныхъ перейти въ Оксфордъ и Кембриджъ и тамъ обратить на себя вниманіе. Въ своихъ дарственныхъ записяхъ и за-

вѣщаніяхъ благодѣтели школъ выражали обыкновенно великодушное желаніе, чтобы обезпеченныя ими учрежденія были доступны для учениковъ изъ всѣхъ слоевъ общества, чтобы даже способный и набожный сынъ крестьянина или лавочника могъ сдѣлаться классикомъ и „служить Богу въ церкви и государствѣ“. Благодаря вѣрности Англичанъ статутамъ и регламентамъ своихъ Грамматическихъ школъ, въ Англіи до сихъ поръ общее образованіе признается только за людьми, изучившими греческій и латинскій языки; въ этомъ отношеніи никакія приобрѣтенія въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія не могутъ для Англичанина восполнить недостатка въ классическомъ образованіи.

Періодъ появленія Грамматическихъ школъ оканчивается, впрочемъ, концомъ XVII в. Эпоха гражданскихъ смуть и англійской республики была вообще неблагопріятна для народнаго просвѣщенія, потому что господствовавшая партія пуританъ равнодушно относилась къ свѣтской наукѣ. Новая эпоха въ исторіи англійской школы начинается съ Акта о терпимости Вильяма III и Маріи (Toleration Act of William and Mary), принудившаго англиканскую церковь окончательно признать сектантство (Dissent), какъ неизбѣжный факторъ общественной жизни. Тогда богатые благотворители стали опасаться за англиканскую церковь и всѣ связанныя съ нею учрежденія; отсюда выросла новая точка зрѣнія на задачи народнаго образованія. Явилось убѣжденіе, что школы новаго типа, предназначенныя для бѣдныхъ классовъ и щедро обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, гдѣ главное вниманіе обращалось на изученіе катехизиса и богослуженія, могутъ навсегда привязать учениковъ къ господствующей англиканской церкви. Вотъ почему съ конца XVII в. и на протяженіи значительной части XVIII в. почти вся благотворительность въ дѣлѣ образованія была направлена на основаніе „Школъ Милосердія“ (Charity Schools). Ихъ воспитательныя цѣли были крайне скромны: научить читать, писать и преподавать катехизисъ; ученики облакались въ особую „одежду милосердія“ (charity dress) и должны были усердно посѣщать церковь. Такія Школы Милосердія никогда не заботились о томъ, чтобы открыть для своихъ учениковъ доступъ въ университетъ или къ другимъ источникамъ высшаго образованія; ихъ основатели никогда не имѣли въ виду создавать тѣ лѣстницы изъ коттеджа въ университетъ, которыя были идеаломъ для Грамматическихъ школъ и возродились въ наше время. Напротивъ, Школы Милосердія старались удерживать ученика въ той средѣ, гдѣ онъ родился, привить ему довольство установленнымъ порядкомъ въ церкви и государствѣ, а отнюдь не поощрять интеллектуальное честолюбіе. Итакъ, въ XVIII в.

въ эпоху процвѣтанія школъ этого типа, для средняго и высшаго образованія почти ничего не было сдѣлано.

Зато преобладаніе Школъ Милосердія надъ Грамматическими школами благопріятно отразилось на обученіи дѣвочекъ. Классическое образованіе въ Грамматическихъ школахъ было предназначено только для мальчиковъ, потому что сестры ихъ все равно не могли-бы попасть ни въ университетъ, ни на службу Богу въ церкви или государствахъ. Если родители хотѣли, они могли обучать дочерей развѣ что дома; отъ общества имъ нечего было ждать помощи. Напротивъ, Школы Милосердія съ самаго начала были открыты и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ изъ бѣдныхъ классовъ. Такъ какъ изъ этихъ дѣвочекъ набиралась впоследствии домашняя прислуга, такъ отчего-же не позволить имъ выучить букварь и катехизисъ, отчего не надѣть на нихъ живописной ливреи благотворителя и не заставить пѣть на хорахъ церкви? Полное отсутствіе средняго образованія для женщинъ долгое время не обращало на себя вниманія общества. Можно привести только уединенный протестъ Даніэля-де-Фо, автора Робинзона, въ памфлетѣ о воспитаніи женщинъ отъ 1697 г. „Ихъ молодость“—говоритъ онъ:— „уходить на то, чтобы выучиться шить, стегать и дѣлать бездѣлушки. Въ лучшемъ случаѣ онѣ умѣютъ читать или, можетъ быть, написать свое имя, или что либо подобное, и это уже высшее образованіе для женщины“. А между тѣмъ Даніэль-де-Фо совѣтуетъ особенно учить ихъ исторіи и желалъ-бы, чтобы путемъ чтенія онѣ научились понимать міръ и судить о вещахъ, когда приходится слышать о нихъ.

Какъ-бы то ни было, все, что было сдѣлано для средняго образованія до конца XVIII в., исходило отъ частной инициативы, отъ богатыхъ благотворителей, правда при соучастіи университетовъ. Если законодательство и касалось иногда образованія, то только съ цѣлью устранить сектантовъ отъ преподаванія. Наприм. въ царствованіе королевы Анны Актъ о Схизмѣ (Schism Act) отъ 1713 г. запрещалъ профессію школьнаго учителя или преподавателя въ частныхъ домахъ каждому, кто не далъ завѣренія въ приверженности къ англиканской церкви (declaration of conformity) и не получилъ разрѣшенія отъ епископа. Правда, въ слѣдующее царствованіе этотъ статутъ былъ отмененъ, но другіе законы, налагавшіе ограниченія на диссентеровъ, оставались въ силѣ. Наконецъ, въ 1779 г. по настоянію сира Гогтона прошелъ актъ, давшій диссентерамъ право проповѣдовать и учить въ школахъ, не подписывая 39 статей англиканскаго исповѣданія.

Серьезный интересъ къ дѣлу средняго образованія въ Англіи законодательство обнаружило въ первый разъ только въ XIX в.: въ 1818 г. лордъ Брукъ провелъ постановленіе, учреждавшее комиссію для изслѣдованія положенія благотворительныхъ учреждений, обезпе-

ченныхъ пожертвованіями, въ особенности учреждений, связанныхъ съ образованіемъ. Исслѣдованіе заняло нѣсколько лѣтъ и дало въ результатѣ нѣсколько огромныхъ томовъ съ подробностями о такихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Но точка зрѣнія комиссіи была преимущественно юридическая: выяснялись условія пожертвованія, описывался характеръ и наличная стоимость собственности, обеспечивающей учрежденіе, перечислялись имена попечителей и завѣдующихъ и отмѣчалось, была ли выполнена воля основателя или нѣтъ. Комиссія не считала своимъ долгомъ выяснять педагогическое достоинство школъ или степень, въ какой онѣ удовлетворяютъ потребностямъ общинъ. Во всякомъ случаѣ это разслѣдованіе вывело на свѣтъ много злоупотребленій и повело къ установленію постоянной комиссіи по благотворительнымъ учрежденіямъ (Charity commission) съ широкими полномочіями; это былъ первый шагъ къ добросовѣстному распоряженію пожертвованіями, но отнюдь не къ педагогической реформѣ самыхъ школъ.

Вторымъ важнымъ шагомъ законодательства въ дѣлѣ среднего образованія была королевская комиссія съ лордомъ Таунтономъ во главѣ, учрежденная въ 1864 г. для изученія школъ (Schools Inquiry Commission); главными дѣятельными членами ея были Форстеръ, лордъ Литтлелтонъ, сиръ Норскотъ, епископы Лондона и Рочестера и друг. Комиссія должна была дать отчетъ о всѣхъ учебныхъ учрежденіяхъ, начиная съ первоначальныхъ школъ и кончая тѣми девятью общественными школами, во главѣ которыхъ стояли Итонъ и Гарро. Исслѣдованія комиссіи продолжались почти четыре года; кромѣ того еп. Фразеръ посѣтилъ Америку, а Матью Арнольдъ написалъ отчетъ о среднемъ образованіи во Франціи и Германіи. Изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ такимъ путемъ, комиссія выработала общій окончательный докладъ. Для Англіи и Уэльса докладъ выяснилъ слѣдующее: потребности среднего и высшаго образованія удовлетворялись здѣсь 1) Грамматическими школами, обеспеченными вкладами. 2) Учрежденіями, принадлежащими въ собственность отдѣльнымъ собственникамъ или цѣлымъ союзамъ (proprietary schools). 3) Школами частныхъ предпринимателей. Въ Грамматическія школы члены комиссіи имѣли свободный доступъ, даже съ правомъ экзаменовать; вторую группу школъ они осматривали только съ разрѣшенія собственника или завѣдующаго. 782 школы носили въ документахъ жертвователей названіе Грамматическихъ школъ, обеспеченныхъ вкладами; между тѣмъ это число нужно было-бы взять трижды, чтобы перечислить не классическія учрежденія въ духѣ школъ милосердія (Charity schools). Отчетъ комиссіи 1864 г. гласилъ, что большая часть Грамматическихъ школъ находится въ упадкѣ, что онѣ не даютъ того

знанія древнихъ языковъ, которое имѣлось въ виду основателями, и не стараются съ другой стороны въ возмѣщеніе этого пробѣла приспособиться къ потребностямъ современной жизни; только немногія изъ нихъ процвѣтали на столько, чтобы выпускать учениковъ въ университетъ. Причины такого упадка коммиссія видѣла въ слѣдующемъ: 1) Составъ корпорацій, управляющихъ школами, часто обновляемый кооптаціей, не находится въ связи съ обществомъ, для котораго школа существуетъ. 2) Условія старинныхъ пожертвованій устарѣли или прямо неисполнимы. 3) Отсутствие общественнаго контроля. 4) Ленный характеръ должности главнаго начальника школы (headmaster'a). Такой начальникъ, хотя-бы онъ оказался вполне непригоднымъ, не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ путемъ дорогого стоившаго процесса. 5) Распредѣленіе такихъ пожертвованій по странѣ носитъ случайный и капризный характеръ; нѣсколько наиболѣе одаренныхъ школъ лежатъ вдали отъ населенія, способнаго пользоваться ими и т. п. Что касается до школъ, которыя составляютъ чью либо собственность, то нѣкоторыя изъ нихъ предназначены только для дѣтей определенной общины или профессіи, нѣкоторыя основаны религіозными конгрегаціями (наприм. Wesleyan proprietary schools, т. е. школы методистовъ, послѣдователей Веслея); эти школы вообще были найдены въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря заботамъ лицъ, спеціально прикосновенныхъ къ нимъ. Впрочемъ и школы такого типа падали иногда отъ неопредѣленности своего финансоваго положенія. Наконецъ, школы третьяго типа, возникшія изъ частной предпримчивости единичныхъ педагоговъ, чаще всего были вполне неудовлетворительны: плохіе учителя, устарѣвшіе приемы преподаванія и т. п. За то какъ разъ среди этихъ предпріятій частныхъ учителей попало нѣсколько образцовыхъ опытовъ въ области новыхъ педагогическихъ идеаловъ. Опираясь на эти данныя, коммиссія сдѣлала рядъ предложеній, клонившихся къ улучшенію Грамматическихъ школъ: ихъ программы предлагалось приспособить къ новымъ требованіямъ времени и привести въ систему; правящія ими корпораціи преобразовать въ болѣе демократическомъ духѣ, несмѣняемость главныхъ начальниковъ уничтожить и т. п.; часть доходовъ съ вклада должна была идти на стипендіи, чтобы открыть выдающимся ученикамъ путь въ университеты или вообще въ высшему образованію. Отчетъ коммиссіи былъ обнародованъ въ концѣ 1867 г. и произвелъ большое впечатлѣніе. Какъ нарочно въ слѣдующемъ году достигло власти энергичное министерство Гладстона. Вице-президентомъ Совѣта былъ назначенъ Форстеръ, бывшій дѣятельнымъ членомъ въ школьной коммиссіи; съ этимъ титуломъ вице-президента связано обыкновенно общее руководство народнымъ образованіемъ. Въ началѣ 1869 г.

Форстеръ внесъ въ палату билль о школахъ, обеспеченныхъ вкладами (Endowed Schools Bill) въ двухъ частяхъ. Первая часть билля устанавливала комиссію по школамъ, одареннымъ вкладами (Endowed Schools Commission) для выработки плана преобразованийъ въ учебныхъ учрежденіяхъ этого типа. Вторая часть билля предлагала затѣмъ еще совѣтъ изъ представителей трехъ университетовъ—Оксфордскаго, Кембриджскаго, Лондонскаго—съ правомъ подвергать желающихъ экзамену на учителя и выдавать имъ профессиональные дипломы, вести регистръ всѣмъ такимъ учителямъ и т. д. Правда, Форстеру удалось провести только первую половину билля; но все-таки учрежденіе комиссіи повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Благодаря Акту о школахъ, обеспеченныхъ вкладами (Endowed Schools Act), всѣ школы этого типа были преобразованы, строй завѣдующихъ корпорацій обновленъ, учебные планы приспособлены къ современной жизни, не-смѣняемость главныхъ начальниковъ устранена, въ расходование вкладовъ внесена бережливость. Въ 1886 г. былъ избранъ комитетъ изъ Нижней Палаты для изученія дѣйствія акта о школахъ, обеспеченныхъ вкладами. Отчетъ комитета призналъ за актомъ серьезное вліяніе на школы, но отмѣтилъ, что недостаточно выработать хорошія инструкции, что надо еще слѣдить за ихъ осуществленіемъ; комитетъ предлагалъ поручить министру народнаго просвѣщенія эту послѣднюю обязанность, а также приведеніе въ систему всѣхъ отдѣльныхъ частей педагогическаго механизма Англіи. Но пока актъ 1869 г. остается послѣднимъ опытомъ законодательной власти—воздѣйствовать на среднее образованіе. Въ этомъ отношеніи Англія отличается отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ. Во Франціи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи и во многихъ штатахъ Америки правительство брало на себя заботы не только объ элементарномъ, но и о среднемъ образованіи. Иногда въ Англіи раздавались уединенные голоса противъ этого страннаго равнодушія правительства. Матью Арнольдъ, извѣстный англійскій эссеистъ, видѣвшій лицеи Франціи и гимназіи и реальныя школы Германіи, не разъ указывалъ на пробѣлъ въ англійской системѣ народнаго образованія. Конечно, онъ вполне могъ оцѣнить значеніе Итона и Регби, какъ заведеній для богатыхъ; какъ инспекторъ школъ, онъ хорошо понималъ все, что сдѣлалъ для образованія бѣдныхъ Актъ 1870 г. о первоначальномъ обученіи (Elementary Education Act), который ввелъ контроль и испытанія со стороны общественной власти (school—boards), квалифцированныхъ, т.-е. снабженныхъ дипломами учителей и нормальныхъ коллегіи ради подготовки преподавателей. Но средній классъ Англіи былъ, по словамъ Арнольда, наименѣе обученнымъ среднимъ классомъ въ Западной Европѣ. Ему казалось, что все государство, вся

нація несетъ отвѣтственность за это, что законодательство должно согласовать число школъ различныхъ ступеней съ количествомъ населенія.

Все, что было сдѣлано для средняго образованія съ 1869 г., исходило отъ частныхъ лицъ или независимыхъ корпорацій безъ поддержки правительства. Учрежденіе мѣстныхъ испытаній отъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ содѣйствовало пробужденію энергіи и повышенію уровня цѣлей среди учителей. Къ тѣмъ же результатамъ ведетъ введеніе въ Кембриджъ и Лондонъ спеціальнаго испытанія по теоріи, практикѣ и исторіи воспитанія, или наприм. система школьныхъ экзаменовъ, широко распространяемая въ странѣ „Коллегіей Наставниковъ“ (College of Preceptors) и т. п. „Коллегія Наставниковъ“—это частное учрежденіе, которое поставило себѣ цѣлью повысить уровень учителей и преподаванія въ средней школѣ. Она установила рядъ добровольныхъ испытаній для учителей и лицъ другихъ разнообразныхъ профессій и выдаетъ имъ свидѣтельства, получившія почти официальное значеніе въ Англіи. Наприм. свидѣтельства коллегіи принимаются судьями Ея Королевскаго Величества и Главнымъ Медицинскимъ Совѣтомъ, какъ ручательство за удовлетворительное общее образованіе; юридическая и медицинская карьера открывается для этихъ лицъ безъ дальнѣйшихъ предварительныхъ испытаній по словеснымъ предметамъ. Таже коллегія командировуетъ экзаменаторовъ въ отѣзды въ общественныя и частныя школы. Любопытно, что опытъ контроля надъ учителями и учениками среднихъ школъ исходитъ въ Англіи опять таки отъ частнаго общества.

Впрочемъ, начиная съ 1879 г., нѣсколько попытокъ въ этомъ духѣ было сдѣлано и въ парламентѣ Джономъ Лэббокомъ и друг. Наконецъ, въ минувшемъ году были внесены въ палату два билля объ организаціи и регистраціи учителей. Цѣль биллей—учредить педагогическій совѣтъ (Educational Council) съ правомъ производить испытанія, вести регистръ квалифицированныхъ учителей среднихъ школъ и отъ времени до времени давать отчетъ о ходѣ занятій и экзаменовъ въ тѣхъ различныхъ учрежденіяхъ, дипломы или свидѣтельства которыхъ подлежатъ признанію. Это будетъ первой попыткой внести законодательнымъ путемъ нѣкоторое единство образовательнаго уровня въ среду учителей среднихъ школъ.

Мы перейдемъ теперь ко второй части нашей задачи—къ характеристикѣ англійскихъ учебниковъ и учебныхъ пособій по англійской исторіи.

Англійскіе учебники для исторіи Англіи по количеству сообщаемыхъ фактовъ и по трудности изложенія можно раздѣлять на три группы, составляющія какъ бы три ступени той лѣстницы, которая

ведетъ ученика отъ перваго знакомства съ наукой до изученіи классическихъ произведеній, въ родѣ трудовъ Маколея и Стангопа, или многотомныхъ сочиненій, охватывающихъ всю исторію Англіи и предназначенныхъ для большого круга читателей, напр. обширной „Исторіи Англійскаго Народа“ Грина, переведенной теперь на русскій языкъ. Первоначальные очерки исторіи называются обыкновенно „Outline“, затѣмъ идутъ собственно учебники (Textbook), наконецъ третью ступень составляютъ руководства, являющіяся подъ разнообразными названіями Short History, Student's History и т. п.

Типичнымъ учебникомъ для первой ступени можетъ служить книга извѣстнаго историка Гардинера—„Очеркъ Англіиской Исторіи 55 д. Р. X.—1886. п. Р. X.“ (Outline of English History New edition 1891). Очерки распадаются на двѣ части. Первая—до смерти Елизаветы (194 стр., форматъ in 8°, шрифтъ довольно крупный) богата эпизодами, представляющими внѣшній драматическій интересъ; они рассказаны подробно, чѣмъ обыкновенно. Вторая часть (съ Іакова I до третьяго министерства Гладстона въ 1886 г.—267 стр.) предназначена для дѣтей постарше. Здѣсь часто описываются политическія перемѣны, иногда очень сложныя, которыя трудно сдѣлать (по признанію автора) занимательными для учениковъ. Тоже самое нужно сказать и о религіозной борьбѣ XVI—XVII в., полной интереса для взрослыхъ читателей. Оригинальную часть учебника представляетъ приложение, гдѣ данъ анализъ (Analysis, 52 стр. мелкаго шрифта) отдѣльных главъ. Этотъ анализъ состоитъ изъ конспекта главы и подробнаго истолкованія наиболѣе трудныхъ словъ; толкованіе дается не только для терминовъ географическихъ, политическихъ, церковныхъ и т. п. (мѣстами отмѣченъ выговоръ); нѣтъ, иногда объясняются отдѣльныя англійскія слова: посредствомъ подбора синонимовъ анализъ старается выяснить ученику отгѣнокъ слова. Такъ какъ эта часть не принята въ нашихъ учебникахъ, но въ той или другой формѣ крайне желательна, то на ней я останавлиюсь подробно.

Вотъ, на примѣръ, анализъ первой главы: *Древніе Бриты*. а. Жили маленькими племенами подъ властью главъ или королей. б. Не знали грамоты. с. Держали скотъ, охотились, ловили рыбу. д. Дѣлали плетенныя корзины и глиняную посуду. е. Сѣяли ячмень и т. п. на Ю. В. f. Разрабатывали оловянную руду въ Корнваллисѣ. g. Въ центрѣ и на Сѣверѣ быть болѣе дикій, и туземцы только наполовину прикрыты кожами. *Реміи*. Язычество; зовется друидизмомъ. Жрецы назывались Друидами. Поклонялись солнцу, лунѣ и т. п. Священныя растенія—дубы и омелы. *Памятники Бритовъ*. а. Кромлехи. б. Глиняная посуда, монета и т. п., находимыя въ могилахъ. с. Храмы (какъ предполагаютъ), на прим. Стоунгенджъ. За такимъ конспектомъ

главы слѣдуетъ объясненіе словъ, наприм.: *crom'lech* (—leek) могильникъ, который образуется, когда кладутъ каменную плиту поперекъ другихъ стоячихъ камней. *Med-i-ter-ra'ne-an* (средиземное) море между Европой и Африкой *con'quered*: завоеванный, превзойденный, побѣжденный (*overcame, vanquished*). Далѣе еще нѣсколько словъ, истолкованныхъ въ томъ же духѣ. Анализъ охватываетъ всѣ пятьдесятъ главъ учебника и въ общемъ даетъ объясненіе слишкомъ для 550 словъ, наприм. омажъ, соприсяжники, ассизы, вилланы, атторней, утопія, пуританинъ, диссентеръ, тоннеджъ и паундеджъ, ремонстрансъ, индепендентъ, оппозиція, гильотина, йоменири, памфлетъ, баллотъ и т. п. Изъ анализа второй части, назначенной для старшаго возраста, приведемъ конспектъ XXVIII главы „*Республика* (1649). Нѣтъ короля; нѣтъ палаты лордовъ; въ палатѣ общинъ только 80 членовъ: страна управляется Государственнымъ Совѣтомъ, избраннымъ общинами. Въ *Ирландіи* анархія; Кромвель посланъ возстановить порядокъ; его жестокость; онъ беретъ приступомъ Дрогеду. *Шотландія*. Принцъ Карлъ коронованъ Шотландцами; Кромвель бьетъ Шотландцевъ при Денбарѣ и Ворчестерѣ, — „пощада, вѣнчающая дѣло“. *Изъясненіе Домаго Парламента*. Кромвель разогналъ остатки Долгаго Парламента и созвалъ другой — парламентъ Бербоуна, который вручилъ ему всю власть и объявилъ его лордомъ Протекторомъ“ и т. д.

Текстъ самаго первоначальнаго учебника во многихъ случаяхъ гораздо пространнѣе руководствъ, принятыхъ для старшихъ классовъ въ гимназіяхъ материка. Особенно подробно Гардинеръ останавливается на государственныхъ учрежденіяхъ Англіи, на характеристикѣ различныхъ исповѣданій въ эпоху реформаціи и на исторіи партій, напр., на дѣятельности Симона Монфорскаго, лорда Страффорда, Петиціи о правахъ, Великомъ Ремонстрансѣ, Тестъ—Актѣ и т. п. Пуританина онъ опредѣляетъ, какъ протестанта, требующаго, чтобы держались „чистой“ (*pure*) догмы, а пресвитеріанъ и индепендентовъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Среди самихъ пуританъ образовалось теперь двѣ партіи. Большая часть членовъ Палаты Общинъ, рѣшившаяся на вооруженное сопротивленіе королю, были пресвитеріане. Они требовали, чтобы не было болѣе епископовъ въ церкви и не было болѣе Прауербук'а, но они отнюдь не желали допускать, чтобы какая-нибудь конгрегація собиралась и слушала проповѣди, несогласныя съ мнѣніемъ пресвитеріанскаго духовенства. Напротивъ небольшая группа членовъ, называвшаяся индепендентами, думала, что каждая конгрегація сама можетъ устанавливать для себя обязательный кругъ вѣрованій и что каждый человѣкъ, или по крайней мѣрѣ каждый пуританинъ, воленъ исповѣдовать Господа по своему разумѣнію. Главой этой партіи сталъ Оливеръ Кромвель. При началѣ войны онъ былъ

капитаномъ въ арміи и наполнялъ свой отрядъ пуританами, рѣшившимися сражаться за свою религію. Когда война затянулась, онъ сдѣлся генераломъ и всегда наполнялъ свои полки людьми того же рода. Онъ скорѣ замѣтилъ, что всѣ эти люди были, правда, пуритане, но не во всемъ согласны относительно религіи. Среди солдатъ попадались анабаптисты, индепенденты, пресвитеріане. Кромвель думалъ, что, когда ему приходится назначать офицера, то онъ долженъ выбрать лучшаго изъ солдатъ, не спрашивая, каковы его религіозныя мнѣнія; довольно того, что онъ хорошій человѣкъ и пуританинъ. Онъ думалъ, что члены парламента и должностныя лица государства должны избираться тѣмъ же порядкомъ. Пресвитеріане поступали иначе и думали, что, кто не пресвитеріанинъ, тотъ и не долженъ допускаться на службу. Или вотъ наприимѣръ разскажъ о происхожденіи названій Виги и Тори; „Эти двѣ партіи стали теперь называться Виги и Тори, имена, которыя остались за ними на 1½ столѣтія. Первоначально это были прозвища, данныя въ шутку. Whig—шотландское слово, означающее сыворотку или кислое молоко; оно впервые было примѣнено къ части населенія въ Зап. Шотландіи, поднявшей незадолго передъ тѣмъ мятежъ противъ правительства. Когда друзья герцога Йоркскаго называли приверженцевъ Шафтсбери Вигами, они этимъ хотѣли поставить ихъ на одну доску съ Шотландскими мятежниками. Слово Тори вышло изъ Ирландіи. Ирландскіе разбойники назывались Tories, и противники герцога Йоркскаго звали его приверженцевъ Тори въ томъ смыслѣ, что они были для протестантовъ врагами не хуже ирландскихъ разбойниковъ. Немного спустя эти имена были приняты самими партіями, которымъ они первоначально были даны въ насмѣшку, и люди гордились тѣмъ, что они Виги и Тори, забывая первоначальное значеніе словъ“. Исторія литературы не вошла въ учебникъ Гардинера, такъ какъ въ англійской школѣ она, разумѣется, составляетъ самостоятельный предметъ; но благодаря этому не нашли себѣ мѣста идейныя движенія, напр., скептицизмъ XVIII в.

Учебникомъ типичнымъ для второй ступени историческаго курса можно признать серію маленькихъ томиковъ, изданую подъ названіями: „Эпохи Древней Исторіи“ (Epochs of Ancient History 10 томовъ), „Эпохи Новой Исторіи“, т.-е. средневѣковой и собственно новой исторіи (Epochs of Modern History, 19 томиковъ), „Эпохи Англійской Исторіи“ (Epochs of English History, 8 томиковъ). Форма изданія напоминаетъ скорѣ книги для историческаго чтенія внѣ класса, но по количеству фактовъ оно соответствуетъ обыкновеннымъ учебникамъ для старшихъ классовъ, напр. „Эпохи Англійской Исторіи“ могутъ замѣнить учебникъ Collier'a (History of the British Empire by Collier, Advanced Class-Book) Но „Эпохи“ Исторіи—учебникъ коллек-

тивный; надъ отдѣльными эпохами трудилось въ общей сложности около 26 человекъ, преимущественно членовъ и тьюторовъ коллегій Оксфордскаго, Кембриджскаго и друг. университетовъ, однако между ними есть и извѣстные за предѣлами Англіи имена Стеббса, Сибома, Гардинера, Макъ Карти и друг. Цѣльность учебника въ извѣстныхъ предѣлахъ достигнута единствомъ редакціи („Эпохи Англійской Исторіи“ редактированы Крейтономъ, „Эпохи Древней Исторіи“ Коксомъ и Санке, „Эпохи Новой Исторіи“ Кольбекомъ) Серія новыхъ учебниковъ по исторіи, которой обогатилась за послѣдніе годы педагогическая литература Франціи (редакція Моно, фирма Альканъ) исходитъ изъ тѣхъ же началъ, какъ и „Эпохи“ исторіи, изданныя фирмой Лонгмана. При современномъ положеніи исторической науки такой пріемъ сотрудничества цѣлаго ряда специалистовъ, по нашему убѣжденію, есть единственное средство выработать учебникъ одинаково научный во всѣхъ своихъ частяхъ. Тѣмъ не менѣе изданіе Лонгмана нельзя назвать удачнымъ. Недостатки этого учебника объясняются впрочемъ единственно безцѣльностью всего типа руководствъ второй степени; для начинающихъ такой средній учебникъ мало доступенъ, сухъ, а учениковъ старшаго возраста онъ безъ всякой надобности задерживаетъ на уровнѣ элементарныхъ представленій объ исторической жизни.

Гораздо благодарнѣ третій типъ, удачно обработанный Гринномъ въ его „Краткой Исторіи“ и, наконецъ, Гардинеромъ въ „Student's History of England“, рассчитанной на 3 томика (большой in 8q, шрифтъ убористый въ двухъ первыхъ томикахъ 666 страницъ, 55 д. Р. X.—1689. п. Р. X.) Гардинеръ и въ большомъ руководствѣ слѣдуетъ въ общихъ чертахъ плану, положенному въ основаніе его Outline. Но необыкновенная сжатость слога дала ему возможность передать въ объемѣ учебника результаты своей обширной начитанности въ литературѣ по англійской исторіи, не нанося ущерба научной точности свѣдѣній и не впадая въ отрывочность конспекта. Впрочемъ ни драматичностью, ни эпической плавностью разсказа Гардинеръ вообще не владѣетъ. Не достаетъ ему и интереса къ умственной и нравственной исторіи англійскаго общества, который составляетъ одно изъ достоинствъ „Исторіи Англіи въ XVIII столѣтіи“ Лекки. Однако этотъ пробѣлъ особенно чувствителенъ только для учителей материка; въ самой Англіи онъ можетъ выполняться при изученіи литературы и исторіи церкви. Въ текстѣ учебника Гардинера разсыяно множество изящныхъ рисунковъ.

Для сравнительной оцѣнки Outline (съ Analysis), „Epochs“ Крейтона и „Student's History“ Гардинера мы приводимъ изложеніе Великой Харти Вольностей по всѣмъ этимъ учебникамъ.

Analysis.

„Magna Carta.—Лангтонъ сдѣлался борцомъ за англійскія вольности; бароны поддерживали его; онъ составилъ хартію вольностей и принудилъ Джона подписать ее въ 1215 г. Ея главные шѣры были: 1) Независимый и скорый судъ для всѣхъ. 2) Обезпеченіе личности и собственности отъ незаконнаго захвата. 3) Контроль надъ денежными поборами со стороны Великаго Совѣта изъ всѣхъ королевскихъ ленниковъ первой руки (за исключеніемъ трехъ случаевъ „помощи“, а именно—при посвященіи въ рыцари старшаго сына короля, при выдачѣ замужъ старшей дочери, или при выкупѣ изъ плѣна короля)“.

Outline of English History by Gardiner, 1891.

„Magna Carta. Требования, которыя король Джонъ въ 1215 г. клятвенно обѣщался исполнять, извѣстны въ исторіи подъ именемъ Великой Хартіи, или по-латыни, какъ Magna Carta. Въ силу ихъ король обязался, за исключеніемъ особыхъ опредѣленныхъ случаевъ, не брать никакихъ поборовъ съ людей, державшихъ отъ него земли на ленныхъ условіяхъ иначе, какъ если тѣ сами добровольно дадутъ деньги. Точно также онъ не могъ по произволу распоряжаться жизнью и имуществомъ англичанъ. „Ни одинъ свободный человѣкъ“, долженъ былъ онъ объявить: „не будетъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, лишенъ имущества или объявленъ внѣ закона и вообще никакимъ образомъ не будетъ доводится до гибели; мы не будемъ идти войной и не будемъ посылать противъ него иначе, какъ по законному суду перовъ или по законамъ страны“. Великая Хартія заключала и другія статьи величайшей важности. Но корень всего дѣла лежитъ въ этихъ двухъ. Король Англій не долженъ былъ настолько возвышаться надъ равными себѣ, чтобы брать съ нихъ столько денегъ, сколько захочетъ, или сажать ихъ въ тюрьму или наказывать ихъ, когда захочетъ. Онъ могъ брать съ нихъ деньги, когда они давали ихъ на общественныя нужды, и онъ могъ наказывать ихъ только, когда они были осуждены за совершенныя преступленія приговоромъ равныхъ имъ соотечественниковъ. Слѣдующія поколѣнія выстроили на этихъ двухъ началахъ цѣлую систему законовъ. Но въ сущности Великая Хартія—ея краугольный камень. Первое начало, что король не могъ брать денегъ по произволу, принудило его совѣтоваться съ своими подданными, потому что они не стали бы давать ему денегъ, если-бы онъ не поступалъ согласно ихъ желанію. Такимъ образомъ управленіе страной постепенно стало идти не по произволу короля, а по желанію народа. Другое начало—что король не могъ наказывать кого захочетъ, повело къ тому, что мы управляемся по закону, а не по личной волѣ одного человѣка“.

Epochs of English History by Creighton (вкратцѣ).

„Эта хартія, которая на столько важна въ исторіи англійской свободы, что всегда называлась Великой Хартіей, явилась на дѣлѣ договоромъ между королемъ и его народомъ. Въ ней интересы народа были приняты во вниманіе на-ряду съ интересами бароновъ. Это главная особенность, которую надо отмѣтить, что впервые вся нація, а не одинъ какой-либо классъ ея, поднялись противъ короля, чтобы бороться за свои вольности...

Великая Хартія сильно напоминала Хартію Генриха I. Бароны взяли эту хартію себѣ за образецъ. Но Великая Хартія пошла дальше ея, ибо съ тѣхъ поръ народилось много новыхъ правъ и новыхъ жалобъ, о которыхъ слѣдовало подумать. Прежде всего Великая Хартія обезпечила за церковью всѣ ея права и ясно сказала, что англійская церковь должна быть свободна. Затѣмъ она переходитъ къ обѣщанію, что король не будетъ идти далѣе своихъ законныхъ феодальныхъ правъ въ обращеніи со своими вассалами и не станетъ прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ для вымогательства съ нихъ денегъ. Самыя важныя статьи хартіи тѣ, гдѣ король обѣщается не пытаться собирать денегъ съ народа подъ видомъ „щитовыхъ денегъ“ (scutage, поборъ взамѣнъ военной повинности) или другихъ вспомоствованій (aid) безъ согласія Большого Совѣта. Въ этотъ Совѣтъ должны были созываться поименно все высшее духовенство, эрли и крупные бароны. Младшіе бароны должны были созываться общимъ посланіемъ (writ), которое посылалось къ шерифу ихъ шейра (графство)...

Злоупотребленія въ судѣ были также устранены Великой Хартіей. Джонъ собралъ большія суммы денегъ, налагая очень тяжелые штрафы на нарушителей закона. Теперь это было запрещено и старый порядокъ восстановленъ въ казначействѣ и палатѣ короля. Конецъ былъ положенъ и нѣкоторымъ злоупотребленіямъ съ лѣсами. Запретные лѣса, установленные Джономъ, должны были упраздниться, а вѣстѣ съ тѣмъ падали и всѣ вредные обычаи лѣсного законодательства. Очень ясно установлено было великое правило, что ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ и не могъ подвергнуться какому-либо наказанію иначе, какъ по суду своихъ перовъ, или равныхъ себѣ, или по закону страны. Двадцать пять бароновъ должны были быть выбраны всей массой бароновъ, дабы слѣдить за тѣмъ, чтобы хартія соблюдалась. Если король не будетъ исправлять того, что бароны укажутъ ему, то они могутъ начать противъ него войну, дабы силой принудить его исполнять хартію“.

A student's History of England by Gardiner.

Magna Carta. 1215. Magna Carta, или Великая Хартія, какъ

стали называться статьи, утвержденны Джономъ, была исторгнута союзомъ всѣхъ классовъ свободныхъ людей и дала права всѣмъ имъ.

а) Ея пожалованія. Церковь должна была быть свободной, ея привилегіи должны были соблюдаться, а ея право на свободные выборы, которое Джонъ даровалъ ей годомъ раньше, не должно было нарушаться. Что касается до мірянъ, то ленники первой руки должны были платить опредѣленный релъфъ, когда они вступали во владѣніе своимъ наслѣдствомъ. Малолѣтніе наслѣдники должны были находиться подъ опекой короля, но король долженъ былъ обращаться съ ними честно и ничѣмъ не портить ихъ земель, пока онѣ въ его рукахъ. Король могъ по прежнему подыскивать мужей для наслѣдницъ и женъ для наслѣдниковъ, но только среди равнаго имъ класса. Ленники первой руки должны были платить „помощь“ королю, когда онъ нуждался въ выкупѣ изъ плѣна, или платить ему деньги, дабы онъ могъ нести расходы при посвященіи старшаго сына въ рыцари или при выдачѣ замужъ старшей дочери. Во всѣхъ другихъ случаяхъ король могъ требовать взносовъ со своихъ ленниковъ только съ согласія Общаго Совѣта королевства. Такъ какъ здѣсь участвовали только ленники первой руки, то этотъ Общій Совѣтъ соотвѣтствовалъ Большому Совѣту непосредственныхъ ленниковъ, какъ онъ собирался при Норманскихъ короляхъ и при Пантагинетахъ. Впрочемъ, была впервые сдѣлана попытка ввести на засѣданія, кромѣ епископовъ, аббатовъ и бароновъ, еще и мелкихъ ленниковъ первой руки посредствомъ предписанія, чтобы кромѣ поименнаго созыва крупныхъ ленниковъ шерифы въ отдѣльныхъ графствахъ разсылали общіе призывы къ мелкимъ ленникамъ первой руки. Хотя ленники ленниковъ и не участвовали въ Общемъ Совѣтѣ королевства, положеніе ихъ было облегчено постановленіемъ, чтобы они платили своимъ лордамъ вспомоществованіе только въ тѣхъ же случаяхъ, когда лорды платятъ королю, и общимъ заявленіемъ, что всѣ вольности, данныя королемъ лордамъ, должны быть даны и лордами ихъ ленникамъ. Привилегіи жителей Лондона и другихъ городовъ были подтверждены; а всѣ свободные были обезпечены отъ тяжелыхъ и неравномѣрныхъ налоговъ въ случаѣ, если они какъ-либо нарушали законъ.

б) Ея обезпеченіе. Таковы были установленія этой поистинѣ національной хартїи, которую англичанамъ пришлось въ теченіе вѣковъ поддерживать и развивать. На очереди стоялъ вопросъ, какъ обезпечить то, что только что было пріобрѣтено. Для этой цѣли прежде всего было необходимо сдѣлать суды посредниками между королемъ и подданными. Въ цѣломъ рядѣ статей было объявлено, что свидѣтельства подъ присягой лицъ, равныхъ виновному, будутъ требоваться каждый разъ, когда будутъ налагаться штрафы или наказанія, и это

настаиванье на примѣненіи системы присяжныхъ, какъ она тогда существовала, было подчеркнуто сильными словами, къ которымъ Джонъ приложилъ свою печать. „Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть“... Эта статья была бы хорошей порукой, если бы она соблюдалась, но она утрачивала всякую силу при королѣ, готовомъ и способномъ прибѣгнуть къ насилію, чтобы снова еще разъ утвердить прежнюю тираннію. Поэтому конечное обезпеченье должно было принять форму насилія, которымъ отвѣчаютъ на насиліе. Во-первыхъ, Джонъ долженъ былъ распустить всѣхъ своихъ чужестранныхъ наемниковъ. Во-вторыхъ, совѣтъ изъ 25 членовъ—двадцать четыре барона и мэръ Лондона—долженъ былъ слѣдить, чтобы король не нарушалъ своего слова. Если онъ нарушитъ хоть одну изъ статей Хартіи, то 25 имѣютъ право при поддержкѣ всего королевства захватывать земли короля, пока не возмѣщенъ будетъ убытокъ лица, потерпѣшаго несправедливость. Другими словами, здѣсь должна была существовать постоянная организація для веденія войны противъ короля“. Это изложеніе Великой Хартіи въ обширномъ учебникѣ Гардинера стоитъ только на одинъ шагъ отъ того научнаго анализа памятника, который данъ, напр., у Стеббса въ „Конституціонной исторіи Англіи“.

Переходимъ къ характеристикѣ пособій для внѣкласснаго чтенія. Среди нихъ можно различить три главныхъ типа. Первый типъ напоминаетъ „Эпохи“ исторіи, изданныя Лонгманомъ. Это специально для учениковъ составленный подробный разсказъ о той или другой эпохѣ. Такъ какъ церковная исторія слишкомъ коротко излагается въ учебникахъ, то Крейтонъ редактируетъ еще серію „Эпохи Церковной Исторіи“ (Epochs of Church History). Наприм. томикъ по Реформациі въ Англіи написанъ каноникомъ Перри; одна Реформація разсказана здѣсь на 200 страницахъ маленькаго in 8°. Но вся серія насчитываетъ до 15 томовъ; есть отдѣлы по эпохѣ Отцевъ Церкви, Гоненій, Ересей, Папства, Виклефа, Контръ-Реформациі и т. д. Такъ какъ книги для юношества сравнительно рѣдко пишутся первоклассными талантами, а между тѣмъ онѣ особенно нуждаются въ увлекательности изложенія, то намъ симпатичнѣе изданія классическихъ писателей по исторіи Англіи, специально сдѣланныя для юношества (главы изъ Маколея и т. п.).

Второй распространенный типъ книгъ для чтенія внѣ класса—то біографіи выдающихся дѣятелей. Нигдѣ быть можетъ не развитъ такъ интересъ къ личной исторіи сильныхъ характеровъ вообще, а государственныхъ людей въ особенности, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ такой богатой біографической литературы. Специально для школъ Крейтонъ издаетъ серію біографій (Historical Biographies, Creighton), которую вошли уже отдѣльныя книжки съ жизнеописаніемъ Си-

мона Монфорскаго, Вальтера Ралея, Кромвеля, герцога Мальборо, герцога Веллингтона и т. д. Біографія Симона Монфорскаго рассказана, наприм., слишкомъ на 200 страницахъ маленькаго in 8°; въ связи съ жизнью этого дѣятеля Крейтонъ разсказалъ въ сущности исторію Англіи за вторую половину XIII в., охарактеризовалъ неумѣлое правленіе Генриха III, Оксфордскія провизіи, управленіе бароновъ, парламентъ 1265 г. и т. д. Чтобы возстановить чувства Англичанъ того времени, авторъ на-ряду съ хрониками пересказываетъ и народныя пѣсни. Для болѣе обширнаго круга читателей назначены двѣ другія серіи біографій — Statesmen series, издаваемая фирмой Allen'a и серія фирмы Macmillan'a — „Twelve English Statesmen“. По авторитету участниковъ, по научности изложенія послѣдней серіи принадлежитъ первое мѣсто въ ряду подобныхъ изданій (наприм. біографія Вальполя, написанная Морлеемъ).

Третій типъ книгъ для чтенія внѣ класса представленъ пока только серіей томиковъ, издаваемыхъ подъ редакціей Іорка Повеля подъ общимъ названіемъ „Англійская исторія въ разсказѣ современниковъ“ (English History by Contemporary writers). Это изданіе охватываетъ уже эпохи Альфреда В., Генриха III, Эдуарда III, а съ другой стороны Кромвеля, Карла II и т. д.; всѣ эти книжки состоятъ исключительно изъ текстовъ, взятыхъ въ переводѣ у хроникеровъ, изъ официальныхъ документовъ, народныхъ пѣсенъ. Наприм. томикъ, посвященный Симону Монфорскому, составленъ Гсттономъ (Hutton). Кромѣ выписокъ изъ Матвія Парижскаго, расположенныхъ по годамъ, здѣсь приведены въ переводѣ отрывки изъ переписки еп. Гроссетета, изъ Хартій (по изданію Стѣббса), Политическихъ Пѣсенъ Райта (Wright, Political songs.) и т. п.

Намъ остается теперь указать нѣкоторыя особенности въ приѣмахъ преподаванія исторіи въ Англіи и измѣненія, которыя англійскимъ педагогамъ хотѣлось бы внести въ это дѣло.

12 мая 1891 г. на вечернемъ собраніи въ коллегіи наставниковъ Эллиотъ Мальденъ прочелъ рефератъ о преподаваніи исторіи; въ преніяхъ по поводу реферата приняли участіе другіе члены коллегіи, оспаривая нѣкоторыя изъ положеній референта. Пользуясь этимъ матеріаломъ, можно выяснитъ въ общихъ чертахъ воззрѣнія на преподаваніе исторіи, симпатичныя англійскимъ педагогамъ.

Первый и самый важный вопросъ — чего думаемъ мы достигъ, преподавая исторію? Во всякомъ случаѣ мы отнюдь не думаемъ сдѣлать изъ всѣхъ учениковъ — историковъ по специальности. Конечно тѣмъ, кто чувствуетъ особое призваніе, кто обладаетъ критичностью, необходимой для историка, для кого вообще есть возможность перейти къ глубокому изученію исторической науки,

тѣмъ мы должны дать основной фундаментъ; но вѣдь это всегда, даже въ университетахъ, будетъ меньшинство учениковъ. Что касается до большинства, то мы хотимъ его просто обучить исторіи въ извѣстныхъ болѣе или менѣе скромныхъ размѣрахъ. Но знать исторію отнюдь не равносильно способности перечислить королей Англіи съ годами ихъ царствованія и главными событіями, перечислить главные постановленія Великой Хартии Вольностей и Петиціи о Правахъ, событія Греко-Персидскихъ и Пуническихъ войнъ или повторить навзустъ краткія біографіи первыхъ Римскихъ императоровъ. Конечно, учитель доволенъ, если ученикъ способенъ точно припомнить рядъ этихъ фактовъ; но это отнюдь не главная наша цѣль.

Всѣ школьные предметы можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, они полезны въ смыслѣ умственного развитія, потому что самый процессъ изученія ихъ даетъ извѣстную школу уму. Во-вторыхъ, они полезны въ смыслѣ практическаго прижизненія, которое можно сдѣлать изъ нихъ въ жизни послѣ выхода изъ школы. Занятія классическими языками, англійской литературой, даже отчасти и высшей математикой—преслѣдуются ради школы для ума. Новые языки, нѣкоторыя отрасли математическихъ и естественныхъ наукъ изучаются въ школахъ, потому что иногда они необходимы въ той или другой коммерческой или профессиональной дѣятельности. Исторія, какъ и многіе другіе предметы, сразу достигаетъ двухъ цѣлей. Исторія не только упражняетъ память, будитъ мысль, даетъ возможность сообщаться съ человѣчествомъ различныхъ вѣковъ, имѣть общеніе съ великими умами и, что особенно важно, разнообразными умами; не только дѣлаетъ человѣка опытнымъ, словно онъ прожилъ долгіе дни, и знающимъ свѣтъ, какъ будто бы онъ много путешествовалъ. Нѣтъ, этого мало: исторія приноситъ практическую пользу въ странѣ, обладающей самоуправленіемъ, управляющей другими народностями, въ странѣ, связанной съ такими же самоуправляющимися общинами, какъ она, но только съ различными видами на будущее. Но это практическое примѣненіе исторіи въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни имѣетъ значеніе только тогда, если человѣкъ усвоилъ уже себѣ основные уроки прошлаго, общій смыслъ исторіи. Ссылка на примѣръ исторіи въ защиту какой-либо одной системы политики, того или другого государственнаго строя; даже цѣлый арсеналъ ссылокъ, подобранный въ интересахъ партіи, въ сущности все равно, что ничего, даже хуже чѣмъ ничего—это вредная уловка. Но усвоить себѣ, какъ окончательный выводъ исторіи, терпѣніе, снисходительность, даже симпатію къ людямъ другихъ взглядовъ и чужихъ странъ, пріобрѣсти пониманіе чужаго чужаго и—что тогда явится само собою—сочувствіе къ нему, это что безусловно полезно. Надо культивировать въ ученикахъ исто-

рическое чувство, поддерживать сознание, что государственный порядок и учреждения, дабы обладать жизненной силой, должны развиваться въ соответствии съ потребностями отдѣльныхъ эпохъ и измѣняются только по мѣрѣ того, какъ появляются новыя потребности. Уже самая мысль, что государство живой организмъ, а не искусственная машина, важное приобрѣтеніе для ума ученика. Можно, не становясь партійнымъ, все-таки въ качествѣ историка чувствовать себя удовлетвореннымъ дѣятельностью извѣстной партіи, если ея вожди обладаютъ историческимъ чутьемъ, если они сознаютъ, что настоящее порождено прошедшимъ и не можетъ быть безнаказанно оторвано отъ него, какъ стволъ дерева не можетъ быть оторванъ отъ корней, и если вожди эти сознаютъ въ то же время, что настоящее не тождественно съ прошедшимъ, а будущее въ свою очередь станетъ отличаться отъ настоящаго.

Это культивированіе историческаго чутья—самое важное въ изученіи исторіи. Чтобы развить его, нужно прежде всего дать почувствовать ученикамъ, что люди минувшихъ эпохъ такіе же люди, какъ они сами, съ тѣми же потребностями и страстями, какъ у людей, которыхъ они ежедневно видятъ на улицѣ. Для этой цѣли могутъ пригодиться даже преданія и просто анекдоты, которымъ нѣтъ мѣста въ серьезной исторіи. Не бѣда даже, если эти преданья не во всемъ вѣрны дѣствительности, только бы они были вѣрны общему духу извѣстнаго общества, характеру человѣка опредѣленной эпохи. Напримѣръ, преданья о рыцаряхъ круглаго стола врядъ ли годятся для этой цѣли: въ нихъ отразилась не среда короля Артура, не кельтическій бытъ, а поэтическая фантазія XII вѣка. Но зато Геродотомъ отнюдь нельзя пренебрегать: его исторія полна идей, господствовавшихъ среди Іонянъ въ V в. до Р. Х. Ливій рассказываетъ много вымысловъ о древнѣйшей исторіи Рима и даже о Пунической войнѣ; но всѣ они пропитаны истиннымъ духомъ Римской республики. Даже въ англійскомъ стихотворномъ пересказѣ у Маколея эти преданья способны пробуждать въ ученикахъ любознательность къ Римской исторіи и вѣрное ея пониманіе. Мальденъ приводитъ примѣръ изъ своей педагогической практики, какъ отъ „Пѣсень Древняго Рима“ мальчикъ по собственному побужденію обратился къ тяжелому очерку Римской исторіи въ руководствѣ епископа Крейтона: отголоски Ливія и Энеиды, знакомые ему изъ Маколея, оживляли для него сухіе факты учебника. Старое поколѣніе Англичанъ знало свою родную исторію иногда только изъ Шекспира и конечно это знаніе было не точно, прямо ошибочно. Мы знаемъ, что авторитеты Шекспира не безупречны, что Голиншедъ сшивалъ свою хронику изъ пристрастныхъ писателей, а Голь (Halle) былъ прямо человѣкомъ партіи; что Шекспиръ ради

драматическихъ эффектовъ отступалъ произвольно даже отъ этихъ шаткихъ авторитетовъ. Но, безъ сомнѣнія, Шекспиръ въ каждомъ читателѣ пробуждаетъ живое сочувствіе къ прошлому и даетъ толчекъ къ историческому чтенію, которое восполнить въ свое время пробѣлы драматурга и исправить всѣ его неточности. Для учениковъ младшаго возраста, которымъ Шекспиръ еще не по плечу, Мальденъ рекомендуетъ „Разсказы изъ Шекспира“ Ламба или устную передачу трагедій самимъ учителемъ. Не обременяя учениковъ лишними занятіями, учитель можетъ давать имъ книги, способныя пробудить историческій интересъ, въ часы отдыха, вмѣсто излюбленныхъ разсказовъ изъ жизни краснокожихъ дикарей и авантюристовъ — охотниковъ. Пока вкусъ ученика не испорченъ еще этими quasi-дѣтскими книгами, ему всегда можно подсунуть Вальтера Скота. Мальденъ читаетъ, напримѣръ, ученикамъ „Айвено“. Конечно, учителя, испытавшіе уже вліяніе Стеббса и Фримана, могутъ смутиться, находя грубые промахи у писателя, пользовавшагося нѣкогда авторитетомъ. У Вальтера Скота можно дѣйствительно прочесть, „будто бы Вильямъ Рыжій былъ дѣдомъ короля Джона; что Вильямъ Маршалъ эрль Пемброкъ и Робертъ де Росъ, одинъ изъ борцовъ за хартію, были оба рыцарями храмовниками и оба умерли въ царствованіе Ричарда Львиное Сердце; будто бы въ это царствованіе существовала еще рѣзкая граница между Норманнами и Англо-Саксами и будто уроженецъ Мерсіи, заселенной Англами, питалъ къ отдаленному потомку королей Западной Саксоніи тѣ же чувства вѣрнопопданности, съ какими Якобиты прошлаго столѣтія относились къ Стюартамъ“. Все это ошибки, какихъ мало въ драмахъ Шекспира изъ англійской исторіи. Но все-таки, говоритъ Мальденъ, если взять двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ хорошо знаетъ хронологію, а другой — только своего Вальтера Скота, у кого изъ нихъ, лѣтъ шесть спустя, скорѣе найдешь дѣйствительное знаніе исторіи? Вѣроятно, что у читателя Вальтера Скота.

Но произведенія поэтическаго творчества на историческія темы не единственное орудіе для пробужденія живой любознательности къ исторіи. Какая-нибудь руина, церковь, замокъ или въ особенности поле знаменитой битвы въ окрестностяхъ школы всегда могутъ дать канву для ряда разсказовъ изъ исторіи. Для учителей и учениковъ Лондона Тоуеръ — неисчерпаемый источникъ живыхъ историческихъ воспоминаній: Норманское владичество, судьба маленькихъ принцевъ, заключеніе Джэнъ Грэ и сколько еще другихъ событій связано съ панцырями, гербами и плахой въ этой башнѣ.

Никакая система преподаванія исторіи не можетъ обойтись безъ сухого матеріала — именъ и чиселъ. Но нужно стараться, чтобы съ

каждымъ именемъ было связано какое-либо событіе и чтобы событія располагались въ порядкѣ времени. Конечно, точность въ годахъ желательна. Но если на экзаменѣ ученикъ знаетъ, что смерть Эдварда Исповѣдника предшествовала битвѣ при Стамфордъ-Бриджѣ, а Стамфордъ-Бриджъ былъ незадолго до Гастингса, то нельзя относиться строго къ тому, что для Гастингса онъ дастъ можетъ быть 1067 г. Но если другой ученикъ назоветъ день и годъ (30 января 1649 г.) смерти Карла I, но предположить, что битва при Дѣнбарѣ произошла еще раньше, то это будетъ уже болѣе серьезный пробѣлъ въ пониманіи послѣдовательной связи событій. Конечный выводъ Мальдена таковъ: для учениковъ младшаго возраста старайтесь конечно выбрать учебникъ получше, пользуйтесь таблицами хронологическими и родословными, но самое главное: пробуждайте въ нихъ живую любознательность къ прошлому — истиной и поэтическимъ вымысломъ, старинными вещами, постройками и указаніями на историческія мѣстности.

У учениковъ высшихъ школъ и колледжей, а также у тѣхъ, кто въ свободное отъ уроковъ время пытается чтеніемъ восполнять пробѣлы, можно уже предположить натверженнымъ очеркъ событій и ихъ порядокъ. По мнѣнію Мальдена относительно этихъ учениковъ старшаго возраста чаще всего дѣлаютъ крупную ошибку, заставляя ихъ просто переходить къ болѣе подробнымъ и сложнымъ учебникамъ. Сначала проходится какой-нибудь маленькій учебникъ, затѣмъ побольше, наконецъ „Исторія“ доктора Брайта или „Юмъ для учащихся“. Но все это книги одного и того же рода. Это не авторитеты науки: онѣ покоятся не на изученіи первоисточниковъ, не прибѣгаютъ къ обобщеніямъ, не дѣлаютъ историческихъ сопоставленій. Существуетъ книга, написанная въ иномъ стилѣ, — это „Краткая Исторія Англійскаго Народа“ Грина; но для класса она трудна, возможна скорѣе для частнаго чтенія, въ особенности для учениковъ, которые достаточно подготовлены для того, чтобы правильно отнестись ко всему слишкомъ риторичному и недостаточно доказанному у Грина. Вообще для тѣхъ, кому можно дать въ руки Грина, легко подобрать историческое чтеніе. „Интеллигентному юношѣ лѣтъ 16“, говоритъ Мальденъ: „интересующемуся исторіей, я далъ бы Маколея, сказавъ: Вотъ исторія, написанная человекомъ партіи безусловно съ своей точки зрѣнія, но болѣе занимательная, чѣмъ всѣ повѣсти, за исключеніемъ развѣ лучшихъ образцовъ поэтическаго творчества“. Я далъ бы эту книгу въ особенности юношѣ, воспитанному въ идеяхъ Высокой церкви и торизма, точно такъ же, какъ я далъ бы либералу по воспитанію тѣ части исторіи лорда Стангопа, гдѣ онъ возвышается до

энтузиазма — его рассказъ о безплодномъ героизмѣ 1745 года, т.-е. восстаніи Якобитовъ.

Всѣ эти замѣчанія Мальдена относятся болѣе къ занятіямъ внѣ класса. Для преподаванія въ классѣ ученикамъ высшихъ школъ и университетскихъ коллегій въ Англіи знакома система лекцій; но Мальденъ желаетъ ей еще большаго распространенія. Учителя, одареннаго дикціей, онъ предпочитаетъ человѣку съ хорошей эрудиціей, но лишеннаго дара слова. Для того, чтобы избавить слушателей отъ подробнаго записыванія, отвлекающаго вниманіе, Мальденъ совѣтуетъ давать имъ въ руки печатный или литографированный конспектъ, содержащій въ себѣ краткое резюме лекцій, главные факты и года. Этотъ конспектъ ученики должны пробѣгать передъ лекціей. Такъ какъ содержаніе лекцій вполне усваивается только тогда, когда параллельно съ ними идетъ приватное чтеніе, то эти конспекты должны содержать указанія на соотвѣтствующія мѣста въ обширныхъ руководствахъ и даже произведенія научной литературы. Такова именно система, которой рѣшено было держаться на общихъ курсахъ (*Extension lectures*) въ Лондонскомъ и Кембриджскомъ университетахъ.

Но Мальдену улыбается еще и другая система для преподаванія исторіи въ высшихъ школахъ и колледжахъ, система, особенно полезная для учениковъ, которые намѣрены перейти къ научному изученію предмета, а потому и не безызвѣстная въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Часто высказываются жалобы на то, что ученики высшихъ школъ и университетскихъ коллегій древнюю исторію Греціи и Рима знаютъ лучше, нежели исторію Европы и даже Англіи. Одна изъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что, благодаря изученію классиковъ, ученики знакомы для древней исторіи въ большей или меньшей степени съ первоисточниками: они читаютъ Записки Цезаря, Рѣчи Цицерона, Тацита, „Анабазисъ“ и „Гелленика“ Ксенофонта, Фукидида о Пелопоннесской войнѣ, политическія рѣчи Демосеена. И по древней, и по новой исторіи они одинаково могутъ читать и учебники, и научныя сочиненія — Грота и Моммсена, Маколея и Фримана; но только въ области древней исторіи доходятъ они до свидѣтельствъ самихъ современниковъ и участниковъ событій. Этотъ пробѣлъ нужно восполнить. Воспитанники подъ руководствомъ учителя могутъ читать въ классѣ какой-нибудь источникъ по средне-вѣковой или новой исторіи, подобно тому-какъ они, благодаря толкованіямъ, могутъ понимать Фукидида. Впрочемъ, комментарий на урокъ исторіи долженъ касаться не языка, а исключительно исторіи, т.-е. учитель долженъ указывать, въ какихъ случаяхъ другіе авторитеты ополняютъ разбираемый источникъ или отступаютъ отъ него. Отрывки изъ Флоренса Ворчестерскаго, Матвѣя Парижскаго, Томы

Вальсингамскаго и Фруассара идутъ, какъ нельзя лучше, для этой цѣли. Писатели эти писали по-латыни или по-французски, но для слушателей, которые имѣются въ виду, иностранный языкъ долженъ служить только залогомъ внимательнаго чтенія: всѣ затрудненія языка должны быть преодолюваемы самимъ учителемъ; въ крайности можно пользоваться даже переводами. Впрочемъ по англійской исторіи можно подобрать матеріалъ и на англійскомъ языкѣ. Отчего англійскимъ мальчикамъ и юношамъ не читать хроники Голля (Halle), исторіи Кларендона, Уайтлока „Матеріалы по англійскимъ дѣламъ“, Бёрнета „Исторія его собственнаго времени“, сочиненій Борка, Нэпира „Война на полуостровѣ“. Всѣ эти писатели, за исключеніемъ Голля, описывали большинство событій, какъ очевидцы; всѣ они, не исключая Голля, писали строго съ личной точки зрѣнія и съ предубѣжденіями партій; чтеніе ихъ часто даетъ поводъ приводить противоположные взгляды изъ другихъ источниковъ, взвѣшивать вопросъ объ очевидности и сравнивать различные рассказы. Противъ этой системы преподаванія исторіи можно сдѣлать только одно возраженіе—нѣтъ еще приспособленныхъ къ ней изданій. Но вѣдь эта система въ среднемъ образованіи пока вообще болѣе идеаль, чѣмъ дѣйствительность. Однако начало изданію для школы подлинныхъ текстовъ по исторіи Англій уже положено Юркомъ Повелемъ (York Powell). Но какой бы системы въ преподаваніи не держался историкъ, онъ долженъ постоянно имѣть передъ глазами главную цѣль — излагать истину безъ предвзятыхъ взглядовъ партій. Если учителя, у которыхъ была полная возможность исправлять узость и односторонность взглядовъ на основаніи опыта, отвлеченнаго отъ изученія прошлаго, если они сами будутъ впадать въ заблужденіе и втискивать всѣ явленія въ Прокустово ложе своихъ излюбленныхъ принциповъ, то чего же тогда ждать отъ ихъ менѣе зрѣлыхъ и менѣе начитанныхъ слушателей. „Если судить по нѣкоторымъ писателямъ—я боюсь даже, что и по нѣкоторымъ учителямъ“, заканчиваетъ Мальденъ свой очеркъ: „то одни ученики вынесутъ убѣжденіе, что тори и всѣ, кого только можно причислить къ нимъ, всегда были плуты, если только они не были сумасшедшіе; между тѣмъ ученики другой группы будутъ убѣждены, что виги и ихъ предшественники неизмѣнно были предателями и обыкновенно эгоистичными авантюристами. Но это не значитъ учить исторіи; это значитъ сдѣлать учениковъ навсегда неспособными къ истинному изученію науки“.

Итакъ, главная особенность въ организаціи англійскихъ школъ—это ихъ исключительно частный характеръ, отсутствіе правительственныхъ программъ. Нѣкоторое единство преподаванія поддерживается только единствомъ учебниковъ, программами университетскихъ курсовъ

и экзаменовъ при Коллегіи Наставниковъ. Англійскіе учебники по англійской исторіи, образуя нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, стремятся подготовить ученика къ чтенію научныхъ сочиненій. Англійскіе учителя считаютъ теперь нужнымъ уменьшить число этихъ ступеней и поскорѣе переходить съ ученикомъ къ трудамъ Маколея, Стантопа, Грина и т. д. или даже и къ первоисточникамъ (Матвѣй Парижскій, Кларендонъ, Бернетъ и т. д.). Въ связи съ развитіемъ личности въ англійской жизни находится и интересъ къ біографіямъ выдающихся дѣятелей англійской исторіи. Благодаря этому, среди новыхъ учебныхъ пособій особенно выдаются серіи біографій и школьныя изданія подлинныхъ текстовъ изъ хроникъ и другихъ первоисточниковъ. И учителя, и ученики, и учебники, и ученыя сочиненія по исторіи находятся въ Англіи въ тѣсной зависимости отъ политической жизни, въ особенности отъ борьбы двухъ великихъ парламентскихъ партій — торіи и виговъ, консерваторовъ и либераловъ. Еще не такъ давно эта двойственность въ историческихъ воззрѣніяхъ ярко выразилась въ трудахъ Фроуда и Лекки по исторіи Ирландіи въ XVIII в. Серьезные педагоги, излагая исторію родной страны, указывая учебники и книги для чтенія, постоянно должны считаться съ предубѣжденіями этихъ партій и ставить главной цѣлью преподаванія исторіи — воспитаніе уваженія къ органическому развитію учреждений и безпристрастіе въ оцѣнѣ лицъ и событій.

Царь В. И. Шуйскій и боярство.

С. В. Рождественскаго.

Къ числу многихъ эпизодовъ изъ исторіи Смуты, подвергавшихся самымъ различнымъ толкованіямъ въ исторической литературѣ и очень мало выясненныхъ, относится и кратковременное и несчастное царствованіе В. И. Шуйскаго, когда особенное значеніе приобрѣли отношенія царя къ боярству, имѣвшія громадное вліяніе на ходъ событій.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Шуйскій сдѣлался царемъ не по избранію земскаго собора, а путемъ интриги, былъ посаженъ на престолъ „малыми нѣжками отъ царскихъ палатъ“. Этотъ фактъ въ связи съ крестоцѣловальной записью царя и нѣкоторыми темными намеками источниковъ расположили историковъ смотрѣть на Шуйскаго, какъ на государя, ограничившаго свою самодержавную власть въ пользу боярства, въ рукахъ котораго онъ былъ послушнымъ орудіемъ. Карамзинъ, хотя и не высказывается опредѣленно по этому вопросу, но изъ его разсказа о вступленіи на престолъ Василія видно, что онъ готовъ признать вольное или [невольное ограниченіе Шуйскимъ его власти ¹⁾. Точно также смотритъ на это и Бутурлинъ ²⁾. Впрочемъ оба историка не поняли значенія этого вопроса и не ставили его съ достаточной опредѣленностью. Воплотивъ уже опредѣленное воззрѣніе на Шуйскаго, какъ на царя „выкрикнутаго“ партіей бояръ, уговорившагося съ ними „по общему совѣту управлять русскимъ царствомъ“, представилъ Соловьевъ; онъ признаетъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь ³⁾. Точно также относятся къ ограниченію Шуйскаго боярами

¹⁾ И. Г. Р., XII, 3—5.

²⁾ Ист. смуты. вр., т. II, стр. 6—7.

³⁾ Ист. Россіи, т. VIII, 4 изд., стр. 143, 146, 288.

Е. Н. Бестужевъ-Рюминъ, приписывающій имъ и сверженіе Василя 1), и Костомаровъ, который въ живой характеристикѣ царя Василя изобразилъ его полнымъ ничтожествомъ, самымъ жалкимъ лицомъ, когда либо сидѣвшимъ на московскомъ престолѣ 2).

Другую постановку и новое освѣщеніе данный вопросъ получаетъ съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдователямъ пришлось ознакомиться съ нимъ въ подробностяхъ, что не могли сдѣлать вышеуказанные историки по общему характеру своихъ трудовъ. Проф. Ключевскій съ одной стороны развиваетъ мысль о политическомъ договорѣ думы съ Шуйскимъ, договоръ, возникшемъ не въ силу традиціоннаго стремленія боярства къ политическому преобладанію, а въ силу исключительныхъ обстоятельствъ смутнаго времени; съ другой стороны онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Соловьевъ, объясняетъ указы о холопствѣ, вышедшіе въ царствованіе Шуйскаго, на основаніи которыхъ Соловьевъ заключилъ, что бояре могли останавливать царскія распоряженія, невыгодныя для нихъ 3). Гипотезу Ключевского о политическомъ договорѣ Думы съ царемъ принимаетъ всецѣло и Латкинъ въ книгѣ „Земскіе соборы“. Проф. Владимірскій-Будановъ при объясненіи этихъ же указовъ тоже замѣчаетъ, что вопреки распространенному мнѣнію о царѣ Шуйскомъ, какъ орудіи въ рукахъ бояръ, слѣдуетъ замѣтить, что законы, изданные имъ, отличаются признаками произвола 4). Но во 2 изд. „Обзора исторіи русскаго права“ онъ находитъ, что при воцареніи Шуйскаго бояре сдѣлали сознательную попытку обезпечить свою власть на счетъ монархической (ст. 157—8). И въ законодательствѣ по его мнѣнію замѣтны слѣды дѣйствительныхъ противорѣчій между царемъ и Думой (стр. 162). Наконецъ проф. Маркевичъ въ недавней статьѣ объ избраніи на царство Михаила Романова въ ограниченіяхъ Шуйскаго видитъ не вынужденныя, а добровольныя обѣщанія, скрѣпленныя добровольной же клятвой 5).

Но всѣ эти, вновь высказанныя предположенія объ отношеніяхъ царя Шуйскаго къ боярству, за исключеніемъ мнѣнія В. О. Ключевского, не были подробно развиты и мотивированы. Между тѣмъ то или другое рѣшеніе вопроса, вызвавшего такую разногласію, представляетъ существенный интересъ для характеристики самого царя Василя и современнаго ему боярства, какъ политической силы. Поэтому мы и считаемъ неизлишнимъ пересмотрѣть этотъ вопросъ.

1) Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна до избранія Мих. Фед., Ж. Н. Пр. 1887 г., авг. 246—275.

2) Русск. Ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 686—687, 689.

3) Боярская дума, 2 изд., гл. XVIII passim, стр. 471—472.

4) Хрестоматія, в. 3-й, ст. 102.

5) Ж. М. Н. Пр., 1891, сентябрь и октябрь.

Мы уже упомянули о томъ, что Шуйскій былъ возведенъ на престолъ путемъ партійной интриги, а не путемъ земскаго избранія, какъ въ этомъ старался увѣрить самъ Шуйскій въ своихъ грамотахъ и приверженный въ нему авторъ Инаго Сказанія о самозванцахъ ¹⁾. Разсмотримъ теперь, что представляла изъ себя эта партія, каковъ былъ ея составъ, должно ли ее отождествлять съ цѣлой Думой или она была лишь частью боярства, и затѣмъ въ какія отношенія стала къ ней Шуйскій. Несомнѣнно, что въ заговорѣ противъ Лжедмитрія виѣстѣ съ Шуйскимъ были далеко не всѣ бояре. Большинство источниковъ называетъ руководителями заговора князя В. И. Шуйскаго съ братьями. Другіе говорятъ о немногихъ боярахъ; третьи—о боярахъ вообще; точное перечисленіе заговорщиковъ даетъ одна только Латухинская степенная книга; то были: князь В. И. Шуйскій, его братья, кн. В. В. Голицынъ и кн. И. С. Куракинъ ²⁾. Итакъ, относительно всей остальной массы боярства мы вправѣ заключить, что оно не знало о договорѣ. Для его успѣха такая предосторожность была необходима, тѣмъ болѣе, что среди придворной знати было много приверженцевъ Лжедмитрія, которые, какъ увидимъ, черезъ нѣсколько времени попали въ ссылку. По свидѣтельству Жолѣвскаго ничего не зная о заговорѣ князь Ѡ. И. Мстиславскій, которому не вѣрили (Записки, 2 изд., 12). Разумѣется такихъ лицъ, на кого заговорщики не могли положиться, было очень много. Для нашей цѣли это фактъ первостепенной важности, ибо мы знаемъ, что при составленіи заговора руководители его уговаривались и объ избраніи изъ своей среды царя. Такимъ образомъ, въ первоначальномъ уговорѣ объ избраніи новаго царя участвовали не всѣ бояре, не боярская Дума, а лишь немногіе ея члены. Ничѣмъ инымъ, а именно этимъ обстоятельствомъ, объясняются странныя на первый взглядъ извѣстія источниковъ о томъ, что бояре послѣ катастрофы 17 мая желали дѣйствовать при избраніи царя законнымъ путемъ; именно въ Новомъ Лѣтописцѣ и въ Рукописи Филарета разсказывается, что бояре думали о земскомъ соборѣ; но въ безгосударное время естественнымъ главой собора, руководителемъ въ дѣлѣ поставленія новаго царя, могъ быть только патріархъ, а его тоже не было; поэтому на собраніи 19 мая предложено было избрать сначала патріарха ¹⁾. Отъ кого же шли эти предложенія объ избраніи патріарха и о созывѣ земскаго собора? Очевидно, что не отъ

¹⁾ Временникъ Моск. Общ. И. и Др., XVI, 34.

²⁾ Л. 470. За сообщеніе копій съ рукописи Латухинской степенной книги приносимъ живѣйшую благодарность проф. С. Ѡ. Платонову.

³⁾ Ник. лѣт., VIII, 75—76; Лѣт. о мят., 102; Рукоп. Фил. Сбор. Мухан. 2 из., 264.

партіи Шуйскаго, а отъ того боярскаго большинства, которое не участвовало въ заговорѣ 17 мая и, стало быть, ничего не знало о томъ, что царское избраніе уже предрѣшено тѣми же заговорщиками. Поведеніе боярскаго большинства было такъ естественно, что партія Шуйскаго не могла его не предвидѣть, и потому предложенія о патріархѣ и земскомъ соборѣ не застали ее врасплохъ. Толпа москвичей на Красной площади была подготовлена клеветами Шуйскаго 1), и онъ былъ „выкрикнутъ“ царемъ, получилъ престолъ „по волчьему праву“, какъ выразился Жолѣвскій 2). Итакъ о какихъ-либо согласныхъ дѣйствіяхъ со стороны боярства при избраніи Василія не можетъ быть и рѣчи. Изъ вышеизложеннаго ясно глубокое раздѣленіе въ его средѣ; съ одной стороны небольшая, дѣятельная партія съ опредѣленнымъ планомъ дѣйствія, идущая къ цѣли путемъ заговора и агитаціи въ толпѣ, уже привывшей къ уличнымъ мятежамъ,—съ другой стороны пассивное большинство, не связанное единствомъ цѣлей и при незнакомствѣ съ заговоромъ, желающее оставаться на законной почвѣ; но и на этомъ раздѣленіи боярства не остановилось. Когда партія Шуйскаго добилась своего, то и среди помянутаго большинства нашлись энергичные люди, которые, негодую на то, что онъ избранъ безъ ихъ вѣдома, чуть было не свели его съ престола; это свидѣтельство Маржерета 3), хотя и не подтвержденное прямо другими источниками, тѣмъ не менѣе очень правдоподобно. Враги новоизбраннаго царя—это очевидно тѣ, которыхъ Василій тотчасъ по своемъ воцареніи разослалъ въ почетную ссылку, воеводами въ разные города: кн. Рубецъ-Масальскій, Ае. Власевъ, Мих. Салтыковъ, кн. Григорій Шаховской и другіе. Къ нимъ, вѣроятно, надо отнести и свидѣтельство Жолѣвскаго о лицахъ, стремившихся къ свободному избранію царя, подобно польскому, за что они потомъ и подверглись карѣ (Записки, 2 изд., 12). Соловьевъ и В. О. Ключев-

1) Катыревъ въ Изборникѣ Попова, 294, и въ Р. И. Б. XIII, 582. Дьякъ Тимошеевъ сообщаетъ любопытную и очень правдоподобную подробность, что главнымъ клеветомъ былъ Михаилъ Татищевъ. Р. И. Б. XIII, 389. Ср. Соловьевъ, VIII, 134—135.

2) Всѣ источники съ рѣдкимъ единодушіемъ свидѣтельствуютъ о незаконномъ избраніи Шуйскаго чинами одного только москов. госуд., т.-е. одной Москвы. Нов. Лѣт. (Ник. л. VIII, 75, Лѣт. о мат. 102); 1-я Пск. л. (П. С. Р. IV, 321); Пов. о бѣд. и скорб. (П. С. Р. Л. V, 57); Палицынъ, 29; Рук. ар. (Сбор. Муханова, 264); Лат. степен. книга лл. 470, 473; Катыревъ бор., 294, Р. И. Б. XIII, 389; Столяров. хроногр. (Изб. 330); Временникъ Юсеева (Р. И. Б. XIII, 389, 392, 400); Хворостининъ (Р. И. Б. XIII, 541). Иностранцы: Беръ (Устряловъ-Сказанія, I, 74 и сл.) Жолѣвскій—Записки 2 . 12.; Дневникъ Марини (Устрял. Ск. IV, 64); Маржеретъ (Устрял., III, 99).

3) Устряловъ Сказанія. III, 99.

скій, конечно, отмѣтили отсутствіе единодушія среди боярства, но не придали ему должнаго значенія, что и помѣшало имъ, по нашему мнѣнію, точнѣе выяснить отношенія новаго царя къ боярству. Говоря о приверженцахъ и врагахъ Шуйскаго, они совершенно опустили изъ виду ту вліятельную роль, какую играла значительная группа бояръ, стоявшая въ сторонѣ отъ интригъ тѣхъ и другихъ. Отличаясь пассивнымъ, не энергичнымъ характеромъ, не сплоченные въ партію, они тѣмъ не менѣе оказали, какъ увидимъ, большія услуги Шуйскому въ наиболѣе тяжкія минуты его царствованія тѣмъ, что составляли опору порядка и законности. Последнее обстоятельство заставило ихъ примириться съ противозаконными дѣйствіями клеветовъ Шуйскаго и признать его царемъ.

Теперь на очереди вопросъ о пресловутыхъ ограниченіяхъ власти Василя боярской Думой. По этому вопросу приводятъ одно официальное и нѣсколько частныхъ свидѣтельствъ. Первымъ официальнымъ актомъ въ новое царствованіе была знаменитая крестоцѣловальная запись. Приведа мотивы, оправдывающіе законность его воцаренія, царь говорить: «и нынѣ мы, Вел. Гос., будучи на престолѣ Россійскаго царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царскимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствіи, и поволѣлъ есми язъ Царь и Вел. князь Василій Ивановичъ всея Руси цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, Вел. Гос., всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинѣ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были. Также у гостей, у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, Вел. Гос., не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити со очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ, что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ самъ осудится. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, язъ Царь и Вел. князь Василій Ивановичъ всея Руси цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалую, судити истиннымъ, праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и отъ всякаго насильства оберегати“ ¹⁾. По словамъ лѣтописца царь въ Успенскомъ соборѣ

¹⁾ С. Г. Г. в Д., II, 141.

лично повторилъ эти обязательства, хотя нѣсколько въ другой формѣ 1). Это показаніе мы рассмотримъ подробно ниже. По свидѣтельству Латухинской степен. книги Шуйскій съ своими сообщниками еще при устройствѣ заговора противъ перваго самозванца порѣшили: „разстригу того беззаконнаго убити, а по немъ на царство изъ нихъ кому царемъ быти, и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять 2). Остается еще показаніе XVIII в. Страленберга, неимѣющее самостоятельнаго значенія 3). Очень стройное объясненіе этихъ довольно запутанныхъ извѣстій далъ проф. Ключевскій. Отвергая мысль о политической подкладкѣ борьбы Грознаго съ боярствомъ, находитъ, что опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ существующаго государственнаго порядка, онъ отмѣчаетъ перемѣну въ настроеніи боярства къ концу XVI в. Эта перемѣна произошла отчасти подъ влияніемъ казней и опричнины, сдѣлавшихъ боярство менѣе терпѣливымъ и болѣе разбитымъ, отчасти подъ влияніемъ идей о политической свободѣ, заходившихъ съ запада, въ частности изъ Польши. Но пока цѣла была старая династія, эти перемѣны не могли произвести дѣйствія на государственный порядокъ. „Старая династія, говоритъ проф. Ключевскій, собравшая это боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило правительственный обычай. Обѣ стороны, несмотря на политическое разстояніе, все болѣе ихъ раздѣлявшее, знали цѣну другъ другу и многое прощали одна другой, какъ старые знакомые и товарищи. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными, извѣчными боярами своего дома. Бояре съ своей стороны видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ быть даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замыслы“ 4). Прекращеніе старой династіи, появленіе на престолѣ людей изъ среды самихъ же бояръ, Годунова и Шуйскаго, заставило боярство подумать объ обезпеченіи своего политическаго существованія. Такими соображеніями объясняетъ проф. Ключевскій, почему съ царствованія Шуйскаго начался тотъ періодъ въ исторіи боярской Думы, за который ея политическое значеніе держалось не на правительственномъ только члѣнѣ, но и на формальномъ договорѣ съ государемъ. Но такому

1) Ник. Лѣт., VIII, 76.

2) Л. 470.

3) Цитата у Ключевскаго, Бояр. Дума, стр. 361.

4) Бояр. Дума, 355—356.

пониманію дѣла противорѣчить вышеуказанный фактъ раздѣленія боярства при избраніи Шуйскаго; избираетъ его съ помощью заговора одна часть бояръ, другая хочетъ вести дѣло съ помощью земскаго собора, третья сразу становится въ оппозицію новоизбранному царю. Поэтому, если ц. Василию были предъявлены какія-либо обязательства, и онъ клятвенно обѣщался соблюдать ихъ, то эти обязательства шли не отъ цѣлаго сословія, не отъ боярской Думы, а отъ известной группы бояръ, которымъ царь обязанъ былъ престоломъ. Въ приведенной крестоцѣловальной записи онъ даетъ обѣщаніе не казнить и не подвергать опаламъ никого, „не осудя истиннымъ судомъ съ боярн своими“, и установить строгій порядокъ дознанія при доносахъ. „Вотъ всѣ политическія обезпеченія, говоритъ проф. Ключевскій, выговоренныя первостепеннымъ боярствомъ и обнародованныя въ манифестѣ. Они не шли далѣе личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху“¹⁾, т.-е., говоря проще, никакихъ политическихъ обезпеченій здѣсь и не было. Если отказаться отъ мысли видѣть въ крестоцѣловальной записи политическія гарантіи боярской Думы и взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія личныхъ и имущественныхъ интересовъ бояръ, избравшихъ Шуйскаго, то дѣло объясняется просто. Ясно, какія времена вспоминаетъ запись, говоря объ истинномъ судѣ и устраниеніи системы доносовъ. При Грозномъ и Годуновѣ боярство пережило тяжелый кризисъ болѣе въ личныхъ и имущественныхъ, чѣмъ въ политическихъ интересахъ. Казни, конфискаціи, ложные доносы, вообще отсутствіе истиннаго суда было главнымъ зломъ, отъ котораго такъ пострадало боярство, да и не оно одно, въ XVI в. Именно это зло, процвѣтавшее при Грозномъ и Годуновѣ, и имѣетъ въ виду запись ц. Василия, обѣщающая замѣнить всѣ эти аномаліи истиннымъ судомъ. Въ чемъ же долженъ былъ заключаться этотъ истинный судъ? Въ отличіе отъ деспотизма Грознаго и Годунова, Шуйскій обѣщаетъ возстановить уже давно известную форму высшаго суда боярской Думы. Никакой новой политической формы не было создано, и поэтому фраза В. О. Ключевскаго, что по манифесту Шуйскаго Дума становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступленіямъ и преимущественно „политическимъ“, звучитъ преувеличеннымъ тономъ. Далѣе, что особенно важно, гарантіи, объявленныя въ записи, не относятся исключительно къ боярству; онѣ распространяются и на гостей и на торговыхъ людей и на все православное христіанство. Наконецъ въ утвержденіе своихъ обѣщаній Василій цѣлуетъ крестъ не боярской Думѣ, а всѣмъ „православнымъ христіанамъ“. Отсюда прямой выводъ, что манифестъ не имѣетъ исключительной цѣлю

¹⁾ Бояр. Дума, 361.

интересы одного боярства. Вслѣдствіе этого, какъ увидимъ ниже, предположенія проф. Ключевскаго, что цѣлованіе Шуйскимъ креста въ Успенскомъ соборѣ сдѣлано въ противовѣсъ заявленному ограниченію его власти боярской Думой, представляются сомнительными.

Такъ какъ въ манифестѣ говорится о стѣсненіи личнаго произвола царя только въ судебныхъ дѣлахъ, то В. О. Ключевскій думаетъ, „что было выговорено и болѣе общее условіе, опущенное въ манифестѣ: можно думать, что, исполняя обѣщаніе, данное товарищамъ по заговору, п. Василій обязался дѣлать власть съ боярами во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ, а не въ однихъ судебныхъ“ ¹⁾; послѣднее обязательство тоже было оформлено въ видѣ записи, представлявшей подлинный договоръ Шуйскаго съ боярами и не сохранившейся ²⁾. Существованіе этого договора должно подтверждаться свидѣтельствами Латух. степен. книги и Страленберга. Но послѣдній, какъ источникъ поздній и мутный, можетъ имѣть значеніе только въ ряду другихъ. Отвергать цитированное уже свидѣтельство Латух. степен. книги объ управленіи государствомъ „общимъ совѣтомъ“ нѣтъ достаточныхъ основаній; надо обратить вниманіе только на правильное его толкованіе. По прямому смыслу этого извѣстія совѣщаніе, на которомъ было рѣшено управлять царствомъ „общимъ совѣтомъ“, просходило еще до убійства Лжедмитрія, что признають и всѣ изслѣдователи; а зная время этого рѣшенія, можно точно объяснить и выраженіе „общимъ совѣтомъ“; очевидно, что оно относится лишь къ тѣмъ боярамъ, которые были въ заговорѣ съ В. И. Шуйскимъ, т.-е. къ его братьямъ, кн. В. Голицину и кн. И. Куракину. Вполнѣ естественно, что эта партія чувствовала себя вправѣ предъявить новому царю, столько ей обязанному нѣсколько большія требованія, чѣмъ обезпеченіе личной и имущественной безопасности, и сдѣлала попытку къ олигархіи. Таковъ прямой смыслъ извѣстія Лат. степен. книги и нѣтъ основаній вмѣстѣ съ проф. Ключевскимъ думать, что „общимъ совѣтомъ“ значитъ по совѣту *всѣхъ* бояръ. Соловьевъ въ объясненіи даннаго выраженія колебался между совѣтомъ бояръ и земскимъ соборомъ: „такъ какъ бояре уговаривались, то общимъ совѣтомъ прежде всего можетъ относиться къ нимъ, что и вѣроятноже, но можетъ также означать и соборъ“ ³⁾.

Итакъ нельзя отвергать того, что Василій далъ своимъ това-

¹⁾ Бояр. Дума, ст. 361.

²⁾ Ibidem, ст. 472: „При отсутствіи подлиннаго договора царя съ боярами
1 ься сказать, былъ ли тамъ установленъ какой-либо порядокъ законода-
1 ьства“.

³⁾ Ист. Россіи, т. VIII, 147.

рищамъ по заговору, а не всему боярству, не боярской Думѣ, общіе общаго характера возвысить ихъ участіе въ управленіи государствомъ болѣе, чѣмъ то имъ принадлежало по праву. Этимъ олигархическимъ характеромъ попытки нѣкоторой части боярства возвысить свое личное политическое положеніе выше опредѣленныхъ обычаевъ нормъ многое объясняется въ послѣдующихъ событіяхъ; прежде всего становится яснымъ, почему это общеніе царя Василя не вошло ни въ одинъ официальный актъ; объясняется странное поведеніе бояръ въ Успенскомъ соборѣ при присягѣ царя; наконецъ здѣсь надо искать ключа къ пониманію отношеній царя Василя къ боярству во все его царствованіе, когда и слѣда не остается отъ какихъ-либо ограниченій, когда Шуйскій дѣйствуетъ также самостоятельно, какъ и его деспотичные предшественники, Грозный и Годуновъ.

Понятна причина, почему бояре-олигархи не настаивали на внесеніи своихъ притязаній въ какой-либо официальный актъ, существованіе котораго предполагаетъ, какъ мы видѣли, проф. Ключевскій. Это должно было встрѣтить отпоръ со стороны остального боярства, не участвовавшего въ заговорѣ, а также и со стороны тѣхъ, кого лѣтописцы называютъ „всякими людьми“, т.-е. той толпы разнообразнаго соціального состава, которая играла большую роль въ смуту вообще и при Шуйскомъ въ частности. Получивъ личныя политическія прерогативы, приверженцы царя Василя справедливо не имѣли желанія связывать свое дѣло съ дѣломъ всего боярства, такъ какъ это умаляло бы ихъ личную роль. Но иначе должны были они смотрѣть на гарантіи личной и имущественной безопасности; здѣсь ихъ интересы не только не сталкивались, но, наоборотъ, самымъ тѣснымъ образомъ связывались съ интересами гостей, торговыхъ людей и всего православнаго христіанства; поэтому въ своей крестоцѣловальной записи царь распространяетъ упомянутыя гарантіи не только на преданную ему партію бояръ, но и на прочіе классы, скрѣпляя ихъ присягой всему православному христіанству.

Когда Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то, по разсказу лѣтописи, онъ пошелъ въ Успенскій соборъ и сталъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ московскомъ государствѣ не повелось: „цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать безъ собору никакого дурна; отецъ виноватъ и надъ сыномъ ничего не дѣлать, а будетъ сынъ виноватъ, то отцу никакого дурна не дѣлать, а которая де была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, никакъ никому не мстить“. Бояре и всякіе люди протестовали и требовали, чтобы онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но царь не послушалъ ихъ и поцѣло-

валъ крестъ; а со всею землею и съ городами о томъ не ссылались¹⁾. В. О. Ключевскій видитъ въ этомъ поступкѣ Василя чрезвычайно тонкую уловку; принужденный боярами ограничить свою власть Думой, онъ въ Успенскомъ соборѣ сдѣлалъ будто бы попытку освободиться отъ обязательствъ передъ боярами, присягнувъ всей землѣ, т.-е. ограничивъ свою власть не боярской Думой, а земскимъ соборомъ, и руководясь при этомъ понятнымъ соображеніемъ: ограниченія власти требовало высшее боярство, а не вся земля, и потому земскій соборъ былъ бы гораздо болѣе удобнымъ товарищемъ по власти, чѣмъ боярская Дума. Но бояре, повявъ въ чемъ дѣло, протестовали противъ присяги царя всей землѣ. „Слѣдовательно бояре возражали не противъ ограниченія царской власти вообще. Они могли возражать только противъ присяги царя всей землѣ, противъ ограниченія его власти земскимъ соборомъ, а не боярской Думой“²⁾. Эти, сами по себѣ очень остроумныя, соображенія проф. Ключевского г. Маркевичъ выполнѣ справедливо однако называетъ слишкомъ искусственными. Дѣйствительно, если В. О. Ключевскій въ поступкѣ царя въ Успенскомъ соборѣ видитъ реакцію противъ обѣщаній, данныхъ боярству въ манифестѣ, то это несправедливо уже потому, что, какъ мы старались показать выше, манифестъ вовсе не содержитъ гарантій исключительно въ пользу боярства, и рѣшительно ничѣмъ нельзя доказать, что власть Василя была ограничена боярской Думой. Соловьевъ находитъ, что устная клятва предшествовала записи, въ которой слова царя были нѣсколько измѣнены: „любопытно, если лѣтописецъ не ошибся, и Шуйскій сначала обязывался не произносить смертныхъ приговоровъ безъ соборнаго рѣшенія, какъ сдѣлалъ Лжедмитрій въ дѣлѣ самого Шуйскаго, а потомъ уже въ грамотѣ вмѣсто собора поставлено: „не осудя съ бояры своими“, что сообразнѣе было съ прежнимъ обѣщаніемъ при составленіи заговора—общимъ совѣтомъ российское царство управлять“³⁾. А. И. Маркевичъ, отрицая вообще ограниченіе власти Шуйскаго, думаетъ, что Василій цѣловалъ крестъ по собственной инициативѣ для большаго увѣренія бояръ, его избравшихъ; занесеніе же этой клятвы въ записъ и сообщеніе ея воеводамъ было уже дѣломъ канцелярскимъ; лѣтописный рассказъ о томъ, что происходило въ Успенскомъ соборѣ, г. Маркевичъ считаетъ собственнымъ домысломъ рассказчика, вслѣдствіе чего нельзя придавать значеніе выраженію „безъ собора“; наконецъ протестъ царь относился не къ дарованію царемъ обѣщаній, а къ публичной

¹⁾ Ник. Л., VIII, 76; Лѣт. мят., 103; Соловьевъ, VIII, 146.

²⁾ Бояр. Дума, 363—364.

³⁾ Ист. Россіи, VIII, 146.

присягѣ 1). И съ мнѣніями Соловьева и Маркевича мы также не можемъ вполне согласиться. Прежде всего, что касается соотношенія между крестоцѣловальной записью и устной клятвой, то оно вполне ясно представлено въ извѣстительныхъ грамотахъ о восшествіи на престолъ царя Василія, разосланныхъ по городамъ. Къ каждой такой грамотѣ были приложены царская крестоцѣловальная запись и образецъ присяги для бояръ и всякихъ чиновъ людей; объ этихъ двухъ записяхъ царь говоритъ въ извѣстительной грамотѣ: „а по которой записи цѣловалъ изъ Царь и Великій князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ Вамъ“ 2). Отсюда слѣдуетъ, что запись предшествовала устной клятвѣ, а не наоборотъ, т.-е., что царь клялся въ Успенскомъ соборѣ уже по заготовленной ранѣ записи. Такому выводу вполне соответствуетъ и общее положеніе дѣлъ. Если нельзя согласиться съ В. О. Ключевскимъ относительно заключенія политическаго договора между царемъ и Думой, то съ другой стороны ничѣмъ нельзя доказать и противоположной крайности мнѣнія проф. Маркевича, что Шуйскій далъ лишь добровольныя обѣщанія. Изъ совокупности приведенныхъ свидѣтельствъ очевидно, что гарантіи, выраженные въ записи, были поставлены заговорщиками 17 мая, какъ условія къ занятію престола, какъ требованія; ихъ не вымаливали, а добивались; но въ такомъ случаѣ бояре, воцарившіе Василія, слишкомъ многимъ рисковали бы, если бы стали терпѣливо дожидаться, когда царю угодно будетъ въ любой для него формѣ подтвердить клятвой свои обязательства. Составленіе опредѣленной формы для клятвы было логической необходимостью. Наконецъ надо быть слишкомъ высокаго мнѣнія о нравственныхъ достоинствахъ новаго царя, чтобы считать его способнымъ добровольно дать такія обязательства, которыя онъ самъ же потомъ нарушалъ. Но, могутъ возразить, отождествлять крестоцѣловальную запись и устную клятву невозможно потому, что при сходствѣ выраженій той и другой въ нихъ есть уже то коренное различіе, что въ первой говорится о судѣ боярской Думы, а во второй о соборѣ. Чтобы дать удовлетворительное объясненіе послѣднему выраженію, „не дѣлать никому никакого дурна безъ собору“, надо прибѣгнуть къ крайне искусственнымъ и неосновательнымъ предположеніямъ, какія представилъ, какъ мы видѣли, В. О. Ключевскій: невозможность объяснить данное выраженіе, опираясь на факты, его прямое противорѣчіе съ другими свидѣтельствами источниковъ побуждаютъ свенитически отнестись къ передачѣ лѣтописцемъ

1) Журн. Мин. Нар. Пр., 1891 г., октябрь, 394—395.

2) А. А. Э., т. II, № 44. С. Г. Г. и Д., II, №№ 141—143, 145.

устной клятвы царя. Уже Соловьевъ заподозрилъ въ лѣтописномъ разсказѣ ошибку. А. И. Маркевичъ пошелъ далѣе и выраженіе „безъ собору“ объясняетъ, какъ домыслъ лѣтописца ¹⁾. Такое заключеніе представляется намъ всего болѣе вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что предполагаемыя обязательства Василия относительно земскаго собора не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій да едва ли и могъ быть осуществимъ на дѣлѣ земскій соборъ въ видѣ постоянного не только судебного, но и административнаго, учрежденія, ограничивающаго самодержавіе царя. Примѣръ осужденія самого Шуйскаго на соборѣ при Іоаннѣ Дмитріи въ 1605 г. не можетъ быть приведенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ источники говорятъ объ этомъ соборѣ очень кратко и смутно ²⁾ и не даютъ права заключать, что это былъ дѣйствительно земскій соборъ, т.-е. составленный изъ представителей всей земли, а не одной только Москвы.

Нѣтъ нужды прибѣгать къ какому-либо сложному предположенію и для объясненія протеста бояръ; дѣло тутъ вполне ясно; это опять та же партія бояръ, которая при избраніи царя не хотѣла сходить съ почвы обычая и закона, думала о земскомъ соборѣ; она не протестовала, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бояръ, противъ избранія Шуйскаго, потому что оно было замаскировано и представлено законнымъ, но сочла нужнымъ протестовать противъ непонятнаго для нея новаго шага царя, не оправдываемаго обычаемъ ³⁾. Клятва Василия производила тяжелое впечатлѣніе еще и тѣмъ, что не вѣрили въ ея искренность: „въ церковь соборную Божія Матери вшедъ, разсказываетъ князь Ів. Ан. Хворостининъ, безстрашіемъ дерзновенія исполнился и не положи Бога предъ собою, но писанному, но вземъ честное всемірное наше орудіе, Христа Бога нашего святыи поклоняемый крестъ, рече самодержецъ новоизбранный царь людямъ, благодаренія творяше, лукаво крестъ лобза, клятву симъ на ся взда. И тако всему міру клятва потребу творити всѣмъ въ царствіи его живущимъ! О бѣда! О скорбь! единого ради малаго времени житія сего свѣтомъ льститися царь и клятву возводитъ на главу свою, никто же отъ чловѣкъ того отъ него требуя, но самовольнѣ клятвѣ издася ⁴⁾. Протестъ былъ настолько не энергиченъ, что царь не внялъ ему и по-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1891 г., октябрь, 394.

²⁾ Свидѣтельства о соборѣ у В. Н. Латкина въ книгѣ „Земскіе соборы древней Руси“, ст. 98—99.

³⁾ Намъ кажется, что А. И. Маркевичъ слишкомъ суживаетъ значеніе протеста, говоря, что „бояре противились не дарованію общинъ, а публичной клятвѣ“ т.-е. чисто формальной сторонѣ поступка. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., т. 396.

⁴⁾ Р. И. Б., XIII, 542.

цѣловать крестъ; здѣсь мы видимъ ту характерную черту протестовавшей партіи, какую не разъ встрѣтимъ и впослѣдствіи; это пассивность, полное отсутствіе энергіи.

Оканчивая разборъ источниковъ и ученыхъ мнѣній о воцареніи Василя Шуйскаго, повторимъ вкратцѣ выводы, къ которымъ онъ привелъ. Основной фактъ, объясняющій отношенія Шуйскаго къ боярству—раздѣленіе послѣдняго. При избраніи Василя въ его пользу дѣйствуютъ не все боярство, а лишь часть его, вступившая въ заговоръ противъ Лжедмитрія; эта партія еще до провозглашенія Василя царемъ добилась для себя личныхъ и негарантированныхъ никакимъ официальнымъ документомъ выгодъ, большаго вліянія на дѣла, а для всѣхъ сословій обезпеченія праваго суда, выраженнаго въ записи, въ исполненіи которой царь цѣловать крестъ въ Успенскомъ соборѣ. Остальное боярство, не участвовавшее въ заговорѣ, думало о созывѣ земскаго собора, но, не успѣвъ въ этомъ, пассивно отнеслось къ провозглашенію Шуйскаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ враговъ царя, и протестовало противъ клятвы царя, какъ противъ поступка, не оправдываемаго обычаемъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что никакихъ теоретическихъ притязаній на возвышеніе своего политическаго значенія и на ограниченіе самодержавной власти царя со стороны боярской Думы, какъ представительницы сословія и какъ государственнаго учрежденія, не было.

Прежде, чѣмъ перейти отъ теоріи къ дѣйствительности и разсмотрѣть, какъ Шуйскій поставилъ свои отношенія къ боярамъ на практикѣ, приведемъ весьма интересный документъ, въ которомъ сами бояре высказываютъ теоретическій взглядъ на свои отношенія къ царю Василю. Въ половинѣ августа 1608 г. Рожинскій прислалъ къ боярамъ грамоту изъ Тушина съ изъясненіемъ желанія вступить съ ними въ переговоры. Вотъ что отвѣчали ему бояре: „пишите къ намъ, боярамъ и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства о ссылкахъ, чтобы мы бояръ, дворянъ и изъ всѣхъ чиновъ людей прислали къ вамъ говорить о добромъ дѣлѣ, а вы пришлете къ намъ пановъ и рыцарскихъ людей. Пишете, чего знающимъ людямъ писать не годится. Въ Россійскомъ государствѣ надъ нами государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, и мы всѣ единодушнымъ изволеніемъ имѣемъ его какъ и прежнихъ великихъ государей, и въ великихъ дѣлахъ безъ его повелѣнія и начинанія ссылатся не при-
выкли... 1)“.

Объ отношеніяхъ Василя къ боярамъ послѣ того, какъ онъ „самодвижно воздвигся на царство“, источники говорятъ, повидимому,

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII, стр. 185.

еще болѣе противорѣчиво и запутанно, если не имѣть въ виду существованія въ средѣ боярства различныхъ партій, по отношенію къ которымъ царь держался разнѣй политики. Съ одной стороны современники рассказываютъ, что при Шуйскомъ бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь, что царемъ играли „яко дѣтищею“, а съ другой цѣлый рядъ извѣстій показываетъ, что Василій, вопреки присягѣ, ожесточенно преслѣдуетъ своихъ враговъ. Извѣстіе современниковъ о боярахъ, имѣвшихъ власти больше, чѣмъ царь, на основаніи вышесказаннаго очевидно нельзя распространять на все боярство; оно должно относиться лишь къ партіи приверженцевъ Шуйскаго, а выраженіе „имѣли больше власти“ не настолько еще категорично и опредѣленно, чтобы толковать его въ смыслѣ политическаго значенія; въ данномъ случаѣ можно согласиться съ Соловьевымъ, что здѣсь разумѣется намекъ на личное своеволие приверженцевъ Шуйскаго и ихъ безнаказанность ¹⁾).

Шуйскій, какъ человѣкъ хитрый и проницательный, не разбивавшій средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, какъ нельзя лучше воспользоваться раздѣленіемъ боярства, обративъ въ ничто скрѣпленные присягой обязательства. Получивъ власть въ руки и опираясь на партію приверженцевъ, онъ счелъ возможнымъ подвергнуть лично враждебную ему партію преслѣдованію. Вмѣстѣ съ боярами пострадали думные дѣяки, стольники, дворяне; это показываетъ, что враги царя Василія имѣли много приверженцевъ среди служилыхъ людей ²⁾. Василій забылъ также и объ обѣщаніи не подвергать опаламъ вмѣстѣ съ виновными ихъ родственниковъ. Князь С. Шаховской, посланный въ 1606 г. на службу подъ Елецъ, былъ внезапно схваченъ, привезенъ въ Москву, а отсюда отправленъ въ Новгородъ; при этомъ самъ Шаховской замѣчаетъ, что царь не сказалъ ему никакой вины. По справедливой догадкѣ С. Ѳ. Платонова, Шуйскій сослалъ князя Семена всего вѣроятнѣе потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григорія Петровича Шаховскаго, возставшаго противъ Шуйскаго въ 1606 г. ³⁾. Всѣ эти явные нарушенія Шуйскимъ его обязательствъ не встрѣтили однако со стороны боярства единодушнаго протеста. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Шуйскій не могъ сразу и окончательно раздѣлаться со своими личными врагами; для интригъ послѣднихъ былъ хорошо подготовленный матеріалъ въ московской черни, уже получившей вкусъ къ чуждымъ мятежамъ и дворцовымъ переворотамъ. Рядъ уличныхъ мя-

¹⁾ Соловьевъ, VIII, 151.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 77. Карамзинъ, XII, изд. 4, стр. 8.

³⁾ Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, 232.

тежей противъ царя очень любопытенъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса. Особый интересъ имѣетъ случай, рассказанный очевидцемъ Маржеретомъ. „Въ одинъ воскресный день увидѣлъ онъ (т. е. царь) множество народа у дворца: толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Шуйскій остановился и съ плачемъ началъ говорить окружающимъ его, что имъ не нужно выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что, избравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ негоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ царскій посохъ и шапку, продолжалъ: „если такъ, то выбирайте, кого хотите“. Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: „мнѣ уже надобно эти козни; то меня хотите умертвить, то вельможъ и иностранцевъ, или по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновныхъ“. Тогда всѣ воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности, хотятъ умереть за него и просятъ показать преступниковъ; было схвачено пять человѣкъ изъ толпы, высѣчены кнутомъ и сосланы. Въ приговорѣ объявили, что Мстиславскій оправданъ и что вся вина падаетъ на П. Н. Шереметева; его послали въ Псковъ воеводой“ ¹⁾. Несомнѣнно, что попыткой поднять описанный мятежъ руководили нѣкоторые бояре; по крайней мѣрѣ слѣдствіе открыло, что бояринъ П. Н. Шереметевъ составилъ заговоръ въ пользу князя Ѳ. И. Мстиславскаго. Этого Шереметева мы впервые встрѣчаемъ въ числѣ враговъ Василія, равно какъ съ другой стороны ничего неизвѣстно и объ его близости къ царю. Его родство съ Мстиславскимъ заставляетъ думать, что онъ принадлежалъ къ той боярской партіи, которая желала оставаться на законной почвѣ. Но дѣйствія Шуйскаго послѣ воцаренія, его клятвенное преступничество, вообще узкоэгоистическая политика, должны были вооружить противъ него болѣе энергичныхъ членовъ названной партіи. Люди, опредѣлившіе свои отношенія къ царю степенью лояльности послѣдняго, дѣлались его врагами, какъ скоро убѣждались въ его эгоизмѣ.

Положеніе Василія особенно ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ явилось Тушино, сдѣлавшееся естественнымъ центромъ для враговъ Василія. Но кромѣ воеводъ передававшихъ города самозванцу, кромѣ явныхъ перелетовъ въ Москвѣ усилилась партія тайныхъ враговъ, въ числѣ которыхъ, что особенно важно, оказались прежніе приверженцы Василія, соучастники его въ заговорѣ противъ перваго самозванца, кн. В. В. Голицынъ и кн. И. С. Куракинъ, къ которымъ, по свидѣ-

¹⁾ Устряловъ, Сказаніе современниковъ, III, 100. Соловьевъ, VIII, 154.

тельству Латухинской степенной книги, Василий „нача опасенъ быти“ ¹⁾. Подъячій Чубаровъ, „перелетавшій“ въ Тушино 6 мая 1609 г., рассказывалъ здѣсь о положеніи Москвы и царя: „изъ бояръ принять государю Дмитрію Ивановичу кн. Борисъ Лыковъ, кн. Ив. Куракинъ, князь Василій да князь Андрей Голицыны да кн. Ив. Дм. Хворостининъ, а съ ними дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человекъ и кто именемъ, того не упомянетъ“ ²⁾. Вѣроятно именно эту партію имѣли въ виду польскіе послы, возвратившіеся изъ Москвы и увѣрявшіе Сигизмунда, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава ³⁾. Но, говоря о врагахъ царя, послы поторопились сдѣлать заключеніе. Какъ ни многочисленна была партія бояръ, враговъ царя, но ее нельзя отождествлять со всей массой боярства; да и сами враги Василия не составляли партіи въ собственномъ смыслѣ слова, въ ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ не видно ни малѣйшаго единодушія; послѣднее очень убѣдительно доказывается не разъ повторявшимися попытками свергнуть Василия. Съ одной мы уже знакомы; рассмотримъ еще двѣ. Первая была сдѣлана 17 февраля 1609 г.; руководителями были кн. Р. Гагаринъ, Гр. Сунбуловъ, Тим. Грязной. Бояре, къ которымъ обратились заговорщики, всѣ разбѣжалось, за исключеніемъ кн. В. В. Голицына, который явился на площадь. Конечно нельзя поручиться за достовѣрность тѣхъ переговоровъ между заговорщиками съ одной стороны, народной толпой и царемъ съ другой, о которыхъ съ такими подробностями рассказываютъ нѣкоторые источники ⁴⁾, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что заговоръ не удался вслѣдствіе несочувственнаго къ нему отношенія большинства бояръ.

Послѣдней неудавшейся попыткой мятежа руководилъ бояринъ Ив. Оед. Крюкъ-Колычовъ, нѣкогда близкій къ Василию человекъ, какъ можно заключить изъ того, что 17 января 1608 г. онъ былъ

¹⁾ Л. 474.

²⁾ А. И. П., № 212.

³⁾ Соловьевъ, VIII, 249—250.

⁴⁾ „А коли бы такому совѣту быти, ино были бы тутъ болшіе бояре, и всякихъ чиновъ люди“ — говорили въ народѣ; самъ Василій встрѣтилъ заговорщиковъ словами: „...аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не те сего учините, дондеже снудутся болшіе бояре и всякихъ чиновъ люди“... Л. Попова, 198; Ник. Лѣт. VIII, 111—112. А. Э., II, № 169; Лѣт. о мят. Лат. Степ. кн., л. 495, 508.

друзкомъ на царской свадьбѣ вмѣстѣ съ Скопинымъ-Шуйскимъ ¹⁾. Заговоръ былъ обнаруженъ и Крюкъ-Колычовъ казненъ ²⁾.

Въ чемъ же заключается причина неудачъ всѣхъ заговоровъ противъ Василя? Повидимому, всѣ средства были въ рукахъ заговорщиковъ, всѣ благоприятныя обстоятельства на ихъ сторонѣ; Василя считали несчастнымъ царемъ: ненавистниковъ у него вездѣ было много, и въ народѣ и среди служилыхъ людей; позову заговорщиковъ всегда являлись толпы народа. И такъ матеріальныя средства были всегда на-лицо; оставалось только умѣло ими воспользоваться. Сточеніе всѣхъ обстоятельствъ отдавало руководящую роль боярамъ; мы видѣли, что къ нимъ прежде всего обращаются заговорщики 17 февраля, на нихъ ссылаются патріархъ и другія лица, говоря, что безъ воли бояръ нельзя свести царя съ престола; наконецъ, самъ Василій всегда смѣло кидаетъ заговорщикамъ упрекъ, что бояре не на ихъ сторонѣ и что безъ бояръ съ нимъ ничего нельзя подѣлать. Между тѣмъ, боярство, помимо личныхъ отношеній и чувствъ, имѣло достаточно основаній враждебно относиться къ царю; нарушеніе данныхъ имъ клятвъ было слишкомъ очевидно. Дѣйствительно, тотчасъ по воцареніи Василя являются его тайные и явные враги; число ихъ съ теченіемъ времени все растетъ; на ихъ сторону переходятъ такіе преданные прежде царю люди, какъ князья Голицынъ и Куракинъ. Наконецъ, отдѣльные бояре начинаютъ составлять заговоры; стоило бы остальному боярству примкнуть къ нимъ, и успѣхъ заговоровъ былъ бы внѣ сомнѣнія. Но ничего подобнаго не видно; бояре или прямо поддерживаютъ царя своимъ пассивнымъ поведеніемъ, даютъ ему возможность открыто опираться на нихъ, или прямо разбѣгаются по домамъ выжидать окончанія дѣла. Это объясняется тѣмъ фактомъ, на который, какъ мы уже не разъ указывали, слѣдуетъ обратить особое вниманіе при изученіи отношеній царя Василя къ боярству; это—раздробленность бояръ, отсутствіе въ нихъ единодушія. Врагами царя руководили не общіе интересы, а узкій эгоизмъ, какъ это особенно ясно сказалось въ поведеніи князя Р. Гагарина, одного изъ заговорщиковъ 17 февраля ³⁾.

И низложеніе Василя не было, очевидно, дѣломъ боярскихъ рукъ. Полная утрата царемъ его популярности въ народѣ, подъ влияніемъ всѣхъ несчастій его царствованія, позволила такимъ энергичнымъ

¹⁾ Древ. Рос. Визліов., XIII, 123. И боярство ему сказано при Василя. Визл., XX, 81.

²⁾ О заговорѣ Крюка-Колычова Ник. Лѣт., VIII, 112; Лѣт. о мат. 151. Латух. Степ. кн., л. 496, А. И., II, № 212.

³⁾ Уйдя въ Тушино послѣ неудачи заговора 17 февраля, онъ скоро вернулся и сталъ говорить, что въ Тушинѣ прямо истинный воръ. Ник. Лѣтоп., 112, Латух. ст. кн., л. 497.

и рѣшительнымъ людямъ, какими были братья Ляпуновы, довести дѣло до конца; кн. В. Голицынъ, участвовавшій въ заговорѣ, ведетъ себя также уклончиво и осторожно, какъ и въ заговорѣ 17 февраля. Со стороны народной толпы, собравшейся въ такомъ количествѣ, что все сборище не могло помѣститься на площади и должно было перейти за Москву-рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ, заговорщики уже не встрѣтили протеста, какъ это было 17 февраля ¹⁾; боярамъ оставалось только признать совершившійся фактъ. По словамъ Новаго Лѣтописца, „бояре не многіе постояху за него и тѣ тутъ же уклонишася“; точно также и Рукопись Филарета говорить о сопротивленіи бояръ и патріарха ²⁾. Но можно спросить, какимъ же образомъ бояре, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ сверженіи царя и применившіе уже къ совершившемуся факту, послѣ этого становятся во главѣ правительства, приводить землю къ присягѣ боярской Думѣ? Какъ согласить этотъ внезапный припадокъ энергіи съ прежней вялостью и пассивностью? Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣло объясняется естественнымъ порядкомъ вещей. Руководители заговора, низложившаго Василия, уже по своему социальному положенію не могли стать во главѣ правительства; да и по личному характеру, насколько мы можемъ о немъ судить, они не могли играть такой роли; никто, можетъ быть, лучше ихъ не могъ руководить толпой матежниковъ, совершить дворцовый переворотъ, но дальше этого ихъ способности не шли. Правда, съ ними за-одно былъ кн. Вас. Голицынъ, прямой кандидатъ на престолъ. Но онъ слишкомъ рисковалъ бы, еслибъ захотѣлъ сѣсть на царство посредствомъ заговора, подобно Василию. Какъ ни старался послѣдній замаскировать незаконность своего воцаренія, но это ему совершенно не удалось; современники писали въ своихъ литературныхъ трудахъ и кричали на площади, что онъ царь незаконный, сѣлъ на царство безъ вѣдома всей земли, что всѣ бѣды навлекъ онъ своимъ „скоропомазаніемъ“ ³⁾. При томъ поведеніе Голицына во время заговоровъ противъ Василия показываетъ въ немъ человѣка крайне осторожнаго. Дважды мы видѣли его въ соучастіи съ заговорщиками, но оба раза онъ не дѣйствуетъ открыто, а держится выжидательнаго

¹⁾ Еще про первый мятежъ Маржеретъ говорить, что Шуйскаго свергли, еслибы народу собралось больше.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 137—139; Сборн. Муханова, 293; Лат. степ. кн. л. 509. Рукописи Филарета, всѣ бояре стояли за царя, но, конечно, свидѣтельство лѣтописца надо предпочесть. Мѣсто „Плача о плѣненіи и разореніи... Моск.“, приписывающее сверженіе царя боярамъ, — позднѣйшая вставка. С. О. тонова, Сказанія и Повѣсти, 107—108.

³⁾ Ср. повѣсть Катырева-Ростовскаго, Изб. Попова, 304; Р. И. Б., XIII, Столяров. хронографъ, Изб., 346.

положенія; послѣ неудачи заговора 17 февраля 1609 г., когда заговорщики бѣжали въ Тушино, онъ спокойно остался въ Москвѣ: такъ своей осторожностью онъ не позволилъ скомпрометировать себя. Оставался еще патріархъ, какъ лицо, могшее стать во главѣ управленія до избранія новаго царя, но Гермогенъ считалъ долгомъ бороться съ естественнымъ ходомъ событій и требовалъ невозможнаго—возвращенія къ власти Шуйскаго. И такъ, принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, нельзя не придти къ убѣжденію, что принятіе боярской Думой власти въ свои руки было дѣломъ вполне естественнымъ и необходимымъ. Кн. Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищами, эти знаменитые „седемь бояриновъ“, были, можетъ быть, наиболѣе консервативной партіей среди боярства.

Теперь намъ остается рассмотреть внутреннюю дѣятельность правительства царя Василя; предполагаемое самовластіе Думы должно было бы конечно выразиться въ законодательныхъ актахъ; изъ этихъ немногочисленныхъ памятниковъ царствованія Шуйскаго имѣютъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу только указы о холопствѣ, въ которыхъ, повидимому, вполне опредѣленно высказалась оппозиція боярства самовластію царя. Дѣло происходило, какъ извѣстно, такъ: 7 марта 1607 г. царь безъ участія боярской Думы издалъ указъ, по которому свободные люди, прослужившіе у кого-нибудь въ холопствѣ добровольно полгода или годъ или больше не могутъ быть отдаваемы въ неволю, если сами не захотятъ дать на себя кабаль. 12 сентября 1609 г. Дума, засѣдавшая безъ царя, постановила отиѣнить указъ 1607 г. и возстановить законъ 1597 г., по которому прослужившій въ холопствѣ полгода обязательно долженъ былъ дать на себя кабалу¹⁾. Въ отиѣнѣ Думой указа 1607 г. Соловьевъ видитъ доказательство могущества бояръ при Шуйскомъ: „они могли останавливать царскія распоряженія о холопахъ, находя ихъ для себя невыгодными“²⁾. Точно также и проф. Владимірскій - Будановъ подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство самовластія Думы³⁾. Но еслибы бояре дѣйствительно могли и хотѣли останавливать царскія распоряженія изъ личныхъ выгодъ, то непонятно, почему они не сдѣлали этого тотчасъ по изданіи закона 1607 г., а ждали цѣлыхъ полтора года. Вѣдь невыгода этого закона для холоповладѣльцевъ была настолько ясна, что доказывать ее полуторагодовымъ опытомъ было совершенно излишне. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ мысли Соловьева то, что Дума соб-

¹⁾ А. И., II, № 85. Влад. Будан., Хрестом., изд. 3, вып. 3, стр. 101—102.

²⁾ Исторія Россіи, VIII, 288.

³⁾ Хрестоматія, вып. 3, стр. 102; Обзор. ист. рус. права, стр. 162.

ственной властью отменила законъ, изданный безъ ея вѣдома. Формальный порядокъ дѣятельности Думы, какъ высшаго законодательнаго учрежденія, отличался крайней неопредѣленностью. Приведемъ наиболѣе компетентное мнѣніе по этому вопросу. „Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія совѣта,—говоритъ проф. Ключевскій,—какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти.“ 1) Подобное же раздѣленіе труда замѣчается и при Шуйскомъ. Такъ 25 февраля 1608 г. начальники холопьяго приказа, кн. Ив. Андр. Солнцевъ, Казаринъ Давидовичъ Бѣгичевъ и дьякъ Дорога Хвицкой, три вопроса по холопьямъ дѣламъ представили на разрѣшеніе Думѣ, а одинъ царю. „Трудно угадать,—говоритъ Владимірскій-Будановъ,—почему въ одинъ и тотъ же день одни вопросы шли на разрѣшеніе Думы, другіе—царю, и почему обѣ эти законодательныя власти дѣйствовали въ этотъ случаѣ раздѣльно“. 2) Сдѣлаемъ попытку нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ раздѣленіе труда между царемъ и Думой обуславливалось содержаніемъ возбужденныхъ вопросовъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ требовалось разъяснить затрудненія, созданныя обстоятельствами смуты; надо было рѣшить, кому должны принадлежать холопы лицъ, подвергшихся опалѣ за измѣну, взятые изъ тюремъ на поруку и давшіе своимъ поручителямъ кабалы, должны ли они были возвратиться къ своимъ прежнимъ господамъ въ случаѣ прощенія послѣднихъ. Въ другомъ случаѣ дворяне и дѣти боярскія, попавшія въ опалу при первомъ самозванцѣ, искали тѣхъ своихъ холопей, которыми во время опалы были выданы отпускныя. Наконецъ третій вопросъ былъ чисто процессуальный; возникало затрудненіе, какъ поступать въ томъ случаѣ, если въ тяжбѣ о холопахъ отвѣтчикъ не поставитъ холопа къ сроку подъ предлогомъ, что тотъ холопъ у него сбѣжалъ. 3) Рѣшенія по этимъ вопросамъ не вносили существенныхъ поправокъ въ существующее законодательство, имѣли значеніе административныхъ распоряженій. Несравненно важнѣе былъ вопросъ о бѣглыхъ холо-

1) Боярская Дума, стр. 456.—Любопытно также по этому вопросу писемъ Мих. Салтыкова къ Салегѣ въ 1610 г....: при прежнихъ государяхъ Великихъ царяхъ, коли они въ отъѣздѣ бывали, безъ нихъ государей на Москвѣ пре помѣстья давали; не токмо на Москвѣ, и въ Новгородѣ и въ Казани ре и воеводы помѣстья даютъ, чтобы тѣмъ на Москвѣ людей удержать И. П., № 306, IV.

2) Хрестоматія, III, 104.

3) А. И. П., № 85, II.

пахъ, давшихъ на себя новыя кабалы, рѣшенный лично царемъ. Этотъ вопросъ былъ до извѣстной степени новымъ; указъ царя Θεодора 1597 г., хотя и предусматриваетъ бѣгство холопей и предписываетъ господамъ въ такихъ случаяхъ предъявлять въ холопій приказъ кабалы на бѣглыхъ для внесенія ихъ въ записныя книги, чтобы потомъ въ случаѣ поимки бѣглаго возстановить на него старую кабалу, но онъ не предусматриваетъ тѣхъ, конечно, весьма частыхъ случаевъ, когда бѣглые холопы давали на себя новыя кабалы новымъ господамъ. 19 марта 1608 г. Василій указалъ отдавать бѣглыхъ холопей тѣмъ, кому они сами дали на себя кабалы въ бѣгахъ: почему у себя держалъ холопа безъ крѣпости. ¹⁾ Это, очевидно, тотъ же самый принципъ, что и въ указѣ 1607 г.: не держи холопа безъ кабалы ни одного дня. Черезъ два мѣсяца указъ 19 марта единоличнымъ же приказаніемъ царя былъ отмѣненъ. Итакъ въ данномъ случаѣ раздѣленіе труда между царемъ и боярами основано было на степени важности поднятыхъ вопросовъ; царь, вообще стремившійся къ облегченію участи холоповъ, лично рѣшилъ, но неудачно, наиболѣе важный вопросъ, второстепенные отдалъ боярамъ, что едва ли могло случиться, еслибы существовалъ предполагаемый антогонизмъ между царемъ и Думой.

Но возвратимся къ указу 1607 г. и отмѣнѣ его Думой. Проф. Ключевскому удалось разсѣять туманъ, скрывавшій въ данномъ случаѣ истинныя отношенія бояръ къ царскому указу. „Можно подумать, что такое распоряженіе бояръ (т. е. отмѣна указа 1607 г.) было слѣдствіемъ политическаго значенія Думы, приобретеннаго при этомъ царѣ въ силу договора съ нимъ, проявленіемъ ея новаго права законодательствовать безъ царя и даже вопреки его волѣ. Но такое мнѣніе было бы не совсѣмъ вѣрно. При отсутствіи подлиннаго договора этого царя съ боярами нельзя сказать, былъ ли тамъ установленъ какой-либо порядокъ законодательства. Но можно замѣтить по дѣйствию Думы въ это царствованіе, что для царя Васиція стало по договору обязательно то, что было обычно при прежнихъ царяхъ. Еще до боярскаго приговора 1607 г., мѣсяца за 4, царь Василій самъ отступился отъ своего указа 1607 г., отмѣненнаго потомъ боярами, постановивъ добровольныхъ холопей, служившихъ безъ кабалъ лѣтъ пять, шесть или больше и не хотѣвшихъ давать на себя кабалъ, отдавать въ кабальное холопство тѣмъ, кому они служили. Что еще любопытнѣе, послѣдній указъ данъ былъ царемъ, какъ временная мѣра, пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ боярскимъ приговоромъ: давая его, царь „рекася“ томъ говорить съ бояры“. Очевидно, что боярскій приговоръ 1607 г. былъ слѣдствіемъ этого разговора съ боярами, а не актомъ консти-

¹⁾ Ibidem.

туционной оппозиции послѣднихъ первому“ 1). Дѣло будетъ еще яснѣе, если изъ приведенной выписки вычеркнуть то, что говорится о политическомъ договорѣ Василя съ боярами, въ силу котораго для него стало обязательнымъ то, что было обычно при прежнихъ царяхъ. Въ началѣ статьи мы подробно разбирали вопросъ о политическомъ договорѣ съ думой и видѣли, какъ недостаточны основанія къ предположенію о существованіи такого договора; проф. Ключевскій не указываетъ, къ сожалѣнію, въ точности на тѣ дѣйствія Думы, изъ которыхъ онъ заключаетъ, что для царя Василя стали обязательными обычаи его предшественниковъ. Если Василій обязательно долженъ былъ рѣшать всѣ дѣла съ Думой, то этого ничуть не видно въ дѣйствіяхъ Думы; онъ лично рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы въ законодательствѣ о холопахъ, настойчиво добиваясь его смягченія; неудачи его указовъ свидѣлствуютъ только о смѣлости вложенной въ нихъ идеи. Какъ же держать себя въ этихъ случаяхъ бояре. интересы которыхъ, какъ холоповладѣльцевъ, иногда чувствительно задѣвались указами царя Василя? Ни откуда не видно, чтобы они старались напоминать Василю объ обычаяхъ прежнихъ царей, а тѣмъ болѣе дѣлать этотъ обычай для него обязательнымъ. Единственный поступокъ бояръ, въ которомъ можно было бы уловить подобную тенденцію, приговоръ 1609 г., самъ же проф. Ключевскій отказывается понимать, какъ актъ конституціонной оппозиціи. Такимъ образомъ при царѣ Василя въ образѣ дѣятельности Думы незамѣтно никакихъ переизмѣненій; она остается такой же неопредѣленной, какъ и прежде.

Указы царя Василя о холопствѣ особенно любопытны съ точки зрѣнія личнаго отношенія царя къ этому вопросу. Ясно сказывается его стремленіе къ облегченію участи холоповъ въ разныхъ отношеніяхъ, стремленіе, проводимое смѣло и отстаиваемое упорно. Приведемъ краткій перечень его указовъ о холопствѣ. Рѣшительный шагъ въ пользу холоповъ былъ сдѣланъ знаменитымъ указомъ 1607 г., отмѣнявшимъ обязательный полугодичный срокъ для обращенія добровольнаго слуги въ холопа; между этимъ указомъ и отмѣной его 12 сент. 1609 г., проф. Ключевскій помѣщаетъ, какъ мы видѣли, указъ 21 мая 1609 г., которымъ снова восстанавливается срокъ для обращенія добровольнаго слуги въ холопа, но не въ полгода, а въ пять лѣтъ; наконецъ 12 сент. 1609 г. полугодичный срокъ былъ снова установленъ. Отсюда видно, какъ долго и упорно царь отстаивалъ свою первоначальную мысль. 19 марта 1608 г. послѣдовалъ указъ о принадлежности бѣглаго холопа тому, кому онъ далъ на себя кабалу въ бѣгахъ; черезъ 2 мѣсяца и этотъ указъ былъ отмѣненъ.

1) Боярская дума, стр. 472.

9 марта приказано было холопью приказу принимать къ запискѣ кабалы на вольныхъ людей только на урочныя лѣта, а не на вѣчныя времена; наконецъ отъ 1609 г. дошли указы: объ отпускѣ кабалныхъ холопей по смерти ихъ владѣльцевъ и объ освобожденіи родившихся въ кабалномъ холопствѣ въ случаѣ смерти господъ ихъ родителей. Во всѣхъ этихъ указахъ интересы холопей очевидно перевѣшиваютъ интересы ихъ господъ; правда, отъ двухъ важнѣйшихъ указовъ царь принужденъ былъ отказаться ¹⁾; но это, повторяемъ, свидѣлствуетъ лишь о смѣлости проведенной въ нихъ идеи. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы возстановить тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ въ этихъ случаяхъ Василій, и вообще всю ту историческую обстановку, при которой появились его указы о холопствѣ. Сохранилось глухое извѣстіе, что въ царствованіе Василя „помѣщики захотѣли было кабалныхъ сравнить съ полными холопами; но сіи, собравшись подали царю В. И. Шуйскому челобитную на таковое притѣсненіе правъ своихъ, а сей государь и подтвердилъ старинныя ихъ права“ ²⁾. Знаемъ также, какую видную роль играли сборища холоповъ въ теченіе смутнаго времени; связь этихъ явленій съ указами царя Василя весьма вѣроятна, если не очевидна, но раскрыть ее въ подробностяхъ невозможно за скудостью данныхъ.

Итакъ разборъ отношеній царя В. Шуйскаго къ боярству показываетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ глубокая партійная раздробленность, обусловленная не столько политическими идеями, сколько прежде всего узкимъ эгоизмомъ дѣйствующихъ лицъ, фактъ, заставляющій очень осторожно относиться къ поспѣшнымъ обобщеніямъ и не позволяющій мысли и чувства отдѣльныхъ группъ бояръ распространять на все сословіе.

Насколько такое положеніе представляетъ правило или исключеніе вообще въ исторіи боярства, это, разумѣется, другой вопросъ.

¹⁾ О несоотвѣтствіи этихъ указовъ съ общимъ духомъ законодательства см. комментаріи пр. Влад.-Буданова. Хрестоматія, III, 101, 105.

²⁾ Древн. Рос. Вивл., XX, 255.

Новый французскій трудъ по исторіи Пруссіи ¹⁾.

Н. Н. Любовича.

Несчастный исходъ войны 1870—1871 гг. заставилъ французъ обратиться къ серьезному ознакомленію со своею восточною сосѣдкою. Пруссія, которой отводилось такъ мало вниманія до этой поры во французской литературѣ, стала послѣ седанскаго погрома, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предметомъ всесторонняго изученія. Начали появляться основательныя изслѣдованія, относящіяся къ различнымъ сторонамъ нѣмецкой жизни и въ частности прусской; не замедлили французы заняться также и изученіемъ хода политическаго развитія прусской монархіи. Ихъ сильно сталъ интересовать вопросъ, какъ рядомъ съ ними незамѣтно выросло это могущественное государство, силъ котораго они не сумѣли ранѣе должнымъ образомъ оцѣнить. Цѣлый рядъ хорошихъ работъ явился результатомъ этого интереса къ историческому развитію Пруссіи. Достаточно напомнить о трудахъ Лависса, герцога де-Брольо, Ваддингтона, Леви-Брюля и другихъ ²⁾. Но самому любопытному вопросу посвящена книга, на которую мы указали въ началѣ этой статьи ³⁾. Авторъ ея г. Кавеньякъ старается прослѣдить, какимъ образомъ Пруссія, государство сравнительно еще столь незначительное даже въ XVIII в., не смотря

¹⁾ Cavaignac. La formation de la Prusse contemporaine. Paris. 1891.

²⁾ Французскихъ работъ по исторіи Пруссіи появилось въ послѣдніе годы такъ много и отличаются онѣ такими достоинствами, что на нихъ обращено серьезное вниманіе въ прусской исторической литературѣ. См., напр., обстоятельную статью, хотя написанную съ прусской точки зрѣнія, Berner'a: *Neuere französische Forschungen zur preussischen Geschichte*. (*Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte*, t. II, p. 305 sq.).

³⁾ Вотъ ея полное заглавіе: *La Formation de la Prusse contemporaine Les origines—Le ministère de Stein (1806—1808)*. Paris. 1891.

на бѣдствіа, постигшія ее въ началѣ XIX столѣтія, успѣла такъ быстро развиться и занять выдающееся мѣсто среди первостепенныхъ державъ. Г. Кавеньякъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ эпохи Великаго Курфирста, когда было положено прочное основаніе будущему политическому могуществу Пруссіи, и заканчиваетъ его реформами Штейна. Хотя въ предисловіи ничего не сказано, будетъ ли продолжено далѣе это сочиненіе, но, судя по самому моменту, на которомъ оно обрывается, а также и по задачѣ, поставленной себѣ авторомъ, можно заключить, что оно еще далеко не окончено. Тѣмъ не менѣе г. Кавеньякъ въ изданной имъ книгѣ касается такихъ эпохъ въ исторической жизни Пруссіи, которыя окончательно опредѣлили настоящую ея судьбу.

Что касается самого автора этого сочиненія, то нужно имѣть въ виду, что онъ по своей спеціальности не историкъ. Г. Кавеньякъ инженеръ и въ кабинетѣ Лубе былъ нѣкоторое время морскимъ министромъ. По своему рожденію онъ принадлежитъ къ фамиліи, которой приходилось играть видную политическую роль въ настоящемъ столѣтіи. Прикосновенность къ политической жизни не могла не вызвать у него интереса къ исторіи, но отсутствіе серьезной научной подготовки даетъ себя знать въ его сочиненіи. Оно замѣчается и въ самомъ распредѣленіи историческаго матеріала, и въ отношеніи автора къ литературѣ предмета, и въ постоянныхъ возвращеніяхъ къ одному и тому же предмету въ различныхъ частяхъ его сочиненія, причемъ иногда г. Кавеньякъ, забывая о томъ, что имъ было уже сказано ранѣе, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Нерѣдко книга его производитъ впечатлѣніе, будто авторъ ея съ трудомъ справляется съ громаднымъ историческимъ матеріаломъ, имѣющимся въ его распоряженіи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ серьезно изучилъ всю литературу, относящуюся къ занимающему его вопросу, такъ какъ онъ въ одномъ сочиненіи впервые охватилъ всю эпоху образованія Пруссіи, чего пока не сдѣлано въ такомъ видѣ и въ нѣмецкой литературѣ, такъ какъ, наконецъ, онъ смотритъ на свой предметъ съ оригинальной точки зрѣнія, то все это вмѣстѣ не можетъ не вызвать вполне заслуженнаго, впрочемъ, г. Кавеньякомъ вниманія къ его изслѣдованію.

Въ предисловіи авторъ излагаетъ цѣль и задачи своего изслѣдованія. Нѣмецкіе труды за послѣднія двадцать лѣтъ, свидѣтельствуетъ онъ, выяснили ходъ внутренняго развитія Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ секретъ ея могущества. Къ произведеніямъ прусскихъ историковъ г. Кавеньякъ относится съ большимъ уваженіемъ и высоко цѣнитъ ихъ, но онъ неудовлетворенъ объясненіями, даваемыми ими, относительно происхожденія демократическаго движенія въ Пруссіи въ началѣ XIX в. и вообще относительно соціальной эволюціи этого государства. Нѣмецкіе историки стараются умалить, а нѣкоторые даже

совершенно отрицають вліяніе французской революціи на общественное развитіе Пруссіи. Это заблужденіе нѣмецкихъ ученыхъ, по мнѣнію г. Кавеньяка, необходимо должно быть опровергнуто, и онъ ставитъ своею цѣлю, обрисовавши въ главныхъ чертахъ соціальную и политическую организацію Пруссіи, какъ она была создана основателями гогенцоллернскаго государства, а также очертивши драматическія событія труднаго момента въ прусской исторіи съ 1806 по 1808 годъ, въ то же время критически отнестись къ сужденіямъ нѣмцевъ о внутренней эволюціи Пруссіи сравнительно съ эволюціей Франціи. Доказать, что монархія Гогенцоллерновъ обязана развитіемъ своего общества вліянію на него французскихъ идей, это, по мнѣнію автора, патріотическій долгъ, а также удовлетвореніе французскаго самолюбія, и указанную мысль онъ нѣсколько разъ повторяетъ въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія.

Чтобы выполнить вполне самостоятельно поставленную себѣ задачу, автору слѣдовало бы произвести изысканія въ архивахъ относительно внутренняго развитія прусскаго государства. Между тѣмъ онъ воспользовался изъ неизданнаго матеріала лишь документами историческаго архива военнаго министерства въ Парижѣ, которые, конечно, не могли дать ничего важнаго для его цѣли. Но онъ думалъ разрѣшить многіе спорные вопросы, критикуя основательно изученные имъ нѣмецкіе труды по данному вопросу на основаніи ихъ же самихъ. Всякій, знакомый съ сочиненіями современныхъ прусскихъ историковъ, прекрасно знаетъ, что ихъ произведенія отличаются крайнею тенденціозностью. Виднѣйшіе представители исторической науки въ Пруссіи принадлежатъ къ такъ называемой нѣмцами политической школѣ въ исторіографіи. Они проводятъ идею объ особой миссіи монархій Гогенцоллерновъ въ Германіи и, въ виду поставленной себѣ задачи доказать это, не стѣсняясь извращаютъ факты, игнорируютъ всѣ тѣ, которые противорѣчатъ излюбленной ихъ мысли, и относятся съ крайнею нетерпимостью къ ученымъ, изслѣдующимъ спокойно и безпристрастно предметъ. Отталкивающее впечатлѣніе производитъ этотъ то торжественный и напыщенный тонъ ихъ, когда рѣчь идетъ о Пруссіи, то надменный и грубый, когда дѣло заходитъ о другихъ государствахъ. Въ произведеніяхъ же второстепенныхъ ученыхъ эта отличительная черта прусской исторіографіи сказывается въ какомъ-то умиленно-восторженномъ и елейномъ тонѣ, когда они трактуютъ о своемъ отечествѣ, и въ чрезвычайно невѣжественныхъ разсужденіяхъ по поводу ближайшихъ и дальнихъ сосѣдей Пруссіи. Понятно, что объ объективности прусскихъ историковъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя не согласиться съ г. Кавеньякомъ ¹⁾, что относительно извѣст-

¹⁾ Cavaignac, p. 155.

нихъ вопросовъ у нихъ какъ-бы существуетъ *mot d'ordre*, въ силу котораго они стараются обходить нѣкоторые историческія событія или трактуютъ ихъ въ строго опредѣленномъ духѣ. Онъ собралъ не мало данныхъ, указывающихъ на то, какъ многіе факты сознательно освѣщаются ложно нѣмецкими историками, и какъ тенденціозно нѣкоторые историческія данныя или не публикуются вовсе или урѣзываются такъ, чтобы ничего не могло проскользнуть непріятнаго для прусскаго патріотизма ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, опираясь въ своемъ трудѣ почти исключительно на изслѣдованія современныхъ прусскихъ историковъ, г. Кавеньякъ долженъ былъ неизбежно подпасть, при всей своей осторожности, влиянію нѣкоторыхъ ихъ воззрѣній. Онъ говоритъ о миссіи Пруссіи въ Германіи, о ядрѣ нѣмецкой національности, въ скрытомъ видѣ хранившемся въ этомъ государствѣ, въ такомъ же духѣ, какъ это проповѣдуютъ Дройзенъ, Трейчке и другіе прусскіе историки. Принятое 21 ноября 1806 года въ Остеродѣ извѣстное рѣшеніе вызываетъ, напр., у французскаго историка соображеніе, что въ этомъ сказалось вліяніе тѣхъ силъ, которыя предназначали Пруссіи роль объединительницы Германіи ²⁾. И во многихъ другихъ мѣстахъ книги г. Кавеньяка мы встрѣчаемся съ чисто берлинскими воззрѣніями на миссію Пруссіи ³⁾.

Образованіе современнаго прусскаго государства г. Кавеньякъ старается, совершенно основательно, выяснить путемъ изученія хода внутренней его организаціи. Но нельзя только не упрекнуть автора въ томъ, что критеріемъ для оцѣнки всего предпринимавшагося и совершавшагося въ монархіи Гогенцоллерновъ у него служитъ Франція съ тѣмъ строемъ и началами, которые были созданы революціей. Нечего и говорить, какъ ненаучна точка зрѣнія, на которую сталъ французскій историкъ.

Время зарожденія современной Пруссіи г. Кавеньякъ относитъ къ эпохѣ царствованія Великаго Курфирста, и первыя двѣ главы своего труда онъ посвящаетъ очерку хода дѣла организо-

¹⁾ См. для примѣра стр. 342, пр. 3; стр. 431; стр. 467, пр. 4; стр. 472, пр. 4 et passim.

²⁾ Cavaignac, p. 246.

³⁾ По поводу тильзитскаго мира онъ говоритъ, напр.: „Il lui restait encore le noyau d'une nationalité résistante, qu'on avait en vain cherché à separer de l'Allemagne, qu'on n'en avait pas suffisamment isolée pour qu'elle ne pût devenir le refuge du patriotisme allemand.“ p. 310. Ср. также стр. 464. Впрочемъ, авторъ, нерѣдко впадающій въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ мы уже объ этомъ выше сказали, подвергается на стр. 196 и слѣдующихъ строгой критикѣ проповѣдуемую нѣкоторыми историками теорію о „нѣмецкой миссіи“ Пруссіи.

ванія монархической администраціи въ этомъ государствѣ до Фридриха В. включительно. При этомъ ему пришлось, конечно, остановиться на борьбѣ Гогенцоллерновъ съ могущественною аристократіей. Тяжелая и трудная работа созданія монархической Пруссіи, начавшаяся съ половины XVII в. и длившаяся въ теченіе цѣлаго столѣтія, изложена авторомъ очень живо. Онъ довольно вѣрно освѣтилъ настоящее значеніе сдѣланныхъ реформъ, начиная съ курфюрста Фридриха-Вильгельма и кончая королемъ Фридрихомъ II. Представивши картину упроченія монархической власти въ Пруссіи, г. Кавеньякъ переходитъ въ третьей главѣ къ социальной организаціи этого государства и, руководствуясь, главнымъ образомъ, трудами Кнаппа и Штадельмана, начинаетъ свое изложеніе съ положенія аграрнаго вопроса. Труды только что упомянутыхъ нѣмецкихъ ученыхъ выѣстъ съ другими сочиненіями по внутренней исторіи Пруссіи дали нашему автору возможность изложить очень обстоятельно положеніе крестьянскаго вопроса. Не такъ хорошо знакомо ему положеніе городовъ и ихъ населенія. Онъ не воспользовался относительно этого предмета трудомъ Мейера (*Geschichte der preussischen Handwerkerpolitik*); а прекрасная статья Шмоллера: „*Das brandenburgisch-preussische Innungswesen von 1640—1806*“ ему, повидимому, совсѣмъ неизвѣстна 1).

Что касается попытокъ аграрной реформы въ XVIII в., то въ этомъ отношеніи прусскими королями были достигнуты самые незначительные результаты. Отнявши политическую роль у дворянства, они должны были оставить послѣднему, по крайней мѣрѣ, его прежнія сословныя привилегіи и преимущества 2). Подведши итоги сдѣланному въ Пруссіи по крестьянскому вопросу, г. Кавеньякъ съ чрезвычайной убѣдительностью показываетъ всю несостоятельность голословныхъ утвержденій, впрочемъ, обычныхъ у Трейчке и Дройзена, будто государство Фридриха II опередило въ социальной организаціи всѣ ему современныя. Выдержки, приводимыя г. Кавеньякомъ изъ сочиненій этихъ историковъ 3), еще разъ блестяще подтверждаютъ, какимъ духомъ проникнуты прусскіе историческіе труды и съ какою осторожностью должно ими пользоваться. Но, представивши въ истинномъ свѣтѣ печальное положеніе, въ которомъ находились прусскіе крестьяне, нашъ авторъ совершенно напрасно говоритъ, что во Франціи устройство сельской собственности въ концѣ XVIII в. уже

¹⁾ Она помѣщена въ „*Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte*“. Erster Band. Leipzig. 1888.

²⁾ „*L'extension de la servitude agraire a été en quelque sorte la rançon abandonnée à l'aristocratie foncière en échange du pouvoir politique dont elle a été dépourvue*“. Cavaignac, p. 79.

³⁾ Ibid., p. 80.

давно достигло путемъ естественнаго развитія соціальной организаціи безконечно большаго соотвѣтствія съ идеями общественной справедливости ¹⁾. Ему слѣдовало бы лишь вспомнить то, что говоритъ Тэнъ въ „*Les origines de la France contemporaine. L'Ancien Régime*“ о бѣдственномъ положеніи французскихъ крестьянъ передъ революціей ²⁾.

То, что говорить г. Кавеньякъ относительно стремленія Фридриха II сохранить прежнія сословныя отличія и даже сдѣлать ихъ еще болѣе рѣзкими, общеизвѣстно. Но онъ могъ бы подкрѣпить еще сильнѣе все сказанное имъ по этому поводу, если бы обратился къ трудамъ по исторіи Пруссіи покойнаго Штенцеля и его продолжателя Реймана. Вмѣстѣ съ тѣмъ „*Geschichte des preussischen Staates*“ и ея продолженіе „*Neuere Geschichte des preussischen Staates*“ вывели бы нашего автора изъ душной атмосферы тенденціозной прусской исторіографіи, потому что Штенцель и Рейманъ сравнительно съ Трейчке, Дройзеномъ и даже Дункеромъ значительно объективнѣе.

Анализируя соціальныи строй Пруссіи, г. Кавеньякъ приходитъ къ заключенію, что это государство, въ которомъ политическая власть всецѣло перешла въ руки короля, тѣмъ не менѣе осталось феодальнымъ. Монархія Гогенцоллерновъ вмѣсто того, чтобы слить разрозненные соціальныя элементы, говоритъ онъ, является на стражѣ самой строгой общественной классификаціи и постоянно занята тѣмъ, чтобы замкнуть дѣятельность каждаго сословія въ самыя узкія рамки ³⁾. Преувеличивая стремленіе Фридриха II создать кастовое государство и упуская изъ виду, какую оппозицію онъ встрѣтилъ со стороны дворянства, когда хотѣлъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нашъ авторъ забываетъ также и о томъ, что вся западная Европа въ это время была загромождена обломками феодальнаго строя, не исключая, конечно, и Франціи. Полемизируя съ нѣмецкими историками относительно характера государства Фридриха В., г. Кавеньяку слѣдовало бы, главнымъ образомъ, указать на то, что этотъ король стремился превратить Пруссію въ громадную машину, которая должна была приводиться въ движеніе лишь имъ однимъ. При Фридрихѣ II не было мѣста для чьей-либо инициативы въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ помимо его. Все въ жизни

¹⁾ „*La constitution de la propriété rurale en France à la fin du XVIII^e siècle, était, depuis longtemps, par le développement naturel de l'organisation sociale, infiniment plus conforme qu'en Prusse aux idées de justice sociale*“, р. 80.

²⁾ Въ русской литературѣ по исторіи французскихъ крестьянъ въ концѣ XVIII в. мы имѣемъ сочиненіе Н. И. Карѣва: *Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.* Москва. 1879.

³⁾ См. интересную характеристику государства Фридриха II, сдѣланную г. Кавеньякомъ на стр. 97—98.

Пруссія должно было лично исходить отъ него самого. Во всё даже самыя маловажныя дѣла онъ считалъ необходимымъ вникать самъ, и министры были ничѣмъ инымъ, какъ его секретарями. Взглядомъ Фридриха на государство, какъ на машину, вполне объясняется то, что этотъ прославленный другъ просвѣщенія смотрѣлъ на образованіе, какъ на вещь лишнюю для большей части своихъ подданныхъ. Дѣйствительно, онъ ровно ничего не сдѣлалъ для просвѣщенія въ своемъ государствѣ. Ремесленники и вообще горожане должны были учиться, по его мнѣнію, лишь только тому, что необходимо знать въ тѣсномъ кругѣ ихъ специальной дѣятельности; а добрыя начинанія министра Зедлица для улучшенія народныхъ школъ онъ испортилъ.

Эпоха, наступившая непосредственно послѣ смерти Фридриха В., ознаменовалась сильнымъ ослабленіемъ Пруссіи. Выясненію причинъ этого явленія посвящена авторомъ четвертая глава, озаглавленная „Упадокъ древняго порядка“. Нельзя не замѣтить даже въ этомъ заголовкѣ его способа смотрѣть на прусскую исторію съ точки зрѣнія французской. Авторъ не согласенъ съ тѣми нѣмецкими историками, которые объясняютъ упадокъ Пруссіи ея уклоненіемъ при наслѣдникахъ Фридриха II отъ прежнихъ принциповъ управленія ¹⁾. Онъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что роль, которую играла Пруссія въ XVIII в. въ европейской политикѣ, не находилась въ соотвѣтствіи съ ея социальнымъ развитіемъ или, какъ намъ кажется было бы вѣрнѣе выразиться, съ ея дѣйствительными силами и средствами. Только геній Фридриха былъ въ состояніи восполнить этотъ пробѣлъ, говоритъ онъ ²⁾. Но уже нѣсколько страницъ ниже г. Кавеньякъ приписываетъ упадокъ Пруссіи гуманитарному, индивидуалистическому и философскому духу XVIII в., который долженъ былъ отразиться и на этомъ государствѣ. Новый духъ ослабилъ государственную машину Пруссіи, и монархическая власть получила болѣе мягкій характеръ, по его мнѣнію ³⁾. Пруссія ослабѣла, говоритъ онъ опять далѣе, потому, что политическія формы ея устарѣли, и она, заключенная въ тѣсныя рамки, оказалась неспособною слѣдовать болѣе быстро за теченіемъ своего времени. Причины ея слабости были тѣ же самыя, которыя обрекали,— продолжаютъ онъ, древній европейскій строй на паденіе передъ французской революціей ⁴⁾. Затѣмъ г. Кавеньякъ, указавъ на ослабленіе личнаго правленія и на отсутствіе оживотворявшаго все духа Фридриха В.

¹⁾ „Ils regrettent presque,—замѣчаетъ г. Кавеньякъ объ этихъ историкахъ,—que la rudesse originelle et caractéristique de l'État prussien se soit adoucie“, p. 122.

²⁾ Cavaignac, pp. 122, 123.

³⁾ Ibid., p. 127.

⁴⁾ Ibid., p. 128.

проводить параллель между Пруссіей и Франціей. Въ послѣдней было развито сознаніе національнаго единства, скрѣпленнаго длиннымъ историческимъ прошлымъ, она имѣла развитое и дѣятельное городское сословіе и массы сельскаго населенія, подготовленныя къ освобожденію. Всѣ эти условія отсутствовали въ Пруссіи, а привилегированное сословіе — дворянство, владѣвшее землями, хотя прежнее правительственное иго, тяготѣвшее надъ нимъ, теперь и было ослаблено, тѣмъ не менѣе не было способно взять въ свои руки руководящей роли, потому что было и крайне необразованно, а также само находилось въ состояніи разложенія ¹⁾. Такъ объясняетъ нашъ авторъ причины сильнаго упадка Пруссіи послѣ Фридриха В.

Дѣйствительно, уже въ послѣдніе годы царствованія Фридриха В. всѣ чувствовали, что государственная машина ослабѣла и не въ состояніи выносить всей работы, которая на нее взыаливалась. Мирабо и нѣкоторые иные дальновидные писатели указывали на то, что Пруссія жила только благодаря изумительной энергіи своего короля, вникавшаго во всѣ подробности государственной жизни. Они понимали, что такое положеніе дѣлъ не можетъ продлиться долго и спрашивали себя, что станетъ съ этимъ государствомъ при наслѣдникахъ Фридриха. Необходимость искусственными средствами поддерживать растаптывающуюся государственную машину дѣлала правленіе Фридриха В. чрезвычайно тяжелымъ и невыносимымъ. Этимъ объясняется та радость, съ какою встрѣтили пруссаки извѣстіе о востшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма П. Вотъ это то обстоятельство, что Пруссія Фридриха-Вильгельма I и его сына Фридриха П пережила ихъ, по нашему мнѣнію, и повело къ столь печальнымъ для нея послѣдствіямъ. Три четверти вѣка для государства молодого, полного жизни и быстро развивающагося—время очень большое. Историки Пруссіи, занимаясь реформами и дѣятельностью обоихъ королей, создавшихъ ея могущество, не всегда обращали вниманіе на тѣ результаты, къ которымъ привела ихъ работа, на то, какъ создавались новые жизненные элементы. Фридрихъ П въ дѣлѣ внутренняго устроенія государства не пошелъ далѣе своего отца. Онъ пользовался оставленнымъ ему наслѣдіемъ и извлекалъ изъ крѣпнущаго и развивающагося государства средства, чтобы доставить Пруссіи возможность занять видное политическое положеніе въ Европѣ. Но жизнь шла своимъ чередомъ, и Пруссія въ моментъ смерти Фридриха не была похожа въ социальномъ и экономическомъ отношеніи на Пруссію Фридриха-Вильгельма I. Это противорѣчіе между внутренними потребностями государства и его строемъ и политикою не могло не отразиться на немъ самымъ пагуб-

¹⁾ Ibid., стр. 128 и слѣд.

нымъ образомъ. Изучи г. Кавеньякъ эти измѣненія въ монархіи Гогенцоллерновъ, обрати онъ вниманіе на ея финансовую и экономическую жизнь, которую онъ совершенно игнорируетъ, хотя по этимъ вопросамъ существуетъ уже довольно большая литература, присмотришь онъ ближе къ росту городского сословія, а также къ инымъ сторонамъ внутренней жизни Пруссіи, онъ пришелъ бы къ болѣе положительнымъ даннымъ относительно причинъ ея быстрого паденія и такого же быстрого возрожденія. Его изложеніе, почему монархія Фридриха В. пришла къ упадку, не было бы тогда столь неяснымъ и сбивчивымъ, какъ мы это видѣли выше. Да и въ чемъ заключалась самая сущность упадка Пруссіи, слѣдовало бы разобрать повнимательнѣе. Онъ говоритъ, что положеніе этого государства не было непоправимымъ, и упадокъ его былъ лишь временнымъ. Задатки для возрожденія Пруссіи въ данный моментъ онъ усматриваетъ въ самой ея организаціи, а въ частности въ ея чиновничествѣ. Прусская администрація привыкла смотрѣть на свою дѣятельность, какъ на служеніе настолько же монарху, какъ и общественнымъ интересамъ, говоритъ г. Кавеньякъ; при этомъ въ ней развился корпоративный духъ, и она была настолько сильна, замѣчаетъ онъ, что парализовала даже попытки соціальной реформы королей въ XVIII в. ¹⁾ Какимъ же образомъ эта самая администрація могла провести такъ блестяще реформы Пруссіи въ XIX в.? Соображенія г. Кавеньяка въ этомъ отношеніи и необудительны, и неясны.

Представивши трудное положеніе, въ которомъ находилось государство Фридриха В. въ эпоху, наступившую послѣ его смерти, нашъ авторъ естественно приходитъ къ вопросу о вліяніи на Пруссію французской революціи. Нѣмецкіе историки всячески стараются умалить значеніе воздѣйствія французскихъ идей и революціи на ходъ внутреннего переустройства Пруссіи; но г. Кавеньякъ держится противоположнаго мнѣнія и старается объяснить попытки реформъ въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II, а въ особенности Фридриха-Вильгельма III, французскимъ вліяніемъ. Чтобы разрѣшить этотъ трудный и важный вопросъ, необходимо хорошо знать вообще ходъ преобразовательной дѣятельности, а также и умственного движенія, во всей западной Европѣ въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ г. Кавеньякъ упускаетъ даже изъ виду возможность вліянія англійскаго государственнаго строя и идей англійскихъ мыслителей на Пруссію. Онъ забываетъ, напр., о томъ, что Гарденбергъ и Шенъ (Schön), а также Штейнъ и другія лица, игравшія видную роль въ дѣлѣ проведенія новыхъ реформъ въ Пруссіи, въ то же время были болѣе или менѣе близко знакомы съ

¹⁾ Стр. 141 и слѣд.

англійскими государственными учрежденіями. Но даже и умственное движеніе въ самой Германіи такъ мало знакомо г. Кавеньяку, что онъ думаетъ, напр., будто Берлинъ сталъ центромъ его при Фридрихѣ В. (стр. 179).

Вліяніе французской революціи, а также французскихъ идей XVIII в. на Пруссію, несомнѣнно было очень велико, и стремленіе нѣмецкихъ историковъ по возможности умалить значеніе этого факта объясняется только ихъ шовинизмомъ; но опредѣленіе размѣровъ и характера этого вліянія, повторяемъ еще разъ, дѣло очень трудное и требуетъ самаго глубокаго и разносторонняго знакомства со всей западно-европейской жизнью XVIII в. Сплошь да рядомъ тамъ, гдѣ предполагалось французское вліяніе несомнѣннымъ, при ближайшемъ серьезномъ изученіи предмета это оказывается совершенно невѣрнымъ. Для примѣра мы можемъ хотя бы сослаться на одно недавно появившееся французское же изслѣдованіе, которое доказываетъ, будто должно считать ошибочнымъ мнѣніе, что реформаторы нѣмецкой педагогикіи въ XVIII в. (филантрописты) явились лишь примѣнителями идей Руссо ¹⁾. Между тѣмъ г. Кавеньякъ въ пятой главѣ своего сочиненія, отведенной вопросу о вліяніи французской революціи на Пруссію (*Les premières conséquences politiques de la révolution française en Prusse*), нигдѣ не становится на твердую почву и вращается болѣе въ области общихъ соображеній. Доводы его часто слишкомъ натянуты. По нашему мнѣнію, нѣтъ, напр., никакого твердаго основанія видѣть, подобно г. Кавеньяку, въ проектѣ прусскаго кодекса *Landrecht*'а спеціально французское вліяніе. Между тѣмъ онъ не считаетъ даже нужнымъ обстоятельно развить и подкрѣпить свои соображенія по этому поводу.

Давши затѣмъ обстоятельное описаніе попытокъ внутреннихъ реформъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II и въ первые годы царствованія его сына, представивши очеркъ политическихъ событій до тильзитскаго мира, нашъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на времени второго министерства Штейна. Онъ естественно долженъ былъ обратиться къ особенно тщательному изученію начала тѣхъ преобразованій въ Пруссіи, которыя, по мнѣнію всѣхъ историковъ, были краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе ея теперешняго состоянія. Необходимость реформъ, какъ мы уже упоминали выше, сознавалась въ этомъ государствѣ давно, а іенскій погромъ и послѣдствія его сдѣлали ихъ неотложными. Штейнъ, призванный въ 1807 г. въ качествѣ министра-диктатора, былъ, по общему мнѣнію,

¹⁾ Pinloche. La réforme de l'éducation en Allemagne au dix-huitième siècle. Paris. 1889.

самымъ подходящимъ человѣкомъ для проведенія реформъ и на него возлагались большія надежды. Оцѣнка его дѣятельности и роли въ преобразованіяхъ, предпринятыхъ въ Пруссіи, была предметомъ сильныхъ споровъ въ нѣмецкой литературѣ, и нѣкоторые историки, какъ, напр., Трейчке, не только преувеличили значеніе сдѣланнаго имъ, но приписали ему даже такіе планы и тенденціи, которыхъ у него совершенно не было. Быть можетъ, на такое отношеніе къ нему со стороны прусскихъ историковъ, дѣйствительно, повліяло то обстоятельство, какъ утверждаетъ г. Кавеньякъ, что Штейнъ былъ извѣстнымъ врагомъ французскихъ революціонныхъ идей. Тѣмъ интереснѣе зато оцѣнка заслугъ Штейна, сдѣланная французскимъ историкомъ. Онъ говоритъ, что этотъ прусскій министръ обладалъ въ высшей мѣрѣ качествами человѣка дѣла: его твердая воля внушала всѣмъ глубокое уваженіе и на него смотрѣли, какъ на лицо, способное проложить дорогу реформамъ. Затѣмъ нашъ авторъ обращается къ анализу руководящихъ идей, лежавшихъ въ основѣ дѣятельности Штейна. По мнѣнію г. Кавеньяка, въ эту эпоху самое ясное представленіе о соціальной и политической революціи, которая должна была быть произведена въ Пруссіи, было у Гарденберга (стр. 335). О Штейнѣ же онъ выражается: „qu'il ne sut pas discerner clairement, dès le début, le caractère essentiel de la réforme à entreprendre“ (стр. 339). Реформа, о которой здѣсь говоритъ г. Кавеньякъ,— реформа соціальная, которой домогался Гарденбергъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, въ своемъ извѣстномъ сентябрьскомъ мемуарѣ 1807 г. Разбирая нассаускій мемуаръ Штейна тоже 1807 года, французскій историкъ указываетъ на то, что у него едва упоминается о соціальной реформѣ, а исключительно напирается на необходимость административныхъ преобразованій, которыя ему удалось только отчасти провести подъ самый конецъ своего министерства. Самый указъ 9 октября 1807 г. (объ освобожденіи крестьянъ) появился только за подписью Штейна, замѣчаетъ г. Кавеньякъ,—а былъ уже приготовленъ до его министерства. Какъ бы ни старался нашъ авторъ умалить результаты его аграрной реформы, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что Штейнъ усердно занимался крестьянскимъ вопросомъ. Если въ нассаускомъ мемуарѣ онъ мало распространялся относительно соціальной реформы, то это произошло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что онъ зналъ о невозможности задаваться въ этомъ отношеніи широкими планами, такъ какъ они неизбежно должны были бы наткнуться на сильнѣйшее противодѣйствіе. Самъ же г. Кавеньякъ рассказываетъ, какое волненіе и раздраженіе вызвалъ среди дворянства вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Съ другой стороны, Штейнъ зналъ, что, помимо всей опасности приняться при настоящемъ положеніи Пруссіи

исключительно за социальныя реформы, онъ, кромѣ того, не могли бы быстро принести желанныхъ результатовъ. Между тѣмъ у государства, разореннаго и почти уничтоженнаго, были теперь такія нужды, которыя требовали безотлагательнаго удовлетворенія. Настоятельныя потребности Пруссіи заставили, главнымъ образомъ, обратить вниманіе на улучшеніе ея финансовъ и администраціи. Значительная часть территоріи, оставленной Гогенцоллернамъ по тильзитскому миру, была оккупирована французскими войсками. Приходилось, конечно, прежде всего позаботиться о приведеніи въ порядокъ финансовъ и о скорѣйшей уплатѣ контрибуціи, чтобы очистить страну отъ чужеземныхъ войскъ. Но не только на реформу администраціи и финансового хозяйства считалъ нужнымъ всецѣло обратить вниманіе Штейнъ. Онъ стремился переродить Пруссію, пробудить ее отъ сна, въ который она была погружена политическою системою Фридриха II; онъ старался вызвать въ ней политическое самосознаніе и чувство патріотизма; онъ хотѣлъ, сверхъ того, привлечь къ участію въ дѣлахъ управленія всю страну. Но все это не удовлетворяетъ г. Кавеньяка. Онъ видитъ въ Штейнѣ консерватора, рыцаря прежнихъ временъ имперіи, который не можетъ освободиться отъ старыхъ традицій. Хотя нашъ историкъ и находитъ, что прусскій министръ не ылъ ни чуждъ, ни враждебенъ идеямъ социальной реформы, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ простить ему, что эти реформы не послужили для него исходною точкою отправленія и основою для реорганизаціи Пруссіи.

Послѣ непомѣрно строгой оцѣнки государственной программы Штейна, г. Кавеньякъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію его реформъ. Онъ начинаетъ съ крестьянскаго вопроса. Неблагопріятныя условія, при которыхъ приходилось Штейну проводить аграрную реформу, очерчены французскимъ историкомъ очень живо. Затѣмъ онъ излагаетъ обстоятельно примѣненіе закона 9 октября 1807 года объ отмѣнѣ крѣпостничества и практическія послѣдствія этого закона на помѣщичьихъ земляхъ и королевскихъ доменахъ. Но всюду проглядываетъ желаніе умалить значеніе заслугъ Штейна. Говоря о довольно успѣшномъ приведеніи въ дѣйствіе закона 9 октября на королевскихъ земляхъ, г. Кавеньякъ напоминаетъ, что это было продолженіемъ реформъ, начатыхъ въ томъ же духѣ уже въ первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма III; а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что аграрный вопросъ разрѣшался скорѣе вслѣдствіе самой силы обстоятельствъ и извѣстнаго настроенія умовъ, нежели благодаря плану, составленному Штейномъ. Нельзя не обратить вниманія на итоги, подведенные нашимъ историкомъ всему сдѣланному въ министерство Штейна по крестьянскому вопросу. На королевскихъ

доменахъ, говорить г. Кавеньякъ, была лишь дополнена реформа, предпринятая уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и состоявшая въ томъ, чтобы превратить фермеровъ на королевскихъ земляхъ въ мелкихъ собственниковъ, свободныхъ отъ натуральныхъ повинностей и дорожной барщины. Что же касается помѣщичьихъ земель, то, хотя личная свобода крестьянъ и была провозглашена, но практическія послѣдствія отъ этого еще не скоро наступили, и дворянство съумѣло даже извлечь благоприятные для себя результаты изъ эдикта 9 октября. Но все это, полагаемъ мы, не можетъ служить для осужденія дѣятельности Штейна.

Съ большимъ знаніемъ дѣла и очень подробно разбираетъ нашъ авторъ военную реформу въ Пруссіи. Наполеоновскія войны повели къ сильному перевороту въ военномъ искусствѣ. Прежняя военная организація, прежнія воззрѣнія на духъ, который долженъ господствовать въ войскахъ, оказались несостоятельными. Г. Кавеньякъ останавливается на вопросѣ о связи между политическимъ, общественнымъ и умственнымъ состояніемъ народовъ, съ одной стороны, и военнымъ, съ другой. Онъ указываетъ на значеніе нравственныхъ силъ въ войскахъ и развиваетъ мысль о томъ, какое огромное вліяніе имѣли примѣры французской революціи на реорганизаторовъ прусской арміи. Говоря о военной реформѣ, онъ останавливается на поддержкѣ, которую Шарнгорстъ встрѣтилъ со стороны Штейна. Такъ какъ политическая реформа въ это время не была вполне проведена, то и военная, находившаяся съ нею въ тѣсной связи, не могла быть глубокою, и результаты ея были скудны ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и эти незначительные результаты были достигнуты, по мнѣнію автора, подъ вліяніемъ французскаго образца, и онъ полемизируетъ съ историками, доказывающими самостоятельное нѣмецкое происхожденіе тѣхъ или другихъ нововведеній въ прусской арміи.

Г. Кавеньякъ не придаетъ особенной цѣны административнымъ реформамъ Штейна и его преобразованію высшихъ органовъ государственнаго управленія, такъ какъ онъ держится точки зрѣнія, что Пруссія нуждалась прежде всего въ социальной реорганизации. Быть можетъ, отчасти и вѣрно его замѣчаніе, что переимѣна къ лучшему въ судьбахъ Пруссіи произошла не вслѣдствіе перехода управленія изъ рукъ кабинета въ руки перваго министра, а благодаря тому, что

¹⁾ „L'accès du corps d'officiers ouvert à toutes les classes sociales, conquête plusthéorique que réelle,—quelque adoucissement dans la condition du soldat,—la suppression du recrutement des mercenaires,—et l'échec de tous les projets d'armée nationale, tel était le bilan de la réforme militaire, lorsque la convention de septembre 1808 et la retraite de Stein livrèrent de nouveau la Prusse désarmée à la domination française“. Cavaignac, 405.

Ломбарда и Гаугвица смѣнили такіе люди, какъ Штейнъ и Гарденбергъ; но нашъ авторъ забываетъ объ одномъ, что реформы знаменитаго прусскаго министра были направлены къ тому, чтобы путемъ хорошей государственной организаціи предотвратить дурныя послѣдствія, могущія послѣдовать отъ полученія власти несоотвѣстственными лицами. Будь всѣ проекты преобразованій Штейна приведены въ исполненіе, Пруссія несомнѣнно получила бы цѣлый рядъ государственныхъ учрежденій, которыя гарантировали бы ей болѣшій порядокъ и правильность во внутреннемъ управленіи. Не его вина, что эти проекты остались безъ выполненія.

Что касается идей Штейна относительно того, чтобы ввести національное представительство, дать доступъ къ управленію всѣмъ собственникамъ, то нельзя не согласиться вполне съ г. Кавеньякомъ, что эти планы прусскаго министра были туманны. Говорить нашъ авторъ и о реформѣ провинціальныхъ административныхъ учреждений или, такъ называемыхъ, прежнихъ *Kriegs-und Domänenkammern*. Отмѣчая отдѣленіе отъ администраціи судебныхъ функцій, онъ указываетъ на неудачную мысль Штейна привлечь къ участию въ управленіи само общество путемъ введенія въ провинціальные административныя учрежденія представителей отъ данныхъ областей, которые выбирались бы земскими чинами. Дѣйствительно, только что упомянутый проектъ Штейна не имѣлъ шансовъ для успѣха, какъ это тотчасъ же и оказалось.

Но самой строгой оцѣнкѣ подвергается французскимъ историкомъ отношеніе Штейна къ реформированію правъ, которыми пользовались помѣщики. Дѣйствительно, Пруссія вслѣдствіе сосредоточенія въ рукахъ дворянъ-землевладѣльцевъ сельской полиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а также судебной власти, представляла родъ патримоніальнаго государства. Г. Кавеньякъ знаетъ тѣ трудности, на которыя пришлось бы натолкнуться Штейну, если бы онъ задумалъ предпринять реформу сеньюральныхъ правъ прусскихъ помѣщиковъ, онъ понимаетъ, что въ этомъ случаѣ пришлось бы взяться за коренное преобразование сложившихся вѣками отношеній. Тѣмъ не менѣе онъ обвиняетъ Штейна въ недостаткѣ смѣлости и упрекаетъ его за то, что за помѣщиками были оставлены почти всѣ ихъ прежнія сеньюральныя права. Но г. Кавеньяку слѣдовало бы обратить вниманіе на то, возможно ли было при тогдашнемъ положеніи Пруссіи рѣшиться на такія коренныя соціальныя реформы. Достаточно уже и того, что Штейнъ рѣшился поднять указанный вопросъ.

Одна только городская реформа (19 ноября 1808 г.) заслужила полное одобреніе со стороны г. Кавеньяка. За нею онъ признаетъ

сильность и замѣчаетъ, что она стала возможною, такъ какъ города уже давно освободились отъ феодальныхъ цѣпей. Французскій историкъ приписываетъ заслугу въ проведеніи этой реформы всецѣло Штейну. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ подготовленіи новаго городского положенія прусскій министр-диетаторъ принималъ непосредственное участіе, входилъ во всѣ подробности, однимъ словомъ, что здѣсь 19 ноября воплѣнъ его дѣтище и носить отпечатокъ его идей.

На министерствѣ Штейна обрывается трудъ нашего автора, какъ мы уже объ этомъ упоминали выше. Разобравъ всѣ предпріятыя при немъ реформы, г. Кавеньякъ еще разъ останавливается на одѣйствіи значенія дѣятельности знаменитаго прусскаго министра. Онъ говоритъ, что если взять только реформы, реализованныя Штейномъ, то результатъ ихъ окажется очень ограниченнымъ. При томъ идеямъ его нѣмецкими историками было приписано болѣе ясности и важности, нежели было въ дѣйствительности. Что же касается утвержденія, будто Пруссія подъ руководствомъ Штейна мирнымъ путемъ добила тѣхъ же результатовъ, которые Франція стояла столько крови, то это г. Кавеньякъ рѣшительно отвергаетъ, указывая на то, что феодальныя начала далеко не были окончательно уничтожены въ Пруссіи. „On peut dire“,—говоритъ онъ,—„que la Prusse ne se distinguait de la France, et Stein de la Révolution française, qu'en reculant devant la tâche que l'une et l'autre avaient accomplie“.

Этими словами заканчиваетъ французскій историкъ свое сочиненіе. Ему, несомнѣнно, удалось освѣтить настоящимъ образомъ отдѣльные вопросы, а также онъ собралъ не мало матеріала, доказывающаго тенденціозность прусскихъ историковъ; но тѣмъ не менѣе, по прочтеніи этого труда, не чувствуешь себя вполне удовлетвореннымъ. Берясь за книгу г. Кавеньяка, ожидаешь, что имъ будетъ представлена картина развитія могущества Пруссіи, будутъ обстоятельно прослѣжены причины, обусловившія ея быстрый ростъ. Между тѣмъ все это скорѣе затемнѣно авторомъ, нежели выяснено. Когда онъ говоритъ въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія, что въ историческомъ развитіи Пруссіи замѣчаются задатки, изъ которыхъ должно было безусловно вырасти сильное государство, долженствовавшее стать убѣжищемъ нѣмецкаго патріотизма, то это не болѣе какъ повтореніе извѣстныхъ фразъ прусскихъ историковъ; а тѣмъ временемъ въ книгѣ напрасно ищешь яснаго, опредѣленнаго изображенія этихъ задатковъ будущаго прусскаго могущества. Указанное обстоятельство зависитъ отчасти, какъ отъ самаго способа изложенія, такъ и оттого, что авторъ обратилъ главное вниманіе на аграрную реформу. Эволюція государственнаго строя изложена имъ далеко не такъ обстоя-

тельно, какъ бы слѣдовало, и развитію городского элемента у него отведено слишкомъ мало мѣста. Кромѣ того экономическая и финансовая жизнь Пруссіи оставлена имъ безъ вниманія, въ то время какъ изученіе этого вопроса помогло бы ему понять истинный смыслъ и причины многихъ предпринимавшихся реформъ. Стремленіе же его смотрѣть на внутреннее развитіе Пруссіи съ французской точки зрѣнія повело къ тому, что не всѣ стороны жизни этого государства ему удалось видѣть въ надлежащемъ свѣтѣ. Поэтому, по прочтеніи книги г. Кавеньяка, все-таки не выносишь яснаго представленія, откуда же взялись у Пруссіи силы для того, чтобы выйти такъ скоро изъ состоянія полного упадка и униженія, въ которомъ она находилась послѣ іенскаго погрома?

Варшава. 20 сентября 1892 г.

Зарожденіе республиканской партіи во Франціи.

М. М. Ковалевскаго.

Въ то время какъ Мирабо, а за нимъ Малуэ и члены триумвирата (Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ) дѣлали тщетныя усилія поднять авторитетъ короля путемъ послѣдовательныхъ измѣненій въ конституціи, люди, которыхъ Джефферсонъ еще въ 1789 году объявлялъ „скрытыми республиканцами“ и которые долгое время ограничивали свои задачи защитой единства представительства и полного подчиненія короля палатѣ, все яснѣе и опредѣленнѣе стали обнаруживать свои анти-монархическія тенденціи. Во главѣ ихъ надо поставить двухъ человекъ, весьма отличныхъ (по своему прошлому, но которые имѣли случай сблизиться, посѣщая салонъ Джефферсона и ища въ ближайшемъ знакомствѣ съ республиканскими учреждениями Соединенныхъ Штатовъ критерій для оцѣнки конституціонныхъ декретовъ Учредительнаго собранія. Говоря это, я имѣю въ виду Бриссо и Кондорсе, журналиста и ученаго, плебея и маркиза, человека, который съ самаго начала ставилъ для себя высшимъ идеаломъ американскіе порядки и человека, который долгое время былъ послѣдователемъ Тюрго и физиократовъ, подобно имъ проповѣдовалъ необходимость сильной монархической власти и ограниченія правъ представительства одними землевладѣльцами ¹⁾). Правда, раньше обоихъ Демуленъ въ своей „Свободной Франціи“ открыто признавалъ себя республиканцемъ, но его обвинительное слово противъ королей, правившихъ дотолѣ его родиной, не содержало въ себѣ никакой опредѣленной республиканской программы. Демуленъ не только не говоритъ ни слова о прямомъ вмѣшательствѣ народа въ законодательную дѣятель-

¹⁾ См. *Eloge de Turgot* въ *Oeuvres complètes de Condorcet*.

ность, о голосованіи новыхъ законопроектовъ собраніями избирателей, но считаетъ еще нужнымъ высказаться противъ допущенія рабочихъ къ выборамъ, въ виду ихъ необезпеченности и происходящей отсюда зависимости отъ предпринимателей. Онъ не говоритъ также ничего о порядкѣ назначенія главы государства путемъ избранія и ограничивается простой амплификаціей взглядовъ Маблі на бѣдствія, причиняемыя странѣ ея наслѣдственными правителями. Въ позднѣйшей своей публицистической дѣятельности, въ теченіе всего 1790 и первой половины 1791 года, подъ непосредственнымъ, быть можетъ, вліяніемъ своего друга Робеспьера, Демуленъ даже отказывается отъ поддержки республиканской программы, говоря, что „республика существуетъ повсюду, гдѣ признанъ суверенитетъ націи и установлена система выбора народомъ администраторовъ и судей“ 1). Условія, въ какія поставлена была печать во Франціи, не въ силахъ дать одни объясненіе этому факту, такъ какъ въ то самое время, когда Демуленъ готовъ былъ дать свою поддержку устанавливаемымъ собраніемъ порядкамъ, Бриссо и Кондорсэ все рѣзче и рѣшительнѣе нападали на нихъ, развивая мысль о необходимости противопоставить вновь создаваемой конституціи уже обнародованную декларацію правъ человѣка и гражданина. Послѣдняя, на ихъ взглядъ,—мирилась только съ чисто республиканскими порядками. Правда, ни Кондорсэ, ни Бриссо не рѣшались употреблять еще открыто самый терминъ республики. Но зато участіе народа, помимо его представителей, въ осуществленіи функцій суверенитета и даже избраніе министровъ независимо отъ короля путемъ народныхъ выборовъ, отиѣна цивилиста, установленіе политической отвѣтственности министровъ, право всеобщаго голосованія, неограниченность свободы печати и права петицій, равное допущеніе всѣхъ гражданъ въ ряды національной гвардіи и т. п. находили ежедневную защиту на столбцахъ ихъ газетъ. Въ то время, какъ большинство парламентскихъ вожakovъ прямо или косвенно признавало, что источникъ раздиравшихъ Францію безпорядковъ и междоусобій лежитъ въ отсутствіи необходимой энергіи въ органахъ исполнительной власти, и только расходились въ объясненіи причинъ этого недостатка, приписывая его—одни несовершенствамъ конституціонныхъ декретовъ, другіе—скрытому желанію короля и министровъ поддержать анархію добровольнымъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ 2), Бриссо

1) См. *Les Révolutionnaires de France et de Brabant*, конца 90 г. начала 91 года и отзывъ Мале дю Панъ о перемѣнѣ происшедшей во взглядахъ Демулена, (*d'Héricanet. Autour d'une révolution, période, непосредственно предшествующій бѣгству въ Вареннѣ*).

2) Дюпоръ обвинялъ министерство въ желаніи „faire le mort“.

и Кондорсе считали возможным говорить о необходимости нового сокращения функций исполнительной власти и открыто проповѣдовали, что „свобода обратно пропорціональна силѣ правительственной репрессіи“. Любопытно при этомъ то, что оба писателя одинаково искали подтвержденія этой мысли въ Америкѣ. Они не видѣли, что распределенная между федеральными, кантональными и мѣстными органами, исполнительная власть въ Соединенныхъ Штатахъ надѣлена тѣми же функциями, что и въ Англіи; можно сказать даже, что ея функціи обширнѣе, такъ какъ, благодаря отсутствію парламентаризма и свободѣ президента и губернаторовъ въ выборѣ ближайшихъ совѣтниковъ и министровъ, исполнительная власть располагаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ несравненно большею самостоятельностью. А между тѣмъ вотъ что Бриссо позволялъ себѣ утверждать, опираясь на опытъ Америки. „Французы! хотите быть всегда свободными, всегда независимыми въ своихъ выборахъ и мнѣніяхъ?—ограничьте по возможности сферу дѣятельности исполнительной власти. Въ этомъ лежитъ секретъ тѣхъ, кого называютъ республиканцами; они хотятъ всячески сократить число ея функций. Если американцы призваны сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ, то потому между прочимъ, что исполнительная власть имѣетъ у нихъ мало силы (*peu de force*). Благоустройство общества всегда зависитъ отъ большаго или меньшаго размѣра признанной въ немъ свободы. Но чѣмъ больше свободы, тѣмъ меньше должно быть власти у правительства. Эта власть усиливается только въ ущербъ свободѣ. Можетъ ли народъ, не имѣющій правительства, спрашиваетъ себя далѣе Бриссо, быть счастливымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, если нравы его чисты“.

Для иллюстраціи своей мысли онъ ссылается на примѣръ квантеровъ, „которые болѣе вѣка прожили безъ муниципальных властей, безъ полиціи, безъ всякаго рода средствъ принужденія“ 1). Такова точка зрѣнія, съ которой Бриссо разсматриваетъ отношенія свободы и власти. Кондорсе высказывается въ томъ же смыслѣ. Въ своемъ трактатѣ „О природѣ политическихъ властей“ онъ говоритъ, что „народъ, желающій быть свободнымъ и мирнымъ, нуждается въ законахъ, которые бы довели до минимума правительственную дѣятельность; анархисты,—прибавляетъ онъ,—впервые отмѣтили эту истину, но они сдѣлали это подъ вліяніемъ смутнаго недовѣрія, стремясь къ независимости разгуда“. Они надѣялись достигнуть ничтожества правительства, возбуждая къ нему недовѣріе, вызывая столкновения между властями, дробя эти власти на мелкія частицы, которыя плохо со-

1) См. *Nouveau voyage dans les Etats Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788* (par J. P. Brissot de Warville citoyen français) стр. 24, 25, 27, 44.

гласуются между собою. На самомъ же дѣлѣ необходимо, чтобы это почти полное ничтожество правительства было результатомъ глубоко продуманной и ловко комбинированной системы законовъ ¹⁾. Отношеніе Бриссо и Кондорсэ къ монархіи, столь различное на первыхъ порахъ, къ концу 90 года становится одинаковымъ.—Съ того момента, писалъ Бриссо весной 90 года, какъ національное собраніе провозгласило наслѣдственность королевской власти, оно декретировало недоувѣріе народа къ главѣ исполненія. Искреннее и сердечное доувѣріе подданныхъ къ правителю мыслимо только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ послѣдній избираемъ, такъ какъ въ нихъ однихъ правящіе находятся въ постоянной зависимости отъ управляемыхъ. Исторія Франціи,—скажетъ тотъ же Бриссо 2-го іюля 91 года, повторяя тезисъ Демулена,—раскрываетъ предъ нами длинный рядъ народныхъ бѣдствій, источникомъ которыхъ были короли. Какую пользу представляетъ должность, не требующая ни опыта, ни умѣнья, которую можно поставить въ зависимость отъ случайности рожденія, которую можетъ осуществлять идіотъ, сумасшедшій, злодѣй въ такой же мѣрѣ, какъ и мудрецъ. Такая должность, очевидно, по существу своему ничтожна. Это постъ, созданный больше для представительства, нежели для преслѣдованія дѣйствительной пользы государства. (*C'est une place de représentation et non d'utilité* ²⁾). Французы достигли той зрѣлости, того возраста мудрости, при которомъ люди не довольствуются больше словами и способны понять, что ничтожный самъ по себѣ король можетъ сдѣлаться тѣмъ не менѣе серьезной для нихъ опасностью. Въ своей *profession de foi* отъ 5 іюля 91 года Бриссо точнѣе опредѣляетъ то, что слѣдуетъ разумѣть подъ республикой, какъ формой правленія, отличной отъ монархіи. „Я понимаю подъ нею,—говоритъ онъ,—такой порядокъ государственнаго устройства, 1) при которомъ всѣ власти осуществляются въ силу делегаціи, 2) и избираются изъ народа самимъ народомъ или его уполномоченными, 3) при которомъ всѣ они временны и смѣняемы. Соединенные Штаты—единственное государство представляющее чистѣйшій образецъ подобной республики. Бриссо останавливается на той мысли, что древнія республики основаны на совершенно иныхъ началахъ. Происходившіе въ нихъ волненія и безпорядки не доказываютъ еще несостоятель-

¹⁾ Cette presque nullité doit être le résultat d'un système de lois profondément combiné. (De la nature des pouvoirs politiques. Oeuvres. Изд. 1804 года, томъ XVI, стр. 137).

²⁾ Nouveau voyage dans les Etats. Unis. стр. 44 (примѣч.). Большая часть этого тома изъ котораго заимствованъ приведенный въ текстъ отрывокъ отпечатанъ раньше 19 іюня 90 года.

³⁾ Avis aux français (Patriote français № 69).

ности республиканскаго режима. Они происходили отъ несовершенствъ въ порядкѣ голосованія. Народъ обсуждалъ дѣла на площади: печати не существовало и голосующіе лишены были того руководства, какое они находятъ въ ней нынѣ; сами собранія были крайне многочисленны и ловкимъ ораторамъ легко было овладѣть мнѣніемъ неподготовленной печатью толпы; все это вмѣстѣ взятое было причиной того, что пренія обыкновенно были шумны, а рѣшенія ошибочны или невѣрно переданы. Но всего этого легко избѣжать при представительномъ образѣ правленія, въ которомъ интересы всѣхъ передаются въ руки немногихъ избранныхъ. Это одно уже дѣлаетъ возможнымъ внести въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ большее спокойствіе и глубину; рѣшенія становятся менѣе поспѣшны, и болѣе справедливы; они передаются точнѣе. Цѣлая бездна отдѣляетъ такимъ образомъ представительныя республики отъ республикъ древности. Республиканцы Франціи не желаютъ ни чистой демократіи Аѳинъ, ни спартанской олигархіи съ двумя царями во главѣ, ни аристократической демократіи Рима; они хотятъ образа правленія, основаннаго на представительствѣ. Тоже начало допущено въ устройствѣ отдѣльныхъ частей созданной собраніемъ конституціи, за исключеніемъ одной, именно той, которая отвѣчаетъ задачамъ исполненія. Законодательная и судебная власть построены на представительствѣ; сама даже исполнительная не остается вполнѣ чуждой этому же началу, такъ какъ департаментскія власти и мѣстные органы налогового управленія избирательны. На пять шестыхъ французская конституція поэтому можетъ считаться республиканскою. Монархистовъ и республиканцевъ не раздѣляетъ болѣе ничего, кромѣ слѣдующаго. Республиканцы хотятъ, чтобы система представительства распространена была и на королевскую власть; монархисты же противятся этому. Первые ближе къ духу конституціи, такъ какъ требуютъ одного распространенія установленнаго ею начала представительства на ту шестую часть, которая доселѣ оставалась свободной отъ него ¹⁾. Съ

¹⁾ См. *Partriotte français* № 696 отъ 5 іюля 91 г. Сдѣланныя въ текстѣ выписки, мнѣ кажется, не оставляютъ сомнѣнія, что въ глазахъ Бриссо республиканская партія во Франціи была чѣмъ то существующимъ и сознательно ставила себѣ цѣлью низверженіе наслѣдственной королевской власти. Но въ приписываемыхъ тому же Бриссо мемуарахъ высказывается нѣчто какъ разъ обратное. „Надо, значитъ въ нихъ (томъ III, стр. 329), признать, что республиканской партіи повсе не существуетъ. Это привидѣніе, выдуманное умѣренными, чтобы возстановить своихъ адептовъ противъ патріотовъ. Республиканизмъ такъ мало отвѣчаетъ дѣйствительности, что „бѣшеные“, которымъ приписывается пристрастіе къ нему, первые потребовали бы воцаренія новаго короля, если бы имъ было предоставлено право низлагать его въ

неменьшей откровенностью высказывалъ Кондорсэ свои взгляды на монархію и республику. Нимало не стѣсняясь нѣкогда вырвавшимся у него заявленіемъ, что „Франція остается монархіей, такъ какъ эта форма государственнаго устройства одна отвѣчаетъ обширности ея территоріи, богатству, населенности, наконецъ, самому началу политическаго равновѣсія въ Европѣ“¹⁾, Кондорсэ считаетъ возможнымъ объявить въ настоящее время, что удобства связанныя съ наслѣдственной монархіей сводятся къ тому, что 1) она предполагаетъ, во-первыхъ, существованіе громаднаго бюджета, распоряженіе, которымъ вызываетъ во многихъ надежду наживы 2) и ведетъ, во-вторыхъ, къ образованію около наслѣдственной должности правителя столь же наслѣдственной передачи имущественнаго положенія и вліянія въ рядахъ немногихъ семей, близко стоящихъ къ престолу“.

Эта преимущество вліянія и власти привлекаетъ къ монархіи многихъ изъ тѣхъ, кого равенство, неизбежное въ хорошо устроенномъ государствѣ, способно повергнуть въ отчаяніе. Суровые умы, прибавляетъ Кондорсэ, видятъ, правда, въ такомъ порядкѣ вещей только опасность для народа, они не хотятъ признать, что косвенныя вліянія въ извѣстной степени необходимы для умаленія пыла патріотовъ, и что не слѣдуетъ отнимать у чванства всякую надежду на успѣхъ, признавая личныя достоинства и заслуги единственнымъ путемъ къ отличію 2) Нечего и говорить, что этотъ способъ защиты ближе къ сатиры, чѣмъ къ панегирику и что отъ заявленія, будто монархія полезна, по тому лишь, что льститъ честолюбію и корысти, до признанія ея вредною переходъ былъ далеко не труденъ. Кондорсэ дѣлаетъ его въ 1791 году подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвели на него бѣгство короля въ Вареннъ и та перспектива иноземнаго нашествія, какую общественное мнѣніе связывало съ этимъ бѣгствомъ. 12 іюля 91 года онъ читаетъ въ „соціальномъ клубѣ“ (cercle social) устроенномъ аббатомъ Фошэ и радикаломъ Бонневиль, мемуаръ, посвященный рѣшенію вопроса: нуженъ ли король для сохраненія свободы? Отвѣтъ Кондорсэ отрицательный. Въ отзывѣ, какой о его чтеніи даетъ журналъ Бриссо, значится: „философу удалось одновременно убѣдить умы и тронуть сердца; онъ побѣдоносно установилъ тотъ взглядъ, что свобода печати, при широкомъ распространеніи любви къ чтенію книгъ и газетъ, является непреодолимымъ препятствіемъ

конституціонномъ порядкѣ“. Это мѣсто, на нашъ взглядъ, даетъ новое основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы авторомъ „мемуаровъ“ былъ Бриссо.

¹⁾ Reflexions sur les pouvoirs et instructions à donner par les provinces à leurs députés aux Etats Généraux стр. 16.

²⁾ Sur l'institution d'un conseil électif. Oeuvres de Condorcet томъ XVI, стр. 237.

къ установленію въ будущемъ тиранніи, подобной Кромвелевской". Смѣхъ беретъ, когда подумаешь, что эта оптимистическая надежда высказывалась не болѣе какъ за два года до установленія „тиранніи“ комитета общественнаго спасенія и смѣнившей его диктатуры Робеспьера, и всего за семь лѣтъ до *coup d'état* 18 брюмера. Хвала Кондорсе за его панегирикъ республикѣ, „французскій патриотъ“ утверждаетъ, что философъ побѣдоносно разбилъ обычное возраженіе монархистовъ, доказавши, что обширность территоріи не только не препятствуетъ, но напротивъ того, содѣйствуетъ утвержденію во Франціи республиканскаго правительства. Наслѣдственность престола, замѣтилъ ораторъ, не устраняетъ безпорядковъ; она только воздвигаетъ противъ правительства наслѣдственное недовѣріе всѣхъ друзей свободы. Это недовѣріе заставляетъ ихъ ставить ей на каждомъ шагу препоны и замедлять тѣмъ самымъ ея движенія" ¹⁾.—Кондорсе объяснялъ перемѣну своихъ взглядовъ на республику и монархію тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на него недавній ходъ событій. Но есть основаніе думать, что вліяніе такихъ убѣжденныхъ республиканцевъ, какъ Томасъ Пэнъ и такихъ знатоковъ американскихъ порядковъ, какъ Клавьеръ и Бриссо, также не осталось ей чуждымъ. Въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ извѣстный сотрудникъ Мирабо, женевецъ Дюмонъ, даетъ намъ самое выгодное представленіе объ искренности и сердечной чистотѣ того ученаго математика и философа, какимъ на самомъ дѣлѣ былъ Кондорсе. Онъ изображаетъ его намъ главнымъ вожакомъ той мирной пропаганды, которая подготовила во Франціи республику за долго до 10-го августа 92 года. Кондорсе, пишетъ онъ, не разъ высказывался противъ установленія ея насильственнымъ образомъ. „Если путь къ ней проложенъ будетъ революціей, говорилъ онъ, если народъ открыто возстанетъ противъ двора, послѣдствія могутъ быть самыя ужасныя. Но въ то же время Кондорсе считалъ необходимымъ воспользоваться обстоятельствами для мирнаго водворенія республики" ¹⁾. Его взгляды вполнѣ раздѣляемы были и его женою. Пропаганда обоихъ создала республикѣ многихъ приверженцевъ. Салонъ Кондорсе сдѣлался для нея настоящимъ очагомъ. Серьезность характера, склонность къ метафизическимъ разсужденіямъ, пристрастіе къ республиканскимъ писателямъ древности, энтузіазмъ къ сочиненіямъ Руссо создали въ господахъ Кондорсе фаватическую приверженность къ политическимъ идеаламъ ея мужа. „Оба супруга одинаково были убѣждены, что свобода не можетъ удержаться во Франціи бокъ о бокъ съ престоломъ. Источникъ такого предубѣжденія съ ихъ стороны надо искать

¹⁾ „Patriote français“ № 707 отъ 17 іюля 91 года.

²⁾ Etienne Dumont Souvenirs стр. 324.

въ тѣхъ ложныхъ представленіяхъ, какія Томасъ Пэнъ далъ имъ объ Англіи. „Не разъ, пишетъ Дюмонъ, пытался я опровергнуть его взгляды, но это не вело ни къ чему. Пэнъ отличался безумнымъ чванствомъ. Если вѣрить ему, все происшедшее въ Америкѣ, было дѣломъ его рукъ. Ему казалось, что книга его о правахъ человека можетъ замѣнить собою всѣ прочія, и онъ не разъ говорилъ намъ безъ обиняковъ, что если бы отъ него зависѣло сжечь всѣ бібліотеки, онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь. Тѣмъ самымъ, думалъ онъ, разрушены будутъ въ корнѣ всѣ заблужденія и можно будетъ положить при одномъ содѣйствіи его сочиненія начало новой цѣпи идей и принциповъ“ ¹⁾. Подъ влияніемъ Пэна Америка въ скоромъ времени сдѣлалась для супруговъ Кондорсе образцомъ хорошаго правительства, и они остановились на мысли о возможности пересадить во Францію ея порядки. Дюмонъ употребляетъ даже терминъ „федерализмъ“, чтобы передать характеръ той политической системы, о какой Кондорсе мечталъ въ примѣненіи къ Франціи. Но въ сочиненіяхъ этого мыслителя трудно найти какія-либо доказательства тому, что онъ не могъ представить себѣ разумнаго устройства своей родины иначе, какъ въ формѣ сѣти полу-независимыхъ республикъ. Я думаю, что Дюмонъ принимаетъ одну за другую и смѣшиваетъ въ своемъ представленіи двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга системы:—систему дробленія суверенитета между кантональными правительствами и федеральнымъ, и систему дробленія ея между націей, какъ цѣлымъ, и ея представителями. О первомъ нѣтъ рѣчи въ сочиненіяхъ Кондорсе, который въ защитѣ начала мѣстнаго самоуправленія не идетъ далѣе Тюрго и всей школы физиократовъ. Подобно имъ онъ желаетъ муниципальной независимости, раздѣленія Франціи на мелкія провинціи подъ управленіемъ административныхъ совѣтовъ, избираемыхъ классомъ землевладѣльцевъ. Наоборотъ, та мысль, что народъ передаетъ только часть принадлежащаго ему суверенитета въ руки представителей и сохраняетъ за собой въ частности право утвержденія и отверженія издаваемыхъ ими законовъ и конституцій, является въ такой же мѣрѣ краеугольнымъ камнемъ политической доктрины Кондорсе, какъ и то, что всѣ власти, не исключая исполнительной, должны имѣть своимъ источникомъ народъ и подлежать строгой и ежечасной отвѣтственности предъ народомъ. Всего полнѣе эти мысли развиты въ трактатѣ, озаглавленномъ „О природѣ политическихъ властей“. Проводя вслѣдъ за Руссо тотъ взглядъ, что въ государствѣ съ сколько-нибудь обширной территоріей немислимо прямое народовластіе, прямое участіе народа въ законодательной дѣятельности, Кондорсе въ то же время говоритъ, что это

¹⁾ Ibid. стр. 331.

обстоятельство не мѣшаетъ непосредственному призыву гражданъ къ голосованію всякій разъ, когда предстоитъ рѣшить, согласенъ или несогласенъ новый законъ съ естественными правами человѣка. Разумѣется, такая аппеляція къ народу не должна имѣть мѣста по отношенію къ законамъ, имѣющимъ второстепенное значеніе,—регулирующимъ детали, восполняющимъ пробѣлы или приводящимъ въ соотвѣтствіе отдѣльныя стороны предшествовавшаго законодательства. Но это было бы въ высшей степени желательнымъ и исполнѣ осуществимымъ по отношенію къ руководящимъ законамъ, обнимающимъ собою цѣлыя области права, какъ, напр., гражданскій кодексъ, процессуальный и т. п. Но есть законы, для которыхъ это еще болѣе необходимо: это тѣ, которыми опредѣляется самый составъ того корпуса, въ руки коего передана забота объ ихъ изготовленіи. Отъ народнаго признанія получаетъ этотъ корпусъ свой настоящій авторитетъ, авторитетъ, позволяющій ему требовать законнаго подчиненія своимъ велѣніямъ даже до момента ихъ утвержденія избирателями ¹⁾. Говоря это, Кондорсэ высказывается въ пользу голосованія народомъ учредительныхъ законовъ или конституціи. Но если народу принадлежитъ право вотировать конституцію, то ему же должно быть предоставлено и вносить въ нее вызываемыя временемъ измѣненія. За одно съ Руссо и Мабли, Кондорсэ не видитъ возможности допустить то различіе между обыкновенными законами и законами основными, которое состояло бы въ признаніи неизбѣжности послѣднихъ. Онъ пишетъ даже отдѣльный трактатъ съ цѣлью доказать необходимость періодическаго созыва конвента или, что то же, учредительнаго собранія, для пересмотра и исправленія конституціи. Новая редакція не становится сразу закономъ, а поступаетъ предварительно на голосованіе гражданъ. Это голосованіе необходимо уже потому, что народу принадлежитъ, какъ мы видѣли, въ системѣ Кондорсэ право блюсти за тѣмъ, чтобы законы не заключали въ себѣ ничего противнаго естественнымъ правамъ человѣка. Конвентъ въ этомъ отношеніи такъ же связанъ, какъ и обыкновенная законодательная палата: права человѣка должны быть для него столь же священны и столь же неприкосновенны ²⁾.

Еслибы Кондорсэ былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ федералистомъ, какимъ изображаетъ его Дюмонъ, онъ бы несомнѣнно постарался провести свои взгляды при установленіи самой системы народнаго представительства, предложивъ, напр., устройство сената, который, подобно

¹⁾ См. Oeuvres, т. XVI, стр. 117 и 118.

²⁾ (См. трактатъ Кондорсэ, озаглавленный: Sur la nécessité de faire ratifier la constitution par les citoyens, т. XVI, стр. 201.

американскому, являлся бы стражем независимости отдѣльных областей. Но Кондорсэ рѣшительно высказывается противъ всякой системы двухъ палатъ, все равно, будетъ ли въ основаніе ея положено представительство однихъ и тѣхъ же или разныхъ интересовъ.

Онъ мирится только съ установленіемъ бокъ-о-бокъ съ единой и всемогущей народной камерой какой-то академіи просвѣщенныхъ людей, академіи, надѣленной относительнымъ veto, правомъ двоекратнаго, каждый разъ мотивированнаго, отказа въ утвержденіи изданныхъ Національнымъ собраніемъ законовъ. Въ этой академіи можно отмѣтить, пожалуй, зародышъ политическихъ мечтаній основателя позитивизма, Огюста Конта. Но въ ней нельзя найти ни малѣйшаго проблеска враждебности къ системѣ политическаго единства Франціи или попытку устроить ея представительство на федеральной основѣ 1). Рядомъ съ заботою о сохраненіи возможнаго участія народа въ законодательной дѣятельности и Кондорсэ, за одно съ Бриссо, задается мыслью обезпечить народу выборъ всѣхъ властей въ государствѣ. Въ числѣ причинъ, которыя, согласно пророчеству Бриссо, должны сдѣлать изъ Америки первую страну въ мірѣ, редакторъ „французскаго патріота“ ставитъ избирательный характеръ публичныхъ должностей, не исключая исполнительныхъ, и связанное съ избраніемъ право народа отставлять отъ должности 2). Кондорсэ развиваетъ ту же мысль, отказываясь даже открыто въ пользу ея отъ дорогого ему нѣкогда ученія физиократовъ о тѣсной связи избирательнаго права съ землевладѣніемъ. Онъ забываетъ, повидимому, что не далѣе, какъ въ 1789 г., въ „Идеяхъ о деспотизмѣ“ онъ позволилъ себѣ буквально слѣдующее утвержденіе: „равенство не страдаетъ отъ того, если одни собственники пользуются правомъ гражданства, ибо они одни владѣютъ территоріей, и никто не можетъ избрать ее своимъ мѣстожителемъ безъ ихъ согласія“. 20 апрѣля 1790 г. онъ отъ имени парижской коммуны составляетъ къ собранію адресъ, въ которомъ требуетъ отмѣны закона, ставившаго пользованіе избирательнымъ правомъ въ зависимость отъ величины обложенія. Въ этомъ адресѣ говорится, что требованіе отъ избирателей подати, равной десяти-дневному заработку, а отъ депутатовъ—марки серебромъ прямого обложенія лишаетъ гражданъ равнаго участія въ занятіи должностей и представляетъ собою поэтому открытое противорѣчіе тѣмъ обѣщаніямъ, какія даны декларацией правъ. „Каждый гражданинъ, утверждаетъ Кондорсэ, свободенъ дать свое довѣріе кому заблагоразсудитъ; онъ вправѣ поручить за-

1) Examen sur cette question. Est-il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres (т. XV, Oeuvres, стр. 77, 79, 93, 101).

2) См. Nouveau voyage dans les Etats-Unis, т. I, вступл., стр. 44.

щиту общественныхъ интересовъ тому, кто въ его глазахъ соединяетъ въ себѣ болѣе другихъ рвеніе, честность, смѣлость и знаніе". Кондорсэ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣкоторую уступку своимъ прежнимъ взглядамъ, говоря, что всякія избирательныя ограниченія справедливы только тогда, когда вызываются необходимостью; но этой-то необходимости и нѣтъ на-лицо. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, повторяя въ сущности то же, что высказано было Бэркомъ, если полезно устранить отъ занятія публичныхъ должностей лицъ, не имѣющихъ независимаго состоянія, и сохранить должности для тѣхъ, кого труднѣе подкупить, требуемый вами платежъ далеко не достигаетъ своей цѣли ¹⁾. Право народнаго избранія распространяется, по ученію Кондорсэ, на выборъ не однихъ представителей, но и чиновниковъ государства. По своей матеріальной необеспеченности и простирающему отсюда недостатку знаній, люди изъ простонародья, какъ общее правило, не призваны къ занятію публичныхъ постовъ. Правящій классъ долженъ поэтому признать за управляемыми извѣстную сферу власти, которая одна можетъ утѣшить ихъ въ недостаткѣ болѣе непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Этимъ, говоритъ Кондорсэ, обусловливается значеніе прямой системы выборовъ, при которой нѣтъ необходимости прибѣгать къ той фикціи, которая одна позволяетъ видѣть въ депутатѣ, назначенномъ выборщиками, продуктъ народнаго избранія ²⁾. Другое средство сохранить за простонародьемъ участіе въ государственной жизни, это возможно частое повтореніе выборовъ. Кондорсэ, подобно Бриссо, думаетъ, что періодическое возобновленіе въ короткіе сроки служебнаго персонала является необходимымъ условіемъ для установленія того довѣрія, какое подданные должны питать къ правительству, чтобы дѣятельность его могла развиваться безпрепятственно. Въ этомъ отношеніи и тотъ, и другой писатель слѣдуютъ въ такой же степени примѣру классическихъ республикъ древности, какъ и современной имъ американской федераціи. Одну изъ причинъ необходимости частаго повторенія выборовъ Кондорсэ видитъ въ томъ же соображеніи, какое заставляло писателей древности превозносить эту систему. Съ античной точки зрѣнія свобода, какъ извѣстно, лежала не столько въ гарантіи личности отъ произвола, сколько въ участіи въ управленіи. Чѣмъ распространеннѣе было это участіе, тѣмъ обезпеченнѣе казалась свобода. Эта античная идея, при которой свобода тѣсно сливается съ равенствомъ во власти, оживаетъ снова въ эпоху французской революціи. Зародышъ ея можно найти уже въ сочиненіяхъ Руссо и Маблі, но съ полной силой и опредѣленностью

¹⁾ Condorcet. Adresse à l'assemblée nationale, т. XVI, стр. 171.

²⁾ Des pouvoirs politiques, стр. 134.

высказывают ее впервые сторонники республиканских порядков и въ числѣ ихъ Кондорсэ. Еще въ „Письмахъ дворянина къ членамъ средняго сословія“, появившихся въ 1788 г., этотъ писатель говоритъ: „нѣтъ истиннаго права, ни возможности мира въ обществѣ безъ равенства между гражданами“. Право участвовать въ созданіи закона, читаемъ мы въ другомъ его памфлетѣ, есть одно изъ правъ человѣка, живущаго въ обществѣ. Если оно не равно для всѣхъ гражданъ, его на самомъ дѣлѣ нѣтъ на-лицо ¹⁾. Возвращаясь къ развитію той же мысли и отказываясь даже отъ тѣхъ ограниченій, какія въ угоду физоократовъ онъ ставилъ еще на первыхъ порахъ избирательному праву, связывая его съ собственностью, Кондорсэ въ позднѣйшихъ своихъ трактатахъ, какъ, напр., въ сочиненіи „О природѣ политическихъ правъ“, прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что свобода немислима безъ тѣсной связи съ равенствомъ. Отъ него идетъ даже самый терминъ *liberté égalitaire* ²⁾.

¹⁾ Кондорсэ, т. XII, стр. 143. „Письма гражданина Соединенныхъ штатовъ къ французу касательно текущихъ дѣлъ“.

²⁾ Онъ далекъ, однако, отъ мысли понимать это равенство въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ ему социальныя революціонеры нашего времени. Въ обществѣ,—утверждаетъ онъ,—всегда останутся три вида неравенства, источникъ которыхъ лежитъ въ природѣ: неравенство естественныхъ способностей, неравенство богатствъ, неравенство правящихъ и управляемыхъ (т. XVI, стр. 178). Неравенство состояній, разумѣется, большое зло, но о немъ можно сказать то же, что и о всякомъ другомъ политическомъ злѣ. Его нельзя разрушить иначе, какъ медленно, если только не допустить явной несправедливости. Но оно можетъ исчезнуть мало-по-малу, при содѣйствіи законовъ, которыми бы устанавливалась свобода торговли и упрощена была система налоговъ, законовъ, которые ввели бы равный раздѣлъ наслѣдствъ и согласныя съ природой постановленія касательно браковъ (т. XV, стр. 93. *Examen de cette question: est-il utile de diviser une assemblée nationale en plusieurs chambres*). Всѣ эти пожеланія болѣе или менѣе осуществились, но предсказанное Кондорсэ разрушеніе имущественнаго неравенства однако не наступило. Сужденіе Кондорсэ въ данномъ вопросѣ тѣмъ не менѣе весьма цѣнно. Оно знакомитъ насъ съ иллюзіей, общей почти всѣмъ дѣятелямъ 89 года. Она состояла въ признаніи, что источникомъ неравенства является главнымъ образомъ монополія. Въ извѣстномъ смыслѣ на Кондорсэ и его послѣдователей можно смотрѣть, какъ на первыхъ провозвѣстниковъ тѣхъ взглядовъ, какіе въ наше время нашли талантливаго истолкователя въ лицѣ Джорджа. Подобно американскому экономисту, они сводятъ почти весь социальный вопросъ къ аграрному и видятъ въ искусственномъ сосредоточеніи земельной собственности источникъ социального неравенства. Это искусственное сосредоточеніе было послѣдствіемъ феодальнаго порядка и созданной имъ земельной монополіи. Съ паденіемъ феодализма, съ установленіемъ системы равнаго раздѣла наслѣдствъ, съ отміной майоратовъ и субституцій, думаютъ они, неизбежно падетъ и сама эта монополія. Стоитъ прочесть рѣчь, какую Мирабо собирався произнести въ Национальномъ собраніи въ пользу равнаго раздѣла имуществъ между наслѣдниками, чтобы убѣдиться, въ

Эта „уравненная свобода“, понимаемая въ смыслѣ равнаго участія въ осуществленіи народнаго суверенитета должна проявляться, думаетъ Кондорсэ, не въ одной только сферѣ законодательства, но и въ области исполненія. Народъ въправѣ выбирать не только представителей или депутатовъ, но и администраторовъ. Бриссо хвалитъ, какъ мы видѣли, американцевъ за то, что они сдѣлали всѣ должности, не исключая и той, которая принадлежитъ главѣ государства— президенту, избирательными. Кондорсэ, не имѣя возможности безъ новой революціи достигнуть того же, дѣлаетъ попытку примирить выгоды американской системы съ сохраненіемъ во Франціи монархической формы правленія. Если французы не будутъ имѣть избираемаго президента, свободнаго въ назначеніи министровъ, то въ замѣнъ они получатъ рекомендованныхъ народнымъ представительствомъ и отвѣтственныхъ передъ нимъ министровъ, министровъ, дѣйствующихъ именемъ наслѣдственного и несмѣняемаго короля. Не безынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что, высказывая такіа пожеланія, республиканецъ Кондорсэ въ конечномъ результатѣ сходится съ монархистомъ Мирабо, который, оставляя въ рукахъ короля свободу выбора министровъ, желалъ въ то же время, чтобы король не назначалъ на этотъ постъ никого, помимо членовъ парламентскаго большинства. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой имѣютъ передъ глазами болѣе или менѣе смутно сознаваемый образецъ англійскаго парламентаризма и англійской системы кабинета, почему одинъ, Мирабо, считаетъ воз-

какой степени иллюзія Кондорсэ раздѣлялась наиболѣе выдающимися изъ его современниковъ. Монополія, сказавшаяся въ сферѣ земельныхъ отношеній въ формѣ присвоенія всей территоріи небольшой группой сеньоровъ, проявляется въ сферѣ промышленности и торговли въ сосредоточеніи въ рукахъ немногихъ покровительствуемыхъ правительствомъ гильдій и компаній привилегіи исключительнаго занятія обрабатывающей промышленностью и обмѣномъ французскихъ товаровъ на иностранные. Эти гильдіи и компаніи являются такими же монополизаторами выгоды, доставляемыхъ промыслами и обмѣномъ, какими надо считать феодалныхъ сеньоровъ по отношенію къ выгодамъ, доставляемымъ земельной собственностью. Чтобы положить конецъ неравенству, необходимо, думали люди 89 года, открыть войну и противъ этого вида монополій. Къ ея отмѣнѣ и сводилась превозносимая ими свобода торговли. Наконецъ, третій источникъ неравенства — монополія, создаваемая правительствомъ въ формѣ податныхъ изъятій, неравномѣрнаго распредѣленія тягостей обложенія. Въ ея отмѣнѣ, въ установленіи принципа равномѣрнаго участія всѣхъ сословій въ несеніи государственныхъ издержекъ и соотвѣтственной реформѣ налоговъ лежитъ третій путь къ отмѣнѣ монополій и вызваннаго ею неравенства состояній. Такъ разсуждали дѣятели французской революціи и во главѣ всѣхъ ихъ Кондорсэ, считавшій возможнымъ достигнуть уравненія состояній безъ социальнаго переворота подъ вліяніемъ медленнаго хода событій и благодаря воздѣйствію законодательства.

возможенъ соединеніе въ рядахъ министерства всѣхъ талантовъ независимо отъ партій, а другой, Кондорсе, предлагаетъ составленіе собраніемъ особыхъ списковъ лицъ призванныхъ къ занятію министерскихъ постовъ. Король руководствуется ими при выборѣ и вправѣ назначить только того, чье имя встрѣчается въ спискахъ. Мирабо и Кондорсе подходятъ къ англійскому парламентаризму съ разныхъ концовъ: первый, подчиняя королевскій выборъ господствующему въ странѣ большинству, второй—навязывая королю избранниковъ этого большинства. Оба сходятся въ желаніи, чтобы доступъ къ министерству не былъ закрытъ депутатамъ, такъ какъ оба смутно желаютъ правительства партій и солидарнаго съ большинствомъ министерства ¹⁾. Кондорсе старается доказать, что такой порядокъ назначенія министровъ народными представителями имѣлъ бы двойную выгоду. Повторяя приблизительно то же, что сказано было Бриссо, онъ говоритъ, что народъ не имѣлъ бы причины питать къ избираемымъ и отставляемымъ имъ властямъ то недовѣріе, какое справедливо внушаетъ ему наследственный и несмѣняемый король съ зависимыми отъ его выбора совѣтниками „Законъ можетъ поэтому дать членамъ министерства возможность активной дѣятельности безъ страха, что они воспользуются этой возможностью противъ свободы, ибо они смѣняемы по волѣ народа“ ²⁾. Эта же причина является источникомъ другого преимущества, какимъ отличается предлагаемый порядокъ назначенія министровъ. Онъ не только не поведетъ къ умаленію, но, наоборотъ, къ усиленію королевскаго авторитета. Кондорсе рѣшается утверждать, что предложеніе допустить законодательное собраніе къ участію въ выборѣ министровъ не ведетъ къ сокращенію правъ монарха, а къ упроченію его власти; вѣрнѣе, оно сводится къ замѣнѣ его воображаемаго права—правомъ реальнымъ. На мѣсто неограниченнаго и связаннаго съ нравственною порчей вліянія правительства на выборъ министровъ установится отнынѣ законное и полезное его воздѣйствіе. Только что приведенныя мысли высказаны были Кондорсе еще въ 1790 году. Когда, вслѣдъ за бѣгствомъ короля въ Вареннъ поставленъ былъ впервые на очередь вопросъ о монархіи и республикѣ, тотъ же Кондорсе 13 іюля 91 года выступилъ съ новой брошюрой, въ которой предлагалъ установленіе

¹⁾ Лица, объявленныя правоспособными къ занятію министерскихъ постовъ, не должны по этой причинѣ быть усранены отъ выбора въ законодательное собраніе, говоритъ Кондорсе (*Sur le choix des ministres*), томъ XVI, стр. 339.

²⁾ Ibid. стр. 251 (*Sur l'institution d'un conseil électif.*), томъ XVI.

³⁾ *Sur le choix des ministres*, томъ XVI, стр. 346. Эта брошюра написана Кондорсе еще въ 1790 году.

избираемого исполнительного совѣта изъ семи человѣкъ. Право избранія онъ совѣтовалъ предоставить тѣмъ же лицамъ, которымъ былъ порученъ выборъ депутатовъ; но они должны были выбирать своихъ кандидатовъ по особымъ спискамъ, составленнымъ департаментами и подлежащимъ ежегодному возобновленію. Члены совѣта остаются въ должности десять лѣтъ и подлежатъ переизбранію. На нихъ должны перейти всѣ функціи королевской власти, одинаково съ функціями министровъ. Отстаивая свой проектъ, Кондорсе доказывалъ, что несмѣняемый и безответственный король не имѣетъ въ конституціонной монархіи другого назначенія, кромѣ выбора и отставки отъ должности членовъ министерства. Чтобы доказываемыя сторонниками монархіи преимущества этой формы правленія надъ республикой могли имѣть какой-либо вѣсъ въ глазахъ людей безпристрастныхъ, надо было бы, по мнѣнію автора, установить сперва невозможность другой, менѣе абсурдной системы назначенія министровъ, чѣмъ та, какая практикуется въ государствахъ съ наследственнымъ главою. Эту-то менѣе абсурдную систему и берется предложить Кондорсе, который снова возвращается по поводу ея къ развитію того основного взгляда, общаго ему съ Бриссо, что довѣріе снизу, безъ котораго немыслима никакая дѣятельная администрація, возможно только подъ условіемъ выбора управителей управляемыми 1).

Таковы были въ самыхъ общихъ, разумѣется, чертахъ политическія задачи тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ вслѣдъ за Дюмономъ, мы готовы признать родоначальниками республиканизма во Франціи. Около редактируемыхъ ими газетъ группировались въ концѣ 90 и 91 года зародыши будущей республиканской партіи. Все, что въ провинціи способно было дать дружный откликъ этимъ новымъ стремленіямъ, старалось войти въ тѣсныя сношенія съ Бриссо и его ближайшимъ сотрудникомъ Клавьеромъ и чрезъ ихъ посредство проникало въ салонъ госпожи Кондорсе и ея супруга. Въ числѣ этихъ новыхъ адептовъ республиканскихъ идей, которыхъ провинція и въ особенности южная Франція поставляла столицѣ, самое видное мѣсто занимаетъ семья Ролановъ и ихъ близкій другъ Лантенасъ. Когда Роланы прибыли въ Парижъ, что случилось 20 февраля 91 г., Бриссо поспѣшилъ познакомить ихъ не только съ Кондорсе, но и съ депутатами крайней лѣвой—Петіономъ, Робеспьеромъ, Вюзо. „Вскорѣ, говоритъ профессоръ Оларъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія о внутренней организаціи будущей жирондистской партіи, у

1) См. Sur l'institution d'un conseil électif, томъ XVI, стр. 239 и слѣдующія. Сравни статью Dide о Кондорсе въ Révolution française 1882 г., стр. 247 и слѣд.

Ролановъ стали собираться четыре раза въ недѣлю всѣ члены небольшого кружка, главою котораго оставался Бриссо. Такъ продолжалось почти до момента закрытія Учредительнаго собранія, ибо Роланы вернулись въ Ліонъ только 15 сентября 91 года. И впослѣдствіи Бриссо оставался попрежнему связующимъ звеномъ республиканцевъ. „Въ эпоху созыва Законодательнаго собранія, говоритъ самъ онъ въ своемъ докладѣ революціонному трибуналу, прибывавшіе въ Парижъ депутаты изъ Жиронды стали искать сближенія со мной, благодаря сочувствію тѣмъ взглядамъ, какихъ я придерживался по отношенію къ колоніямъ. Мы условились собираться три раза въ недѣлю передъ началомъ засѣданій“. Говоря о сочувствіи его взглядамъ на колоніи, Бриссо имѣетъ въ виду проповѣдуемое имъ равноправіе расъ и вытекающую отсюда необходимость освобожденія негровъ. Съ цѣлью содѣйствовать этому освобожденію и оказать отпоръ тѣмъ, кто въ интересахъ плантаторовъ противился распространенію на негровъ „правъ человѣка и гражданина“, основано было въ Парижѣ по примѣру и въ тѣсномъ общеніи съ лондонскимъ французское „Общество друзей черныхъ“. Тогда какъ Барнавъ среди членовъ Учредительнаго собранія являлся душою всякаго противодѣйствія равенству негровъ, Бриссо принималъ на себя роль главнаго ея заступника. Вмѣстѣ съ Клавьеромъ и Мирабо, онъ былъ въ числѣ первыхъ основателей „Общества друзей черныхъ“ и предсѣдательствовалъ на открытіи его засѣданій въ февралѣ 1788 года. Общество носило впрочемъ довольно смѣшанный характеръ и считало наравнѣ съ многими членами будущей республиканской партіи, въ томъ числѣ Петіона и Лавуазье, и такихъ умѣренныхъ роялистовъ, какъ Сіейсъ, Грегуаръ, Лафайетъ, Ларошъ-Фуко, Вольнэ, и такихъ болѣе близкихъ къ правой депутатовъ, какъ Бергасъ или будущій членъ законодательнаго собранія Пасторъ ¹⁾).

Благодаря обширной корреспонденціи съ провинціями, друзья негровъ и ихъ руководитель Бриссо, бывшій одновременно и редакторомъ „Патріотической Газеты“ и депутатомъ новаго собранія, необходимо должны были сдѣлаться центромъ и связующимъ звеномъ для прибывавшихъ въ столицу представителей южныхъ и западныхъ департаментовъ, раздѣлявшихъ, какъ общее правило его взгляды на эмансипацію. Вскорѣ, говоритъ Дюмонъ въ своихъ воспоминаніяхъ, признано было полезнымъ устроить общіе завтраки въ пятомъ номерѣ Вандомской площади, у нѣкоей госпожи Доденъ. Здѣсь, прибавляетъ онъ, я не разъ встрѣчалъ Бриссо, Клавьера,

¹⁾ См. La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. Révol. française. іюль—декабрь 1889 года, стр. 28 и 29.

Редерера, Гвадэ, Жансонэ, Верньо, Дюкло, Кондорсэ, Фоше и вернувшихся въ Парижъ Ролановъ. Будущая Жиронда обѣдала также довольно часто у Блавьера и Петіона, независимо отъ этихъ случайныхъ и менѣе дѣловыхъ собраний она имѣла постоянное средство сообщенія, сходясь по утрамъ три раза въ недѣлю у депутата Верньо передъ самымъ открытіемъ законодательныхъ сессій ¹⁾.

Таковы были попытки внутренняго сближенія сочувствовавшего республиканской демократіи и группировавшагося около Бриссо кружка молодыхъ депутатовъ и журналистовъ, которыхъ долгое время окрещивали даже его именемъ, называя ихъ бриссотинцами. Желаніе отгнать ту роль, какую въ образованіи этого кружка игралъ редакторъ „Французскаго Патріота“, заставило насъ бросить взглядъ впередъ и говорить о событіяхъ, которымъ суждено было наступить только въ концѣ 91 года. Намъ необходимо поэтому вернуться снова къ началу этого года и показать, какое положеніе создавала для только-что возникшаго ядра будущихъ республиканцевъ та монархическая реакція, начало которой было положено уже закулисной дѣятельностью Мирабо и вожаками которой являлись теперь недавніе антагонисты великаго трибуна, сблизившіеся со дворомъ члены триумвирата—Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ.

Реакція, о которой идетъ рѣчь, сказывалась ясно и въ стремленіи ограничить свободу печати, и въ попыткахъ стѣснить дѣятельность клубовъ въ пользованіи правомъ петицій. Переписка госпожи Роланъ съ Банкаль дез-Иссаромъ ²⁾ вводитъ насъ въ кругъ заботъ и опасеній, среди которыхъ протекала жизнь первыхъ провозвѣстниковъ республики. Уже 5-го апрѣля 91 года, говоря объ общемъ настроеніи, г-жа Роланъ отмѣчаетъ близость кризиса: „немало добрыхъ гражданъ желаетъ скорѣйшаго закрытія національнаго собранія, но я вижу въ этомъ заблужденіе. Мы находимся въ такомъ состояніи внутренняго безпокойства и усталости, изъ котораго можно выйти или съ помощью новаго лихорадочнаго приступа, или впавши совершенно въ дремоту рабства. Многіе депутаты склонны, повидямому, къ созыву новаго представительства, но честолюбцы хотятъ переизбранія по крайней мѣрѣ части теперешнихъ членовъ. Большинство собранія желаетъ не столько восполнить, сколько окончить свои работы. И я не знаю, чего больше бояться: спѣшности, съ которой они хотятъ положить конецъ собранію, не рѣшивъ многого и оставляя насъ на произволъ судьбы, или продле-

¹⁾ Organisation intérieure de la Gironde, par Aulard. Ibid, стр. 407 и 412.

²⁾ Имя Банкаль впервые встрѣчается въ 1789 году, какъ автора одного „изъ многочисленныхъ частныхъ проектовъ „Декларации правъ чловѣка и гражданина“. См. Le Conventionnel Bancal des Issarts, étude biographique par Francisque Mège, Paris 1887, стр. 11.

историч. обозрѣніе, т. V.

нія ихъ дѣятельности и завершенія ими конституціи, что, пожалуй, предотвратило бы отъ новыхъ потрясеній, но только подѣ условіемъ причинить ущербъ тѣмъ самымъ принципамъ, на которыхъ построена наша конституція. Образование народныхъ клубовъ и ихъ распространіе было бы въ данныхъ условіяхъ крайне желательно; но для этого необходимо быть въ значительномъ числѣ и вести дѣло сообща. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ друзей въ самомъ собраніи и внѣ его сдѣлали попытку сближенія въ надеждѣ увеличить тѣмъ свои силы; но у каждаго свой гвоздь въ головѣ, каждый хочетъ, чтобы во вниманіе принимали только его желанія, пренебрегая всѣми остальными. Когда же наконецъ, восклицаетъ госпожа Роланъ, люди сдѣлаются достаточно мудрыми, чтобы обнаруживать терпимость и, уважая взаимно мнѣнія другъ друга, станутъ преслѣдовать осуществленіе общихъ задачъ¹⁾? Въ другомъ письмѣ отъ 14 апрѣля она говоритъ объ интригахъ и столкновеніи частныхъ интересовъ, ведущихъ на каждомъ шагѣ къ ослабленію или извращенію принциповъ конституціи. „Собраніе, по ея словамъ, сдѣлалось очагомъ всѣхъ комбинацій, направленныхъ къ этой цѣли. Конституція завершается въ духѣ, противномъ ея основамъ. Небольшое число добрыхъ гражданъ вовлечены въ нескончаемую и бесплодную борьбу съ массой честолюбцевъ, недовольныхъ и невѣждъ“²⁾. Чтобы содѣйствовать пропагандѣ своихъ идей, республиканцы не упускаютъ того удобнаго случая, какой представило имъ опроверженіе взглядовъ Бэрка извѣстнымъ англійскимъ демократомъ Пенномъ. Для Морриса это не болѣе, какъ сумасшедшій³⁾. Но не такъ смотритъ на него госпожа Роланъ. Она сообщаетъ о рѣшеніи, принятомъ въ ея кружкѣ перевести книгу Пэна на французскій языкъ. Если рѣшеніе это и оставлено, то только потому, что секретарь ла-Рошфуко уже приступилъ къ переводу. „Бриссо и я, пишетъ она, считаемъ необходимымъ основаніе ежемѣсячныхъ журналовъ, годовыхъ обзоровъ и популярныхъ трактатовъ. Если не имѣть въ виду наживы, можно быть увѣреннымъ въ ихъ распространеніи. Бриссо довольствуется минимумомъ того, что нужно для содержанія его семьи, я же готова затратить то, что имѣю“⁴⁾. 5 мая единомышленникъ госпожи Роланъ, Лантенасъ, говоритъ уже объ образованіи кружка „республиканцевъ“, весьма малочисленнаго и не имѣющаго пока большого вліянія. „Но этому

¹⁾ Lettres Autographes de Madame Roland (письмо отъ 5 апр. 91 года), стр. 190, 191, 195, 197.

²⁾ Ibid. стр. 202 (письмо 14 апр.).

³⁾ См. его дневникъ отъ 16 апр. 91 года (томъ I, стр. 403).

⁴⁾ Ibid. стр. 208.

кружку, прибавляетъ онъ, уже удастся по временамъ создавать плотину противъ возрѣній, руководящихъ большинствомъ собранія. Тѣ, кто слышалъ объ этомъ кружкѣ, благодаря нескромности нѣкоторыхъ его членовъ, приписываютъ ему грозную численность, какой онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Говорятъ о могущественной конфедерациі, организованной для установленія республики. Приписываютъ ей распространеніе на всѣ части королевства и ставятъ отъ нея въ зависимость звенья, не имѣющія съ нею ничего общаго. Если бы въ общественномъ настроеніи мы имѣли и здѣсь ту поддержку, какая въ Англіи позволяетъ съ такой легкостью находить средства для осуществленія всего великаго и полезнаго, мы бы могли, надѣюсь, оправдать опасенія тѣхъ, кто насъ боится, но у насъ нѣтъ ни одного су для покрытія издержекъ печати. Лафайетъ убавкивалъ долгое время Бриссо своими обѣщаніями, но мы убѣдились теперь, что онъ этимъ только старался провести его, подобно тому, какъ Мирабо дѣлалъ нѣкогда по отношенію къ Демулену, „нейтрализуя“ тѣмъ самымъ его перо. „Лантенасъ выказываетъ опасеніе, что недостатки конституціи неизбѣжно поведутъ къ укрѣпленію власти исполнительной, которая въ искусныхъ рукахъ легко достигнетъ всего, что ей нужно. Въ припискѣ къ этому письму госпожа Роланъ толкуетъ это мѣсто, говоря: у меня не хватитъ смѣлости написать вамъ, насколько собраніе пало въ моемъ мнѣніи; я не хожу болѣе на его засѣданія и внутренно убѣждена въ томъ, что оно можетъ издавать впредь только дурные декреты ¹⁾. Конечно, я не допускаю мысли о контръ-революціи, она невозможна, благодаря всеобщему патріотизму, благодаря твердой рѣшимости горожанъ и сельскаго люда сохранить тѣ преимущества, какими они начали пользоваться; но я вѣрю въ силу и въ возможность произвольнаго захвата власти, я увѣрена въ негодности современной организаціи министерства, въ существованіи дурныхъ декретовъ и такихъ несовершенствъ конституціи, которыя мѣшаютъ пользованію свободой, задерживаютъ успѣхи образованія, упрочиваютъ аристократію богатства, противятся возрожденію національнаго характера и нравовъ, однимъ словомъ, готовятъ намъ новыя цѣпи, которыхъ народъ не видитъ, но которыя будутъ наложены на него прежде, чѣмъ онъ ихъ замѣтитъ. Конституціонный комитетъ, прибавляетъ госпожа Роланъ, осмѣлился представить декретъ касательно права петицій. Этимъ декретомъ всѣ пассивные граждане ²⁾ лишались свободы представлять ихъ,

¹⁾ Ibid отъ 5 мая 91 года стр. 217—229.

²⁾ Подъ этимъ именемъ извѣстны были всѣ тѣ, чей налоговый платежъ не достигалъ минимума трехъ-дневной заработной платы и кто по этой причинѣ устраненъ былъ отъ выборовъ.

и то же запрещеніе распространено было на клубы и административныя собранія; кромѣ того, требовалось, чтобы каждый ставилъ свое имя на петиціи. Имѣлась еще въ декретѣ какая-то нелѣпость о правѣ афишѣ. Безстыдный Шателье внесъ это предложеніе, и ему аплодировали со всѣхъ сторонъ. Всего два, три голоса раздалось противъ, и Робеспьеру едва удалось добиться, чтобы обсужденіе было отложено. Не проходитъ однако двухъ недѣль и госпожа Роланъ уже отиѣчаетъ въ своей перепискѣ новые успѣхи демократіи. Требованіе Казалеса надѣлать короля правомъ распушенія собранія встрѣтило рѣшительную оппозицію 1). На слѣдующій день почти безъ дебатовъ прошло предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ министерство всѣмъ членамъ собранія въ теченіе четырехъ лѣтъ, слѣдующихъ за его распушеніемъ 2). Наконецъ ко всѣмъ этимъ мѣрамъ присоединилось предложеніе того же Робеспьера не допустить къ выборамъ въ ближайшее собраніе членовъ настоящаго (засѣданіе 18 мая 91 года) 3). Считаая всѣ эти рѣшенія существеннымъ приобрѣтеніемъ для свободы, госпожа Роланъ пишетъ, что національное собраніе точно помолодѣло. Законодатели впредь не будутъ ни созываемы, ни распускаемы королемъ, а наличные депутаты устранены отъ выборовъ. „Вотъ это, пишетъ она, превосходно“ (*voilà d'excellentes choses*) 3). Госпожа Роланъ торжествуетъ побѣду 20 іюня, два дня спустя послѣ засѣданія, въ которомъ Робеспьеру удалось провести свое требованіе, но въ томъ же письмѣ ей приходится отиѣтить и первыя попытки протеста, первые тайные ходы, какими нѣкоторые депутаты намѣревались воспротивиться осуществленію этой мѣры, вызвать ея отиѣну въ ближайшемъ будущемъ.

И дѣйствительно въ собраніи возникаютъ новыя комбинаціи партій съ цѣлью такъ или иначе измѣнить рѣшеніе, обрекшее на политическое ничтожество тѣхъ, кто еще недавно льстилъ себя надеждой сдѣлаться вожаками революціи. Американецъ Моррисъ еще въ концѣ апрѣля, почти за мѣсяцъ до рѣшенія, сообщаетъ о переговорахъ, какіе съ клубомъ 89 года завязали нѣкоторые изъ главъ якобинцевъ (разумѣются члены тріумвирата). Онъ говоритъ, что содержаніемъ этихъ переговоровъ служитъ принятіе общихъ мѣръ къ тому, чтобы доступъ въ будущее собраніе былъ оставленъ открытымъ для членовъ настоящаго 4). Неудивительно поэтому, если теперь, послѣ пораженія, тѣ же тріумвиры искали путей къ обходу недавно изданнаго

1) Histoire de Robespierre par Hamel стр. 406 тома I.

2) Ibid. стр. 407 и 408.

3) Ibid. стр. 440—450.

4) Т. I, стр. 407.

декрета. Англійскій посолъ Гауеръ одинъ изъ первыхъ отрицаетъ этотъ фактъ въ своей депешѣ отъ 20 мая ¹⁾. Въ виду этихъ новыхъ вѣяній Малуэ думалъ, что наступило время для открытія переговоровъ съ нѣкоторыми вожаками собранія, не питавшими вражды къ королю и его семейству. Въ то время какъ Марія-Антуанета имѣла тайныя бесѣды съ Ламетами и Барнавомъ ²⁾ и до свѣдѣнія эмигрантовъ доходили преувеличенныя извѣстія о „позорномъ и гнусномъ планѣ дѣйствій, установленномъ ими сообща“ ³⁾, Малуэ пытался установить при участіи аббата Рейналя соглашеніе между королемъ и Лафайетомъ. Имѣлось въ виду издать манифестъ отъ имени Людовика XVI ко всѣмъ собственникамъ, собрать войска на разстояніи двадцати лье отъ Парижа, вывести короля изъ столицы и обнародовать въ формѣ деклараціи готовую конституцію, „во всемъ согласную съ данными избирателями наказами“. Но король рѣшительно отказался войти во всѣ эти комбинаціи ⁴⁾. Дворъ въ это время преслѣдовалъ несравненно болѣе смѣлыя цѣли. При посредствѣ графа Мерси д'Аржанто къ императору Леопольду сдѣлано было обращеніе съ просьбой о военной поддержкѣ, и слухи о близкомъ виѣшательствѣ иностранныхъ правительствъ во внутреннія дѣла Франціи, издавна распускаемые эмигрантами, получили на этотъ разъ такую опредѣленность, что во всей странѣ, по словамъ шведскаго дипломата, стала упрочиваться боязнь близкаго нашествія ⁵⁾. Моррисъ дополняетъ это свидѣтельство, передавая содержаніе тѣхъ бесѣдъ, какія въ это время происходили въ нѣкоторыхъ парижскихъ салонахъ. Еще въ апрѣлѣ одинъ изъ членовъ аристократіи Надальекъ представлялъ собою, по выраженію американскаго путешественника, изумительный образецъ аристократическаго безумія, высказывая готовность допустить территоріальный раздѣлъ Франціи лишь бы добиться возстановленія въ ней стараго порядка ⁶⁾. Въ концѣ мая одинъ изъ ближайшихъ виновниковъ той реакціи, которая повела къ революціи 14 іюля 1789 года, баронъ Вобенваль, въ порывѣ „ревниваго служенія деспотизму“, пишетъ тотъ же Морриссъ говорилъ ему о готовности всѣхъ монарховъ Европы соединиться съ цѣлью достигнуть той же реставраціи. „Эта мысль, пишетъ Морриссъ, при всей ея нелѣпости, нахо-

¹⁾ Депеши, стр. 88.

²⁾ Correspondance secrété inédite (par De Lesclure, т. II, стр. 529 и 533). Письма отъ 28 марта и 18 іюня 1791.

³⁾ Письмо Водреля къ графу Артуа отъ 19 іюня 1791 г. (Correspondance intime, т. I, стр. 397).

⁴⁾ Мемуары Малуэ, стр. 141.

⁵⁾ См. депеша барона Стала Гольштейна отъ 9 іюня № 210, стр. 206.

⁶⁾ Morris, т. I, стр. 398.

дить тысячи и тысячи людей, готовыхъ принять ее на вѣру" 1). Тщетно министр иностранныхъ дѣлъ, Монморенъ старался положить конецъ всѣмъ этимъ опаснымъ въ его глазахъ росказнямъ, говоря Казалесу: „Графъ Артуа и тѣ, кто окружаютъ его, настоящіе безумцы. Я знаю положительно и изъ вѣрнаго источника, что державы ничего не сдѣлаютъ для него" 2). Вся эта безплодная и зловредная агитація падала всѣмъ своимъ бременемъ на королевскую семью и отражалась въ частности на судьбѣ Маріи-Антуанеты. Ее дѣлали отвѣтственной за яко-бы грозившее нашествіе, и рядъ оскорбительныхъ для ея чести брошюръ наводнялъ, по словамъ Сталя, Парижъ и провинціи, „являясь, какъ и всегда, предвѣстникомъ новыхъ волненій" 3). Но изъ кого должны были вербоваться солдаты той арміи, которой предстояло пойти штурмомъ на королевскую власть? Мы видѣли, къ чему сводился генеральный штабъ будущей республиканской партіи. Надъ кѣмъ, спрашивается теперь, предстояло ему принять начальство? Отвѣтъ на это даютъ намъ нѣкоторые современныя свидѣтельства. Гауеръ, пишущій въ депешѣ отъ 29 апрѣля, что рабочіе всякаго рода обнаруживаютъ опасную настойчивость въ требованіи увеличеннаго размѣра заработной платы 4); госпожа Роланъ, сообщающая приблизительно то же въ письмѣ къ Банкаль дез-Иссару отъ 27 апрѣля и справедливо приписывающая этотъ фактъ обезцѣненію денежныхъ бумагъ 5); наконецъ, миссъ Миллесь, которая въ перепискѣ съ отцомъ сообщаетъ слѣдующія характерныя подробности: „Прошлую среду (другими словами 5 мая), отправляясь въ монастырь, мы встрѣтили около пяти тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ половина были пьяны. Эта толпа произносила самыя страшныя ругательства противъ аристократовъ и прославляла Мирабо, говоря, что, благодаря ему, они платятъ теперь за бутылку всего восемь су, тогда какъ прежде платили двѣнадцать. Это даетъ имъ, прибавляетъ она, возможность напиваться ежедневно и прекратить всякую работу. Неудивительно, если послѣдствіемъ этого будетъ какое-нибудь серьезное бѣдствіе" 6).

1) Ibid., стр. 423.

2) Письмо Водреля отъ 14 іюня 1791 года (*Correspondance intime*, т. I, стр. 39).

3) Денеша отъ 30 мая 1791 г., стр. 206.

4) Гауеръ. Депеши, стр. 84.

5) *Lettres autographes de m-me Roland*, стр. 215.

6) „Откажите просящему,—пишетъ та же miss Milles,—въ денежной помощи и онъ назоветъ васъ аристократомъ. Такъ и случилось со мною недавно. Я сидѣла на скамьѣ въ чащѣ деревьевъ, когда подошла ко мнѣ какая то попрошайка. Ихъ столько на Елисейскихъ поляхъ, что надѣлать всѣхъ нѣтъ возможности. Но достаточно дать одной, чтобы не избѣжать преслѣдованій другихъ. Я любовно сказала ей: „У меня нѣтъ ничего, моя милая, я дамъ вамъ

Таковы были тѣ новыя соціальныя силы, которыхъ Національное собраніе не только не счужило привлечь на свою сторону мѣропріятіями, подобными тѣмъ, какія одновременно были приняты имъ въ интересахъ крестьянскаго люда, но, наоборотъ, всячески возстановило противъ себя избирательными ограниченіями, отнесеніемъ ихъ въ громадномъ большинствѣ къ числу тѣхъ пассивныхъ гражданъ, которые въ глазахъ даже Демулена должны были представить „подобіе обдѣленной всякими политическими правами послѣдней изъ римскихъ центурій“ 1). Продолжая дѣло огражденія вновь создаваемого имъ соціальнаго и политическаго строя отъ всякихъ попытокъ низверженія снизу, Національное собраніе постепенно устранило этихъ пассивныхъ гражданъ и отъ фактическаго осуществленія тѣхъ функцій народнаго самодержавія, которыя, по собственному его заявленію, должны были сосредоточиться въ рукахъ всей совокупности лицъ, образующихъ изъ себя націю, и отъ участія въ рядахъ гвардіи, призванной къ защитѣ созданнаго революціей порядка. Единственнымъ мирнымъ путемъ къ проведенію своихъ желаній, единственнымъ легальнымъ средствомъ воздѣйствія на ходъ администраціи и законодательства являлось поэтому для пассивныхъ гражданъ то право петицій, которое конституціонный комитетъ Національнаго собранія, какъ мы видѣли выше, предлагалъ отнять у нихъ въ интересахъ болѣе строгаго огражденія консервативныхъ основъ общества. Въ томъ состояніи полной внутренней дезорганизациі, какую необходимо должна была вызвать въ средѣ рабочихъ отиѣна всякаго подобія корпоративной жизни, тѣхъ гильдейскихъ союзовъ и тѣхъ товариществъ (*compagnonages*), въ которыхъ долгое время воспитывалось и зрѣло ихъ чувство солидарности, трудящійся людъ, не представлялъ другой опасности для правящихъ классовъ, кромѣ той, какой грозитъ всякая сколько-нибудь численная масса, поставленная въ невозможность оградить себя отъ нужды, удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ существованія. Таково именно и было положеніе французскихъ и въ частности па-

въ другой разъ“. Она отвѣтила: „Какъ смѣете вы утверждать, что у васъ нѣтъ ничего; я вижу изъ этого, что вы аристократка, а аристократы—причина всѣхъ нашихъ бѣдствій. Выйди-ка изъ сада, если у тебя хватитъ смѣлости, и я оторву тебѣ носъ, но еще бы охотнѣе свернула тебѣ шею, еслибы могла дѣйствовать, какъ хочу...“ Партія въ 800 рабочихъ отправилась надняхъ, пишетъ та же миссъ Миллесъ, въ городскую ратушу, требуя ежедневной прибавки десяти су; тѣхъ тридцати, какіе они получаютъ за ничего-недѣланіе, имъ кажется недостаточно. Не знаю,—такъ заканчиваетъ она свое повѣствованіе,—удовлетворена ли была эта претензія, но полагаю, что—да, такъ какъ отказъ было бы неблагоприятно; вѣдь рабочіе теперь приняли въ свои руки начальство [См. *The Correspondence of William Augustus Milles (1789—1817)*, т. I, стр. 291 и 292].

1) „*La France libre*“.

рижскихъ рабочихъ въ 91 году. Эмиграція зажиточныхъ классовъ, уменьшеніе на одну треть обычнаго населенія Парижа ¹⁾ въ связи съ быстрымъ ростомъ цѣнъ на продукты первой необходимости, вызван- нымъ частью дѣйствительною нуждою, частью операціями скупщиковъ, всего же болѣе обезцѣненіемъ ассигнацій и исчезновеніемъ звонкой мо- неты, имѣли своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ забастовку многихъ про- изводствъ, прекращеніе заработковъ. Эти факты отразились тѣмъ гибель- нѣе на матеріальномъ положеніи французскаго рабочаго, что въ самомъ началѣ революціи оно было значительно поколеблено, благодаря тѣмъ не- выгоднымъ послѣдствіямъ, какія для французской промышленности имѣло заключеніе торговаго договора съ Англіей въ 1786 г. и конкуренція англій- скихъ мануфактуръ ²⁾. Благодаря этому, многія производства частью были приостановлены, частью сокращены въ размѣрахъ. Всего сильнѣе чувствовалась нужда, вызванная недостаткомъ заработка, въ большихъ промышленныхъ центрахъ въ родѣ Парижа и Ліона, Страсбурга, Марселя и другихъ. Но въ одной только столицѣ были приняты мѣры къ устройству чего-то подобнаго въ принципѣ національнымъ мастерскимъ 1848-го года, и муниципалитетъ Парижа уже въ 89 г. оплачивалъ услуги семнадцати тысячъ человѣкъ, занятыхъ между прочимъ земляными работами на Монмартрскомъ холмѣ ³⁾. Искусствен- ные мѣры, принятые къ поддержанію сравнительно низкаго уровня хлѣбныхъ цѣнъ на парижскомъ рынкѣ, привлекли въ Парижъ не мало рабочихъ изъ департаментовъ. Благодаря наплыву этихъ ино- городныхъ товарищей, число рабочихъ въ публичныхъ мастерскихъ Монматра постепенно возросло, такъ что весною 91 года ихъ на- считывали 31 тысячу. Плата имъ была увеличена и ежедневно за- трата, дѣлаемая государствомъ на этихъ рабочихъ, достигала цифры

¹⁾ Венеціанецъ Антоніо Канелло сообщаетъ въ своихъ неизданныхъ де- пешахъ, что въ теченіе 1790 г. болѣе 200,000 паспортовъ было взято въ одномъ Парижѣ. Многіе считали нужнымъ запастись ими только въ видахъ пересе- ленія въ деревню на лѣтнія вакаціи, но большинство имѣло въ виду оставить предѣлы государства. Въ недавнихъ попыткахъ опредѣлить численность па- рижскаго населенія наканунѣ революціи, цифра 600,000 человѣкъ обыкновенно приводится, какъ наиболѣе вѣроятная. Прямыхъ и полныхъ данныхъ мы не имѣемъ и принуждены поэтому довольствоваться только косвенными указа- ніями и приблизительными выкладками (См. Babeau. Paris en 1789).

²⁾ См. по этому вопросу недавнее сочиненіе Оскара Браунинга. The commercial treaty of 1786 with England and other essays (1891 годъ).

³⁾ Объ этихъ работахъ не разъ упоминаетъ венеціанскій резидентъ Канелло. Число рабочихъ, нашедшихъ себѣ заработокъ въ національныхъ мастерскихъ въ 1789 г., не превысило собою 18,000 человѣкъ; они получали одинъ ливръ яли, что то же, двадцать су въ день см. Adolphe Schmidt. Paris pendant la révolution, переводъ Біоля, стр. 120.

60,000 ливровъ. Такъ какъ одновременно доходы государства и столицы значительно уменьшились, благодаря отмѣнѣ „*ostroi*“ или городскихъ пошлинъ, вошедшей въ силу 1 мая 91 года, и прекращенію во многихъ мѣстностяхъ всякаго платежа налоговъ, отразившемуся на сокращеніи ежегодной суммы податныхъ поступленій на цѣлыхъ 70 милліоновъ ливровъ, то неудивительно, если столица, не имѣя возможности рассчитывать долге на помощь казны, принуждена была отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія національныхъ мастерскихъ, стоявшихъ ей ежегодно 15 милліоновъ ливровъ ¹⁾, всецѣло доставлявшихся ей дотолѣ государствомъ. Весною 1791 года національное собраніе приняло рядъ мѣръ, послѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе оплачиваемыхъ столицей работъ къ первому іюня 91 года. Одновременно запрещались всякаго рода союзы между рабочими и иногородніе отсылаемы были въ ихъ мѣста жительства ²⁾. Эти мѣры, очевидно, должны были вызвать тѣ попытки коллективныхъ петицій, о которыхъ говорено было нами выше. Желаніе же оградить себя отъ ихъ повторенія обусловило составленіе конституціоннымъ комитетомъ особаго законопроекта, запрещавшаго подачу подобныхъ ходатайствъ всѣмъ и каждому, кто не принадлежалъ къ числу активныхъ гражданъ. Условія складывались такимъ образомъ, что рабочее сословіе не могло не видѣть въ національномъ собраніи противника своимъ интересамъ. Этимъ обстоятельствомъ предстояло воспользоваться тѣмъ, кто, выступая съ новой программой политическаго устройства Франціи и образуя изъ себя пока лишь малочисленный кружокъ, нуждался въ послушныхъ орудіяхъ для проведенія своихъ цѣлей. На первый взглядъ не можетъ не поразить тотъ фактъ, что партія, не включившая въ свою программу никакихъ социальныхъ реформъ, высказывавшаяся даже открыто противъ демократическихъ основъ республики, общавшая, самое большое, расширеніе права голосованія, петицій и печати, стала наконецъ прямо рассчитывать на дѣятельную помощь и поддержку со стороны рабочаго люда и серьезно задаваться мыслью объ организаціи въ немъ правильной пропаганды своихъ взглядовъ, агитировать въ пользу устройства чисто-народныхъ клубовъ и установленія между ними постоянной корреспонденціи, допускающей возможность объединенной дѣятельности и солидарнаго выполненія общаго всѣмъ плана. Какъ

¹⁾ См. Sybel. Histoire de Europe pendant la révolution française томъ I, французскаго изданія стр. 96 и слѣдующія, 237. Шмидтъ томъ II, стр. 124.

²⁾ Смотри—Sybel, т. I, стр. 237 и слѣд. Schmidt, томъ II, стр. 125, а также статью „La question ouvrière dans la Révolution“ въ издаваемомъ Олапомъ журналѣ.

ни страненъ подобный фактъ, какъ ни изумительно, что жирондисты серьезно думали создать изъ рабочихъ сторонниковъ своей системы какой-то возрожденной не то афинской, не то римской республики, но ихъ мемуары и частная корреспонденція не позволяютъ сомнѣваться ни въ существованіи подобныхъ иллюзій, ни въ изумленіи, испытанномъ ими при видѣ, что народныя клубы, обязанные имъ своимъ существованіемъ, и созданная ими организація революціонной пропаганды, переходятъ въ чужія руки и въ лицѣ Дантона, Робеспьера и другихъ главъ террористическаго движенія обращаются непосредственно противъ нихъ. Но если мысль сдѣлать четвертое сословіе какимъ-то самоотверженнымъ поборникомъ буржуазной по характеру республики доказываетъ въ жирондистахъ недостатокъ умственной зрѣлости, отсутствіе здраваго политическаго смысла, и сознанія той истины, что движеніями классовъ управляютъ сколько-нибудь продолжительно не отвлеченные идеалы, а экономическіе и политическіе интересы, то съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что они первые сознали то значеніе, какое можетъ имѣть для революціи подъемъ рабочаго класса. Корреспонденція госпожи Роланъ съ этой точки зрѣнія кажется мнѣ и недостаточно изученной, и въ высшей степени интересной. О чемъ идетъ рѣчь въ ея перепискѣ съ Банкаль-дез-Иссаромъ, въ ея сношеніяхъ съ социальнымъ клубомъ, устроеннымъ Клодомъ Фомъ?—Къ чему сводится агитаціонная дѣятельность ея друга Лантенаса одинаково въ провинціяхъ и въ столицѣ и какую цѣль ставитъ себѣ самъ Банкаль-дез-Иссаръ въ бытность свою въ Лондонѣ, какъ не устройство какой-то національной и даже международной ассоціаціи всѣхъ свободомыслящихъ людей, фундаментъ которой положили бы рабочіе клубы, а верхушку составили какіе-то независимые и нелицензірованные философы, свободные отъ страстей и преданные одной правдѣ ¹⁾? „Я думаю, пишетъ госпожа Роланъ, что только при содѣйствіи такихъ общихъ ассоціацій можно запугать, и въ концѣ-концовъ низвергнуть деспотизмъ. Надо напасть на него со всѣхъ сторонъ, чтобы вырвать его съ корнемъ у насъ самихъ. Тщетно думали бы мы усовершенствовать нашу свободу, не вызвавши подобнаго же культа къ ней у сосѣдей (письмо отъ 5 мая). Лантенасъ думаетъ, что квакеры должны быть посвящены Банкалемъ во всѣ подробности того, что дѣлають ихъ друзья или надѣются сдѣлать для блага человѣческаго рода, такъ какъ никто не стремился съ большимъ постоянствомъ къ этому благу, какъ квакеры“. Онъ менѣе

¹⁾ Смотри письма Лантенаса къ Банкалю и госпожѣ Роланъ отъ 14 апр. 91 года, 21 апрѣля, 5 мая и 12 мая. *Correspondance de madame Roland.* стр. 200—221.

рѣшительно высказывается по вопросу о пользѣ конгресса философовъ не только потому, что въ его глазахъ федерація между ними и безъ того существуетъ. Собрание же ихъ можетъ только открыть глаза депютамъ на грозящую имъ опасность, что далеко можетъ быть не въ интересахъ патриотовъ (Письмо отъ 14 апр.). Эта ассоціація сторонниковъ свободы, о которой мечталъ кружокъ Бриссо и Ролановъ, тѣмъ отличалась существенно отъ однохарактерныхъ сообществъ текущаго столѣтія, что ея задачей было не служеніе какому-нибудь опредѣленнымъ практическимъ цѣлямъ, хотя бы на примѣръ тѣмъ, какими задавалось международное общество рабочихъ, а распространеніе между людьми какой-то вѣры въ неизбежность тѣхъ метафизическихъ основъ всякаго политическаго сообщества, выраженіе которымъ дано было впервые деклараціей правъ человека и гражданина. Интерпретаціей этихъ правъ въ ихъ абсолютномъ, не допускающемъ компромиссовъ смыслѣ, съ самаго начала революціи занимался Бриссо. Пребываніе въ Англіи въ роли какого-то директора пансіона, путешествіе по Америкѣ, внезапно прерванное извѣстіемъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ 1) и о первыхъ актахъ революціи, подготовили Бриссо къ правильной оцѣнѣ тѣхъ принциповъ современной гражданственности, какіе Локкъ впервые выразилъ въ доступной всѣмъ формѣ въ своемъ трактатѣ „о гражданскомъ правительствѣ“, которые американцы почерпнули изъ общаго съ нимъ источника—англійской памфлетной литературы середины XVII столѣтія и первые плоды которыхъ можно было наблюдать подъ сѣнію республиканскихъ учрежденій Массачусетса, Нью-Йорка и Пенсильваніи. Составленные Бриссо записки объ Америкѣ 2) въ высшей степени интересны не только потому, что содержатъ въ себѣ передачу этихъ взглядовъ, но и по возможности открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ самыхъ идей, изъ которыхъ сложится въ будущемъ политическая программа жирондистовъ. Этотъ источникъ раскрываетъ передъ нами путь, какимъ республиканскія идеи, развившіяся на почвѣ новаго свѣта, пошли навстрѣчу болѣе отвлеченнымъ идеаламъ классическаго государства, заимствованнымъ у писателей древности и ихъ недавнихъ толкователей,

1) См. между прочимъ *Histoire des Girondins* par A. Granier de Cassagnac, Paris 1862, т. I. (стр. 133 и слѣд.).

2) Онѣ появились подъ заглавіемъ: *Nouveau voyage dans les États-Unis de l'Amerique septentrionale fait en 1788 par J. P. Brissot*. Paris. 1792. 3 vol. in 8°. Еще раньше своей поѣздки Бриссо участвовалъ вмѣстѣ съ Клавьеромъ въ изданіи работы, посвященной отношеніямъ Франціи къ Соединеннымъ Штатамъ. Она была напечатана въ 1787 г. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ прижизненнаго Dauban къ біографическому очерку Бриссо, составленному Петіономъ. См. *Mémoires inédits de Pétion* и т. д., изданные Dauban въ 1860.

въ родѣ Мабли, и проявившимся съ такою силою и непосредственностью въ мемуарахъ г-жи Роланъ. Америка временъ Франклина и Римъ эпохи Граковъ—таковы тѣ два крайніе полюса, изъ которыхъ распространялись лучи того новаго политическаго ученія, которое, какъ въ одномъ фокусѣ, должно было отразить въ себѣ и плохо понятія начала новой демократической и федеративной гражданственности, и еще хуже сознаваемые основы опирающейся на рабствѣ и сильной политической централизаціи древней республики ¹⁾. Если до настоящаго времени могутъ идти споры о томъ, были ли жирондисты сторонниками федеративнаго устройства или, наоборотъ, политическими централистами, заслуживаютъ ли они то обвиненіе въ сепаратизмѣ, какое брошено было противъ нихъ Робеспьеромъ, или единство республиканской Франціи имъ было не менѣе дорого, какъ и партіи

¹⁾ „Весьма немногіе,—говорить Бюзо, рассказывая о зарожденіи партіи жирондистовъ,—обладали душою настолько благородной и возвышенной, чтобы признать себя достойными жить въ республикѣ. Примѣръ Америки далъ имъ смѣлость сдѣлать попытку насажденія ея во Франціи; они искренно надѣялись натурализировать ее въ странѣ пустомыслия и непостоянства“ (*le pays des frivolités et de l'inconstance*). Бюзо строго отличаетъ ихъ отъ якобинцевъ, о которыхъ говоритъ, какъ о шайкѣ мерзавцевъ безъ ума, безъ знаній и средствъ, которые извергали ругательства противъ монархіи съ тѣмъ, чтобы въ шесть мѣсяцевъ, направить ихъ противъ республики (Рукопись Бюзо написана послѣ 7 октября 93 г.). О вліяніи, какое писатели древности и недавніе истолкователи ихъ политическихъ идей во Франціи оказали на ходъ развитія привидѣній жирондизма, всего легче судить по сочиненіямъ г-жи Роланъ и Бюзо. Такіе сами по себѣ ничтожные отрывки, какъ, наприм., рассужденія г-жи Роланъ о свободѣ, о роскоши, о Сократѣ и т. д., интересны какъ доказательства обширныхъ чтеній, направленныхъ, главнымъ образомъ, на ознакомленіе съ моралистами и политиками древности (См. *Oeuvres M-me de Roland, an VIII, т. III, стр. 169, 181*). То же вліяніе писателей древности замѣтно и въ ея перепискѣ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма къ Банкаль дез-Исса рѣчь 5 янв. 90 г. Овъ какъ нельзя лучше знакомить насъ съ тѣмъ классическимъ направленіемъ, какимъ отличалось воспитаніе г-жи Роланъ: „Я не могу безъ умиленія вспомнить тѣхъ минутъ моей молодости,—пишетъ она,—когда сердце мое среди одиночества воспитывалось на изученіи древней исторіи. Слезы отчаянія вырывались изъ моихъ глазъ при мысли, что я не рождена спартаккой и римляшкой“ (*Lettres et Autographes de madame Roland. Paris. 1835, стр. 8*). Не безынтересно сопоставить съ этимъ заявленіемъ слѣдующій отрывокъ изъ мемуаровъ Бюзо: „Имѣя голову и сердце пренепосланными примѣрами греческой и римской исторіей, примѣрами тѣхъ великихъ людей, которые въ республикахъ древности были украшеніемъ и честью человѣческаго рода, я съ ранней молодости проповѣдывалъ ихъ принципы... Съ какимъ очарованіемъ вспоминаю я счастливую эпоху моей жизни, когда я бродилъ молчаливо по горамъ и лѣсамъ, окружающимъ мой родной городъ, читая съ наслажденіемъ творенія Плутарха или Руссо, и возстановляя въ памяти драгоцѣнныя черты ихъ морали и философіи (См. *Aux amis de la vérité; Dauban. Mémoires de Buzot, стр. 39*).

Горы, можно ли считать ихъ сторонниками демократіи или, наоборотъ, приверженцами смѣшанной формы правленія, отличной отъ конституціонной монархіи только отсутствіемъ наследственнаго главы, то причина тому лежитъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, въ значительной степени въ этой странной амальгамѣ старыхъ и новыхъ идей, поэтизированной древности и поверхностно понятой новѣйшей гражданственности, которая составила основу ихъ политическаго идеала. Въ высшей степени поучительно въ этомъ отношеніи чтеніе крайне искреннаго и потому необыкновенно привлекательнаго „Обращенія Бюзо ко всѣмъ друзьямъ истины“. Сколько противорѣчій и несообразностей въ этомъ не то оправдательномъ, не то покаянномъ словѣ, сколько прекрасныхъ чувствъ и не ясно сознанныхъ мыслей содержитъ въ себѣ эта исповѣдь добрыхъ намѣреній и неудачныхъ исполненій. Возможно ли отнестись иначе, какъ съ сочувствіемъ къ скромной оцѣнкѣ собственной дѣятельности, въ которой авторъ справедливо видитъ „нѣсколько добрыхъ дѣлъ и рядъ невольныхъ ошибокъ и еще чаще слабостей, которыя остаются дороги даже тогда, когда самъ себя въ нихъ упрекаешь“. Но какъ также не признать простое общее мѣсто въ заявленіи, что партія стремилась къ порядку, справедливости, свободѣ, свободѣ равной для всѣхъ, мудро организованной для счастья всѣхъ и столь же далекой отъ произвола, какъ добродѣтель отъ преступленія (Мемуары Бюзо, стр. 4 и 5)? Охотно вѣришь на слово автору, когда онъ говоритъ, что въ ихъ партіи не было ни одного человѣка нечестнаго, но это не мѣшаетъ недоумѣнію, какъ, сознавая, что французскій народъ не годится для республики, что классъ просвѣщенный (*classe éclairée*), въ которомъ, повидимому, всего легче можно было найти откликъ этому стремленію къ разумно уравнивающей свободѣ, открыто высказывался противъ республики, — Бюзо и его единомышленники заодно съ демагогами стремились подъ именемъ республики сосредоточить всецѣло въ рукахъ представительства функций народнаго самодержавія, возстановляя такимъ образомъ въ пользу нѣсколькихъ сотенъ депутатовъ ту самую систему единовластія, съ которой боролись дѣятели 89 года. Открыто проповѣдуемая легальность также, повидимому, мало вяжется и съ низложеніемъ короля, санкціонировавшимъ собою народный мятежъ, и съ рѣшеніемъ предать его суду. И все это для того, чтобы воскликнуть затѣмъ: „Великій Боже! если при содѣйствіи такихъ людей (какъ санюлоты) и съ такими гнусными средствами (*infâmes*) устанавливаются и упрочиваются республиканскія государства, нѣтъ на землѣ болѣе ужаснаго правительства, ни болѣе опаснаго для счастья человѣческаго рода“ (стр. 42 мемуаровъ Бюзо). Въ числѣ обвиненій, взведенныхъ на жирондистовъ партіей Горы, наибольшее довѣріе вызывало обвиненіе ихъ въ феде-

рализмъ. Такое обвиненіе могло бы служить для нихъ титуломъ безсмертія, еслибы сами они не позаботились разрушить его. И въ этомъ отношеніи Бюзо, благодаря своей искренности, всего болѣе раскрываетъ противорѣчія своей партіи: „Федерализмъ,—пишетъ онъ, повторяя мысль Руссо,—даетъ возможность примирить въ государствахъ съ обширною территоріею преимущества хорошо организованной свободы съ тѣми, какія даетъ соединеніе всѣхъ лицъ государства противъ внѣшняго врага. Это тотъ порядокъ республиканскаго устройства, который всего болѣе отвѣчаетъ народу многочисленному“. Но самъ Бюзо спѣшитъ разсѣять тѣ ожиданія, какія невольно вызываетъ подобная „profession de foi“. Нѣтъ, депутаты Жиронды не были федералистами, иначе ихъ важнѣйшій законодательный памятникъ—проектъ конституціи, написанный Кондорсэ, напелъ бы какой-нибудь отпечатокъ такого стремленія къ мѣстной автономіи. Но этотъ проектъ централистическій, и федерализмъ въ такой же мѣрѣ отсутствуетъ въ немъ, какъ и въ той рѣчи, каковую Кондорсэ (см. стр. 55), этотъ теоретикъ началъ жирондизма, посвятилъ изложенію основныхъ принциповъ конституціи. Но если такъ, то въ чемъ же лежитъ особенность жирондистской программы? Въ стремленіи къ „добродѣтельной и уравновѣшенной свободѣ“. Но это не болѣе, какъ нравственная сентенція, если не считать ее выраженіемъ неясно сознаннаго стремленія—сохранить конституцію 91 года, замѣнивъ только ея наслѣдственного главу временнымъ президентомъ. Но и отъ этого обвиненія всячески пытается оправдать свою партію Бюзо (см. стр. 30 и 31).

Общее впечатлѣніе, какое выносятся изъ чтенія этой горячей и искренней защиты задачъ и намѣреній партіи—это признаніе ея полной безпощадности. Имѣя выборъ между двумя союзниками—просвѣщеннымъ классомъ общества и народными массами, жирондисты счумѣли оттолкнуть отъ себя и тѣхъ, и другихъ. Они провозгласили республику, сознавая, по собственному ихъ утвержденію, что среднее сословіе хочетъ монархіи и конституціи 91 года, и въ то же время окрестили народныя массы, стоявшія на сторонѣ этой республики, прозвищемъ „canaille“, соболѣзнуя вмѣстѣ съ тѣми о необходимости примѣнить это слово къ обозначенію „живыхъ существъ“, которые все же остаются людьми“ (ce mot me fait peine à prononcer, car cette canaille c'est toujours un essaim d'hommes, стр. 34). Эта раздвоенность, это одновременное стремленіе и къ демагогіи, и къ хорошо уравновѣженной свободѣ, и къ федерализму, и къ централизаціи, стоитъ, на мой взглядъ, въ связи съ той двойственностью источника, изъ которой сложилась политическая программа жирондистовъ—классической и американской свободы. Въ этомъ отношеніи г-жа Роланъ и Бриссо не только первые провозвѣстники, но и крайніе выразители

партіи или, вѣрнѣе, тѣхъ двухъ теченій въ ней, которыя, по какой то странной случайности, не вступили между собою въ борьбу, а пошли рядомъ въ одномъ и томъ же руслѣ. Ни одного изъ нихъ не считаютъ, однако, официальными выразителями партіи. Но это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что ни тотъ, ни другой не происходили изъ Жиронды и задолго до образованія партіи сѣужили завоевать себѣ опредѣленное положеніе въ рядахъ передовыхъ борцовъ за республику. Петіонъ и Бюзо стояли еще въ сторонѣ отъ кружка. Ихъ свела впослѣдствіи скорѣе общность борьбы, нежели тождество принциповъ. Въ началѣ революціи первый былъ открытымъ монархистомъ, и „Мониторъ“ 9 августа 1789 года еще воспроизводитъ слѣдующую profession de foi этого „будущаго республиканца“: „Въ засѣданіи 28 августа Камюсъ предложилъ перейти къ обсужденію тѣхъ статей конституціи, которыя касаются монархической власти, и по которымъ въ наказахъ не высказывается разнорѣчія. Петіонъ, предостерегая отъ поспѣшности въ ихъ обсужденіи, замѣтилъ, что въ наказахъ высказываются на этотъ счетъ положенія, польза которыхъ для французскаго народа очевидна, которыя обезпечиваютъ ему спокойствіе, сохраненіе королевской власти и законный порядокъ преемства престола“. Тогда какъ Петіонъ былъ своего рода отщепенцемъ партіи конституціонной монархіи, Бюзо въ началѣ своей дѣятельности слылъ якобинцемъ и дѣйствовалъ заодно съ Робеспьеромъ. Эта близость современемъ была поставлена ему въ вину, и онъ самъ оправдывается въ ней въ своихъ мемуарахъ, говоря, что при всемъ нерасположеніи, какое онъ питалъ къ этому человѣку „съ кошачьей фізіономіей“ (à figure de chat), онъ все же отдавалъ въ его лицѣ предпочтеніе людямъ, имѣвшимъ, по крайней мѣрѣ, виѣшность народной партіи (je préférai le parti qui avait au moins des dehors populaires ¹⁾). Тотъ же Бюзо не скрываетъ своихъ первоначальныхъ симпатій къ монархіи. „До бѣгства короля,—пишетъ онъ,—мнѣ казалось сомнительнымъ, чтобы французская нація могла удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ суровость республиканскаго режима (le joug austère du gouvernement républicain ²⁾). У него выражается и другое, не менѣе характерное сознаніе, раскрывающее намъ дѣйствительный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ. „Руссо,—говоритъ онъ,—заодно и даже болѣе Монтескье, кладетъ въ основаніе республиканскаго порядка такую строгую суровость, которой едва ли могла удовлетворить французская нація ³⁾). Большинство народа,—замѣчаетъ онъ въ другомъ

¹⁾ Aux amis de la vérité, стр. 44 (Dauban. Mém. de Pétion et de Buzot)

²⁾ Mémoires inédits de Pétion et mémoires de Buzot et de Barbaroux par C. A. Dauban, стр. 40 (Aux amis de la vérité par Buzot).

³⁾ Ibid. стр. 43.

мѣстѣ, желало монархіи и конституціи 91 г., и нигдѣ это чувство не было такъ сильно и не высказывалось такъ открыто, какъ въ Парижѣ¹⁾ 1) Изъ всѣхъ будущихъ вожаковъ жирондизма Барбару едва ли не первый применилъ къ группѣ людей, собиравшихся въ домѣ г-жи Роланъ и не скрывавшихъ своихъ симпатій къ республикѣ, но и его сближеніе относится не ранѣе какъ къ 1792 году—эпохѣ законодательнаго собранія 2). Такимъ образомъ въ періодъ, предшествовавшій бѣгству короля въ Вареннъ, ядро, изъ котораго развилась со временемъ партія жирондистовъ, составляли всего нѣсколько человекъ, близкихъ къ Бриссо и Роланамъ и поддерживавшихъ связи съ французскими и англійскими „обществами правъ негровъ“, „соціальнымъ кружкомъ“, клубами „друзей конституціи“ Парижа, Ліона, Клермонъ Феррана и т. п. Ихъ болѣе или менѣе офіціальнымъ органомъ являлась газета Бриссо — „Французскій Патріотъ“. Въ письмахъ госпожи Роланъ встрѣчаются еще упоминанія о Боскѣ, Пиготѣ, Влотѣ, которые всѣ, повидимому, не исключая и дез-Иссара и Лантенаса служили для Бриссо источникомъ мѣстныхъ свѣдѣній и охотно посылали ему статьи и корреспонденціи, одинаково изъ провинцій и заграницы. Ихъ дружескія связи сложились еще до переселенія Ролановъ въ Парижъ, въ Ліонѣ и Лаплатьерѣ, лѣтней резиденціи Ролановъ. Путешествіе по Швейцаріи и Англіи сдѣлалось для Ролановъ и ихъ друзей источникомъ новыхъ знакомствъ, и Банкаль-дез-Иссару не разъ приходилось впослѣдствіи пользоваться услугами лицъ, которымъ онъ былъ представленъ Роланами или Бриссо 3). Своему пребыванію въ Англіи корреспондентъ госпожи Роланъ придавалъ очень серьезное значеніе, настолько серьезное, что даже убѣжденія Бриссо и Лантенаса поспѣшить возвращеніемъ въ Парижъ были безсильны ускорить его отъѣздъ. Агитируя въ пользу установленія тѣсной связи между англійскими и французскими друзьями свободы, онъ въ тоже время обстоятельно знакомился съ англійскими учрежденіями, и составлялъ о нихъ подробные отчеты для журнала Бриссо, очень отличные по духу отъ тѣхъ, къ какимъ приучили французовъ сторонники ученій Монтескье. Госпожа Роланъ приписывала этимъ отчетамъ большое значеніе. „Необходимо,—пишетъ она изъ Ліона 30 декабря 90 года,—возбуждать умы къ постоянному сопоставленію англійской конституціи съ той, надъ

¹⁾ Ibid. стр. 33.

²⁾ Ibid. стр. 336 и 337.

³⁾ Въ каталогѣ автографовъ, принадлежащихъ М. Morigisson'у въ Лондонѣ т. I, стр. 117 приведено fac-simile письма Бриссо къ книгопродавцу James Philipps, въ которомъ онъ рекомендуетъ ему Банкаля, какъ *un des plus chauds amis pour l'abolition de la traite des nègres*. Письмо помѣчено Парижемъ 6 го ноября 1790 года.

которой мы работаем нынѣ. Это дастъ намъ возможность по достоинству оцѣнить нѣкоторые преимущества, какими мы въ правѣ гордиться. Сторонники стараго порядка, пока онъ длился, всячески нападали на англійскій строй. Теперь они превозносятъ его, и эти запоздалыя похвалы друзьямъ свободы кажутся откровенной сатирой. Мы съ полнымъ основаніемъ стремимся устроить нашу жизнь лучше сосѣдей, тѣхъ самыхъ сосѣдей, которымъ бы мы съ такимъ удовольствіемъ уподобились прежде. Мнѣ легко представить себѣ, съ какой точки зрѣнія современный французскій гражданинъ долженъ смотрѣть на эти хваленые порядки. Мы находимся въ настоящую минуту въ такомъ состояніи рвенія, энтузіазма и экзальтаціи, которое необходимо обуславливаетъ великія движенія, порождаетъ самыя чудныя истины, наполняетъ сердце благороднѣйшими чувствами и вызываетъ въ людяхъ тѣ великодушныя поступки, которые должны служить примѣромъ для потомства. Но англичане давно пережили этотъ счастливый кризисъ. Они впали въ ту апатію, какую даетъ обманчивая обезпеченность. Преобладаніе торговыхъ интересовъ и предразсудки роскоши содѣйствовали развитію въ нихъ той беззаботности, въ какую впадаетъ народъ, пользующійся спокойствіемъ и убаюкиваемый интригами министровъ и коварствомъ честолюбцевъ". Госпожа Роланъ передаетъ свой взглядъ и виѣстъ отношеніе всей своей партіи къ англійской конституціи, говоря слѣдующее: „пока англичане не возстанутъ противъ недостатковъ ихъ представительной системы и той тиранніи надъ совѣстью, какую вызываетъ существованіе господствующей церкви подъ прямымъ главенствомъ короля (test-act), они все болѣе и болѣе будутъ опускаться подъ цѣпами, наложенными на нихъ прерогативой короны и притязаніями аристократовъ". Этимъ упадкомъ англійскихъ вольностей госпожа Роланъ и объясняетъ возможность появленія въ Англіи такихъ филиппикъ противъ французской конституціи, какую представляетъ собою извѣстное сочиненіе Бэрка. Госпожа Роланъ желала бы парализовать дурное вліяніе, какое оказываютъ на умы „живость Калонна, софизмы Бэрка, новыя діатрибы Мунье, горячія и энергическія нападки Лалли Толандаля. Они льстятъ страстямъ недовольныхъ, соблазняютъ легковѣрныхъ, колеблютъ увѣренность людей съ слабымъ умомъ. Но сосчитайте число тѣхъ и другихъ, и вы удивитесь, прибавляетъ она, незначительности группы свѣтлыхъ умовъ, способныхъ противиться господствующему теченію и проповѣдывать истину".

Эта небольшая группа, къ которой госпожа Роланъ, разумѣется, прежде всего относилась и своихъ друзей, повидимому, не встрѣчала еще большой поддержки въ общественномъ настроеніи провинцій. Ни на чемъ не основанныя обвиненія сыпались, жалуется она,

сыпались на ея мужа въ Ліонѣ; клевета не щадила ея самой, и ея другъ Лантенасъ становился предметомъ всеобщей зависти и тайной интригивъ средѣ друзей конституціи, другими словами, Ліонскаго отдѣленія клуба якобинцевъ. „Онъ слишкомъ уменъ для нихъ; вѣдь въ ихъ средѣ все больше купцы малопросвѣщенные или проникнутые предрасудками людей стараго порядка. Вотъ почему онъ находитъ, что легче забросить сѣмя новыхъ идей въ собраніяхъ секцій или городскихъ округовъ: тамъ все народъ, и чувство законности развивается въ немъ рѣдкую способность къ пониманію истинныхъ принциповъ; но сколько труда требуется для того, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными и научить искусству приимать ихъ. Дни за днями проходятъ въ сочиненіи и редактированіи адресовъ, петицій, памфлетовъ, писемъ, инструкцій, коментированіи извѣстій, собираніи мнѣній, въ бдѣніи, дѣйствіи и мысли“. ¹⁾ Забота объ устройствѣ и руководствѣ народными клубами остается главной задачей жизни для небольшого кружка людей, являющихся въ Ліонѣ первыми піонерами республиканской идеи и въ началѣ 1791 года. Въ письмѣ изъ того же Ліона Лантенасъ, повидимому, душа всей агитаціи, пишетъ Банкалю о розни, возникшей между народными клубами и болѣе аристократическимъ по составу обществомъ „Сенъ-Клеръ“. „Я прилагаю, говоритъ онъ, все свое стараніе къ тому, чтобы возстановить между ними единеніе и вернуть ихъ къ добрымъ принципамъ. Переодѣтые аристократы, честолюбцы, желающіе всѣмъ руководить, и люди скромные, преисполненные предрасудковъ, вотъ съ кѣмъ мнѣ приходится бороться. Я припять членомъ клуба одной изъ городскихъ секцій, я посѣщаю также центральный клубъ и клубъ Сенъ-Клера. Повсюду я распространяю добрые принципы съ полной независимостью. Я написалъ якобинцамъ въ Парижъ, предлагая имъ сдѣлать постановленіе, приглашающее всѣ зависящіе отъ нихъ клубы заняться устройствомъ мѣстныхъ сообществъ, которыя бы объединяли гражданъ по группамъ и давали имъ возможность взаимнаго обученія и совмѣстнаго выраженія взглядовъ по интересующимъ ихъ вопросамъ. Такія сообщества при содѣйствіи посланныхъ якобинцами комиссаровъ могли бы образовывать центры, которыми парижскому клубу легко будетъ руководить. Департаментскимъ секціямъ надо предоставить веденіе корреспонденціи и передачу этимъ мѣстнымъ сообществамъ всего того, что желательно будетъ довести до ихъ свѣдѣнія. Имъ же надо вручить заботу о распространеніи знаній и духа братства. Каждые пятнадцать дней слѣдовало бы собирать членовъ сообществъ въ обширные залы для обсужденія важнѣй-

¹⁾ См. письмо изъ Ліона отъ 30 декабря 90 года стр. 136—142 (*Lettres autographes de Madame Roland*).

нихъ вопросовъ и редакціи принятыхъ по нимъ рѣшеній. Я думаю, что въ высшей степени желательно, чтобы друзья свободы употребили всѣ свои старанія для того, чтобы организовать въ „сообщества“ людей наименѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе занятыхъ. Аристократы во многихъ мѣстахъ попробовали предупредить ихъ, и даже здѣсь встрѣчается немало такихъ, которые надѣются повести за собою народные клубы“. Лантенасъ совѣтуетъ своему единомышленнику написать въ Клермонъ Ферранъ съ цѣлью побудить друзей свободы къ однохарактерной дѣятельности. „Вы должны, пишетъ онъ, настаивать на тѣхъ же мысляхъ; развить и придать имъ болѣшую широту будетъ нетрудно. Я хлопочу о томъ же передъ клубомъ въ Пуи: нужно, чтобы примѣръ сосѣдей увлекъ его. Вы знаете, по всей вѣроятности, что сдѣлано по отношенію къ устройству народныхъ сообществъ въ Дижонѣ. Дѣло такъ просто и такъ легко. Здѣсь называютъ эти сообщества „народными“, но я не одобряю этого термина, такъ какъ со времени отміны сословій и старинныхъ предразсудковъ всѣ общества одинаково являются народными 1)“.

Въ то время, какъ кружокъ госпожи Роланъ въ тѣсномъ общеніи съ Бриссо въ Парижѣ заботился о пропагандѣ идей народнаго самоуправления въ низшихъ классахъ провинціального общества, въ административной жизни столицы совершались преобразованія, послѣдствіемъ которыхъ было созданіе въ отдѣльныхъ округахъ Парижа особыхъ народныхъ клубовъ, изъ которыхъ одному—клубу Кордельеровъ, суждено было играть немалую роль въ подготовленіи республики. Парижская буржуазія все рѣшительнѣе высказывалась противъ самостоятельности избирательныхъ собраній отдѣльныхъ секцій, и преданные ея интересамъ публицисты проповѣдывали необходимость ихъ закрытія, мотивируя его между прочимъ тѣмъ, что демократическій составъ этихъ собраній держитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ наиболѣе зажиточные классы общества. Народъ, живущій только заработками, неопредѣленными въ размѣрѣ и незначительными по величинѣ, этотъ классъ людей, изъ котораго состоитъ наибольшая и наименѣе обеспеченная часть населенія, пишетъ журналистъ Пеше, крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы противоdѣйствовать всякой политической системѣ, способной поколебать спокойствіе города, удалить изъ него людей богатыхъ, крупныхъ собственниковъ, всѣхъ тѣхъ, кого привлекаетъ въ Парижъ любовь къ свободѣ нравовъ и пристрастіе къ удовольствіямъ. Но постоянное избирательныхъ собраній дистриктовъ вноситъ опасенія и вызываетъ недовѣріе всѣхъ людей зажиточныхъ. Оно неминуемо ведетъ къ оставленію Парижа богатыми классами,

1) Ibid. стр. 145, и слѣдующія (Письмо 10 янв. 91 года).

что въ свою очередь поставитъ простой народъ въ невозможность найти работу. Трудящійся бѣдный людъ Парижа долженъ видѣть поэтому собственную пользу въ уничтоженіи тѣхъ шестидесяти вооруженныхъ и дебатирующихъ коммунъ, какія держатся въ нашей средѣ ¹⁾. Въ отвѣтъ на это Камиль Демуленъ писалъ: „всего важнѣе для насъ сохранить непрерывность собраній дистриктовъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, даже тѣ, кто требуетъ ихъ закрытія, что эти собранія произвели и упрочили революцію. Какъ могутъ думать, что Парижъ когда-либо сдѣлаетъ глупость отказаться отъ нихъ? Я не могу понять, какъ можетъ существовать народовластіе безъ форума, безъ публичной площади и народнаго veto. Мы не имѣемъ площади достаточно обширной, чтобы вмѣстить всѣхъ гражданъ Парижа, но наши дистрикты вполне замѣняютъ намъ эту площадь и лучше всякаго форума и народной трибуны осуществляютъ тѣ же задачи. Очень часто говорятъ намъ о трехъ властяхъ, призванныхъ взаимно уравновѣшивать другъ друга; но такими властями, на мой взглядъ, могутъ быть только національное собраніе, муниципалитеты и дистрикты. Національное собраніе декретируетъ — это власть законодательная; муниципалитеты администрируютъ — власть исполнительная; дистрикты же предлагаютъ законы и имѣютъ по отношенію къ нимъ veto,—это власть предстательства и противодѣйствія „(c'est le pouvoir positif et négatif) ²⁾.

Но третьяго мая 1790 года Деменье вошелъ въ Учредительное собраніе съ представленіемъ о необходимости полнаго переворота во внутреннемъ устройствѣ Парижа, переворота, послѣдствіемъ котораго было бы исчезновеніе дистриктовъ и ихъ дебатирующихъ собраній и передача всей власти надъ городомъ въ руки мэра и 16 помощниковъ, 36 членовъ муниципальнаго совѣта и 96 нотаблей, по два отъ каждой изъ 48 секцій, призванныхъ замѣнить отнынѣ дистрикты. Докладчикъ приводилъ противъ дистриктныхъ собраній тѣ самыя соображенія, которыя уже изложены были Пеше. Онъ говорилъ о неизбежной потерѣ столицей, разъ будетъ допущена дальнѣйшая революціонная агитація дистриктовъ, ея богатствъ, ея торговли, искусствъ и промышленности, о бѣгствѣ изъ нея людей, живущихъ себѣ въ удовольствіе, много тратящихъ иностранцевъ и тому подобное. Ко всѣмъ этимъ аргументамъ Мирабо во время дебатовъ прибавилъ новый: „какъ не знать,—сказалъ онъ,—что делегаты не могутъ осуществлять своихъ функцій въ присутствіи того, кто его уполномочилъ? Требовать постоянства дистриктовъ—это желать созданія шестидесяти

¹⁾ См. Moniteur отъ 9 марта 90 года.

²⁾ Révolution de France et Brabant n° 17.

самодержавныхъ округовъ рядомъ съ представляющей ихъ муниципіей, округовъ, вмѣшательство которыхъ можетъ вызвать дѣйствія и противодѣйствія, опасныя для конституціи“. Въ этихъ довольно неопредѣленныхъ чертахъ передавались тѣ самыя возраженія, какія доселѣ ставятся сторонниками представительнаго образа правленія противъ всякой попытки установить постоянный контроль за дѣятельностью депутатовъ со стороны избирателей, все равно, будетъ ли этотъ контроль выражаться въ формѣ такъ называемой аппеляціи къ народу, *referendum*, или прямого законодательнаго почина. Съ логической точки зрѣнія такое возраженіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ система судебного представительства, на аналогіи съ которой построено ученіе о нормальныхъ отношеніяхъ избирателей и депутатовъ, нимало не устраняетъ, какъ мы знаемъ, собственной защиты сторонъ на ряду съ защитой ихъ полномочныхъ. При отсутствіи того повелительнаго мандата, безъ котораго немислимо гражданское представительство, депутаты неизбежно потеряли бы принадлежащій имъ характеръ народныхъ уполномоченныхъ и сдѣлались бы силою, независимой отъ избирателей, если бы за этими избирателями не было признано возможности направлять и регулировать ихъ дѣятельность какими-нибудь косвенными путями. Даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ въ Англіи, не допускается прямого вмѣшательства народа въ политику, митинги и коллективныя петиціи служатъ орудіемъ весьма существеннаго воздѣйствія избирателей на депутатовъ. Недавніе успѣхи демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи доказываютъ необходимость образованія вѣѣ конгресса и парламента такихъ партійныхъ ассоціацій, которыя бы слѣдили за дѣятельностью депутатовъ, отмѣчали всякое уклоненіе ихъ отъ разъ намѣченной программы и предпринимали агитацію въ пользу включенія въ эту программу новыхъ партійныхъ требованій. Что означаетъ фактъ существованія подобныхъ ассоціацій, какъ не сознаніе невозможности оставить за депутатами ту полную свободу дѣйствія, которая долгое время считалась неотъемлемнымъ требованіемъ представительнаго устройства. Такимъ образомъ даже въ государствахъ, не допускающихъ ни аппеляціи къ народу, ни *referendum*’а, ни прямого законодательнаго почина, избиратель не считаетъ нужнымъ добровольно упразднить себя предъ депутатомъ. Онъ остается на стражѣ своихъ правъ и не ждетъ наступленія будущихъ выборовъ для того, чтобы заявить о предательствѣ его интересовъ назначеннымъ имъ повѣреннымъ. А если такъ, то заявленіе Мирабо объ обязательномъ исчезновеніи представляемаго предъ представителемъ является не только логической, но и фактической ошибкой. Но не такъ смотрѣли на дѣло не только члены умѣренной пар-

ти, конституціоналисты въ духѣ Мунье и Маллэ дю-Пана, но и вожаки якобинскаго клуба въ Парижѣ. Прославляя его за рѣшимость добиться закрытія дебатирующихъ собраній въ округахъ, Мониторъ произносилъ по его адресу слѣдующее похвальное слово: клубъ этотъ знаетъ, что форумъ или народная площадь погубила одинаково Римъ и Аѳины, что народъ, желающій все дѣлать самъ, завѣдовать законодательствомъ и управленіемъ, неизбежно впадаетъ въ безпорядки, а отъ нихъ непосредственно переходитъ къ деспотизму. Эта великая истина, доказанная опытомъ всѣхъ вѣковъ, всегда присуща якобинцамъ, она причина тому, что они спокойно положились на муниципальныя власти Парижа, на депутатовъ отъ парижской общины въ дѣлѣ управленія, столицей точно такъ же, какъ по отношенію къ созданію конституціи и законовъ они всецѣло ввѣрились заботливости національнаго собранія ¹⁾. Но если масса якобинцевъ стояла такимъ образомъ за упраздненіе всякаго непосредственнаго участія народа даже въ скромной сферѣ муниципального управленія, то того же нельзя сказать о представителяхъ радикальной прессы. Маратъ, по выраженію Демулена, „охрипъ, голоса противъ закрытія дистриктныхъ собраній“. Лустало въ свою очередь объявлялъ эту мѣру „измѣннической“ (perfidie). Новое муниципальное дѣленіе Парижа въ его глазахъ задумано исключительно съ цѣлью разорвать связь, которая подъ вліяніемъ привычки установилась между членами дистриктовъ; оно имѣетъ въ виду разсѣять тотъ духъ свободы, опасность котораго сознаютъ для себя будущія муниципальныя власти столицы. Существованіе дистриктныхъ собраній кажется ему воплощеніемъ народнаго самодержавія, но это самодержавіе принадлежитъ, по собственному сознанію національнаго собранія, къ числу правъ, предшествующихъ по времени и стоящихъ выше всякаго закона и конституціи. Оно входитъ въ составъ тѣхъ естественныхъ правъ, на которыя немислимо ничье посягательство. Отсюда Лустало дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „даже верховная власть находитъ себѣ границы въ природѣ вещей. Національное собраніе такъ же мало имѣетъ право предписать, чтобы завѣдованье нашими мѣстными интересами перешло въ руки генеральнаго совѣта муниципалитетъ, какъ приказывать намъ пить теплую воду, а не холодную“ ²⁾. „Развѣ Франція не провозгласила начало народнаго суверенитета, — писалъ въ свою очередь Демуленъ, — и развѣ можно говорить о немъ при запрещеніи собираться на площади, и свободно обсуждать на ней публичныя дѣла, какъ это дѣлали нѣкогда наши предки, древ-

¹⁾ Moniteur 11 мая 90 года.

²⁾ См. Les Révolutions de Paris № 43.

ніе германцы... Народъ, прибавляя оны въ качествѣ угрозы, откроеетъ поставленную ему ловушку и не откажется отъ суверенитета. Когда его лишаютъ возможности собираться на площади, онъ идетъ на Авентинскую гору“ 1). Ни одинъ изъ дистриктовъ не отнесся съ большимъ ожесточеніемъ къ проекту закрытія его сессій и новому муниципальному устройству Парижа, чѣмъ дистриктъ Кордельеровъ. Открытіе 48 секцій должно было состояться 1 іюля 90 года за двѣ недѣли до праздника федераціи. И вотъ въ какой моментъ, значится въ манифестѣ округа Кордельеровъ, „производится это посягательство на народныя права; въ ту самую минуту, когда не только умы, но и руки всѣхъ заняты подготовленіемъ къ этому народному торжеству (намекъ на дружную поддержку, оказанную всѣмъ парижскимъ населеніемъ работамъ на Марсовомъ полѣ). Какъ! среди агитаціи, вызванной приготовленіемъ къ великому дню федераціи, мэръ Парижа находитъ удобнымъ раздробить и уничтожить дистрикты, эти дистрикты, которые въ такой же мѣрѣ вызваны обстоятельствами времени и необходимостью, какъ и муниципія столицы, которые принесли несравненно лучшіе плоды, чѣмъ она; дистрикты, воспитавшіе французскій патріотизмъ, дистрикты, которыми столица обязана своимъ спасеніемъ, національное собраніе своей независимостью, Франція своимъ возрожденіемъ“ 2). Послѣдствіемъ закрытія дистриктовъ и ихъ собраній было образованіе окружныхъ клубовъ и въ числѣ ихъ клуба Кордельеровъ. Его возникновеніе отмѣчено Кондорсе въ редактируемой имъ „Парижской Хроникѣ“ 5 августа 1790 г. 3). „Прежній дистриктъ Кордельеровъ, ишетъ онъ, образовался въ клубъ. Приглашаемъ и всѣ прочіе дистрикты послѣдовать его примѣру; это сдѣлаетъ возможнымъ болѣе легкій созывъ генеральнаго совѣта (совѣта парижскихъ избирателей) каждый разъ, когда того потребуютъ обстоятельства“. Такимъ образомъ, парижскія коммуны не исчезали, а только преобразовывались, и демократическій духъ, оживлявшій нѣкогда дистриктныя собранія переселялся отнынѣ въ ихъ клубы. Мы видѣли, что этотъ духъ сказывался прежде всего въ защитѣ принциповъ деклараціи правъ противъ тѣхъ ограниченій, какія допущены были національнымъ собраніемъ при редактированіи конституціи. Якобинцы, чтобы заявить свою преданность этой конституціи, называли себя ея друзьями; не удивительно поэтому, если Кордельеры, чтобы заявить о своей

1) Les Révolutions de France et de Brabant, № 25.

2) Текстъ этой прокламаціи отпечатанъ въ сборникѣ документовъ, сдѣланномъ Альфредомъ Бужаромъ и 'призваннымъ служить матеріаломъ для исторіи Кордельеровъ стр. 263. (Les Cordeliers, Paris 1891 г.).

3) Chronique de Paris, № 217.

солидарности съ неограниченностью принципа народного самодержавія, приняли наименованіе друзей деклараціи. Подъ руководствомъ Дантона и пользуясь поддержкой Лустало, Марата, Камилла Демулена и нерѣдко Бриссо, Кордельеры, не пускаясь, подобно явобинцамъ, въ отвлеченныя метафизическія разсужденія и долгое время ограничивая свою дѣятельность вмѣшательствомъ въ одни внутреннія дѣла парижскаго самоуправленія, не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы заявить о своей солидарности съ принципами непосредственной народной самодѣятельности, активного вмѣшательства народа въ политическую жизнь. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 90 года они агитируютъ въ пользу прямого голосованія парижанами вопроса, будетъ ли столица обращена въ особый департаментъ, и когда большинство гражданъ высказалось въ пользу этого предложенія, они составляютъ адресъ къ національному собранію отъ имени парижскаго населенія! Комментируя этотъ фактъ, Лустало говоритъ: онъ одинъ доказываетъ, что городъ съ 800 тысячами жителей можетъ непосредственно подать свой голосъ по опредѣленному вопросу, можетъ большинствомъ принять то или другое рѣшеніе, а слѣдовательно и можетъ создавать законы и утверждать ихъ и высказывать свою волю по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ. Парижъ доказалъ такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, что тѣ—не столько доводы, сколько предлоги, какими оправдывается конфискація суверенитета націи въ пользу 720 депутатовъ, лишены всякаго основанія. Примѣръ, данный Парижемъ, навсегда останется въ исторіи и рано или поздно сдѣлается причиной приобрѣтенія нами истинной свободы. Пока мы принуждены довольствоваться свободой только представительной“ 1).

Въ январѣ 91 года Дантонъ, добившійся выбора въ администраторы парижскаго департамента, въ обращеніи къ Кордельерамъ проводитъ другой столь же основной принципъ народного самодержавія—постоянный контроль управляемыхъ за управляющимъ. „Я убѣжденъ, значитъ въ его адресѣ, что общественный интересъ требуетъ ежечаснаго и неограниченнаго надзора народа за чиновниками. Такой контроль не представляетъ опасности даже въ томъ случаѣ, если бы участвующіе въ немъ позволили себѣ обвиненія столь же серьезныя, какъ и лживыя“ 2).

И такъ, не провозглашая себя открыто республиканцами, оставаясь на почвѣ деклараціи правъ и требуя одного лишь строгаго ея примѣненія, кордельеры являлись не только союзниками бриссотинцевъ, но и несравненно болѣе послѣдовательными проводниками прин-

¹⁾ Ibid. стр. 287.

²⁾ Ibid. стр. 295.

цпа народовластія. Они не запугивали людей словами, и не предпо-
слагали своей практической программѣ голаго термина, невольно за-
пугивавшаго всякаго перспективой новой революціи. Имъ нельзя
было сдѣлать упрека въ низверженіи установленнаго порядка;
они открыто проповѣдовали, напротивъ, самое безусловное уваженіе
къ нему. И даже тѣ изъ нихъ, кто, подобно Камиллу Дему-
лену, первые подняли республиканское знамя, готовы были въ на-
стоящее время отказаться отъ клички „республиканцевъ“, доволь-
ствуясь сохраненіемъ одной лишь ихъ программы. Столь прозорливый
обыкновенно Малле дю Панъ на этотъ разъ поддается обману. „Ка-
милль Демуленъ,—пишетъ онъ къ Мунье,—на пути къ реализму“. И
Демуленъ, повидимому, оправдываетъ его заявленіе, говоря въ своемъ
журналѣ: „республика—ничтожное слово, къ которому обращался еще
Францискъ I въ своихъ ординансахъ и Карлъ I въ своихъ капитула-
ріяхъ; никто изъ насъ не дорожитъ этимъ словомъ, но всѣ мы доро-
жимъ свободой, къ которой и идемъ неизмѣнно. Подъ республикой,—
пишетъ онъ нѣсколько далѣе,—я разумѣю всякое свободное государство,
все равно, будетъ ли въ немъ король или штатгальтеръ, генералъ-
губернаторъ или императоръ, дѣло не въ названіи“ 1). Это отсутствіе
слѣпой привязанности къ какому-то отвлеченному идеалу, настолько
мистическому и неопредѣленному, что въ немъ страннымъ образомъ
переплетаются политическіе афоризмы Цицерона и Плутарха съ по-
ложеніями Пэна и Франклина, выгоднымъ образомъ отдѣляетъ кор-
дельеровъ отъ бриссотинцевъ и объясняетъ возможность ихъ сближенія
съ такимъ человѣкомъ, какъ Робеспьеръ, который все еще оставался
въ рядахъ монархистовъ и охотно объявлялъ, что слова король и мо-
нархія не пугаютъ его, и что свободѣ не грозитъ опасность, пока
царствуетъ законъ, а не люди 2). Легко понять, почему эти дѣятели
могли идти рука въ руку, почему Робеспьеръ неизмѣнно оставался
для Камилла „дорогимъ Робеспьеромъ“, почему журналистъ-дема-
гогъ охотно заявлялъ, что гдѣ Робеспьеръ, тамъ и Національное
собраніе, указывая тѣмъ, что внѣ тѣснаго кружка сочувствующихъ
ему радикаловъ имѣются только интриганы и предатели, въ родѣ
Барнава, не желавшаго признавать свободы за неграми, или Шапелье
и другихъ членовъ конституціоннаго комитета, агитировавшихъ въ
пользу введенія пожизненнаго сената и вложенія пугъ на печать и
клубы. Но если кордельеры охотно шли за-одно съ небольшоимъ кру-
жкомъ депутатовъ, группировавшимся около Робеспьера, то и бриссо-
тинцы не сторонились еще будущаго ихъ гонителя. Въ обществѣ друзей

1) *Révolution de France*, № 78.

2) *Histoire de Robespierre* par Ernest Hamel, т. I, стр. 498.

негровъ, основанномъ и руководимомъ Бриссо, они встрѣчались на общей обоей почвѣ. И радикаламъ, и республиканцамъ одинаково было дорого сохраненіе начала гражданскаго равенства; и вырвавшаяся изъ устъ Дюпора и только по ошибкѣ приписанная Робеспьеру фраза: „пусть лучше погибнуть колоніи, чѣмъ принципы“ ¹⁾ одинаково выражала собою „credo“ обѣихъ партій. Всѣхъ—и кордельеровъ, и бриссотинцовъ, и приверженцевъ Робеспьера—объединяло желаніе понизить избирательный цензъ, сохранить свободу печати, клубовъ и петицій. Рѣчь Робеспьера противъ ценза въ марку серебряномъ прямого обложенія, ценза, требуемаго отъ депутатовъ, встрѣчала похвалы и въ письмахъ г-жи Роланъ, и во „Французскомъ патріотѣ“, и въ „Революціяхъ Франціи“, и въ „Народномъ ораторѣ“. Когда собраніе, послушное его голосу, рѣшилось отиѣнить это избирательное ограниченіе, Робеспьеръ сразу сдѣлался надеждою всѣхъ демократовъ. Но гораздо ранѣе этого ему удалось оказать существенную поддержку кордельерамъ сѣтлой защитой права петицій и права афишированія. Подобно кордельерамъ, онъ становился на почву охраны провозглашенныхъ деклараціей естественныхъ правъ; подобно имъ, онъ заявлялъ, что ему всего дороже „интересы немущихъ“. „Чѣмъ слабѣе и необезпеченнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ правѣ петицій; Богъ принимаетъ молебны не только несчастныхъ, но и виновныхъ“. Если Робеспьеру и не суждено было, какъ мы сейчасъ увидимъ, сохранить это право въ рукахъ народныхъ клубовъ, то ему все же удалось предотвратить рѣшеніе, отымающее его у всѣхъ пассивныхъ гражданъ. Конституціонный комитетъ принужденъ былъ отказать и отъ другого предложенія—предоставить одной администраціи право развѣшиванія афишъ ²⁾. Не меньшее сочувствіе вызвала рѣчь Робеспьера въ пользу неограниченной свободы печати. Ораторъ развивалъ въ ней ту мысль, что эта свобода должна быть понимаема не только въ смыслѣ отсутствія предварительной цензуры, но и въ смыслѣ свободы отъ судебной отвѣтственности, каждый разъ, когда клевета или диффамация, выраженная путемъ печати, направлена противъ публичнаго чиновника, а не частнаго лица. „При господствѣ свободы,—утверждалъ онъ,—репутація добраго гражданина не легко можетъ быть запятнана. Общественное мнѣніе само сдѣлается его судьей. Для него нѣкоторыя похвалы покажутся поношеніемъ, а нѣкоторые пасквили—титѣломъ для славы: Катонъ никогда не преслѣдовалъ своихъ клеветниковъ“. Только для частныхъ гражданъ Робеспьеръ допускалъ

¹⁾ Ibid., т. I, стр. 434 и слѣд., 437 и слѣд.

²⁾ См. Moniteur 11 и 12 мая 1791 г. и другіе журналы, цитируемые Гамелемъ. Ibid., стр. 431—433.

необходимость судебной защиты против пасквилянтовъ. Слѣдую английскому опыту, онъ справедливо доказывалъ, что эта защита будетъ болѣе дѣйствительна, если предоставить обиженному право требовать не столько уголовной кары, сколько имущественнаго вознагражденія. Новѣйшая практика вполне оправдала эту опѣнку. Присяжные неохотно идутъ на лишеніе свободы человѣка, искренне заблуждавшагося, но они не откажутъ въ денежномъ удовлетвореніи потерпѣвшему отъ обнародованія поворыщихъ его фактовъ ¹⁾.

Наконецъ, полное единодушіе вызывало также во всѣхъ радикалахъ предложеніе Робеспьера закрыть доступъ въ будущее собраніе депутатамъ настоящаго. Демуленъ называлъ это „мастерскимъ шагомъ“. „Интересы народа, — утверждалъ онъ, — требуютъ, чтобы въ этомъ отношеніи свобода выборовъ была ограничена. И съ такимъ же сочувствіемъ высказывались по отношенію къ этой мѣрѣ и друзья Бриссо, объявлявшіе устами г-жи Роланъ, что „Національное собраніе такъ продажно (*si corrompue*), что всѣ мѣры его необходимо должны быть зловредны. Его депутатамъ не столько недостаетъ разума, сколько чистоты душевной“ ²⁾.

Такимъ образомъ незамѣтно устанавливалось единство взглядовъ и общность политики между всѣми передовыми представителями парламентскаго радикализма, демократической печати и клубовъ. Всѣ они ставили свою задачу въ безусловномъ проведеніи принциповъ деклараціи правъ, даже наперекоръ конституціи, такъ или иначе ограничивавшей. Всѣ они искали опоры не столько въ высшихъ слояхъ буржуазіи, сколько въ народныхъ клубахъ, и создавали себѣ союзниковъ въ томъ классѣ обдѣленныхъ политическими правами гражданъ, которые извѣстны были конституціи подъ наименованіемъ пассивныхъ и вскорѣ выступать на сцену исторіи подъ болѣе грознымъ прозвищемъ санкюлотовъ. Неудивительно поэтому, если буржуазія и ея представители въ Національномъ собраніи старались всячески отнять у нихъ почву подъ ногами, открывая борьбу съ народными клубами.

Еще весною 1790 г. запрещено было клубамъ всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла муниципальных и департаментскихъ администрацій, въ вопросы, касающіеся военной дисциплины и порядка служебнаго подчиненія (постановленіе 1 мая). Нѣсколько дней спустя не дозволено было имъ и представленіе коллективныхъ петицій (постановленіе 10 мая). Въ августъ того же года доступъ въ клубы закрыть офицерамъ арміи и флота. Пока дѣло шло только о томъ, чтобы

¹⁾ Ibid., стр. 459—465.

²⁾ *Révolutions de France*, № 78.

³⁾ Письмо г-жи Роланъ 12 мая 1791 г. (*Lettres*, стр. 223).

оградить предержавшія власти и военныя силы страны отъ той внутренней дезорганизаціи, какую, думали, внесетъ въ нихъ политическая агитація. Но съ начала 91 года вопросъ о клубахъ былъ поставленъ болѣе радикально. 28 февраля депутатъ отъ дворянства Перитора Фуко прямо потребовалъ закрытія народныхъ сообществъ, но собраніе постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ; и клубы, пренебрегая декретомъ 10 мая 90 года продолжали направлять петиціи на имя Національнаго собранія, входя между собою въ постоянный обмѣнъ мыслей и возбуждая другъ друга къ коллективной оппозиціи муниципалитетамъ и директоріямъ, недостаточно проникнутымъ на ихъ взглядъ революціонными принципами. Это давленіе клубовъ на мѣстную администрацію, сопровождавшееся попытками реформировать ее при содѣйствіи петицій къ народному представительству, было признано опаснымъ для устойчивости тѣхъ учреждений, упроченіе которыхъ должно было составить задачу конституціи. 9 мая 1791 г. Шапелье сдѣлалъ предложеніе вовсе отнять у клубовъ право петицій, и не смотря на противодѣйствія Петіона, Робеспьера, аббата Грегуара и Дюбуа Крансэ, Національное собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: „Право петицій есть личное право и не можетъ быть делегировано. Его не могутъ осуществлять на коллективномъ началѣ. Оно не принадлежитъ поэтому избирательнымъ собраніямъ, судебнымъ и административнымъ учреждениямъ, секціямъ городской общины, а также гражданскимъ сообществамъ, подъ которыми въ частности разумѣлись клубы ¹⁾).

Эти мѣры какъ нельзя лучше доказываютъ, что клубы становились серьезной общественной силой, силой тѣмъ болѣе опасной, что она отказывалась, повидимому, служить не только интересамъ контрреволюціи, но даже затѣянной еще Мирабо „контр-конституціи“, ставившей себѣ цѣлью усиленіе королевской власти и измѣненіе представительной системы созданіемъ пожизненнаго сената.

Въ срединѣ апрѣля кордельеры впервые оставляютъ свой скромный постъ руководителей одного парижскаго самоуправления и выходятъ на широкую арену внутренней политики. Въ опредѣленіи, обнародованномъ этимъ клубомъ 17 апрѣля, мы читаемъ: „въ виду доноса, сдѣланнаго нѣсколькими гражданами на короля, котораго они обвиняютъ въ терпимости къ непринявшимъ гражданской присяги священникамъ, въ допущеніи ихъ при своемъ дворѣ къ публичному отправленію богослуженія, къ немалому скандалу французовъ, мы убѣдившись въ томъ, что король дѣйствительно принималъ причастіе

¹⁾ См. статью Aulard, озаглавленную „Законодательство о клубахъ въ эпоху революціи“ и помѣщенную въ I томѣ его Société de Jacobins, стр. XII.

изъ рукъ неприсягнувшаго великопресвитера, и что къ этому „беззаконію“ причастны присутствовавшіе при немъ мэръ Парижа и начальникъ національной гвардіи, постановляемъ: „интересы общественнаго спасенія требуютъ съ нашей стороны обвиненія предъ представителями націи и всѣмъ французскимъ народомъ перваго чиновника государства и перваго слуги закона—самого короля (le premier fonctionnaire de l'Etat, le premier sujet de la loi, le Roi lui-même). Мы обвиняемъ его въ нарушеніи конституціонныхъ декретовъ, въ соблюденіи которыхъ онъ клялся, которымъ онъ долженъ обезпечить повиновеніе, такъ какъ это входитъ въ кругъ его обязанностей. Мы обвиняемъ его въ томъ, что своимъ примѣромъ онъ возбуждаетъ противниковъ конституціи къ неповиновенію, а матежниковъ къ возстанію, подготавливая тѣмъ самымъ ужасы междоусобной войны. Такъ какъ мэръ Парижа и начальникъ національной гвардіи своимъ присутствіемъ содѣйствовали и поддерживали тѣ проступки (torts), въ которыхъ король оказался виновнымъ передъ французской націей, то клубъ заявляетъ, что интересъ общественнаго спасенія (salut publique) заставляетъ его сдѣлать ихъ отвѣтственными за послѣдствія такого не-конституціоннаго поведенія, поведенія, не отвѣчающаго довѣрію народа, надѣлившаго ихъ публичной силой для защиты закона, а не для его нарушенія“ ¹⁾).

Проводя тѣ же взгляды въ адресъ на имя короля, Дантонъ въ сообществѣ своего единомышленника Кирсента говорилъ: „Съ горечью видятъ народъ, что вы оказываете покровительство людямъ, нарушающимъ законъ, и принимаете услуги враговъ конституціи. Государь! обстоятельства серьезны (Sire, les circonstances sont fortes). Предательская политика не отвѣчаетъ вашему характеру и ни къ чему бы не послужила. Удалите отъ себя враговъ конституціи, доведите до свѣдѣнія иностранныхъ націй, что славная революція совершилась во Франціи, что вы отнынѣ король свободнаго народа; пошлите соответствующія инструкціи представителямъ націи при иностранныхъ дворахъ, представителямъ, которые бы не были недостойны своихъ высокихъ функцій. Тотъ совѣтъ, который даетъ вамъ парижскій департаментъ, повторили бы и всѣ прочіе департаменты, еслибы они имѣли возможность быть услышаны такъ же быстро, какъ мы“ ²⁾. Такимъ образомъ самодержавіе народа, осуществляемое непосредственно въ формѣ коллективныхъ петицій и митинговъ, контроль управляемыхъ надъ управителями и отвѣтственность всѣхъ чиновниковъ, начиная съ мэра и начальника національной гвардіи и оканчивая королемъ—„первымъ чиновникомъ

¹⁾ Révolutions de France et de Brabant № 74 (Arrête du club des Cordeliers sur la communion du Roi, du dimanche 17 avril 1791).

²⁾ Révolutions de France, № 74.

государства“—такова политическая программа кордельеровъ. Но для проведенія этой программы имъ необходима прежде всего свобода печати, и не только та свобода, которая находитъ выраженіе себѣ въ формѣ газетъ и брошюръ, распространеніе которыхъ необходимо ограничено потому, что приобрѣтеніе ихъ связано съ денежными затратами, а въ формѣ говорящей всему народу прокламаціи, прокламаціи, приклеиваемой къ стѣнамъ публичныхъ зданій и невольно останавливающей вниманіе прохожихъ, прокламаціи, которая бы въ нѣсколько минутъ дала возможность населенію познакомиться и съ опасностью переживаемаго имъ положенія, и со средствами выйти изъ нея, и съ его неотъемлемыми правами, и не менѣе неотъемлемыми обязанностями, и съ тѣмъ, что онъ въ силахъ сдѣлать для защиты этихъ правъ, и съ тѣмъ, кому онъ можетъ довѣриться, кто готовъ „жить и умереть, защищая его интересы“. Но чтобы прокламація могла произвести ожидаемое дѣйствіе, необходимо то добавочное право къ признаваемой закономъ свободѣ печати, которое людямъ этого времени извѣстно подъ названіемъ „droit d'affichage“—(права афишированья). Это право не было открыто выговорено закономъ, и муниципальными власти пользовались его молчаніемъ, чтобы отмѣнить самое право путемъ административнымъ; мэръ Парижа, академикъ Балли, давалъ приказъ срывать прокламаціи Дантона со стѣнъ, вызывая тѣмъ громкія жалобы въ преданныхъ кордельерамъ публицистахъ. „Какъ,—восклицалъ Кара въ своемъ „Народномъ ораторѣ“,—неимущій классъ населенія, поставленный въ невозможность приобрѣтенія хотя бы единого органа печати, раскрывающаго передъ нимъ его истинные интересы, навсегда останется въ невѣжествѣ и его ближайшіе друзья лишены будутъ возможности путемъ афишъ сообщить ему свѣдѣнія, которыя онъ вправѣ имѣть не меньше васъ, васъ, люди богатые, всегда готовые держать бѣдныхъ въ невѣдѣніи касательно ихъ правъ и обязанностей, а потому самому и въ рабствѣ... Общественное мнѣніе не болѣе, какъ совокупность частныхъ мнѣній; только потому нельзя купить его, что тѣ, которые участвуютъ въ его составленіи, не продаются. Но для этого нужно, чтобы граждане сознательно относились къ тому, что дѣлается вокругъ нихъ. Чѣмъ быстрее народъ схватываетъ мысли, сильно продуманныя и вполне согласныя съ правами человека и гражданина, чѣмъ болѣе залогу представляетъ онъ своей готовности отстаивать эти права, тѣмъ доскопнѣе онъ свободы и тѣмъ легче съумѣетъ онъ ее сохранить. Но чего хотятъ наши враги? Ихъ цѣль помѣшать намъ раскрыть глаза націи, сообщая ей наши мысли, обнародуя предъ нею святое евангеліе человѣческихъ правъ... Но вопреки нашимъ врагамъ, вопреки этимъ мнимымъ друзьямъ закона, которые на каждомъ шагу отступаютъ

отъ него, мы не перестанемъ предостерегать народъ отъ всѣхъ посягательствъ на эти права и требовать отъ него ихъ поддержанія. Придите же въ среду друзей человѣческихъ правъ всѣ вы, сдѣлавшіеся жертвой установленныхъ во Франціи представительныхъ собраній и органовъ исполненія. Прибѣгните къ намъ, полные довѣрія. Вы найдете въ насъ ревнивыхъ защитниковъ этихъ правъ и въ награду мы потребуемъ только вашей дружбы и преданности конституціи. Заодно съ нами вы сдѣлаетесь самою твердою ея опорой и завоюете право сказать предъ лицомъ міра, что вы хотите жить свободными или умереть¹⁾.

Авторъ памфлета ,озаглавленнаго „Совѣтъ французамъ касательно клубовъ“ и проводившаго въ мартѣ 91 года тотъ взглядъ, что всѣ и каждый заинтересованъ въ ихъ упраздненіи, сообщаетъ интересныя подробности о распространеніи и внутреннемъ устройствѣ этихъ сообществъ. „Страсть основывать клубы, — пишетъ онъ, — овладѣла въ настоящее время всѣми классами общества, безъ различія возраста и пола. Во многихъ городахъ ремесленники бросаютъ работу, чтобы вкрявъ и вкось разсуждать о политикѣ, въ другихъ, какъ напримѣръ въ Безьерѣ, Нанси и т. п., на подобныя же собранія сходятся юноши, а въ Алэ и Сиврѣ въ Пуату, молодыя дѣвушки жертвуютъ этой модѣ своей стыдливостью. Даже замужнія женщины устраиваютъ клубы, гдѣ учатъ своихъ дѣтей кадить новымъ идоламъ революціоннаго фанатизма. Наконецъ въ селахъ крестьяне обращаютъ свои „посидѣлки“ (véillées) въ патріотическія сообщества, и школьный учитель открыто проповѣдуетъ въ нихъ анархію (tient école d'anarchie). Всѣ эти сообщества афилированы главному клубу въ Парижѣ, клубу якобинцевъ. Это центръ, въ которому стекаются всѣ эти незаконнорожденныя братства; подобно чувствительной и благодѣтельной матери, онъ милостиво принимаетъ ихъ въ свою среду, согрѣваетъ ихъ на своей груди, питаетъ ихъ любовью къ родинѣ, усиливаетъ и возбуждаетъ ихъ энергію къ кооперации великому дѣлу возрожденія. Отсюда направляются всѣ тѣ посланія, которыя эти мелкія общества принимаютъ съ знаками невыразимой радости²⁾. Этотъ клубъ якобинцевъ сильнѣе собранія. Если бы депутаты отличались еще тою искренностью, которая нѣкогда характеризовала французовъ, они бы сознались, что въ клубѣ якобинцевъ предписывается, какіе предметы должны занять ихъ вниманіе, что въ этомъ вертепѣ готовятся тѣ бѣдствія, которыя обрушиваются затѣмъ на французскій народъ, что часто, чтобы не сказать всегда, убійственные декреты не прошли

¹⁾ Orateur de Peuple, т. V, № 64.

²⁾ Aulard. La société des Jacobins, томъ II, стр. 247.

бы через собраніе, если бы клубъ отвергъ ихъ предварительно. Такимъ образомъ клубъ этотъ нѣчто въ родѣ второго собранія, только болѣе численнаго и потому тысячу разъ болѣе опаснаго ¹⁾. Авторъ памфлета обвиняетъ якобинцевъ въ томъ, что они всячески препятствуютъ основанію новыхъ клубовъ, несогласныхъ съ ихъ взглядами и, сообщая безынтересныя данныя объ этихъ клубахъ, тѣмъ самымъ косвенно подтверждаетъ свидѣтельство Лантенаса о попыткахъ, сдѣланныхъ монархистами въ пропагандѣ своихъ идей чрезъ посредство подобныхъ сообществъ. „Задачей всѣхъ такихъ клубовъ, пишетъ онъ, было установить противовѣсъ тому вліянію, какое присвоили себѣ друзья конституціи“. Члены ихъ хотѣли пропагандировать тѣ истины, которыя нѣкогда создали наше счастье. Подъ названіемъ „друзей короля, монархіи, мира“, клубы открываемы были въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи, но якобинцы поспѣшили задуть ихъ. Тщетно друзья монархіи искали заступничества Національнаго собранія. Силою положенъ былъ конецъ засѣданіямъ клуба, собиравшагося въ монастырѣ капуциновъ на улицѣ Сентъ-Онора. Въ Эксѣ якобинцы пошли еще далѣе; они стали открыто жаловаться на оскорбленія, наносимыя имъ монархическимъ клубомъ, и народъ считъ нужнымъ отмстить ихъ мнимыя обиды, умерщвляя тѣ жертвы, на какія было указано ему напередъ „друзьями конституціи“. (Рѣчь идетъ объ убійствѣ юриста Паскалиса въ декабрѣ 90 года). Клубъ въ Авиньонѣ, который, — жалуется авторъ, — считаетъ своей обязанностью слѣдовать всѣмъ принципамъ якобинскихъ клубовъ во Франціи, обезсмертилъ себя доносами на монархическій клубъ въ Карпантрасѣ. Едва основался подобный же клубъ въ Камбрѣ, и „друзья конституціи“ въ этомъ городѣ отнесли къ нему съ недовѣріемъ и ненавистью и написали на него доносы, всѣмъ якобинцамъ Франціи. Теперь очередь за монархическимъ клубомъ въ Парижѣ. „Друзья конституціи“ умножаютъ свои засѣданія и напрягаютъ свои силы къ тому, чтобы повестъ къ его закрытію. Предсказанія памфлетиста не замедлили оправдаться. Открытый въ августѣ 1790 года, монархическій клубъ вскорѣ установилъ отдѣленія во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ королевства. Онъ ставилъ себѣ цѣлю—противодѣйствіе успѣхамъ демократіи легальнымъ путемъ, т. е., пользуясь всѣми правами, какими надѣлила французовъ конституція и въ частности декларація правъ. Уже 25 января '91 года Барнавъ сдѣлалъ въ стѣнахъ Національнаго собранія открытое нападеніе на членовъ этого клуба, называя ихъ сообщество „предательской и мятежной ассоціаціей“ (*insidieuse, perfide et factieuse association*). Онъ высказывалъ надежду, что

¹⁾ Ibid. стр. 250.

„комитетъ разслѣдованій“ не замедлитъ увѣдомить собраніе о тайныхъ проискахъ, къ какимъ прибѣгаетъ это общество для внесенія смуты въ народъ и въ частности о тѣхъ раздачахъ хлѣба по половинной цѣнѣ, какими оно надѣется привлечь его на свою сторону 1).

Два дня спустя, 27 января домъ графа Клермонъ Тоннера, главнаго основателя клуба монархистовъ, былъ окруженъ вооруженной толпой, и національной гвардіи пришлось предотвратить своимъ вѣншательствомъ взятіе его штурмомъ. Обвиненія, вводимыя на членовъ монархическаго клуба—въ желаніи „развратить народъ“ своими милостями, скорѣ нашли нѣкоторое подтвержденіе въ отказѣ, сдѣланномъ секціей французскаго театра въ Парижѣ принять даръ въ 208 ливровъ 3 су въ пользу наиболѣе бѣдныхъ патріотовъ. Этотъ отказъ сопровождался изданіемъ противъ клуба весьма энергичнаго протеста, текстъ котораго составленъ былъ въ клубѣ Кордельеровъ и отпечатанъ въ Парижской хроникѣ 2). Примѣру секціи французскаго театра послѣдовала скорѣ секція Люксембурга; и она послала отказъ, „принимая, какъ значитъ въ Монитерѣ, въ расчетъ причины, вызвавшія пожертвованія и тѣ послѣдствія, какія оно можетъ имѣть 3).

28 марта сдѣлана была новая попытка вооружить толпу противъ монархическаго клуба. Снова предпринята была его осада, и муниципальныя власти воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы закрыть его совсѣмъ 4). Не однимъ только клубомъ, преслѣдовавшимъ враждебныя имъ цѣли, оказывали якобинцы открытое противодѣйствіе. То же надо сказать и по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Юзесѣ въ печатномъ адресѣ обвинялъ передъ собраніемъ муниципалитетъ города въ противодѣйствіи истиннымъ друзьямъ свободы и въ тайномъ подготовленіи возстанія 5). И что же дѣлаетъ собраніе? Оно, жалуется авторъ памфлета, уполномочиваетъ одинъ изъ своихъ комитетовъ, комитетъ рапортовъ, произвести слѣдствіе противъ муниципалитета и предать его верховному національному суду въ Орлеанѣ. А друзья конституціи въ Волони — не

1) См. Moniteur. 27 января 91 года, № 27, а также l'Histoire de la révolution par deux amis de la liberté (томъ V, стр. 380).

2) Les Cordeliers. Documents pour servir à l'Histoire de la révolution française par Alfred Bougeard стр. 304.

3) См. Moniteur, 7 февр. 91 г. № 38.

4) См. примѣчанія къ мемуарамъ Малуэ, сдѣланныя его внукомъ барономъ Малуэ въ 1874 году, томъ II, стр. 59.

5) См. L'adresse de la société des amis de la constitution d' Uzès, exposant les dangers qu'ils ont courus et qu'ils courent encore, lue dans la séance de l'Assemblée nationale du 12 mars 1791. (Archives parlementaires t. XXIV, p. 51).

сочли ли они возможным сдѣлать одновременно доносъ и якобинскимъ клубамъ во всей Франціи и Національному собранію на депутатовъ балаяжа Кутанси, рѣшившихъ опротестовать постановление недавняго декрета о завѣщательныхъ распоряженіяхъ, постановленіе, отрицавшее дѣйствіе нормандскаго кутюма? Не старались ли они вызвать противъ одного изъ этихъ депутатовъ открытый мятежъ въ средѣ крестьянъ? (Рѣчь идетъ о депутатѣ отъ дворянства. де-Сотевилль). И національное собраніе не только не возстало противъ такого образа дѣйствій, но наоборотъ высказалось въ его пользу 1).

Не всегда впрочемъ клубы принимали въ провинціяхъ сторону народнаго мятежа, не всегда высказывались они враждебно къ существующимъ муниципальнымъ властямъ. Якобинскій клубъ въ Монтаржисѣ подъ руководствомъ будущаго республиканца Манюэля давалъ примѣръ уваженія къ порядку, призывая въ своихъ адресахъ къ платежу налоговъ и высказывая открыто сочувствіе шэру и начальнику мѣстной гвардіи, воспротивившимся задержанію силой хлѣбныхъ транспортовъ, предназначенныхъ къ вывозу изъ Шатильона 2). Центральный клубъ даетъ въ этомъ отношеніи примѣръ всѣмъ мѣстнымъ клубамъ. Адресъ направленный имъ 15 марта 91 года къ аффилированнымъ ему сообществамъ, адресъ, редакція котораго принадлежала Барнаву, вызывая къ солидарности, въ то же время предлагаетъ принять въ руководство законъ, сдѣлавшійся нынѣ „выраженіемъ общей воли и торжествомъ всѣхъ интересовъ“. „Когда, значитъ въ адресѣ, народъ положилъ основы своему устройству, уваженіе къ законамъ становится его первой обязанностью; когда, завоевавъ свободу, онъ приступаетъ къ упроченію ея съ помощью конституціонныхъ законовъ, религіозное благоговѣніе передъ этими законами служить лучшимъ залогомъ счастливаго окончанія революціи. „Друзья конституціи! скажите народу, что всякое проявленіе съ его стороны мятежной ревности вредитъ тому довѣрію, какое должна вызвать конституція; что его нетерпѣніе удаляетъ отъ него многихъ мирныхъ гражданъ, заставляетъ его друзей терять смѣлость и налагать на себя нѣкоторую удержъ въ защитѣ его интересовъ; скажите ему также, что представители націи непрерывно преслѣдуютъ свои широкія цѣли и что ихъ усилія поддерживаются

¹⁾ Avis aux Français sur les Clubs стр. 272 и 273. (Aulard. томъ II).

²⁾ Adresse de la Société des Amis de la constitution de Montargis, aux Maires et Officiers Municipaux du District (3 ноября 90 года). Arrêté de la société des amis de la constitution de Montargis. См. les lettres de P. Manuel Paris An. III de la Liberté стр. 158 и 275.

жоролемъ, добродѣтели котораго содѣйствуютъ упроченію за монархіей того характера конституціонности, при которомъ она является благомъ для народа и залогомъ прочности правительства“ 1). Очевидно, что написанный въ такомъ духѣ адресъ не могъ встрѣтить поддержки въ томъ республиканскомъ меньшинствѣ, какое, какъ мы сказали выше, группировалось около Бриссо и издаваемого имъ „Французскаго Патриота“. Неудивительно поэтому, если въ этой газетѣ появился энергическій протестъ противъ той монархической программы, какую центральный клубъ якобинцевъ старался навязать своимъ провинціальнымъ корреспондентамъ. Этотъ протестъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ первое коллективное выраженіе чисто республиканскихъ взглядовъ.

Въ адресѣ клуба, составленномъ Барнавомъ, встрѣчалось между прочимъ упоминаніе о близкомъ окончаніи Національнымъ собраніемъ той части его работъ, которая должна была повестъ къ изданію „неизмѣнной хартіи конституціонныхъ законовъ“. Въ этой фразѣ, пишетъ Бриссо, заключается великая ересь, ересь, которой легко было бы повести къ упраздненію нашей свободы и суверенитета націи, если бы всѣ согласились принять ее. Національное собраніе не имѣетъ права установить и притомъ неизбежно конституціонные законы. Когда господинъ Барнавъ усѣдетъ ознакомиться съ элементарными требованіями всякой соціальной и политической организаціи, онъ несомнѣнно убѣдится, что неизмѣнными можно считать только естественныя права, какія выражены въ текстѣ деклараціи; а это такія права, которыя могутъ обойтись безъ установленія ихъ собраніемъ. Онъ убѣдится также, что конституціонные законы, другими словами, тѣ, которые касаются организаціи властей, по самой природѣ своей подвержены измѣненіямъ, что народу можетъ представиться болѣе удобнымъ имѣть одно время наслѣдственную исполнительную власть, а другое—выборную, сегодня—единство избирательнаго корпуса, завтра—дробленіе его на двѣ секціи, что онъ можетъ пожелать, чтобы распоряженіе финансами то сосредоточивалось въ рукахъ исполнительной власти, то въ рукахъ законодательнаго корпуса и т. п. Народъ можетъ имѣть эти различные виды конституціоннаго устройства, когда онъ признаетъ это нужнымъ; но онъ ни въ какое время не можетъ отказаться отъ этого права дѣлать измѣненія: оно неразлучно съ нимъ, въ немъ лежитъ его суверенитетъ... Мы беремся доказать господину Барнаву, когда представится къ тому удобный случай, что народъ одинъ вправе устанавливать конституціонные законы, и

1) Adresse de la société des amis de la constitution de Paris aux sociétés qui lui sont affiliées. (Aulard. томъ II, стр. 185).

что эти законы могут подлежать измѣненіямъ въ опредѣленные эпохи, только право дѣлать эти измѣненія принадлежитъ не членамъ Законодательнаго собранія, а народнымъ делегатамъ, непосредственно избраннымъ для этой цѣли... Не трудно также убѣдиться, что порядки благопріятные свободѣ могутъ быть установлены прочно и помимо наслѣдственной монархіи... При господствѣ равенства наслѣдственность королевской власти, нѣкогда необходимая, какъ препятствіе кровопролитіямъ, вызываемымъ желаніемъ отдѣльныхъ аристократическихъ партій, въ родѣ Арманьяковъ и Бургиньоновъ, овладѣть престоломъ, въ настоящее время совершенно лишняя: это плотина противъ несуществующаго моря, это предотвратительное средство противъ уже исчезнувшей проказы¹⁾.

При вдумчивомъ отношеніи къ только что прочитаннымъ строкамъ не трудно открыть въ нихъ зародышъ тѣхъ основныхъ положеній, изъ которыхъ составлена будетъ ближайшимъ образомъ политическая программа республиканцевъ. Бриссо, строго говоря, отправляется въ своей критикѣ отъ ученія, провозглашеннаго еще Руссо и своеобразно развитого Мабли, ученія, которое гораздо раньше было уже высказано радикальной партіей въ эпоху англійской республики и протектората Кромвеля и вмѣстѣ съ нею перешло въ Новый Свѣтъ. Сущность его составляетъ признаніе, что суверенитетъ народа предполагаетъ въ немъ право постоянного измѣненія самихъ основъ своего политическаго устройства, что это право не можетъ быть делегировано постоянному органу законодательной власти, каковымъ является палата представителей; что никому, какъ народу предстоитъ высказаться насчетъ желательныхъ въ его глазахъ измѣненій въ конституціи; что неизмѣнными остаются только установленные природой законы, какими философія XVIII вѣка считала неприкосновенность личности и собственности во всѣхъ ея своеобразныхъ проявленіяхъ и подъ общимъ терминомъ „естественныхъ правъ“. Все отличие программы Бриссо отъ той, какая будетъ положена въ основу конституціи 93 года, сводится къ предоставленію учредительной власти народа въ руки специальныхъ его делегатовъ. Конституція же 93 года выскажется за прямое голосованіе избирателями „основныхъ законовъ“. Въ этомъ отношеніи демагоги, собиравшіеся въ клубъ Кордельеровъ, и не ставившіе еще вопроса о республикѣ шли, какъ мы видѣли, уже въ это время значительно дальше Бриссо. Имъ, а не жирондистамъ должна быть приписана мысль о возможности, вопреки мнѣнію Руссо, достигнуть непосредственнаго участія народа въ дѣлахъ государства.

¹⁾ Patriote français. 17 марта 91 года. Сборникъ Aulard, т. II. (La société des Jacobins) стр. 190 и слѣд.

не смотря на обширность территории и отсутствіе федеративнаго устройства. Для этого, полагають они, слѣдуетъ только признать за народомъ прямой починъ въ учредительной дѣятельности, починъ однохарактерный въ принципѣ съ тѣмъ, какой признанъ за нимъ новѣйшимъ законодательствомъ Швейцаріи ¹⁾).

Мы указали пока лишь на сходство главныхъ основъ республиканскаго устройства 93 года съ программой французскихъ радикаловъ 91 г., радикаловъ, ратовавшихъ въ пользу удержанія за народомъ полноты учредительной власти. Намъ необходимо еще отиѣтитъ тотъ фактъ, что и въ частностяхъ сдѣланная Бриссо критика адреса якобинцевъ намѣчаетъ весьма полно тѣ вопросы, по которымъ его партія разойдется съ дѣятелями 89 года и положитъ начало новому политическому устройству Франціи. Это, во-первыхъ, вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть сосредоточено распоряженіе народными финансами, въ рукахъ ли назначаемого однимъ королемъ министра, или вышедшаго изъ среды палаты комитета. Съ этимъ вопросомъ связанъ будетъ другой однохарактерный, возможно ли оставить за исполнительной властью то средство воздѣйствія на рѣшенія народнаго представительства, какое дастъ ему существованіе цивильлиста, значительнаго по своимъ размѣрамъ и неизмѣннаго денежнаго дохода, часть котораго, какъ доказывалъ Мирабо, съ пользою можетъ быть затрачена на подкупъ депутатовъ ²⁾ На ряду съ этими двумя вопросами, которые въ сущности сводятся къ одному, къ отнятію у исполнительной власти и сосредоточенію въ рукахъ народнаго представительства всей внутренней администраціи, очевидно немислимою безъ денежныхъ затратъ, Бриссо ставитъ еще вопросъ о раздѣлѣ народнаго представительства на двѣ секціи. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ Сіейсомъ еще въ 89 году и оживленіе его въ настоящее время, когда на очередь снова выступалъ проектъ устройства, если не наследственной періи, то пожизненнаго сената, доказываетъ, что предводимая Бриссо партія желала быть готовой на всѣ случайности и собиралась опровергнуть доводы сторонниковъ двухъ палатъ включеніемъ въ свою программу такихъ мѣръ, которыя, не колебля начала единства народнаго

¹⁾ Федеральный законъ, дающій опредѣленному числу избирателей право требовать обсужденіе извѣстныхъ реформъ представительными палатами, проведенъ въ Швейцаріи гѣтомъ 1891 г.

²⁾ Корреспондентъ польскаго двора пишетъ: 14 мая 91 года король истратилъ свой „цивильлистъ“; онъ много раздалъ денегъ шіонамъ, которымъ поручено выслѣживать Якобинцевъ и въ особенности Орлеанистовъ. (Томъ II стр. 527. *Congresspondance secréte* изд. De. Lescure). 15 мая 1791 года Моррисъ отиѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ разговорѣ съ Монмореномъ онъ не могъ скрыть свое неодобреніе системѣ подкуна депутатовъ. (Томъ I, стр. 420).

представительства, въ то же время соединяли бы въ себѣ несомнѣнное удобство двоекратнаго обсужденія законопроектовъ. Возставая противъ всякой сословности и объявляя по этому, напимѣръ, англійскую палату лордовъ „готическимъ предрасудкомъ“, Сіейсъ въ то же время не отрицалъ той пользы, какую представляетъ двухкамерная система, считая возможнымъ достигнуть представляемыхъ ею удобствъ раздѣломъ палаты на секціи 1). Эту то мысль и присваивалъ себѣ въ настоящее время Бриссо и члены его партіи, видя въ ней съ полнымъ основаніемъ возможность отклонить ту опасность, какой въ ихъ глазахъ грозило народному самодержавію и интересамъ демократіи созданіе пожизненнаго сената. Въ концѣ мая будущій жирондистъ Бюзо уже внесъ предложеніе раздѣла національнаго собранія на двѣ камеры, изъ которыхъ каждая должна была поочередно обсуждать внесенные въ собраніе законопроекты. Жребію предоставлялось опредѣлить личный составъ этихъ камеръ. Предложеніе не было принято, но конституціонный комитетъ, наравнѣ съ комитетомъ для ревизіи изданныхъ собраніемъ декретовъ и редакціи окончательнаго текста учредительныхъ законовъ высказались въ пользу принятія мѣръ, препятствующихъ излишней быстротѣ рѣшеній и обезпечивающихъ болѣе толковое обсужденіе. Говоря объ этомъ, англійскій посолъ, графъ Гауеръ, высказываетъ надежду, что въ этомъ смыслѣ сдѣланы будутъ ближайшимъ образомъ измѣненія въ текстѣ конституціи 2). Такимъ образомъ еще въ эпоху учредительнаго собранія люди, стоявшіе во главѣ того республиканскаго движенія, высказываясь въ пользу единства народнаго представительства, въ то же время стояли за раздѣлъ его на двѣ камеры и двоекратное обсужденіе законовъ. Но дѣленіе національнаго собранія на секціи при сохраненіи единства представительства составляетъ, какъ извѣстно, заветную мысль жирондистовъ. Мы вправѣ сказать слѣдовательно, что и въ этомъ отношеніи Бриссо является провозвѣстникомъ тѣхъ взглядовъ, защиту которыхъ возьметъ на себя эта партія. Наконецъ послѣдній вопросъ, поднимаемый имъ въ критикѣ адреса якобинцевъ, тотъ самый, какой рѣшенъ будетъ жирондистами въ его же смыслѣ 10 августа 92 года. Это вопросъ объ отвѣтственности не однихъ министровъ, но и перваго чиновника государства—короля.

И такъ программа республиканской партіи является вполнѣ установленной еще раньше бѣгства Людовика XVI-го въ Вареннъ.

1) Qu'est-ce que le tiers état.

2) Денеша отъ 27-го мая 1791 г.

Русская Исторія на Московской Географической Выставкѣ 1892 года.

Е. Ф. Шмурло.

Въ августѣ 1892 года въ Москвѣ ученый міръ Европы собрался на два международных конгресса, одинъ по доисторической археологiи и антропологiи, другой—по зоологiи. Готовясь къ встрѣчѣ заграничныхъ гостей, мѣстные представители науки напали на счастливую мысль устроить одновременно и Географическую выставку. Главнымъ организаторомъ задуманнаго дѣла былъ профессоръ Московскаго университета Д. Н. Анучинъ. Результатомъ стараній особо выбранной подъ его предсѣдательствомъ комиссіи явилась громадная масса матеріала, размѣщеннаго въ девяти залахъ Историческаго Музея. Здѣсь нашли себѣ мѣсто самые разнообразныя предметы, имѣющіе связь съ географіей: карты, планы и атласы, изданія по гидрографіи, геологiи, метеорологiи, статистикѣ, коллекціи этнографическія, матеріалы по общей географіи, по метеорологiи, по исторiи землѣдѣнія, по географіи учебной и промышленной, фотографическіе снимки мѣстностей, типовъ и т. д. и т. д. Правительственныя и общественныя учрежденія, частныя лица, какъ въ Россіи, такъ и за границей, прислали свои изданія или ввѣренныя имъ коллекціи. Можетъ быть, Географическая выставка оказалась и не въ полнѣ удовлетворяющей требованіямъ полноты, можетъ быть, необходимость размѣщать вещи не по однородности содержанія, а по принадлежности тому или иному владѣльцу, дѣлала ее не во всѣхъ ея отдѣлахъ систематичною, но будемъ помнить, что это еще первый опытъ; онъ укажетъ пробѣлы, въ однихъ возбудитъ интересъ къ дѣлу, въ другихъ усилитъ энергію и, будучи повторенъ, конечно, дастъ намъ болѣе удовлетворительные результаты, представивъ географическое

знакомство съ Русскимъ Государствомъ и сопредѣльными ему странами въ гораздо болѣе законченномъ видѣ.

Географическая выставка, по самому свойству, должна была дать матеріалъ и для историка; таковой, дѣйствительно, оказывается на лицо, хотя разбросанный по всѣмъ заламъ и разбитый частями по тѣмъ отдѣленіямъ, на какіе въ свою очередь раздѣлена сама выставка. Матеріалъ этотъ касается преимущественно исторіи русской, въ виду того, что выставка, хотя и возникла по поводу *международнаго* съѣзда, но въ значительной степени посвящена территоріи Россіи. Сверхъ того участіе иностранныхъ фирмъ и лицъ проявилось собственно въ области *современной* картографіи и географической литературы, тогда какъ, „старину“ выставили русскія силы. Думаю, что это къ выгодѣ самаго дѣла: если уже нельзя было устроить международную географическую выставку на самыхъ широкихъ началахъ полноты, то всякое раздвоеніе силъ лишь ослабило бы обѣ половины, лишивъ и ту, и другую необходимой яркости и законченности. Вотъ почему въ своей замѣткѣ я намѣренъ остановиться только на томъ, что касается прошлаго одной нашей родины ¹⁾.

I.

Начало географическихъ представленій о Русской землѣ, какъ извѣстно, можно относить къ очень отдаленнымъ эпохамъ, когда еще и названіе нашей родины не существовало, когда восточная европейская равнина населена была племенами, можетъ быть, совсѣмъ не славянскими. Восемь рукописныхъ раскрашенныхъ картъ ²⁾, выставленныхъ Географическимъ кабинетомъ Московскаго университета, знакомятъ насъ съ этими отдаленными представленіями. Передъ нами возстаетъ Гомеръ (XII в. до Р. Х.) съ его Океаномъ, омывающимъ весь земной кругъ, еще безъ малѣйшаго намека на сѣверные берега Чернаго моря ³⁾; Гекатей (V в.), начертившій, правда, Меотиду

¹⁾ Недавно вышелъ каталогъ Выставки. Онъ содержитъ перечень, а часто краткое описаніе 743 предметовъ или коллекцій. Въ своемъ обзорѣ, упоминая тотъ или иной предметъ, я дѣлаю въ скобкахъ указаніе на № его по каталогу и на его собственника. №№ картъ и плановъ, выставленныхъ городомъ Петербургомъ, обозначены по особому каталогу, изданію Петербургской городской думы, такъ какъ въ общемъ каталогѣ Выставки отдѣлъ этотъ не перенумерованъ.

²⁾ Увеличенныя копія съ картъ въ сочиненіе Bunbury, History of ancient Geography.

³⁾ Хотя Беръ и утверждаетъ, въ противность установившемуся мнѣнію,

(Азовское море), но за то до нельзя сплюснвшій равнину Восточной Европы; Геродотъ (V в.), уже отказавшійся отъ окружающаго морскаго рукава, признавшій цѣлый рядъ рѣкъ Черноморскаго бассейна и внутреннее Каспійское море; Эратосеенъ (III в.), открывшій Волгу и повернувшій на должное мѣсто Каспійское море сравнительно съ Геродотомъ, у котораго оно тянется съ Запада на Востокъ; Страбонъ (I в. по Р. Х.), проливомъ соединившій Каспій съ азіатскою частью Ледовитаго океана на основаніи ошибочныхъ представленій, введенныхъ въ обращеніе еще со времени Александра Македонскаго ¹⁾, Помповій Мела (I в. по Р. Х.), хотя держащійся того же взгляда, но уже замѣтившій проливъ узкимъ и длиннымъ рукавомъ, „на подобіе рѣки“—*longo freto, quasi fluvius* ²⁾—и, наконецъ, Птолемей (II в.), съ именемъ котораго связаны дальнѣйшіе успѣхи географіи: онъ перестаетъ сближать Каспійскія воды съ Ледовитымъ океаномъ, признаетъ широкую равнину и въ нынѣшней Европейской Россіи, и въ среднеазіатскихъ степяхъ, и въ тундрахъ холодной Сибири, хотя подобно Геродоту, снова поворачиваетъ бокомъ ложе Каспійскаго моря.

Для полноты развитія географическихъ представленій древности, эту коллекцію лицъ можно было бы пополнить Дикеархомъ (III в. до Р. Х.), Гиппархомъ (II в. до Р. Х.), Полибіемъ (II в. до Р. Х.), Мариномъ Тирскимъ, которому много обязанъ Птолемей. Подходящій для этого матеріалъ даетъ частью атласъ Вивьенъ-де-Сен-Мартена, частью хотя бы такія старія изданія какъ Gosselin ³⁾ или Брутъ ⁴⁾. Отсутствіе послѣдняго на Выставѣ было тѣмъ замѣтнѣе, что до извѣстной степени, онъ служитъ показаніемъ развитія и отечественной картографіи.

Послѣднее слово въ области картографической Древній міръ сказалъ такъ-называемою Пеутингеровою картою. Длинная лента ея была выставлена въ экземплярѣ, принадлежащемъ Д. Н. Анучину (№ 413). Хотя въ такомъ видѣ и облегчалось знакомство съ ней, но было бы, можетъ быть, еще пріятнѣе имѣть на выставѣ подъ рукою прекрас-

что Черное море Гомеръ не только звалъ, но звалъ даже лучше Средиземнаго моря. Смори его *Historische Fragen mit Hilfe der Naturwissenschaften beantwortet* Stpg. 1872.,—именно статья: „Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden“. Справ. Запис. Одесск. Общ. Истоп. Древн., X, 512.

¹⁾ Vivien de Saint Martin, *Histoire de la géographie* (P. 1873.), стр. 174.

²⁾ Ibidem.

³⁾ *Recherches sur la géographie systematique et positive des anciens.* A Paris, an VI (de la république).

⁴⁾ Атласъ древняго свѣта, состоящій изъ 23 картъ съ объяснительными таблицами. Спб. 1831.

ное изданіе Конрада Маннерта ¹⁾. Пеутингерова карта, какъ и всѣ ей предшествовавшія, разумѣется, ничего еще не знаетъ о Россіи; узкой дорожкой тянется на ней Понтъ Эвксинскій; въ прилегающихъ къ нему Roxolani Sarmate, Taurica, Nervani, Caucasi она предоставляетъ читателю лишь угадывать мѣстность будущей Россіи.

Съ VI в. стала распространяться система Козьмы Индикоплова, изображавшая землю четырехугольною плоскостью, ограниченной кристаллическими стѣнами, вверху сходящимися въ небесный сводъ. Хотя мировѣдѣніе Козьмы сложилось и не на русской почвѣ, о Россіи ничего не говоритъ, но оно нашло широкое примѣненіе въ древней Руси и пользовалось большимъ авторитетомъ. На Выставѣ было дано изображеніе земли по представленію Индикоплова (№ 412, г. Геогр. Каб.) и его „Христіанская Топографія“ въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности (№ 425 а. Ануч.). Долгое господство воззрѣній Индикоплова показываетъ, какъ медленно распространялись географическія знанія въ народной массѣ. Проходили вѣка, а движенія впередъ почти не замѣтно. Возьмемъ для примѣра хоть бы эту безобразную дубочную картину земнаго круга, какъ онъ представлялся еще до послѣдняго времени темной толпѣ: „Книга глаголемая космографія переведена бысть сримскаго языка вней описаны государства и земли и знатные острова и вкаторои части живутъ какія люди и веры ихъ и нравы и что вкаторомъ земле. родится и о томъ значеть въ сочиненномъ окрузе семъ.“ ²⁾ царить еще система Гомера въ формѣ „море овіяна“, опоясывающаго сушу; внутри его тянутся руковобразныя полосы, кой гдѣ переходящія въ болѣ широкія и еще болѣе безформенныя,—онѣ должны изображать различныя моря. На „берегахъ“ и внутри полосъ помѣщены изображенія зданій, все остальное пространство сплошь усѣяно печатнымъ текстомъ,—названіями территорій съ ихъ характеристикой. Центръ карты занимаютъ моря Азовское, Черное и Константинополь. Изображеніе Москвы отняло всего больше мѣста; далѣе тянется Новгородъ, а еще далѣе—показанъ Петербургъ. Этотъ послѣдній, конечно, отнюдь не противорѣчитъ тому, что настоящая карта, хотя и получила свою окончательную форму въ позднѣйшую пору, но сама по себѣ сложилась на почвѣ представленій еще до-Петровскаго времени. Нечего и говорить,

¹⁾ *Tubula itineraria Peutingeriana, primum aeri incisa et edita a Franc-Christoph. de Scheyb MDCCLHI Denuo cum codice Vindoboni collata, emendata et nova Conradi Mannerti introductione instructa studio et opera Academiae litterarum regiae Monacensis Lipsiae. MDCCCXXIV.*

²⁾ № 416 И. Е. Забѣлина. Другой экземпляръ выставленъ Рязанской Архивною Комиссіею, изд. 1831 г.—отличается лишь меньшимъ количествомъ красокъ да ничтожными вариантами текста.

что съ распространеніемъ за послѣднія 30 лѣтъ народныхъ школъ, подобнымъ произведеніемъ скоро будетъ окончательно подписанъ смертельный приговоръ.

Средніе вѣка вообще мало подвинули картографію, и нынѣшняя выставка знакомила насъ съ этимъ временемъ по изданіямъ путешественника Давида Паломника, Марко Поло, Плано Карпини, Асцелина, Аванасія Никитина, по картамъ Эдризи XII в. (№ 412, 12. Г. К.), Обсторфовой XIII в. (№ 435. Г. К.), такъ называемой Каталанской 1375 г. (№ 414), Фра Мауро 1459 г. (№ 415, чертк. 6—ка Ист. Муз.) и океанической стороною глобуса Мартина Бежайма 1492 г. (№ 417. Г. К.). Эдризи черпалъ свой матеріалъ въ сферѣ торговыхъ сношеній образованнаго Востока съ далекими полуварварскими странами Сѣвера. Не только онъ, но даже Аль-Истахри и Ибн-Хаукаль отиѣчаютъ на своихъ картахъ „Рус“, „Русія“, „Булгарь“ и, разумеется, Волгу. Они цѣлой головой выше какой-нибудь Англосаксонской карты X в., на которой кабалистическія имена Гога и Магога находятъ себѣ мѣсто одновременно у Каспійскаго моря и у Сѣвернаго океана.

Для насъ Каталанская карта любопытна обозначеніемъ торговаго караваннаго пути изъ Таны, на устьяхъ Дона, черезъ южную Россію и Среднюю Азію въ Китай, виньетками съ объяснительными надписями и вмѣстѣ съ тѣмъ очень смутнымъ представленіемъ о самой странѣ. Фра Мауро, оригиналъ котораго украшаетъ одну изъ залъ венеціанскаго дворца дожей, ориентированъ гораздо полнѣе. Это едва ли не первая карта, гдѣ, хотя и безъ малѣйшаго соблюденія масштаба, намѣчено взаимное расположеніе главнѣйшихъ областей: *Rossia kossa*, *R. Nigra*, *R. Biancha*, *Eituania*, *Permia*, *Sibir*. Еще С. А. Соболевскій, замѣтившій, что португальскіе короли имѣли современный дубликатъ этой карты и помогали работамъ Фра-Мауро, обратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на отсутствіе у него усвоеннаго тогда въ з. Европѣ для Россіи названія *Moscovia*. „Но откуда, спрашиваетъ онъ, португальцамъ второй половины XV вѣка. знать такъ подробно, такъ вѣрно и такъ много о Россіи и нигдѣ не называть ее тогдашнимъ европейскимъ именемъ *Moscovia*“¹⁾! Мартынъ Бегаймъ стоитъ непосредственно передъ открытіемъ Колумба, и его глобусъ интересенъ не столько съ точки зрѣнія развитія географіи русской, сколько всеобщей.

Говоря о предметахъ, представленныхъ на выставкѣ, быть можетъ, умѣстно будетъ вспомнить о каталогѣ разныхъ актовъ, выве-

¹⁾ Древнѣйшая карта Россіи. Лѣтопись зачатій Археографич. Комисіи IV, протоколы, 59—60.

зенныхъ въ сороковыхъ годахъ покойнымъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ съ Аѳонской горы. Каталогъ этотъ былъ имъ напечатанъ въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ картъ Россіи, снятыхъ имъ съ картъ одной рукописи Ватопедскаго монастыря ¹⁾. По почерку начертаній архимандритъ Порфирій относилъ ихъ къ XIII вѣку. Одна изъ картъ изображаетъ западную Россію до Дона, другая—ея восточные предѣлы до устьевъ Волги и истоковъ Камы. Оріентированныя на манеръ современныхъ, эти греческія карты, хотя и измѣряютъ разстоянія градусами, но чрезвычайно сбивчиво. Пространство между Чернымъ и Балтійскимъ морями—сплющено; истинное направленіе Волги надо угадывать; всѣ рѣки обязательно вытекаютъ изъ горъ. Въ именахъ и названіяхъ племенъ, ясны еще классическіе отзвуки: будины, амодоки, роксоланы, танаиты, гипербореи, сарматы, Борисеенъ и т. п. Составитель лучше всего знаетъ побережье Чернаго моря, куда онъ направляетъ десятка полтора рѣкъ; довольно правильно указываетъ восточный изгибъ Дона, на форму Азовскаго моря; Каму обозначаетъ однимъ названіемъ съ Волгою—*Ра*, а Кавказскія горы тянетъ на Востокъ, съ нѣкоторымъ даже заворотомъ къ Сѣверо-Востоку, и тѣмъ болѣе слабъ въ очертаніяхъ Балтійскаго побережья и впадающихъ въ него рѣкъ.

Не знаю, было ли отмѣчено въ печатной литературѣ почти полное тождество этихъ двухъ картъ съ двумя подобными же въ рѣдчайшемъ изданіи Берлингъери (около 1478—1480 гг.) ²⁾. Стоитъ бросить взглядъ на оба изданія, чтобъ признать ихъ сходство. Если Берлингъери нѣсколько отступаетъ въ изгибахъ Волги, давая ей болѣе правильное очертаніе, снабжая Крымскій полуостровъ, въ греческой картѣ совершенно пустой, сѣтью городовъ, за то во всемъ остальномъ онъ слѣдуетъ своему прототипу. Разумѣется, греческія имена замѣнены латинскими, но и у Берлингъери мы встрѣчаемъ тѣхъ же голиновъ омбровъ, гиеновъ, азыговъ и т. п.

Вполнѣ достойна вниманія карта земного круга, найденная въ Эбсторфскомъ монастырѣ (въ Ганноверѣ) и изданная facsimile въ прошломъ году Зоммербротомъ ³⁾. Состоитъ она изъ тридцати пергаментныхъ

¹⁾ 1877, №№ 7 и 8.

²⁾ Geografia di Francesco Berlinghieri Fiorentino, in terza rima et lingua toscana distincta con le sue tavole in varii siti et provincie, secondo la geografia et distinctione delle tavole di Ptolomeo. Cum gratia et privilegio. Impesso in Firenze per Nicolo Todescho et emendato con somma diligentia dello auctore.

³⁾ Die Ebсторfer Weltkarte im Auftrage des historisch. Vereins für Niedersachsen... herausgegeben von Ernst Sommerbrodt. Hierbei ein Atlas von 25 Tafeln in Lichtdruck. Hannover. Hahn'sche Buchhandlung. 1891.

листовъ, ориентированныхъ съ Востока (т.-е. Востокъ вверху карты, Югъ справа и т. д.); въ центрѣ помѣщенъ Іерусалимъ; вся площадь испещрена рисунками людей, животныхъ, зданий и многочисленными надписями на латинскомъ языкѣ. Издатель отказывается точно опредѣлять время составленія названной карты; но, основываясь на обозначеніи города Риги, не признаетъ ее древнѣе половины XIII столѣтія. Вотъ наиболѣе интересныя части карты, касающіяся Россіи.

По прямой линіи отъ центра — Іерусалима — почти у самаго Сѣвера помѣченъ *Tanais fluvius*, съ обозначеніемъ, что *Tanais fuit rex Scytharum a quo Tanais vocatur, qui dirimit Europam ab Asia inter duas mundi partes medius*. Нѣсколько правѣ: *Hic olim Avares id est Huni habitaverunt*. За жертвенниками Александра Македонскаго идетъ *Scytia inferior*. Далѣе видимъ: *Olchis fluvius qui* (Волховъ?) *Wolkans* (Волга?), *Novgard civitas*, *Riga Livoniae civitas hic*, *Duna fluvius*, *Kiwen civitas*, *Rucia regio* и между ними изображеніе двухъ животныхъ: *elles* и *mgas*; наконецъ, *Smalentike* и *Plosceke civitas* (Tafel 5).

Торговля итальянцевъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ оставили также свои слѣды въ исторіи землевѣдѣнія. Очень цѣнна генуэзская карта земного круга, воспроизведеніе коей можно найти у Вутке или Лелевели (*Geographie du moyen âge* ¹⁾). Уступая Фра-Моуро въ величинѣ, она сходна съ нимъ по содержанию. Предѣлы Россіи лучше всего, разумѣется, извѣстны составителю въ южной ея половинѣ. Въ Черное море вливаются двѣ рѣки: Днѣстръ и Днѣпръ, послѣдній, кромѣ того, другимъ рукавомъ въ море Азовское; туда же направляетъ свой бѣгъ и Донъ, очерченный вообще довольно правильно. Къ Дону подходит Волга, прежде чѣмъ окончательно разойтись съ нимъ въ разныя стороны. Интересно изображеніе хана Золотой орды, съ чистымъ монгольскимъ типомъ (его зовутъ *Lordo rex*) и кибитокъ, въ которыхъ живетъ самъ онъ и его подданные ²⁾.

¹⁾ Ее и картъ арх. Порфирія я не нашелъ на Географической выставкѣ.

²⁾ Описаніе карты 1447 г. у Fischer, *Sammlung Mittelalterlicher Welt- und Seekarten italienischen Ursprungs*. Venedig. MDCCCLXXXVI, стр. 155, 174 слѣд. Укажемъ еще на статью Ф. Бруна: Перилъ Каспійскаго моря по картамъ XIV стол., въ Запискахъ Новор. ун-та (т. IX, 1873), гдѣ приложена „часть большой карты Фравциска и Доминика Пиццигани 1367 года, снятая съ ея facsimile у Jomard, „*Les monuments de la Géographie* № X, 3“. Не мало интереснаго историко-географическаго матеріала о Россіи, правда, за время, выходящее за предѣлы среднихъ вѣковъ, въ книгѣ G. Berchet „*La repubblica di Venezia e la Persia*“. Torino. 1865.

II.

Открытіе Америки служитъ рѣзкимъ рубежемъ въ исторіи картографіи. Выступаютъ имена Себастіана Мюнстера, Ортелиуса, Герарда Меркатора, вокругъ которыхъ группируется цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ; издаются атласы подъ именемъ „Птолемеевъ“, великолѣпный экземпляръ котораго, въ изданіи 1513 г., раскрашенный и прекрасно сохранившійся, выставила Императорская Публичная Библиотека (№ 408а). Въ отдѣлѣ, занятомъ Географическимъ Кабинетомъ Московскаго университета, интересующіеся могутъ перелистовать не только Космографію Себастіана Мюнстера, изд. 1598 года (№ 426 Ануч.), но и „Книгу, глаголемую Космографіа, сирѣчь описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ“, 1670, въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1878—1881 (№ 427 Ануч.), книгу, которая, по изслѣдованію г. Чарыкова, въ значительной степени заимствована изъ Меркатора ¹⁾. Тутъ же и карта Россіи съ прилегающими странами Меркатора (№ 431 Г. К.) ²⁾ и другія его же (№ 436 б-ка М. Ун.). Въ томъ же отдѣлѣ посетителю дана возможность любоваться прекрасною гелиографіею изъ атласа Вивьенъ де сенъ Мартена,—картой земли Ортелиуса, 1587 г. (№ 421). Въ изображеніи русской территоріи Ортелиусъ опирается, главнымъ образомъ, на тѣ новыя свѣдѣнія, которыя принесли съ собой торговля сношенія голландцевъ и англичанъ съ Москвиею: его *Turpis orbis terrarum* обозначаетъ Пинегу, Соловки, монастырь св. Николая (на устьѣ С. Двины), Устюгъ, Новгородъ, Москву, Азовъ—и только. Правда, есть еще Вышгородъ-на-Днѣпрѣ, долженствовавшій обозначать Кіевъ; но уже само это смѣшеніе на ряду сравнительно съ ничтожной Пинегою ярко указываетъ, откуда черпалъ составитель свой матеріалъ.

Но еще раньше Ортелиуса въ Западную Европу проникаютъ свѣдѣнія о Россіи черезъ Герберштейна, Павла Іовія и Вида. Общеизвѣстность Герберштейновской *Moscovia* позволяетъ мнѣ не останавливаться на ней; но о картѣ Іовія или, если угодно, Баттисты Аньезе, 1525 года, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Она прежде всего интересна своимъ происхожденіемъ. Баттиста Аньезе, родомъ генуэзецъ, извѣстенъ своимъ собраніемъ географическихъ картъ ³⁾,

¹⁾ Сравн. также Попова, Обзоръ хронографовъ, 189—193.

²⁾ Другой экземпляръ въ витринѣ Имп. Публ. Библ. (№ 408b).

³⁾ Изд. 1550 г. Экземпляръ на выставкѣ за № 445 отъ Главнаго Гидрогр. Упр. Морск. Минист.

недавно переизданных facsimile венеціанскимъ книгопродавцемъ Онганья 1). Въ ихъ числѣ находится карта Россіи съ такимъ заголовкомъ: „Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta sicut ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime peragrasse fateatur anno MDXXV octobris“ 2). Миховъ въ своемъ изслѣдованіи: Die ältesten Karten von Russland 3) очень убѣдительно доказываетъ, что въ названномъ Димитріи надо признать Димитрія Герасимова, посла великаго князя Василя III. Онъ былъ въ Римѣ въ іюнѣ—юль 1525 г. и передалъ Павлу Іовію тѣ свѣдѣнія, что вошли въ его книгу о Россіи; нынѣ оказывается, что Герасимовъ снабдилъ Павла Іовія не только литературнымъ, но и картографическимъ матеріаломъ. Правда, никакой карты при сочиненіи Іовія не отыскано, но еще Аделунгъ высказалъ мнѣніе, что она, *безъ сомнѣнія*, находилась при первомъ изданіи Legatio Basilii Magni ad Clementem VII (Basileae 1557), ибо Іовій въ самомъ началѣ своего сочиненія говоритъ: Regionis situs pressa brevitae describetur et in tabula typis excusa figurabitur“ 4). Миховъ замѣчаетъ по этому поводу: нѣтъ ничего удивительнаго, что карта осталась не напечатанною, ибо въ ту пору гравированіе на деревѣ было еще мало распространено, такъ что даже опытный художникъ не могъ быстро оканчивать своихъ работъ 5). Русское происхожденіе карты, дѣйствительно, выдаетъ себя нѣкоторыми деталями, на которыя иностранецъ, можетъ быть, самъ и не обратилъ бы въ ту пору вниманія. Такъ онъ обозначаетъ рѣки Пселъ, Орель, Ворскла, гор. Одоевъ; если направленіе рѣкъ и оставляетъ желать лучшаго, то общій характеръ ихъ вполне вѣренъ, равно какъ обозначены и всѣ крупныя поселенія: Москва, Рязань, Клязьма, Ярославль, Угличъ, Новгородъ, Бѣлоозеро и т. д. Цѣнность карты Баттиста Аньезе увеличивается въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы вспомнимъ, это года за три до нея, возможно было появленіе въ Страсбургѣ карты, на которой Москва была показана почти подъ 80° сѣверной широты, немного восточнѣе того пункта, гдѣ Гренландія сходится съ Скандинавіей, а для избѣжанія сомнѣнія на мѣстѣ соединенія поставлено: Hic dominatur magnus princeps et imperator Russiae, Moscoviae, Podoliae ac Plescoviae rex 6).

1) Facsimile delle carte nautiche di Battista Agnese, illustrate da Tebaldi Fischer. Venezia. Ferd. Ongania. 1881.

2) Оригиналъ этой карты въ библиотекѣ св. Марка въ Венеціи.

3) Hamburg. 1884.

4) Аделунгъ, О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 22.

5) Michow, Die ältesten Karten von Russland, 20—35.

6) Baer, Peter's des Grossen Verdienste, 246. Впрочемъ на той же самой картѣ Аделунгъ нашелъ эту Moscoviam пятью градусами южнѣе (О древн.

Карта Россіи Антона Вида 1555 г. — хотя о ней и упоминають уже Герберштейнъ, Ортелиусъ, Витэенъ — считалась потерянною и ускользала отъ вниманія географовъ, пока Миховъ совершенно случайно не нашель ее въ одномъ изъ экземпляровъ *Theatrum orbis terrarum*, Ортелиуса. Сравненіе ея съ картою Себастьяна Мюнстера 1544 г. ¹⁾ доказываетъ, что послѣдняя есть не болѣе, какъ уменьшенная, плохая и не полная копія Вида; а между тѣмъ она была „первая намъ извѣстная настоящая карта Россіи“ ²⁾... Кажущееся противорѣчіе между годами ихъ появленія Миховъ устраняетъ, относя карту Вида къ 1537—1544 годамъ. Отсылаемъ интересующихся за доказательствами къ самому автору ³⁾. Сравнительно съ Баттиста Аньезе, Видъ ушелъ значительно впередъ; что же касается до Герберштейна, то хотя Видъ собиралъ свои свѣдѣнія и позже его, но — представляю, впрочемъ, рѣшить этотъ вопросъ специалистамъ — лично мнѣ кажется, что знаменитый авторъ „Записокъ о Московіи“ имѣетъ полное право на преимущество: очертанія морскихъ береговъ, теченіе рѣкъ и т. п. на его картѣ соразмѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ у Вида.

Неудобство, представляемое разбросанностью всѣхъ этихъ старыхъ картъ и плановъ въ послѣднее время значительно уменьшено изданіемъ Норденшельда, которое несомнѣнно окажетъ существенную услугу наукѣ: его *Facsimile-Atlas* ⁴⁾ состоитъ изъ текста, обильно иллюстрированнаго (84 карточками) и 51 листомъ снимковъ съ древнихъ картъ и атласовъ. Текстъ знакомитъ съ ходомъ развитія географическихъ знаній въ XV и XVI вв., а самый атласъ воспроизводитъ отрывки изъ „Птолемея“ разныхъ годовъ и чуть ли не всѣхъ картографовъ указаннаго періода. Для Россіи мы находимъ карты Солина (1588), С. Мюнстера (1544), Герберштейна (1549), Гастальди (1568) и Герарда Меркатора (1595).

Но для насъ, русскихъ, быть можетъ, еще важнѣе другой трудъ знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ, только что выпущенный имъ въ свѣтъ. Я говорю о его „*Samling af Gamla*

ивост. картахъ Россіи. Жур. Мин. Н. Пр. 1840, № 4, стр. 19). См. названную карту у Nordenskiöld *Facsimile-Atlas to the early history of cartography*.

¹⁾ Карты Аньезе 1525, Вида 1555 и Мюнстера 1544 изъ сочиненій Михова см. на выставкѣ за № 429 (Ануч.).

²⁾ Аделунгъ, О древнихъ картахъ Россіи. Жур. Мин. Нар. Пр., 1840, № 4, стр. 19.

³⁾ Michow, S. 12 слѣд.

⁴⁾ A. F. Nordenskiöld, *Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries*. Translated from the swedish original by I. A. Ekelöf and C. R. Markham. Stockholm. MDCCCLXXXIX in folio.

Kartor öfver Ruska Riket. 1892.“ Это собственно одинъ атласъ безъ объяснительнаго текста (хотя и съ оглавленіемъ) изъ 126 (преимущественно) фотолинографій и цинкотипій. Нѣкоторыя изъ нихъ— снимки съ рѣдчайшихъ оригиналовъ. Все собраніе раздѣлено на шесть отдѣловъ. Въ первомъ 14 картъ съ изображеніемъ „земного шара“ до открытія Америки. Во второмъ подобныя же 32 карты— за время послѣ Колумба. Третій отдѣлъ посвященъ глобусамъ (числомъ 13). Четвертый отдѣлъ—изъ 33 картъ—міръ Скандинавскій по преимуществу. Для Россіи здѣсь очень важны фотографіи Olaus Magnus'a 1539 года. По изяществу и отчетливости эта репродукція много выше соотвѣтственныхъ картъ, помѣщенныхъ въ „Facsimile-Atlas“ того же Норденшельда. Пятый отдѣлъ изъ 26 картъ—Россія до 1600 г.“ („Russland före 1600“). Собственно къ Россіи здѣсь относятся нѣсколько листовъ изъ атласа „Птолемея“ римскаго изданія 1490 г., Солинусъ Мюнстеръ, Гельберштейнъ, Гастальди и Пограбій. Особенно хороши фотолинографіи Гастальди. Въ шестомъ отдѣлѣ— „Россія послѣ 1600 г.“ („Ryssland efter 1600“) всего 8 картъ, изъ коихъ отмѣтимъ Исаака Массу (1612), Петра Годунова (1668) и Витуса Беринга. Последняя есть результатъ его путешествія отъ Тобольска до Восточнаго берега Сибири,—фотолинографія съ оригинала королевской стокгольмской бібліотеки ¹⁾ на трехъ листахъ, составляющихъ одно цѣлое. Содержаніе ихъ охватываетъ всю Сибирь отъ Тобольска до Великаго Океана; надписи на картѣ русскія. Приводимъ дословный текстъ заголовка: „Сия карта сочинѣна всѣбѣрской Экспедиціи прѣ командѣ отъ елота капитана Беринга отъ Тобольска до Чукоцкаго угла“. Сверхъ того помѣщена жанровая картинка съ изображеніемъ быта остяковъ и нѣсколько типическихъ фигуръ.

III.

Начало самостоятельныхъ русскихъ работъ по картографіи исчезло безслѣдно; но несомнѣнно, что въ XVI вѣкѣ таковыя уже существовали. Если не карты, то путевой дорожникъ видѣлъ (или по крайней мѣрѣ пользовался имъ изъ вторыхъ рукъ) Герберштейнъ, описывая путь въ Печору, Югру и къ р. Оби. Въ царствованіе послѣдняго Рюриковича была составлена маршрутная карта, такъ называемый „Большой Чертежъ“ съ объяснительнымъ текстомъ, — „книгою“. Время отъ времени его исправляли и пополняли; въ 1626 г. за ветхостью экзем-

¹⁾ Vitus Bering Karta öfver hans första expedition från Tobolsk till Asiens ostspets. 1730. Orig. i K. Bibliotek i Stockholm (№ 442 T. K.)

плара велѣно было сдѣлать новый Чертежъ „примѣряя къ тому старому“. Новая копія, опять сообразно старому оригиналу, была снята въ 1671 г.; есть указанія на то, что чертежъ передѣлывали и въ 1680 г.; но куда дѣвались всѣ эти экземпляры—до сихъ поръ опредѣлить не удалось. На память о картѣ до насъ дошелъ лишь объяснительный къ ней текстъ въ нѣсколькихъ спискахъ съ пометами разныхъ годовъ (самая послѣдняя 1682). Приходилось такимъ образомъ довольствоваться однимъ имъ. Текстъ издавался четыре раза: въ 1872 г. Новиковымъ подъ названіемъ „Древней Россійской Идрографіи“, въ 1792 г.—подъ именемъ „Книги большому чертежу“, въ 1838 г. Языковымъ и въ 1846 г.—Спасскимъ подъ тѣми же наименованіями. Послѣднее изданіе считается лучшимъ ¹⁾. Потеря нелегкой работы русскихъ географовъ XVI в. тѣмъ болѣе заставляетъ насъ цѣнить изданіе, основанное на нихъ. Такою является карта Россіи, изданная въ 1614 г. Гесселемъ Герардомъ. Она ушла на столько далеко впередъ отъ своимъ заграничнымъ собратіямъ XVI в., сообщаетъ такъ много точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о Россіи, что даетъ нѣкоторымъ поводъ утверждать, что она составлялась на основаніи не летучаго, случайнаго матеріала, а положила въ основу официальныхъ данныя „Большаго Чертежа“ ²⁾.

Военно-учебный Комитетъ Главнаго Штаба выставилъ прекрасный раскрашенный экземпляръ Герардовой карты перваго изданія. Карта охватываетъ предѣлы тогдашней Россіи отъ Карпатъ до р. Урала, отъ Балтійскаго моря до Восточной Сибири (Енисей), отъ моря Бѣлаго до Кавказа. Какъ видно изъ надписи въ нижнемъ лѣвомъ углу, Гессель руководился показаніями экземпляра царя Фёдора Борисовича ³⁾. Карта снабжена планомъ Москвы, видомъ Архангельска и тремя мужскими фигурами въ костюмахъ.

Аделунгъ говоритъ, что карта Герарда была сначала отпечатана въ первой части Атласа Blaeuw'a и вскорѣ, въ нѣсколько мень-

¹⁾ Д. Прозоровскій. О размѣрахъ большаго Чертежа, стр. 1—2, 11. Стебницкій. Первая извѣстная оригинальная русская карта Европейской Россіи. Извѣстія русс. Геогр. Общ. т. XXV, (1889), вып. I. Ср. работы Е. Е. Огородникова въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. X (1876) и Запискахъ того же общества по отдѣленію Этнографіи, II, VII, IX.

²⁾ Стебницкій 106. Е. Вѣръ даже прямо говоритъ, что Гессель Герардъ имѣлъ въ рукахъ копію Большаго Чертежа. Peter's des Grossen Verdienste, 157. Сравни. 244—245.

³⁾ Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta; et ad fluvijs Dwinam, Zuchonam, aliaque loca quantum ex tabulis et notitijs ad nos delatis fieri potuit amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michæli Foedrowits, omnium Russorum Autocratori... etc. dedicata ab Hesselo Gerardo M. D.C. XIII.

ишемъ объемѣ, при сочиненіи *Les Etats, Empires, Royaumes* ¹⁾. Рядомъ съ изданіемъ 1614 г. выставлена и новѣйшая ея репродукція—фото-гравюра, изданная г. Стебницкимъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества ²⁾. Императорская Публичная Библиотека также выставила экземпляръ латинскаго изд. 1614, но не раскрашенный (№ 408, е.). Не одинъ простой интересъ, но и серьезное значеніе при вопросѣ о происхожденіи и судьбѣ „Большаго Чертежа“ приоб-рѣтаетъ карта Россіи, выставленная Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ (№ 54). Повидимому это тотъ же Гессель Герардъ, но въ сильно измѣненномъ видѣ. При картѣ на отдѣльномъ листочкѣ печатное объявленіе, гласящее: „Предлагаемая здѣсь карта древней Россіи сдѣлана была по повелѣнію царя Бориса Годунова; выгравирована же и поднесена царю Михаилу Федоровичу въ 1614 году. Извѣстный любитель и знатокъ отечественныхъ древностей, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ 1782 году приобрѣлъ оригиналъ ея въ Москвѣ наклееннымъ на лубкѣ ветхомъ и драгоценность сію поднесъ государынѣ импер. Екатеринѣ II-й. При составленіи депо картъ, покойнымъ импер. Павломъ I-мъ и сія карта поступила въ депо для храненія. Находя, что сѣверная часть Россіи гораздо въ ней подробнѣе, чѣмъ въ главномъ атласѣ, я предпринялъ сдѣлать и выгравировать самый вѣрный съ нея съемонокъ, который при семъ и представляю для удовлетворенія, любопытства любителей отечественной древности. П. Дейриардъ“ ³⁾.

Всѣ названія и надписи въ изданіи Дейриарда на русскомъ языкѣ: оригиналъ его, надо думать, появился уже послѣ 1614 г., что, полагаемъ, ясно будетъ изъ указанія нижеслѣдующихъ, довольно существенныхъ отличій его отъ латинскаго изданія, показывающихъ, что копіистъ далеко не всегда рабски слѣдовалъ своему оригиналу:

1) Вмѣсто текста „*Thomas Makovius* и пр.“ и инсигній надъ „*Tabula Russiae*“, занимающихъ середину лѣваго края—русскій ⁴⁾, граверъ помѣстилъ четыре мужскихъ фигуры съ подписью: „Одѣяніе Россіянъ“; крайній правый мужчина держитъ въ рукахъ щитъ съ

¹⁾ О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 2840, 4, стр. 75. Stuckenberg. Versuch eines Quellenanzeigers I, 14: у Блева и въ атласѣ d'Avity.

²⁾ Стебницкій, loco citato.

³⁾ Полковникъ Deiriard въ 1823 г. издалъ въ Петербургѣ Археологическій атласъ Европейской Россіи, сочиненный гр. Поттокимъ (Аделунгъ, о Древн. Иностр. картахъ Россіи до 1700 года. Жур. Мин. Нар. Пр. 1840, № 4, стр. 5).

⁴⁾ Понимай: тотъ, кто готовитъ карту съ подписями на русскомъ языкѣ.

изображеніемъ русскаго государственнаго герба, украшенный царскою короною.

2) Въмѣсто трехъ фигуръ и вида Архангельска, занимающихъ на латинской картѣ правую сторону—въ русскомъ изданіи пять видовъ: „Иванъ-городъ“, „городъ Архангельскъ“ (правда, тотъ же видъ, но съ измѣненіемъ взаимнаго расположенія судовъ, плавающихъ по рѣкѣ), „городъ Кремль“, „Русскія избы“ и „Русская мельница“.

3) Планъ города Москвы взятъ въ меньшемъ объемѣ, за то объяснительный къ нему текстъ обстоятельнѣе.

4) По Черному и Каспійскому морямъ разбросано нѣсколько кораблей.

5) Внизу карты: „Гавріилъ Успенскій въ Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ (Харьковъ. 1818, стр. 596) пишетъ: Царь Борисъ Θεодоровичъ, по великой ревности къ народному просвѣщенію, приглашая въ службу свою Англиканскаго математика Джона Дее (1607), предлагалъ ему болѣе 10000 руб. въ годъ жалованья и его попеченію одолжены мы первому Россійскаго государства картою, хотя она обнародована не прежде, какъ въ правленіе царя Михаила Θεодоровича. На подлинной картѣ, изданной на латинскомъ языкѣ, названіе мѣстъ подписаны весьма неправильно, почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.“. Дѣйствительно, границы существенно не тѣ: Пруссія не соприкасается съ устьемъ Вислы; къ Швеціи отнесена и Ингрія; Польша съ Литвою слиты; Подолія введена въ предѣлы польскаго государства, такъ что границею послѣдняго съ Турціей является Днѣстръ, а не Бугъ; Астраханская степь къ западу отъ устьевъ Волги введена въ предѣлы Русскаго государства; Черниговъ и Смоленскъ показаны польскими городами. Последнее возможно было сдѣлать лишь послѣ заключенія Столбовскаго мира, т.-е. 1618 г. Не даромъ латинскій издатель, посвящая карту Михаилу Θεодоровичу въ 1614 г., т.-е. въ самый разгаръ борьбы между Владиславомъ и новымъ русскимъ царемъ, очень дипломатично отнесъ эти города въ русскіе предѣлы, хотя фактически они уже давно принадлежали враждебной сторонѣ.

6) Особенностью русскаго изданія являются еще изображенія нѣкоторыхъ животныхъ, присущихъ той мѣстности, гдѣ они помѣчены.

7) Въ верхней части русской карты, подъ „Мурманскимъ моремъ“, читаемъ: „Въ сей странѣ находится Новая земля; здѣсь сильнымъ льдомъ разломало у Голландцевъ корабль на высотѣ 76 град. 3 августа 1596 г. Почему они тамъ же, построивъ себѣ домъ, прожили въ ономъ даже до 1-го числа іюня 1597 года, не видя солнечнаго свѣта чрезъ два мѣсяца и двадцать дней, и оттуда выѣхавъ двумя

шлюпками, возвратились въ Коу, въ Лапландіи, отстоящую отъ того мѣста 350 верстъ“.

8) Рядомъ правѣе: „Проливъ Вейгатской и сѣверной мысъ Новой земли Голландцами осмотрѣнной въ 1594, 95 и 96 годахъ. Они думали отъ туда найти проходъ въ Калтайскіе стороны и Китай. Но безыѣрный ледъ принудилъ ихъ возвратиться безъ успѣху“.

9) Наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу Каспійскаго моря читается: „Благосклонный Зритель! Хотя сія наша карта въ разсужденіи длины различествуетъ отъ первой нашей карты Швеціи между городами Донцикомъ и Архангельскомъ, однако обѣ оныя, въ честь ихъ сочинителей, принять и имъ послѣдовать за благо мнѣ разсудилось“.

Не столько разъясненій, сколько новыхъ запросовъ вызываетъ Герардовская карта въ изданіи, выставленномъ Морскимъ Министерствомъ (№ 311). Это собственно фототипія съ экземпляра, сдѣланнаго отъ руки и снятаго съ только—что описаннаго русскаго изданія,—но опять же съ нѣкоторыми отличіями отъ послѣдняго,—а именно: 1) въ изданіи Дейриарда заголовокъ: „карта Россіи по повелѣнію Ѳеодора Борисовича начертанная.... и Михаилу Ѳеодоровичу.... посвященная Гесселемъ Герардомъ въ 1614 году“ есть переводъ латинскаго оригинала, а здѣсь конецъ читается иначе: посвященная Николаемъ Ивановичемъ 1651 года“. Очевидно, что годъ—если только онъ вѣренъ—долженъ обозначать не время посвященія—ибо въ 1651 г. Михаила Ѳеодоровича уже не было въ живыхъ—а скорѣе время окончательной редакціи. Послѣднее подтверждается дайнѣйшими отиѣнами этой карты. 2) Нѣкоторыя имена, поставленныя у Дейриарда, отсутствуютъ; напр., Епифанъ, Елецъ, хотя знаки, служащіе для ихъ обозначенія, намѣчены. 3) Границы показаны частью согласно съ русскимъ изданіемъ (Ингрія, Пруссія), частью съ латинскимъ (Подолія отдѣльно отъ Литвы и Польши). 4) Внизу читается: „чертилъ Г. Свіада. Подписывалъ Е. Худяковъ“.—Во всемъ остальномъ экземпляръ Морского Министерства, перешедшій въ его руки отъ графа Литке, сходенъ съ изданіемъ Дейриарда.

Остается вопросъ: откуда и какимъ путемъ добылъ свои свѣдѣнія Гессель Герардъ, никогда не бывавшій въ Россіи? Хотя мы и видѣли, что нѣкоторые (Бэръ, Стебницкій) готовы признать за Гесселемъ непосредственное заимствованіе изъ Большого Чертежа, но едвали не правильнѣе признать, что съ русскимъ матеріаломъ онъ познакомился черезъ Исаака Массу. Послѣдній издалъ свою карту Россіи въ 1612 г. 1), т.-е. за два года до Герарда. Если на послѣдней видятъ вліяніе Большого Чертежа, то вѣдь и въ картѣ голланд-

1) См. ее на Выставкѣ № 432 Г. К. и 408 f. и д. Имп. Пуб. Библ.

скаго путешественника отыскиваются подобные же слѣды. „Карта Массы, говоритъ О. В. Струве, имѣла тождественное происхожденіе съ государственною каргой, извѣстной подъ названіемъ Большого Чертежа и впервые составленной, по мнѣнію Карамзина, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Большой Чертежъ болѣе не существуетъ и о происхожденіи его ничего вѣрнаго неизвѣстно; но по изданнымъ „книгамъ Большому чертежу“, представляющимъ, такъ сказать, пояснительный текстъ къ этой картѣ, можно судить, что она была основана на тѣхъ же самыхъ свѣдѣніяхъ, которыя находимъ въ картахъ Массы. Сходство обѣихъ картъ въ особенности поразительно, если сравнить ихъ масштабы: они не только тождественны въ обѣихъ картахъ, но и одинаково измѣнены для сѣверныхъ и для южныхъ частей Имперіи. Съ другой стороны, изъ книги Большого Чертежа видно, что государственная карта распространялась также на нѣкоторыя части Азіи—именно на нынѣшній Туркестанъ—и содержала довольно подробныя для того времени свѣдѣнія о нихъ, между тѣмъ какъ карта Массы обнимаетъ одну европейскую Россію. Поэтому слѣдуетъ заключить, или что Масса лично участвовалъ въ составленіи Большого Чертежа, или же что онъ имѣлъ случай частію скопировать его, во время пребыванія своего въ Россіи“ ¹⁾). Ту же мысль еще раньше высказалъ К. Вэръ: „Sogar was vom Bolschoi Tschertesch in publicirten Karten übergeng, ist nur durch einen Niederländer Isaak Massa, in seine Karte übertragen.“ ²⁾

Уже а priori, въ знакомствѣ Массы и Герарда съ Чертежомъ, естественнѣе отдать предпочтеніе первому, какъ лично посѣтившему русскую страну. Вотъ, можетъ быть, почему Г. Ф. Миллеръ правъ, говоря: Vielleicht ist Isaac Massa der erste Urheber, und Hessel Gerard der zweite Herausgeber derselben (Tabulae Russiae 1614), der denn auch einige Verbesserungen darauf angebracht hat ³⁾. Гемель думаетъ, что „Герардъ включилъ въ нее существеннѣйшія части изъ карты Массы“, что „первоначально на картѣ этой награвированъ былъ годъ MDCXIII, и что уже впоследствии прибавлено четвертое I, вѣроятно потому, что ее не успѣли окончить въ 1613 году“ ⁴⁾. Да и

¹⁾ Струве, объ услугахъ, оказанныхъ Петромъ Великимъ математической географіи Россіи. Запис. Акад. Наукъ. 1872 г. т. 21. кн. 1, стр. 6.

²⁾ Peters der Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, Seite 9.

³⁾ Nachricht von Land-und See-Carten, die das Russische und die zunächst angrenzenden Länder betreffen. Sammlung Russ. Geschichte. VI, 11.

⁴⁾ Англичане въ Россіи. Статья вторая, въ Запис. Акад. Наукъ, т. XV, стр. 270, примѣч. Сравни. стр. 192—193, примѣч.

самъ Беръ въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ сходство обоихъ географовъ 1).

Вопросъ о взаимномъ отношеніи Гесселя Герарда, Массы и Большаго Чертежа ждетъ своего разрѣшенія, заслуживая вниманія специалистовъ, уже по одному тому, что Западная Европа въ сущности лишь съ этихъ поръ начала составлять себѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о нашей родинѣ. Повидимому, лучшія географическія силы XVI в., о которыхъ была рѣчь выше, еще не успѣли достаточно ознакомить съ собою образованную публику, разъ было возможно въ самомъ концѣ столѣтія появленіе такихъ изданій, какъ *Opus geographicum* Магинуса (1596, Венеція), гдѣ между прочимъ, „Финскій заливъ, начиная отъ Нарвы, принимаетъ направленіе отъ ЮВ. къ СЗ., и въ углу его отмѣченъ городъ Выборгъ подъ полярнымъ кругомъ, на широтѣ 67°. Рѣка Волга представлена еще въ непрерывной связи съ Ладожскимъ озеромъ. Онежскаго озера вовсе нѣтъ; за-то Азовское море, вдвое меньше Чернаго, начерченного вѣрно, имѣетъ протяженіе въ двѣ трети разстоянія между устьями Днѣпра и Нѣмана. Относительно Азіатской Россіи показанія карты еще баснословнѣе; тутъ все одна выдумка: море, показанное, примѣрно, на мѣстѣ Обской губы, образуетъ уже часть Тихаго Океана, который лишь на широтѣ Пекина удаленъ нѣсколько болѣе на Востокъ“ 2).

Бъ царствованію же Михаила Федоровича относится планъ осады русскими города Смоленска въ 1632 г., печатанный въ Варшавѣ 1634 г. (№ 82 Гл. Ин. Упр.). Это громадныхъ размѣровъ стѣнная гравюра, отчетливо изображающая отдѣльныя сцены осады, детали въ расположеніи и вооруженіи войскъ, характеръ мѣстности, даже направленіе выстрѣловъ изъ осадныхъ орудій. Будучи не столько планомъ, сколько картиной, настоящее изданіе особенно живо вводитъ зрителя въ обстановку изображаемыхъ событій. Инженерное Управленіе выставило и другой планъ осады Смоленска, „составленный (отъ руки) по историческимъ источникамъ“ (№ 83).

Борьба Россіи съ Польшею за предѣлы Литовско-Русскихъ земель нашла свое выраженіе въ другой картографической работѣ болѣе ранняго времени. Мы говоримъ о двухъ картахъ Пахоловича: осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ 1579 и *Descriptio ducatus Polocensis* за то же время. Онѣ не могутъ претендовать на сравненіе съ Варшавскимъ изданіемъ 1634 г., но вполне заслуживаютъ вниманія русскаго историка. Станиславъ Пахоловичъ былъ секретаремъ коронной канцеляріи при королѣ польскомъ и, по словамъ Папроцкаго, „мастеръ

1) Peters des Grossen Verdienste, 245.

2) Струве, 3—4.

писать разными почерками“; онъ „удивительно хорошо рисовалъ города, крѣпости и провинціи“. Въ 1580 году въ Римѣ Баттиста де-Кавалерисъ выгравировалъ на мѣди 7 плановъ крѣпостей (Полоцкъ, Туровъ, Ситно, Козьянъ, Красное, Суша, Соколъ) и карту Полоцкаго княжества, по матеріаламъ Пахоловича. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія рѣдкій экземпляръ этого изданія находился въ рукахъ гр. Суходольскаго; онъ былъ тогда же описанъ въ статьѣ М. Коркунова ¹⁾, приложившаго къ ней два снимка: карту княжества и планъ осады Полоцка. На Географической Выставкѣ этихъ картъ не было, но любопытствующіе могли ознакомиться съ воспроизведеніемъ ихъ въ Витебской Старинѣ Сапунова, т. I (№ 633). Впрочемъ, надо замѣтить, за послѣднее время является серьезная возможность оспаривать принадлежность этихъ картъ Пахоловичу ²⁾.

Обращаютъ на себя вниманіе три карты Польской Украины между Днѣстромъ, верховьями лѣвыхъ притоковъ средняго Днѣпра и Чернымъ моремъ; онѣ современны русско-польской войнѣ въ эпоху Богдана Хмельницкаго (№ 67. Гл. Ин. Упр.). Каталогъ Выставки, называя ихъ „картами южныхъ областей Россіи, составленныхъ во время присоединенія Малороссіи къ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“, не объясняетъ, къ сожалѣнію, ихъ происхожденія. По всей справедливости ихъ родство позволительно и даже слѣдуетъ искать въ картахъ Украины, составленныхъ Бопланомъ въ 1648—1660 гг. или въ современныхъ имъ подражаніяхъ ³⁾. Польскія надписи указываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ надо искать происхожденіе этой карты. Свѣдѣнія на ней очень подробныя и обстоятельныя; изображены шляхи и т. п. Здѣсь же уместно будетъ упомянуть и раскрашенный планъ крѣпости Замостье 1687 г. съ латинскимъ текстомъ (№ 55. Гл. Ин. Упр.).

IV.

Время Петра В., давшее сильный толчекъ русской картографіи ⁴⁾, открывается знаменитою картою Сибири и европейскихъ владѣній

¹⁾ Карта военныхъ дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 и тогдашній планъ города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей. Ж. М. Н. Пр. 1837. № 8, стр. 235—249.

²⁾ В. Г. Васильевскій въ предисловіи къ Запискамъ о Московской войнѣ. Спб. 1889, стр. XLIII—XLIV.

³⁾ Перечень ихъ данъ Аделунгомъ въ Жур. Мип. Нар. Пр. 1840, № 5, стр. 80—84.

⁴⁾ Бэрт. Заслуги Петра В. по части распространенія географическихъ

Россіи, амстердамскаго бургомистра Николая Витзена. Г. Ф. Миллеръ готовъ видѣть въ ней поворотный пунктъ въ исторіи картографіи Русской земли 1). Эта карта, на голландскомъ языкѣ, вышла первоначально въ 1687 г. Экземпляръ Импер. Публичной Библіотеки (№ 408, d.) представляетъ ту особенность, что, рядомъ съ посвященіемъ царю Петру Алексѣевичу, сбоку приписано: „Анно 1687“, т.-е. когда Петръ еще соцарствовалъ съ братомъ Іоанномъ и когда такимъ образомъ подобное одиночное посвященіе было бы не совсѣмъ удобно. Личное знакомство Петра съ Витзеномъ, какъ извѣстно, началось лишь съ первой поѣздки царя за границу, хотя впрочемъ сношенія съ нимъ завязались гораздо раньше, именно съ 1691 г. письмомъ Витзена 2). Составитель карты не забываетъ упомянуть, что печатаетъ ее съ привилегіей *van zyn zaarge Majestyt*. Къ западу отъ Новой Земли на 70-й параллели онъ помѣстилъ небольшой островокъ съ надписью: „t Eylandt Witsen ondekt by Schipper de Vlaming den 28 Iuly A°. 1688“. Въ 1666 г. Витсенъ лично посѣтилъ Россію и собралъ здѣсь матеріалъ, опубликованный имъ четыре года спустя въ „Noord en Oost Tartarye“. Самая карта, разумѣется, стоитъ въ тѣсной связи и съ этой работой, и съ пребываніемъ автора въ Россіи.

Любопытно было бы прослѣдить, сказались ли на изданіяхъ Витзена работы русскаго его современника, стольника и тобольскаго воеводы Петра Годунова, который „съ товарищи“ приготовилъ карту Сибири въ 1668 году (№ 38, Военно-топ. отдѣлъ Главнаго Штаба; она помѣщена и въ новомъ атласѣ Норденшельда (№ 442); о немъ смотри выше). Годунову было велѣно: „всю Сибирскую землю описать, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинити чертежъ“. Существуютъ показанія современниковъ на то, что этотъ чертежъ тогда же былъ и напечатанъ, но до насъ не дошло ни одного экземпляра. За то недавно въ Стокгольмской королевской библіотекѣ отыскана шведская копія ея, снятая въ 1669 г. Прютцомъ, сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана. Она напечатана и описана Норденшельдомъ 3). Русской публикѣ трудъ Годунова сталъ

званій, Записки русск. Геогр. Общ. кн. III (1849) и IV (1850). Его же, *Peter's der Grossen Verdienste um die Erweiterung der geograph. Kenntnisse въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, Bnd. XVI, Sptbg. 1872. Струве, *Объ услугахъ, оказавшихъ Петромъ В. математической географіи Россіи въ Записк. Акад. Наукъ*, т. XXI, кн. I. Справ. *Peter der Grosse und die Geographie Russlands. Magazin für die Literatur des Ausland*. 1876. № 44.

1) Nachricht von die Land—und See-Carten, die das Russische Reich und die zunächst angränzende Länder betreffen. Samml. Russ. Gesch. VI, 29.

2) Posselt, Der General Lefort I, 508.

3) A. E. Nordenskiöld, Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien—въ *Ymer Tidskrift utgifven af Svenska Sällskapet för an-*

извѣстенъ, благодаря изданію А. А. Титова, которому удалось опубликовать и объяснительный текстъ къ картѣ ¹⁾, правда, по списку менѣе исправному, чѣмъ найденный Н. Н. Оглоблинымъ ²⁾. Боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ, трудъ котораго „Чертежная книга Сибири“ (1701), въ изданіи Археографической комиссіи, выставлена Географическимъ Кабинетомъ Московскаго Университета (№ 428), пользовался между прочимъ и чертежемъ Годунова. Ему это было тѣмъ сподручнѣе, что онъ былъ самъ уроженецъ Тобольска ³⁾. Кстати: сохранился видъ этого самаго Тобольска въ 1698 г., выставленный въ фотографическомъ снимкѣ среди „Видовъ и Плановъ Сибири“ въ первой залѣ Выставки (№ 154): весьма отчетливый, онъ снабженъ объясненіями на русскомъ языкѣ улицъ, церквей и т. п. ⁴⁾. Сравни тутъ же историческую карту заселенія Сибири, составленную Н. М. Ядринцевымъ (№ 155).

Желательно было бы видѣть на выставкѣ тѣ 14 историческихъ картъ Сибири, которыя были составлены въ 1843 г. и, если не ошибаясь, остаются и доселѣ неизданными. Слѣдя за постепеннымъ расширеніемъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи, онѣ охватываютъ періодъ трехъ столѣтій. Составитель кромѣ Миллера, Карамзина и Сибирской Лѣтописи въ изданіи Спасскаго, пользовался еще Книгою Большого Чертежа, картами Сталенберга (1730), Кириллова (1734), таблицами старой Сибири, приложенными къ Сибирской Исторіи Фишера (1774), атласами: академическимъ (1775) и Шмидта (1792) и изданіями Военно-топографическаго Депо и Генеральнаго Штаба Сибирскаго Корпуса. Насколько можно судить изъ краткаго описанія этого труда ⁵⁾, въ немъ встрѣтилось бы не мало интереснаго. Такъ, напр. на картѣ № 1 — „Сѣверная Азія XVI стол.“ — „показаны всѣ народы, населявшіе тогда Сѣверную Азію, и означены древнія Рос-

tropologi och géografi. Sjunde Argången. Stockholm. 1887, стр. 133 — 144 съ картою.

¹⁾ А. Титовъ, Сибирь въ XVII вѣкѣ. М. 1890.

²⁾ Н. Оглоблинъ, источники „Чертежной книги Сибири“ Семена Ремезова. Библиографъ 1891, № 1 (отдѣл.) Сравни также Е. Замысловскій. Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка. Жур. Мин. Нар. Пр. 1891, № 6 и (отдѣл.).

³⁾ Сравни. 5 предисловіи не вошедшихъ въ описаніе „Чертежной книги Ремезова“, составленное А. Х. Востоковымъ (Опис. Рум. Музея 483 — 487). Архивъ историч. и практич. свѣдѣній Калачева, кн. 4. Спб. 1862, стр. 70—79.

⁴⁾ Возникновеніе вида Тобольска позволительно сопоставить съ тѣми частными описаніями города въ концѣ XVII и въ первые годы XVIII в., о конхъ смотр. въ упомянутой, въ предыдущемъ предисловіи статьѣ архива Калачева.

⁵⁾ О географическихъ картахъ Сибири, составленныхъ въ 1843 г. „Сѣверная Пчела“, 1849, №№ 266, 267. Цитую по Жур. Мин. Нар. Пр. 1850. № 3, отд. VI, стр. 203—205.

сійскія владѣнія за Югорскими горами въ царствованіе¹⁾ Грознаго. На № 2 нанесены не только мѣста геройскихъ подвиговъ Ермака, но и „всѣ пути, конми шель Ермакъ по Сибири, всѣ его зимовья и мѣста почти баснословныхъ его битвъ“.

Извѣстно намѣреніе Петра соединить каналомъ Волгу съ Дономъ. Одно время царственный реформаторъ весьма настойчиво отдался этой мысли. Осуществленіе ея было поручено сперва извѣстному Б. Крюйсу, потомъ нѣмецкому полковнику Брекелю, затѣмъ англійскому инженеру Перри, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ. Памятникомъ замысловъ царя служить между прочимъ атласъ, составленный Крюйсомъ и изданный въ 1703 г. амстердамскимъ книгопродавцемъ Данкеромъ. Это, нынѣ рѣдчайшее изданіе отсутствуетъ на Географической выставкѣ, но, повидимому, маленькій обрывокъ его помѣщенъ въ сосѣдствѣ съ другими старинными картами и планами въ витринѣ Министерства Путей Сообщенія (№ 407а). Невозможность видѣть самый атласъ Крюйса мѣшаетъ утверждать это положительно. Атласъ Крюйса содержитъ между прочимъ отдѣльный листъ съ изображеніемъ проектированнаго канала между Дономъ и Волгою 1). Именно такой каналъ и представленъ на нашей картѣ. На ней изображено теченіе рѣкъ Иловли и Камышинки, самого канала (въ 2^{1/2} версты длиною) съ обозначеніемъ проектовъ запрудъ и шлюзовъ (числомъ 12) „Петра-города“, прежнихъ и новыхъ казармъ для рабочихъ и тому подобныхъ подробностей, кромѣ того отдѣльный рисунокъ—картина самыхъ работъ. Одно кажется страннымъ—заглавіе карты: *Nieuwe, en Seer Accurete Caert Vande Doorgravinge om met Scheepen uyt de Rivier de Don of Tanais door de Spruyten of Revierties inde Wolga, of Astrachansche Rivier en Caspische zee te vaaren waerinne werd vertoont de Reets gemackte damme en Sluysen, met aenwysinge der Plaetse, Waerde Resterende noch sullen gemaectt werden. T'Amsterdam by Hendrick Dancker in de Nieuwenbrug-steeg, met Privilege. Аделунгъ и Минцловъ 2)*, приводя всѣ разнообразныя заглавія на картахъ атласа, не даютъ такового. Признать ли карту воспроизведеніемъ изданія 1703 (по Аделунгу 1699)? Но Аделунгъ таковыхъ перечисляетъ два и оба другого издателя, Оттенанса 3). Между тѣмъ настоящій экземпляръ имѣлъ практическое примѣненіе въ русскихъ рукахъ, ибо обозначенія надписаны по-русски отъ руки; данъ переводъ и голландскаго заглавія: „Новая и предивная карта о Перекопе

¹⁾ Аделунгъ. О древнихъ картахъ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1840, № 5, стр. 5. Münzloff. Pierre le Grand, 25.

²⁾ Loco cicato.

³⁾ Стр. 97—98.

что из Дона или Танаиса Караблѣмъ илавою река до Камышенки а Камышенкою рекою в Волгу, или Астраханскую реку въ Каспское море входить, какъ в сей карте оказуемъ да Гола (?) промыслъ пруды і воротъ въ указныхъ мѣстах. посему признаваемъ что здѣлано будетъ. В амстердамѣ у Гендрика Дункер(в)нову Брух Стех метъ привилегіи“. Переводчикъ, какъ видно, далеко не свободно владѣлъ голландскимъ языкомъ, не найдя ничего лучшаго какъ написать русскими буквами голландское „met privilege“. Название амстердамской улицы (м. б. квартала?) онъ курьезнымъ образомъ счелъ возможнымъ перевести на половину.—Какъ бы въ pendant къ этой картѣ, Главное Инженерное Управление выставило сохранившійся у него планъ (отъ руки) города Петровска (№ 58). На немъ проектированы укрѣпленія, а довольно тонкая акварель изображаетъ ландшафтъ гористыхъ береговъ Волги съ плавающими на ней судами.

Оставаясь въ предѣлахъ Петровскаго времени, находимъ, что наибольшее количество картографическихъ работъ связано съ Великой Сѣверной войною. Таковы между прочимъ четыре выставленные плана гор. Нарвы, хранящіеся въ Главномъ Инженерномъ Управленіи: 1) 1649 г., съ форштадтомъ и Иванъ-городомъ, шведской работы (№ 76); 2) 1700 г.—съ указаніемъ лагернаго расположенія русскихъ войскъ и движенія, шведскихъ, работы Gideon Wert Moller'a,—по всей вѣроятности копія съ шведскаго оригинала, сохранившая всѣ объясненія на шведскомъ языкѣ,—чрезвычайно наглядная картина хода сраженія (№ 84); 3) 1700 г.—въ томъ же родѣ, что и предыдущій, но скопированный, надо думать, въ Россіи и для русскаго употребленія (№ 77), и 4) 1704 г., съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ инженеровъ и съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (№ 78).

Довольно одинокое мѣсто занимаютъ: планъ Брянской крѣпости 1704 г. (№ 70 Гл. Ин. Упр.); планъ Дерпта съ показаніемъ осадныхъ работъ русскихъ войскъ въ 1704 и съ объясненіями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—изданіе современное взятію этой крѣпости Петромъ В. (№ 56 Гл. Ин. Упр.); гравированный планъ Полтавскаго сраженія на французскомъ языкѣ, изданный Pierre Hussion'омъ въ Гаагѣ, очень отчетливый и ясный. Далѣе видимъ планы, фасады и профили башенъ древняго Новгорода, чертежъ отъ руки, сдѣланный, судя по начертанію надписей, въ первой четверти XVIII вѣка, быть можетъ, какъ разъ въ то время, когда Петра заботила мысль объ укрѣпленіи этого пункта (№ 50, Гл. Ин. Упр.). Кстати будетъ упомянуть о двухъ карандашныхъ рисункахъ А. Д. Кашкина, изображающихъ башни и стѣны древняго Новгорода въ нижнѣшнемъ состояніи: художественно выполненные, они даютъ не только отчетливое,

но и типичное представлѣніе о древнихъ Новгородскихъ твердыняхъ (№ 51). Тотъ же А. Д. Кашкинъ выставилъ два вида крѣпостныхъ развалинъ Старой Ладogi и Изборска: помимо научно-археологическаго интереса, они невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя, просто какъ изящная вещь (№ 49) ¹⁾. Карта теченія Западной Двины у ея устья 1688 г. хотя и болѣе ранняго происхожденія, но, конечно, для осады Риги Августомъ польскимъ или Петромъ Великимъ можетъ дать не мало поясненій, тѣмъ болѣе что тутъ же приложенъ и планъ самого города, съ указаніемъ его пунктовъ и окрестностей,—рукописный экземпляръ на шведскомъ языкѣ (№ 63 Гл. Ин. Упр.). Напомнимъ, что, кромѣ этого изданія, существуетъ карта теченія Западной Двины, на пространствѣ всей ея второй половины, 1701 г., снятая à vol d'oiseau, съ очень любопытными данными. Вмѣстѣ съ объяснительнымъ текстомъ она приложена къ V выпуску Этнографическаго Сборника, издававшагося въ шестидесятыхъ годахъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ ²⁾.

Съ борьбой за обладаніе рѣкой Невой связанъ планъ осады Нюеншанда въ 1703 г. (№ 79. Гл. Ин. Упр.) и четыре раскрашенныхъ (отъ руки) плана укрѣпленій (городковъ) на лѣвомъ берегу р. Невы, построенныхъ при завоеваніи Ингерманландіи и сохранившихся и по сіе время, правда, въ самомъ жалкомъ видѣ. Это такъ называемое „Апраксинъ городокъ“ на рѣкѣ Назьѣ, близъ деревни Сивявиной; „Святые Шанды“ на рѣкѣ Святѣ; укрѣпленный лагерь при впаденіи Тосны въ Неву (на картѣ виденъ четырехугольникъ съ тремя бастіонами) и Петровское укрѣпленіе („Штернь-шанецъ“) на самомъ берегу Невы близъ дер. Корчино (№ 74. Гл. Ин. Упр.). Невскія укрѣпленія можно разсматривать на выставкѣ параллельно съ изображеніемъ типовъ старинныхъ военныхъ сооружений Россіи въ періодъ IX—XVIII ст., обширный листъ работы А. И. Савельева (№ 48 Гл. Ин. Упр.). Для историка Сѣверной войны большую цѣну имѣетъ карта Изорской земли, гравированная Шхонбекомъ въ 1706 г.: въ ней между прочимъ подышутся данныя и для исторіи заселенія края, для опредѣленія наличности и поступательнаго движенія русскаго населенія (№ 62 Гл. Ин. Упр.).

Основаніе Петербурга шло рука объ руку съ устройствомъ воднаго сообщенія. Петра очень занимала мысль проведенія морскаго канала отъ устьевъ Невы у Гутуевскаго острова къ Петергофу, гдѣ

¹⁾ См. подобную же работу его № 87: Первое бомбардированіе Севастополя 5 октября 1854 года.

²⁾ Роспись Чертежу Западной Двины (1701 г.). Этнографическій Сборникъ, выпускъ V, смѣсь, стр. 65—71.

предполагали выходъ его въ море: направлѣніе этого канала мы можемъ изучать по одной изъ двухъ картъ Финскаго залива, составленныхъ Люберасомъ въ большомъ масштабѣ (№ 71 Гл. Ин. Упр.), и по специально ему посвященному плану (№ 66 Гл. Ин. Упр.). Не знаю, на основаніи чего составитель каталога Географической выставки относитъ время составленія карты Люберасомъ къ 1710 году (стр. 13): проектъ канала возникъ много позже 1).

Въ связи съ морскимъ каналомъ стоятъ заботы Петра о соединеніи Финскаго залива съ озеромъ Ильменемъ посредствомъ проведенія искусственной водной дороги между Тосной и рѣчкой Тигодой, притокомъ Ладоги. Карта изображающая этотъ проектъ (№ 61 Гл. Ин. Упр.), должна быть отнесена именно къ эпохѣ Петра В. на основаніи русско-голландскаго объяснительнаго текста и особенно потому, какія именно части площади нынѣшняго Петербурга обозначены заселенными. Далѣе укажемъ: 1) копію съ проекта укрѣпленій острова Котлина, оригиналъ коей былъ снабженъ собственноручною подписью Петра В., опредѣлившаго въ ней размѣры жилыхъ строеній (6 октября 1721 г.) (№ 60 Гл. Ин. Упр.); 2) карту границъ, установленныхъ Ништадтскимъ миромъ, изданную въ 1722 на русскомъ и латинскомъ языкахъ (№ 8 В. У. Ком. Гл. Шт.), и 3) атласъ Гедевилля (№ 4 В. У. Ком. Гл. Шт.). Это любопытное изданіе, котораго выставленъ былъ лишь 4-й томъ, какъ единственный, имѣющій отношеніе къ нашему отечеству 2), даетъ, согласно общему плану, бытовой очеркъ Россіи (по Олеарію), карты, родословныя таблицы русскихъ государей, виды мѣстностей, замѣтки о современномъ (автору) положеніи Русскаго государства, перечень главнѣйшихъ русскихъ сановниковъ, иногда съ краткой ихъ характеристикой и, наконецъ, исторію самой Россіи въ ея государяхъ. Петру I отведено всего болѣе мѣста; вставлено очень много документовъ касательно крупнѣйшихъ событій его царствованія (Полтава, Матвѣевъ въ Лондонѣ и пр.). Обзоръ доведенъ до 1713 г. Нечего и говорить, что трудъ Гедевилля имѣетъ значеніе лишь историографическое 3).

¹⁾ О. Веселого, Очеркъ русской морской исторіи, 624—625.

²⁾ *Atlas historique, ou nouvelle introduction à l'histoire, à la chronologie et à la géographie ancienne et moderne, représentée dans de nouvelles cartes, en l'on remarque l'établissement des états et empires du monde, leur durée, leur chute et leurs differens gouvernemens; la chronologie des consuls romains, des papes, des empereurs, des rois et des princes, etc. qui ont été depuis le commencement du monde jusqu'à présent; et la genealogie des maisons souveraines de l'Europe. Par Mr. C***. Avec des dissertations sur l'histoire de chaque état par Mr. Guedeville. Tome IV, qui comprend le Dannemarck, la Suède, la Pologne, la Moscovie, la Turquie etc.*

³⁾ Укажемъ еще карту де-Лилля, посвященную А. А. Матвѣеву: *Carte*

Съ именемъ Петра неразрывно связывается основанный имъ „парадизъ“. Петербургская Городская Дума отправила на выставку пѣлюю коллекцію самыхъ разнообразныхъ картъ, плановъ и книгъ, посвященныхъ русской столицѣ за все время ея существованія, благодаря чему можно очень обстоятельно прослѣдить ея ростъ и послѣдовательныя измѣненія. Каталогъ предметамъ, специально изданный Думою, перечисляетъ 87 №№, изъ коихъ двѣ трети можно признать историческими. Ограничимся по этому указаніемъ лишь болѣе древнихъ.

Наше вниманіе прежде всего останавливается на двухъ старинныхъ планахъ Петербурга, Гоманна и Оттенса, составленныхъ несомнѣнно при жизни Петра В. У Гоманна ¹⁾ Екатерининскій каналъ тянется еще маленькой рѣченкою, затеривался истоками вблизи проектированнаго Невскаго проспекта. Есть лѣтній садъ съ дворцами, почтовый домъ и т. п. Сбоку приложенъ отдѣльный видъ Кроншлота и карта теченія р. Невы. Экземпляръ Городской Думы раскрашенный очень хорошо сохранился и даетъ весьма отчетливое представленіе о городѣ. Другой планъ, работы Оттенса ²⁾, вполне тождественъ съ Гомановскимъ, лишь надписи нѣмецкія замѣнены голландскими и частью латинскими, да отсутствуютъ видъ Кроншлота и символическія фигуры, держащія въ рукахъ портретъ Петра I; за то карта теченія р. Невы продолжена южнымъ побережьемъ Ладожскаго озера съ указаніемъ канала отъ Шлиссельбурга до Новой Ладоги (№ 6. Г. Д.). Минцловъ полагаетъ, что планъ Гоманна служилъ образцомъ для настоящаго и, ссылаясь на Штукенберга, относитъ работу Гоманна къ 1718 году ³⁾. Не будетъ ли правильнѣе нѣмец-

de Moscovie, dressée par Guillaume de l'Isle, premier géographe de Roy et dédiée à Son Excellence Monseigneur André Artémonides de Matveeff, ministre d'Etat de Sa Majesté Czarienne l'Empereur des Russes, son lieutenant général en la principauté de Iaroslavle et son Ambassadeur plenipotentiaire auprès de Roi etc. A Paris. 1706. (№ 433 Г. К.).

¹⁾ Topografische Vorstellung der Neuen russischen Haupt-Residenz und See-Stadt St. Petersbourg sammt ihrer zu erst aufgerichteten Vestung, welche von Ihro Czaar. Maj. Petro Alexiewitz.... von Joh. Baptist Homann in Nürnberg (№ 3 отдѣл. каталога Город. Думы и № 407' d. Мин. Пут. Сооб.)

²⁾ Съ двумя заголовками, латинскимъ и голландскимъ: Nova ac verissima urbis St. Petersburg ab imperatore russo Petro Alexii F. conditae, item Fl. Nevae, Fossae jussu Imp. Russ. factae, ac regionis circumjacentis delineatio, a Rienro Ottens, Amstelaedemensi geographo, in lucem edita. Голландскій текстъ: Afbeelding von de Nieuwe russische Hooff-Residentie en Zee Stadt St. Petersburg.... gedrukt 't Amsterdam by de Wed. I. Ottens op den Nieuwen Dyk in de werelt Kaart.

³⁾ Minzloff, Pierre le Grand. 17.

кое изданіе признать образцомъ голландскаго, такъ какъ Гоманнъ еще не знаетъ Ладожскаго канала, который начатъ былъ лишь въ 1719 году 1)?

Планомъ уже не реальнаго, а лишь проектированнаго Петербурга является раскрашенная фотографія столицы по мысли генералъ-архитектора Леблона (№ 81, Гл. Ин. Упр.) 2): весь городъ обнесенъ крѣпостною стѣною съ бастіонами и, безъ преувеличенія, изрѣзанъ каналами; онъ заключался въ предѣлахъ нынѣшняго Васильевскаго острова, прилегающей къ нему части Петербургской стороны (оставляя рѣчку Карповку за своими стѣнами) и всего пространства, охватываемаго рр. Невой и Мойкою. Улицы пересѣкались подъ прямымъ угломъ; съ соблюденіемъ той же строгой прямолинейности шли четырехугольные площади и сады. На всемъ лежитъ отпечатокъ искусственности и порядка, — характерныя черты вѣка Людовика XIV, въ духъ котораго воспитался знаменитый архитекторъ.

Для исторіи постепеннаго роста города Петербурга хорошій матеріалъ даютъ 7 плановъ 1714—1725, 1738, 1762, 1777, 1796, 1806 и 1826—1839 гг. (№ 34. П. Г. Д.) и 9 плановъ 1700, 1706, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг., въ изданіи Цылова (№ 35. П. Г. Д.) 3). Первые 8 плановъ этого послѣдняго (1700—1840 гг.) суть собственно уменьшенныя копіи изданныхъ Военно-Топографическимъ Депо Главнаго Штаба въ 1846 г., въ масштабѣ 400 сажень въ дюймѣ, и выставленныхъ какъ имъ (№ 37), такъ и Петербургскою Городскою Думою (№№ 4, 5, 8, 11, 13, 16, 18, 25.). Въ царствованіе императрицы Елизаветы въ 1753 г. былъ изданъ великолѣпный альбомъ 13 видовъ С.-Петербурга, на русскомъ и французскомъ языкахъ 4); художественно исполненныя гравюры даютъ возможность ясно возстановить фізіономію тогдашней столицы, столь не похожей на нынѣшнюю. Картины изъ этого атласа воспроизводились не разъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, но тамъ онѣ много теряютъ въ своей отчетливости, будучи взяты въ меньшемъ масштабѣ и по одиночкѣ, тогда какъ здѣсь законченность представленія достигается именно полнотою коллекціи.

1) Петровъ, Исторія Санктъ-Петербурга, 201.

2) Каталогъ Выставки ошибочно относитъ время составленія проекта къ 1706 году: Леблонъ поступилъ на русскую службу лишь съ 8 февр. 1715 г. (Петровъ, Исторія С.Петербурга. 115).

3) Спб. 1853 съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года.

4) Планъ столичнаго города Санктъ-Петербурга съ изображеніемъ значнѣйшихъ онаго проспектовъ, изданный трудами Императорской Академіи Наукъ и Художествъ. Спб. 1753. folio въ двухъ экземплярахъ: въ формѣ атласа (№ 299 Морс. Мин.) и отдѣльных листовъ (№ 50. П. Г. Д.)

Говоря о Петербургѣ, можно еще упомянуть: планъ 1768 г. въ форматѣ большой стѣнной карты, составленный бригадиромъ Захгеймомъ по приказанію гр. Миниха (№ 80 Гл. Ин. Упр.), рукописный атласъ плановъ С.-Петербурга по частямъ и кварталамъ, сочиненный при Сенатѣ въ 1798 г. (№ 41. П. Г. Д.) и подобный же атласъ, лишь въ большемъ размѣрѣ, 1806 г. (№ 42 П. Г. Д.); къ обоимъ атласамъ присоединено по толстому фоліанту объяснительнаго текста. Городская Дума не забыла выставить и описанія Петербурга: сочиненія Богданова-Рубана, Георги, Пущкарева, Петрова, Тиллева и др.

V.

Москва, надо сознаться, представлена на Выставѣ не съ такой полнотою, какъ Петербургъ; за то она дала нѣсколько очень крупныхъ и интересныхъ вещей. Таковы, напр., гравированный видъ Москвы съ птичьяго полета, приготовленный Килианомъ въ 1610 г. для польскаго короля Сигизмунда III, въ ту пору, когда этотъ послѣдній мечталъ сидѣть на русскомъ престолѣ (№ 408, в. И. П. Б. и № 63. Гл. Ин. Упр.); или раскрашенный схематическій планъ Москвы XVII в. изъ *Orbis civitatum* Брауна и Гогенберга (№ 408, с. И. П. Б), съ изображеніемъ тура, бизона и вооруженныхъ всадниковъ, дающихъ понятіе о видѣ того времени. Подписи нѣмцевъ, такъ какъ источникомъ для виньетокъ служило нѣмецкое изданіе „Записокъ“ Герберштейна, но заголовокъ, любопытный самъ по себѣ, на латинскомъ языкѣ: *Moscovia, urbs regionis ejusdem nominis metropolitana, duplo major quam Praga Boemiae, lignea aedifica habet, multas plateas, sed dispersas, latissimi campi interjacent: Mosco amnis, ipsam irrigat.*

Съ большимъ интересомъ смотрится серія видовъ старой Москвы, выставленная Н. А. Найденовымъ (№ 572). Изданные имъ въ 1886 году, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и заказанные въ фотографическомъ заведеніи «Шереръ и Набольтъ» фототипическіе снимки съ старинныхъ гравюръ, никогда не поступали въ продажу и далеко не всѣмъ доступны. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтиться съ ними на нынѣшней Выставѣ. Они очень наглядны, полны бытовыхъ чертъ и легко переносятъ въ эпоху. Считаю не лишнимъ перечислить содержаніе всей этой серіи:

- 1) Общій видъ Москвы (по Оlearію, 1636).
- 2) Планъ Москвы (по чертежу Мейерберга, 1661 г.).
- 3) Кремль 1662 г. Вверху тройная надпись: *Кремелградъ,*

Кремленград, Castellum urbis Mosquæ. Латинское посвященіе царю Алексѣю Михайловичу заканчивается словами: «Castellum cum tribus contiguis urbibus Mosquæ, prout sub florenti Imperio, piæ memoriæ, magni domini cæsaris et magni ducis Borissi Fœdorovits, omnium Russorum etc. situ et dimensu fuit; summa ac debita observantia, offertur, dicatur, consecratur».

4) «Внутренность Кремля 1613 г. (1672 г.)» фотографическій снимокъ, отличный отъ другой раскрашенной литографіи, выставленной въ этомъ же отдѣленіи Выставкн.

5) Видъ Новодѣвичьяго монастыря и его окрестностей (по рисунку де Бруина 1702).

6) Видъ Головинскаго дворца съ прилегающей къ нему мѣстностью (въ началѣ XVIII в.).

7) Красная площадь (1762).

8) Красное крыльцо (1762).

9) Потѣшный дворецъ (по древнему чертежу).

10) Видъ ледяныхъ горъ во время Масляницы (1799).

11) Видъ г. Москвы, снятый съ балкона Императорскаго дворца (1799).

12) Видъ Спасскихъ воротъ и прилегающей мѣстности (1799).

13) Видъ Каменнаго моста (1799).

14) Видъ Серебреническихъ бань и прилегающей мѣстности (1799).

15) Видъ Прѣсенскихъ прудовъ и моста (съ восточной стороны, 1799).

16) Видъ Кремля съ набережной Москвы рѣки отъ Воспитательнаго дома (1825). Рисунки 1799 г. всѣ работы французскаго художника Guérard de la Barthe.

Громадная, почти въ сажень длинная, панорама Москвы со стороны Замоскворѣчья, при Петрѣ I: «Росейская столица Москва» (№ 563, а Ист. Муз.) воспроизводилась много разъ; экземпляръ ея вышедшій изъ литографіи Эрготъ, выставило и Главное Инженерное Управленіе (№ 75). Извѣстную цѣну представляютъ три вида Коломенскаго дворца, исполненныхъ масляными красками въ прошломъ столѣтіи (№ 577). Не дурна раскрашенная копія со стариннаго изображенія внутренней Кремля XVII в.; она хранится въ рамѣ за стекломъ (№ 575). Не слѣдуетъ пропустить и двухъ плановъ Москвы 1739 и 1796 (№ 407, Мин. Пут. Сооб.). Первый изъ нихъ, работы архитектора И. Мичурина, печатный, второй — отъ руки, раскрашенный.

Покидая на Выставѣ столичные города, мы вступаемъ въ предѣлы послѣ-Петровской Россіи. Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе планъ крѣпости и города Астрахани, сдѣланный отъ

руки кондукторомъ И. Дуровимъ (№ 59 Гл. Инт. Упр.); два атласа Россійской Имперіи, изданныхъ Академіею Наукъ, одинъ — 1745, въ двухъ видахъ: раскрашенный и безъ красокъ, и 1770—1780 гг. работы Шмидта и Трусскотта (№№ 6 и 5 В. У. К. Гл. Шт.). Атласъ 1745 г. принято называть «первымъ научнымъ атласомъ Россіи» ¹⁾. Но еще при Петрѣ явилась мысль о подобномъ изданіи. Любопытно было бы также знать, что за атласъ 1722—1730 гг. хранится въ Иркутской духовной семинаріи? ²⁾

Обширное собраніе представляетъ собою рукописный атласъ (съ рукописнымъ объяснительнымъ текстомъ на 19 листахъ) въ 40 таблицъ инженеръ-поручика Тучева, 1794 (№ 298 Гл. Гидрогр. Упр. Мор. Мин.). Содержаніе его — русско-шведская война 1788—1790 гг. Текстъ есть своего рода исторія войны; а атласъ, въ краскахъ дасть планы мѣстностей, расположенія войскъ на сушѣ и на морѣ, сраженій, маршрутныхъ путей и т. п., — вообще военный историкъ ни коимъ образомъ не долженъ опустить изъ виду этой работы.

Главное Управленіе Почтъ и Телеграфовъ выставило объемистый рукописный альбомъ древнихъ почтовыхъ картъ (№ 250). Хотя онѣ и не восходятъ по времени далѣе Екатерининскаго царствованія, будучи составлены частью въ это время, частью въ два послѣдующихъ царствованія (съ 1786 по 1819 г.), но интересъ историческій имѣютъ не малый. Въ альбомѣ 58 картъ, работы губернскихъ земле-мѣровъ, каждая для отдѣльной губерніи или области. По нимъ можно слѣдить не только за измѣненіями въ административномъ дѣленіи страны, но и за движеніемъ населенія, наростаніемъ поселеній и т. п. Возьмемъ для примѣра Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи въ 1798 г. При сравненіи карты того времени съ нынѣшней, невольно бросается въ глаза, что какъ тогда, такъ и теперь, двѣ главныхъ водныхъ артерій по сѣверной и южной окраинѣ уѣзда, — рѣки Міась и Уй — опредѣляли почтовое движеніе: сѣверное, потому что тамъ было густо населеніе; южное — потому что здѣсь проходила военная линія, связать которую почтовыми учрежденіями требовали интересы государственные.

Сибирь и въ XVIII ст. остается тою же мало разгаданной страной, полною своеобразныхъ условій, тѣмъ же особымъ міромъ, какою она представлялась и въ XVII в. не только западной Европѣ, но и самимъ русскимъ. Не будемъ долго останавливаться на картѣ Сѣверной Азіи, приложенной къ сочиненію Страленберга: Das Nord-

¹⁾ Свенске. Матеріалы для исторіи составленія атласа Росс. Импер. изд. 1745 г. Записки Акад. Наукъ IX, 56.

²⁾ Иркутскія Губернск. Вѣдомости 1872. № 32, стр. 402—404. Сравн. Межовъ, Русск. Истор. Библіографія за 1865—1876 гг. т. I, стр. 174.

und Oestliche Theil Europa's und Asia's, изд. 1730 (№ 439 В-ка Моск. Унив.); но прямо перейдемъ къ двумъ рукописнымъ картамъ Сибирской сторожевой линіи 1753 г. (№ 64 Гл. Инж. Упр.). Составитель ихъ, прапорщикъ Яковъ Уксусниковъ, далъ имъ такое названіе: «Ланварта новозаложенной линіи между Сибирской губерніей и Киргизъ-кайсацкой степи. Сочинена 1753 году». Названная линія тянулась отъ станицы Звѣриноголовской на р. Тоболѣ черезъ Ишимъ до Омска на р. Иртышѣ. Это такъ называемая нынѣ Сибирская казачья линія. Наши карты отмѣчаютъ всѣ бывшія въ ту пору укрѣпленія, крупныя и малыя: форпосты, городки и маяки ¹⁾. Для исторіи колонизаціи здѣсь найдется не мало указаній: не только къ югу, но и къ сѣверу отъ линіи — пустыя пространства; на югѣ они господствуютъ безусловно. Новая Сибирская линія должна была замѣнить старую, которая шла отъ Звѣриноголовской на сѣверъ къ редуту Куртамышевскому, Утятскому на Тоболѣ, а оттуда въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ редуты Верхнеутяцкій, Моревской, Верхнеозерскій и далѣе къ озеру Курталы. Вотъ это-то пространство межъ старой и новой гранью и было съ точки зрѣнія русскаго человѣка неразжежеванною новью, богоданною полосой. Да впрочемъ и западнѣе старой границы слободы ютились лишь по Тоболу. Новотъ проходить сто лѣтъ и физіономія края рѣзко мѣняется: къ сѣверу отъ «новой» линіи стало густо; «новая линія» потеряла характеръ *новой* и въ свою очередь сдана въ архивъ, чтобъ уступить свою роль другимъ болѣе южнымъ пунктамъ. Но русская колонизація, если способна сразу сдѣлать экстенсивный размахъ, свою внутреннюю работу въ намѣченномъ районѣ дѣлаетъ копотно и медленно, шагъ за шагомъ. Мы давно дошли до Великаго океана, но протянулись туда узкой полоской, въ глубь и ширь — работа подвигается гораздо медленнѣе. Стоитъ бросить взглядъ на современную карту Россіи, чтобъ признать Сибирскую линію 1753 г. все еще рѣзкою этнографическою гранью миръ населеніемъ къ сѣверу и югу отъ нея.

Тому же Главному Инженерному Управленію, что познакомило публику съ только-что упомянутымъ трудомъ прапорщика Уксусникова, принадлежитъ и рукописная карта русско-китайской границы, составленная въ 1777 г. (№ 72). Болѣе сажени въ длину, выполненная весьма тщательно и изящно, она вводитъ насъ въ детальное описаніе южной Сибири середины XVIII вѣка. Не говоря про обозначеніе всѣхъ редутовъ, городковъ, форпостовъ и маяковъ на пограничной линіи,

¹⁾ Двѣ шестиугольныхъ крѣпости: Звѣриноголовская и „Святого Петра“ (нынѣ Петропавловскъ), 9 четырехугольныхъ, 33 редута и по маяку между каждымъ изъ укрѣпленій.

составитель—на картѣ же—далъ подробную опись этихъ укрѣпленій и самаго края: количество рудниковъ, характеръ ихъ производства, строенія горъ и т. п. Историкъ Сибири въ царствованіе Екаторины II видѣ всякаго сомнѣнія найдетъ для себя на этой картѣ много цѣнныхъ указаній.

Если позволительно, на основаніи предложеннаго Географической выставкою матеріала, дѣлать обобщенія, то я бы сказалъ, что Русское Государство въ XVIII стол. не только еще переживало стадію своего колонизаціоннаго развитія, но прямо находилось въ его разгарѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли мы на окраины; вниманіе это, конечно, вынужденное, но оно порождаетъ, съ успѣхами картографіи, обстоятельныя работы о пограничныхъ областяхъ. Сейчасъ мы видѣли подтвержденіе этому на Сибири. Но и въ Европейской Россіи не будетъ недостатка въ аналогичныхъ явленіяхъ. Передъ нами три карты Закамской сторожевой линіи 1732 г. для защиты приволжскихъ губерній отъ нападенія киргизъ (№ 73, Гл. Инж. Упр.). Утвердившись въ XVI ст. на всемъ протяженіи р. Волги, русскому правительству пришлось еще долгіе годы обезпечивать спокойное состояніе въ Заволжьѣ и Приуральскомъ краѣ. Между прочимъ, оно соорудило двѣ закамскія линіи, одну такъ-называемую Старую, отъ Волги у Бѣлаго Яра, вдоль р. Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тиньска, Биларска, на Заньскъ, Мензелинскъ до села Троицкаго у р. Ика, и такъ-называемую Новую линію, планъ которой мы сейчасъ видѣли на Географической выставкѣ, отъ г. Самары (точнѣе: пригорода Алексѣевска), мимо слободы Красный Яръ, вдоль р. Сока на Сергіевскъ, Фельдшанцы Кундурчинскій, Черемшанскій, Пешминскій и Бичуйскій, гдѣ и оканчивалась. Рычковъ въ „Описаніи Оренбургской губерніи“ говоритъ, что существовало предположеніе вести эту линію далѣе, до р. Ика; но открытіе Оренбургской экспедиціи, въ 1734 г., сдѣлало этотъ планъ ненужнымъ ¹⁾. Новая Закамская линія строилась три года и въ 1734 г., надо думать, была заброшена. Лѣтъ сорокъ тому назадъ сохранялись еще въ цѣлости земляныя работы, но отъ засѣкъ и деревянныхъ построекъ не осталось никакихъ слѣдовъ ²⁾. Выставленныя карты ³⁾—рукописныя; основная—40 верстъ въ масштабѣ съ собственноручною (подъ объяснительнымъ текстомъ) подписью графа Хр. Миниха и генерала Любераса (10 іюня 1732 г.) ⁴⁾.

¹⁾ Топографія Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1887, стр. 314.

²⁾ Иванинъ. Описаніе Закамскихъ линій. Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. на 1851 г., ч. I, кн. 2-я, стр. 68.

³⁾ Вторая изъ нихъ—копія первой, третья изображаетъ лишь часть линіи.

⁴⁾ Дата означаетъ время, когда карта была послана къ тайному совѣтнику Наумову для утвержденія.

Одновременно съ Заволжьемъ и Закамьемъ вниманіе правительства обращено и на югъ: въ 1735 г. составляется General-Karte von der Ukraïn (№ 65, Гл. Инж. Упр.). Готовились къ войнѣ съ Турціей, и, дѣйствительно, походъ Ласси и Миника получаетъ свое правильное освѣщеніе въ значительной степени, благодаря тѣмъ деталямъ, какія даетъ это изданіе.

Но едва ли не интереснѣе всѣхъ этихъ картъ—три рукописныхъ плана сторожевыхъ линій или засѣкъ, составленные капитаномъ Тучковымъ (№ 69, Гл. Инж. Упр.) въ очень большомъ масштабѣ ¹⁾. Всѣ три плана дополняютъ другъ друга, сами, надо думать, будучи лишь частью одного большого цѣлаго ²⁾. Не всякій легко допустить, чтобы какихъ-нибудь всего сотню лѣтъ назадъ засѣка шла по нынѣшнимъ Калужской и Тульской губерніямъ, съ Венева на Тулу, Крапивну, Одоевъ, Лихвинъ, Козельскъ. Въ половинѣ XVIII ст., почти подъ самой Москвою приходилось еще считаться съ Крымской ордой. Нужно ли лучшаго оправданія въ заселеніи Потекинскимъ Новороссійскаго края и присоединеніи Крыма?

Позволимъ себѣ поближе остановиться на одной изъ картъ Тучкова. Заголовокъ перваго плана гласитъ: „Генеральная карта четырехъ засѣкамъ, приписнымъ къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ, а именно: Щегловской, Карницкой, Картасеневской и Веневской“, при чемъ составитель добавилъ такого рода „экспликацію“: „Откуда оныя начало и гдѣ окончаніе имѣютъ, при какихъ рѣкахъ и урочищахъ. *Щеголовская* засѣка начинается съ полевой стороны отъ города Тулы, рѣки Тулицы и отъ земляного вала простирается до вершины рѣки Сежи; съ русскую сторону отъ замка Картасеневской засѣки и отъ Утиной ямы, что противъ села Богоявленскаго, идетъ до земляного вала и до рѣки Тулицы. *Карницкая* съ русскую сторону отъ вершины рѣки Сежи до рѣки Шата, а отъ рѣки Шата съ полевую сторону отъ вершины рѣки Хавки до Каширской засѣки; съ русскую сторону отъ рѣки Алитовки до рѣки Большого Осетра и до Картасеневской засѣки. *Картасеневская* въ полевую сторону отъ рѣки В. Осетра до рѣки Лѣсной Веркуши и до Каширской засѣки; въ русскую сторону отъ рѣки Каменка до замка Щегловской засѣки и до Утиной ямы противъ села Богоявленскаго. Въ *Веневской* засѣкѣ отмежеваны поляны и три поляны Бригадира Игнатъева, а какія званіемъ

¹⁾ 1 верста въ дюймѣ.

²⁾ Замѣтимъ, что они ориентированы такъ, что югъ показанъ наверху, а сѣверъ—внизу. Это надо имѣть въ виду, потому что при отсутствіи на планѣ крупныхъ пунктовъ (поселеній), зритель сбивается тѣмъ, что „русскую“ сторону видитъ сверху, а „полевую“ обращенною внизъ.

и при какихъ урочищахъ, значится въ картѣ литерами и желтою краскою"—и далѣе идетъ перечисленіе этихъ полянъ (числомъ восемь). По внѣшнему виду эти засѣки точно извилистыя зеленныя змѣи съ самыми прихотливыми утолщеніями. Онѣ пересѣкаются дорогами, рѣчками и ручьями; изрѣдка внутри ихъ встрѣчается деревня на протяжении тракта или монастырь (Веневъ) на самомъ краю урочища; но въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, это безлюдная полоса. Да и то упомянутый монастырь стоитъ у перекрестка двухъ путей, а деревня (Ивановская) скорѣе на полянѣ, подлѣ лѣса, чѣмъ въ самомъ лѣсу. Эти поляны въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзали Веневскую засѣку, что, конечно, сильно мѣшало ей отвѣчать своему прямому назначенію. Вотъ почему мы видимъ здѣсь попытку въ одномъ пунктѣ, наиболѣе узкомъ, парализовать ея слабыя стороны проведеніемъ земляного вала. Надо замѣтить, карта не только подробно рисуетъ самую засѣку, но шагъ за шагомъ слѣдитъ за пограничными угодьями, тщательно отиѣчая сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ съ „русской“ (сѣверной), такъ и съ „полевой“ (южной) стороны засѣки. Вотъ для примѣра граница „русской“ стороны *Щелковской* засѣки: „дача государственныхъ крестьянъ села Богооявленскаго, дача госуд. кр-нѣ дер. Анишиной, дача госуд. кр. дер. Новоселокъ, дача госуд. кр. села Волницова, дача графа Дивіера, дача Остафьева и Беклемишева, дача Ушакова и Павлова, дача разныхъ помѣщиковъ дер. Толстой, дача разныхъ помѣщиковъ села Крюкова, дача князя Гагарина, дача Данилова, дача Фаминцына“ и т. д. Подобныя этимъ указанія—цѣнный матеріалъ для исторіи сословій и отдѣльныхъ фамилій XVIII в. 1).

Остановимся еще на „картахъ и видахъ береговъ Чернаго моря, принадлежащихъ Россійской Имперіи“: это—рукописный атласъ, составленный въ 1798—99 гг. капитаномъ Биллингсомъ—всего 26 листовъ, частью раскрашенныхъ (собственно виды),—одна изъ очень крупныхъ по содержанію вещей на Выставкѣ (№ 302, Гл. Гидр. Упр. Морск. Мин.). Видъ Севастопольской бухты рисуетъ намъ мѣсто тогдашняго города; въ Балаклавѣ сто лѣтъ назадъ сохранялся еще въ цѣлости двойной рядъ стѣнъ, отъ коихъ теперь остались одни жалкіе остатки; Судакская крѣпость походила на настоящую грозную твердыню. на которую современники Биллингса едва ли смотрѣли глазами археологовъ: такъ прочны и многочисленны были еще въ ту пору ея стѣны и бойницы, составляя одно замкнутое цѣлое. „Крѣпость“ Феодосія была, дѣйствительно, крѣпостью, ея стѣны отчетливо видны на рисункѣ.

¹⁾ Деревня Ясная Поляна (на картѣ Малиновой засѣки) показана на границѣ лѣса съ полевой стороны на большой дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ.

Къ областной же географіи Россіи XVIII в. надо причислить Атласъ городовъ и уѣздовъ Тверского намѣстничества, 1783 года (№ 624, в) и особенно цѣлую коллекцію старыхъ картъ, присланныхъ изъ Рязанской Архивной Комиссіи (№ 627): планы города Рязани, Рязанскаго намѣстничества, нѣкоторыхъ монастырей, планы уѣздовъ съ объяснительнымъ текстомъ и т. п.

VI.

Намъ остается рассмотреть еще одинъ отдѣлъ, посвященный успѣхамъ русскихъ людей на поприщѣ моревѣдѣнія. Обильный матеріалъ выставленъ исключительно Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ Морского Министерства. Я, впрочемъ остановлюсь лишь на немногомъ, проходя даже мимо цѣлаго ряда атласовъ, гдѣ столько любопытнаго и поучительнаго, напр.: Атласъ Варяжскаго моря, 1714 года ¹⁾, такой же—Соймонова, 1738 г., атласъ Балтійскаго моря, 1740 и такой же 1750 со шведскаго изданія 1738 г.; атласы Нагаева 1757 и 1796 гг., Сарычева—1812 г. (№ 298) и пр. Рядомъ съ ними рукописная „хронологическая карта русской гидрографіи 1696—1883 гг. пополнена по 1891 г.“ (№ 297): полосами соответственныхъ цвѣтовъ обозначены изслѣдованія русскими моряками береговъ морей, рѣкъ и озеръ въ предѣлахъ всего земнаго шара. Начало такимъ занятіямъ, какъ показывается и самое названіе карты, положено было еще въ царствованіе Петра В. Судя по ней, можно опредѣлить, что именно было предпринято и осуществлено при его жизни: 1) промѣръ рѣки Дона отъ Воронежа до Азова вицеадмираломъ Крюйсомъ при содѣйствіи самого государя (1696). 2) Промѣръ Чернаго моря отъ Керчи до Константинополя на кораблѣ „Крѣпость“ (1699). 3) Генеральная карта Азовскаго моря отъ Азова до Керчи, составленная въ 1702 г. и поднесенная Петру В. въ Воронежѣ. 4) Экспедиція геодезистовъ Евреинова и Лужина на Курильскіе острова (1719). 5) Работы капитана фонъ-Вердена на Каспійскомъ морѣ.

Карта Азовскаго моря выставлена Морскимъ Министерствомъ въ очень любопытномъ эземплярѣ: это, если не оригиналъ, то современная копія (№ 288). Она называется: „Новую карту отъ всего моря палѣсь мѣотѣсь, отъ Азова до Кѣрчи, зделанъ на Воронежѣ, 1702 году“ и кромѣ того съ такимъ посвященіемъ; „Великій г-дарь царь и вѣликій князь Пѣтръ Алексѣвичъ всѣя великия и малыя и

¹⁾ „Книга размѣрная градусныхъ картъ Остѣ-Зее или Варяжскаго моря. Напечатана повелѣніемъ царскаго величества. Спб. 1714“ in folio.

бѣлыя Росіи самодѣржець сѣби паскартъ вручаю со всякимъ униженіемъ отъ ваши покорныя слугѣ*. Узкая сѣверо-восточная часть Азовскаго моря подробно промѣрена на этой картѣ; такъ же нанесены промѣры и пути до Керчи. *Θ. Θ. Веселаго* такъ описываетъ эту карту: „На ней очертаніе береговъ весьма невѣрное, за исключеніемъ части между устьями Дона и линіей, идущей отъ Долгой косы до Бердинской; въ этой части нанесенъ довольно подробный промѣръ, показанный также по пути до Керченскаго пролива. Восточнѣе этого пролива, передъ устьями Кубани, показанъ еще проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на островѣ, находящемся между обонии проливами, назначены два города: „Тамантъ“ при Керченскомъ и „Кополтасъ“ (?) при другомъ“ ¹⁾.

Однообразную задачу съ „Хронологической картой“ № 297, но лишь въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, преслѣдуетъ напечатанная въ 1874 г. „Карта Сѣвернаго Ледовитаго океана въ границахъ Россійской имперіи; составлена на основаніи русскихъ гидрографическихъ изслѣдованій съ 1734 по 1871 годъ“. Здѣсь тоже окрашенными полосами обозначены мѣста и пространства, изученныя тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ. Вотъ имена этихъ дѣятелей (перечень ихъ даю въ хронологическомъ порядкѣ): 1) Муравьевъ и Павловъ 1734—35 гг. 2) Овцынъ 1734—37. 3) Прончищевъ 1735—36. 4) Дм. Лаптевъ 1736, 1739—42. 5) Малыгинъ и Скуратовъ 1736—37. 6) Мининъ 1738 и 1740. 7) Хар. Лаптевъ 1739—41. 8) Челюскинъ 1741—42. 9) Размысловъ 1768—69. 10) Виллингсъ 1791. 11) Козинъ 1821. 12) Шишмаревъ 1821. 13) Анжу и Бережныхъ 1821—23. 14) Врангель и Матюшкинъ 1821—23. 15) Литке 1821—24. 16) Бережныхъ и Пахтусовъ 1821—26. 17) Ивановъ и Рагозинъ 1821—28. 18) Рейнеке 1826—32. 19) Пахтусовъ, Крапивинъ и Цыволева 1833—36. 20) Моисеевъ и Рогачевъ 1838—39. 21) Милдендорфъ и Вагановъ 1843. 22) Норвежскіе мореплаватели 1869—1871.

Берега Бѣлаго моря изображены на нѣсколькихъ картахъ XVIII ст., но наиболѣе древни и интересны—планы устья Сѣверной Двины. По древности первое мѣсто занимаетъ работа Адр. Шхонбека (1701), гравированная „повелѣніемъ“ Петра и посвященная *Θ. М. Апраксину*. Здѣсь, впрочемъ, изображена не столько дельта рѣки, сколько ея крайніе рукава, восточный и западный; остальное даже не намѣчено. Гораздо полнѣе въ этомъ отношеніи работа (отъ руки) 1732 г.: весь міръ острововъ Двинскаго устья передъ вами на лицо и, что еще важнѣе, обозначено расположеніе каждой церкви, укрѣп-

¹⁾ Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, стр. 622.

ленія и проч.—Карта 1768 г., надо думать, образцом своимъ имѣла выше упомянутую 1732 года (въ три подъ № 266).

Вообще Морское Министерство позаботилось о томъ, чтобы ходъ нашего знакомства и изученія сѣверной морской окранны русскаго государства былъ представленъ возможно полнѣе. Возьмемъ, напр. хотя бы Новую Землю. Штурманъ Ѳеодоръ Размысловъ въ 1767 г. снялъ часть острова по плану, составленному промышленникомъ Яковомъ Чиракинымъ, именно, очертанія Маточкина шара и прилегающихъ береговъ; впрочемъ одни лишь абрисы береговъ, да и то преимущественно западныхъ, полного же облика обоихъ острововъ пока нѣтъ.—Въ началѣ текущаго столѣтія экспедиція шлюпа „Пчела“, снаряженная гр. Н. П. Румянцевымъ, обезпечила штурману Григорію Поспѣлову возможность дать и полный контуръ острововъ, еще детальнѣе намѣтивъ западный берегъ. Сходна съ его картою и выставленная „Карта Новой Земли, употребляемая российскими промышленниками“. Нельзя не упомянуть о русской „Картѣ Новой Земли по описи голландскихъ мореходцевъ В. Баренца и К. Найя съ 1594 по 1597 г., взятой изъ Голландскаго атласа Юганна Вляу 1664 г.“; составлена она въ 1872 г. при Гидрографическомъ департаментѣ. Путешествіе брига „Новая Земля“ на Новую Землю въ 1821—1823 гг., работы Пахтусова въ 1832—1835 г. нашли свое выраженіе въ посвященныхъ имъ новыхъ картахъ, рядъ которыхъ, продолжаясь и далѣе, заканчивается прекраснымъ изображеніемъ западнаго берега Новой Земли отъ мыса *Сухой носъ* до мыса *Сѣверный Гусиный носъ*,— въ изданіи Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского Министерства въ 1892 году въ масштабѣ 1/21924 (См. въ эти карты на выставкѣ подъ № 260).

Спеціально Шпицбергену посвящены три рукописныхъ карты: первая рисуетъ путь маленькой флотилии, снаряженной подъ командою лейтенанта Немтинова отъ устья р. Двины у Архангельска до Шпицбергена, гдѣ имѣлась въ виду оставить часть команды на зимовку въ Кламбойской бухтѣ; составитель не оставилъ безъ вниманія и печатныхъ голландскихъ картъ Бѣлаго моря. Вторая и третья 1765 и 1766 гг., работы капитана Василя Чичагова (№ 259). Стоитъ упомянуть и о Меркаторской картѣ Бѣлаго моря съ частью Сѣвернаго океана отъ Новой Земли до береговъ Даніи, по образцу Голландскихъ оригиналовъ; она напечатана въ 1774 г. при типографіи Морскаго шляхетскаго кадетскаго корпуса (№ 260).

Заканчивая свой обзоръ Географической выставки, укажу еще на описи и планы, выставленные Межевымъ Архивомъ, и на массу (правда, не коллекционированную) тѣхъ фотографическихъ снимковъ

видовъ мѣстностей, гдѣ любитель старинныхъ памятниковъ найдетъ прекрасный для себя матеріалъ: города Вильно, Тверь, Каменецъ-Подольскъ, Торжокъ (общая панорама), Калезинъ, Кіевъ, Угличъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Болгары, Кострома, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Казань, Вологда, Великій Устюгъ, Ревель, Дерптъ, Архангельскъ, Соловецкій монастырь, Нилова пустынь въ Осташковскомъ уѣздѣ, село Кири и др.

17 ноября 1892 года.

Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ.

П. Г. Виноградова.

Обнародованная въ прошломъ году „*Αθηναίων πολιτεία*“ Аристотеля подала поводъ къ различнымъ спорамъ и недоумѣніямъ. Высказывались подозрѣнія, что она совсѣмъ не принадлежитъ Аристотелю, и главнѣйшими основаніями для такого вывода служили замѣченныя въ ней промахи и пробѣлы. Кромѣ того, указывали на то, что нѣтъ почти никакой связи съ Политикой, а по нѣкоторымъ пунктамъ даже существуютъ противорѣчія между двумя названными сочиненіями. Но до сихъ поръ и противники, и защитники трактата почему-то ограничивались отдѣльными сопоставленіями, которыя не могли быть особенно убѣдительны именно по своей разрозненности. Если противнику и удавалось отмѣтить разнорѣчіе, защитникъ могъ всегда вернуться отъ угрожающаго вывода въ виду возможности для всякаго автора измѣнить свой взглядъ на отдѣльныя подробности въ промежуткѣ между двумя учеными работами. Если, наоборотъ, защитникъ успѣшно показывалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ значительное сходство мысли и выраженій, противнику оставалось сослаться на происхожденіе трактата въ школѣ Аристотеля, которая не могла не внести нѣкоторыхъ общихъ положеній и терминовъ. Съ формальной точки зрѣнія споръ, который ведется на такой почвѣ, слѣдуетъ признать неразрѣшимымъ, потому что нельзя предъявить нотаріальнаго засвидѣтельствованія авторской собственности Аристотеля, а противъ общаго мнѣнія древности, начиная отъ младшаго современника Аристотеля, Тимея, еще В. Розе заявилъ отводъ. Въ матеріальномъ отношеніи споръ между приверженцами авторства Аристотеля при содѣйствіи учениковъ и авторства учениковъ при извѣстномъ вліяніи Аристотеля можетъ быть

сведенъ на немногое — подъ однимъ условіемъ, однако. Необходимо разобрать на какомъ-нибудь значительномъ, существенномъ ученіи, насколько близки или далеки другъ отъ друга вновь открытый трактатъ и признанный за Аристотелемъ сочиненія, хотя бы, напримѣръ, Политика. Качественная важность и количественный объемъ должны ручаться, что дѣло идетъ не о случайныхъ совпаденіяхъ или разнорѣчіяхъ, а о внутреннемъ сродствѣ или различіи.

Едва ли кто будетъ спорить *in abstracto* противъ такого методическаго требованія. Но противники авторства Аристотеля, да пожалуй и нѣкоторые изъ защитниковъ, повидимому, отчаялись найти сторону, удобную для сближенія. И тѣхъ, и другихъ очень поразила разница въ цѣляхъ и приемахъ между Политикой и Политіями: въ одномъ случаѣ философскія обобщенія и разсужденія, въ другомъ — фактическій очеркъ главныхъ періодовъ исторіи и множество слабо систематизированныхъ данныхъ по государственному праву, администраціи и судопроизводству. Изъ Политики легко взять „ученіе“, но какъ выдѣлать его изъ фактовъ Политій, которые самъ Аристотель, вѣроятно, обозначилъ бы выраженіемъ „та каѳ'ѣхаста“?

Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, однако, не такъ ужъ несоизмѣримы, какъ представляется на первый взглядъ. Можно предположить, напр., что и фактический очеркъ афинской исторіи и администраціи не могъ обойти очень общаго политическаго понятія „демократіи“. Если судьба Афинъ представлялась въ какомъ-либо отношеніи поучительной и философски интересной, то, конечно, какъ примѣръ послѣдовательнаго проведенія демократическихъ принциповъ. И дѣйствительно, всякій читатель вновь открытаго трактата знаетъ, что его авторъ не просто заноситъ на его страницы то, что казалось поважнѣе изъ политической исторіи, а выбираетъ и группируетъ съ опредѣленной цѣлью. Какъ Фукидидъ отмѣтилъ въ своей первой книгѣ главные моменты въ исторіи могущества Афинъ, ихъ вѣшнаго роста и преобладанія, такъ авторъ Политіи остановился на переворотахъ внутреннего строя — учрежденій и партій. И красною нитью его изложенія естественно сдѣлалось движеніе демократіи. Ея успѣхами онъ измѣряетъ пройденный путь, вновь и вновь останавливается въ своемъ изложеніи, чтобы отмѣтить, какъ стояли въ извѣстный моментъ дѣла въ отношеніи этого главнаго руководящаго признака. Поэтому, если Политія и не возвышается до общихъ оцѣнокъ Политики, то во всякомъ случаѣ въ ней вдоволь матеріала для характеристики развитія демократіи на самомъ выдающемся примѣрѣ ея примѣненія. На этой почвѣ мы и попытаемся провести сравненіе между ученіями Политики и изложеніемъ Политіи 1).

1) Кауеръ предпринялъ вѣчто подобное въ статьѣ „Aristoteles als Histo-

Съ словомъ „демократія“ мы встрѣчаемся впервые въ нашемъ трактатѣ по неожиданному случаю. Собственно, правильнѣе было бы сказать—мы должны были бы встрѣтиться, такъ какъ начало трактата, какъ извѣстно, потеряно, и „демократія“ упоминалась уже въ одной изъ утраченныхъ главъ. Узнаемъ мы объ этомъ изъ Плутарха, который имѣлъ передъ собою полный текстъ, и сообщилъ изъ него въ біографіи Тесея, что этотъ легендарный царь „первый склонился въ сторону народа и отказался отъ единодержавія“ 1).

Въ самомъ трактатѣ остался слѣдъ этого страннаго извѣстія, именно въ 41-й главѣ, гдѣ кратко перечисляются совершившіяся въ Афинахъ перемѣны, числомъ одиннадцать: тамъ сказано, что послѣ устройства Іона, который основалъ государство, установилась при Тесеѣ форма правленія, нѣсколько уклонявшаяся отъ монархической 2). Плутархъ выразился, очевидно, слишкомъ уже рѣзко: трактатъ давалъ ему право только на замѣчаніе о видоизмѣненіи царской власти въ выгоду народа, а не объ устраненіи ея. Интересно было бы знать, въ чемъ именно можно было видѣть такое видоизмѣненіе? 25-я глава біографіи Тесея даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія. Помимо приведенной прямой ссылки на Аристотеля, т.-е. на нашъ трактатъ, она распространяется о томъ, что онъ создалъ въ Афины всякаго рода людей на равныхъ правахъ гражданъ и, чтобы эта „демократія“ не оказалась безпорядочнымъ сбродомъ, подѣлилъ ихъ на три сословія, изъ которыхъ каждое имѣло извѣстныя преимущества надъ другими—эвпатриды выдѣлялись почетомъ и должностями, геоморы полезностью, деміурги—числомъ 3). Это разсужденіе, по суще-

riker“, помѣщенной въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft за текущій годъ. Но способы изслѣдованія и изложенія въ этой статьѣ представляются мнѣ совершенно неудовлетворительными.

1) Plut. Thes. 25. ὅτι δὲ πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν ὄχλον, ὡς Ἀριστοτέλης φησί, καὶ ἀφῆκε τὸ μοναρχεῖν, εἰσεκε μαρτυρεῖν καὶ Ὅμηρος.

2) 'Α. π. 41, § 2. δευτέρα δὲ καὶ πρώτη μετὰ ταύτην ἔχουσα πολιτείας τάξιν ἡ ἐπὶ Θησεῶς γενομένη, μικρὸν παρεχλίνουσα τῆς βασιλικῆς.

3) Plut. Thes. 25. ἐτι δὲ μᾶλλον αὐξῆσαι τὴν πόλιν βουλόμενος ἐκάλει πάντας ἐπὶ τοῖς ἰσοῖς καὶ τὸ Δεῦρ' ἵτε πάντες λεφὴ χήρυγμα Θησεῶς γενέσθαι φασὶ πανδημίαν τινὰ καθίσταντος. Οὐ μὲν ἄτακτον οὐδὲ μεμιγμένην περιείδεν ὑπὸ πλήθους ἐπιχυθέντος ἀκρίτου γενομένην τὴν δημοκρατίαν, ἀλλὰ πρῶτος ἀποκρίνας χωρὶς Εὐπατρίδας καὶ Γεωμόρους καὶ Δημιουργούς, Εὐπατρίδας δὲ γινώσκειν τὰ θεῖα καὶ παρέχειν ἄρχοντας ἀποδοὺς καὶ νόμων διδασκάλους εἶναι καὶ ὁσίων καὶ ἱερῶν ἐξηγητάς, τοῖς ἄλλοις πολίταις ὥσπερ εἰς ἴσον κατέστηρε, δόξῃ μὲν Εὐπατρίδων, χρεῖα δὲ Γεωμόρων, πλήθει δὲ Δημιουργῶν ὑπερέχειν δοκούντων. — По содержанію связано и, быть можетъ, также у Аристотеля заимствовано мѣсто 36-й главъ: καὶ κεῖται μὲν ἐν μέσῃ τῇ πόλει παρὰ τὸ νῦν γυμνάσιον, ἐστὶ δὲ φύξιμον οἰκέταις καὶ πᾶσι τοῖς ταπεινοτέροις καὶ δεδίδοι κρείττονας, ὡς καὶ τοῦ Θησεῶς προστατικῶ τινος καὶ βοηθητικῶ γενομένου καὶ προσδεχομένου φιλανθρώπως τὰς τῶν ταπεινοτέρων δεήσεις.

ству, по крайней мѣрѣ, принадлежить не Плутарху, а его источнику. Это вытекаетъ изъ двоякаго рода соображеній: въ подтвержденіе разсказа слѣдуетъ ссылка на возгласъ герольда (χέρυμα): „идите сюда, всѣ люди“, который приписывали Тесею (и провозглашали на Панаѳинейхъ?) ⁴⁾, а также косвенный выводъ изъ одного Гомеровскаго стиха. И то, и другое совершенно соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ приемамъ Политій. А затѣмъ, въ конспектѣ Гераклида, который составленъ исключительно по „Аѳинской политіи“, упомянуто о томъ, что „Тесей провозгласилъ черезъ герольда и соединилъ на равныхъ правахъ“ ⁵⁾. Тотъ же конспектъ ставить въ связь эту мѣру Тесея съ примиреніемъ различныхъ частей Аттики, враждовавшихъ послѣ раздѣленія страны между сыновьями Пандіона ⁶⁾.

Такимъ образомъ, начало трактата указывало на первый шагъ къ демократіи въ привлеченіи въ Аѳины всякаго рода людей на правахъ гражданъ. Синоиксизмъ Тесея являлся въ Политіи съ особенными чертами. Фукидидъ просто указываетъ на сліянiе мелкихъ областныхъ центровъ въ одинъ главный городъ съ единымъ правительствомъ ⁷⁾. Нашъ трактатъ различалъ два синоиксизма: одинъ, который собственно и названъ этимъ именемъ, при Іонѣ—отъ него и пошло государство. Второй, при Тесеѣ, мотивируется раздорами въ странѣ и изображается, съ одной стороны, какъ мирный договоръ, съ другой, какъ πανδημία—открытіе своего рода убѣжища, напоминающее легендарную мѣру Ромула. Это не могло считаться основаніемъ демократіи въ смыслѣ правленія большинства, но рационалистическая исторія, такимъ образомъ, приурочила къ опредѣленному имени созданіе самого демоса, которому суждено было играть такую роль въ Аѳинахъ. Противоположность съ Іономъ очень характерна: тому приписывается учрежденіе филъ и, вѣроятно, родового аристократическаго

⁴⁾ Въ концѣ извѣстія о синоиксизмѣ Фукидидъ упоминаетъ о народномъ праздествѣ, учрежденномъ въ его память. Онъ несомнѣнно имѣетъ въ виду праздникъ Синоикіи, и естественно было бы предполагать, что возгласъ герольда (χέρυμα Θησέως), приведенный у Плутарха и отмѣченный у Гераклида, произносился именно на этомъ праздествѣ. См. Thuc. II, 15: καὶ ξυνοίκια ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῇ ἑορτῇ δημοτελῆ ποιοῦσι. Но самыя выраженія возгласа (πάντες λεφ) заставляютъ думать о Панаѳинейхъ.

⁵⁾ Heracl. epit. (A. п. ed. Blass, p. 104): Θησεὺς δὲ ἐκήρυξε καὶ συνεβίβασε τοὺτους ἐκ' ἰσθ καὶ ὁμοῖα.

⁶⁾ Ibid. Πανδίων δὲ βασιλεύσας μετὰ Ἐρεχθεῖα διένειμε τὴν ἀρχὴν τοῖς οἰοῖς. καὶ διετέλουν οὗτοι στασιάζοντες. Θησεὺς δὲ κτέ.

⁷⁾ Thuc. II, 15,3. ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε... καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τὰ τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχὰς ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν ἐν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρωταεῖον ξυμμάχισε πάντας.

строю 8). Тесей вводит сословія и дает мѣсто въ гражданствѣ низкороднымъ людямъ. Въ этомъ отношеніи онъ соответствуетъ въ римской традиціи Анку Марцію.

Мы, къ сожалѣнію, почти лишены прямыхъ указаній, которыя помогли бы намъ разъяснить намекъ на политическую сторону процесса—на ограниченіе царской власти. Въ утраченномъ началѣ нашего трактата дѣло шло, какъ видно изъ общаго плана сочиненія и сохранившихся отрывковъ, какъ разъ о постепенномъ вырожденіи монархіи, начавшемся съ реформы Тесея. Несчастная случайность лишаетъ насъ, такимъ образомъ, возможности сопоставить въ этомъ случаѣ Политію съ мѣстами Политики, посвященными паденію царской власти. Одно предположеніе во всякомъ случаѣ можно сдѣлать. Авторъ трактата ставитъ въ тѣсную связь появленіе демоса въ Аѳинахъ и начало упадка монархіи. Это во всякомъ случаѣ вполнѣ отвѣчаетъ своеобразному и почему-то мало замѣченному взгляду Аристотеля, по которому главное назначеніе царя—оборонять родовитыхъ людей отъ массы, какъ главное назначеніе тиранна—оборонять массу отъ родовитыхъ 9). Съ этой точки зрѣнія предполагаемья мѣры Тесея въ пользу демоса сами по себѣ подрывали авторитетъ царей.

Что значеніе легендарной реформы Тесея предполагалось болѣе косвенное, видно притомъ изъ характеристики законодательства Солона: послѣднее прямо названо началомъ демократіи 10), а самъ Солонъ первымъ предводителемъ демоса (πρωτάτης τοῦ δήμου) 11). Извѣстно, что и Политика Аристотеля съ этой эпохи считаетъ народное правленіе. Вообще согласіе между обоими сочиненіями въ данномъ случаѣ настолько полное, насколько могутъ быть согласны разборъ спеціальныхъ условій законодательства и ссылки на его значеніе въ общемъ разсужденіи. Политика предполагаетъ хорошее знакомство автора и читателей съ элегіями и пользованіе ими для историческихъ цѣлей: Политія примѣняетъ этотъ способъ изученія на цѣломъ рядѣ

8) 'Α. π. 41. πρώτη μὲν γὰρ ἐγένετο κατὰστασις τῶν ἐξ ἀρχῆς, Ἴωνος καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ συνοικισάντων. τότε γὰρ πρῶτον εἰς τὰς τέτταρας συνενεμήθησαν φυλαὶ, καὶ τοὺς φυλοβασίλειας κατέστησαν.

9) Pol. V, 10, p. 1310^a. ἡ μὲν γὰρ βασιλεία πρὸς βοήθειαν τὴν ἀπὸ τοῦ δήμου τοῖς ἐπιεικέσι γέγονεν, καὶ καθίσταται βασιλεὺς ἐκ τῶν ἐπιεικῶν... ὁ δὲ τύραννος ἐκ τοῦ δήμου καὶ τοῦ πλῆθους ἐπὶ τοὺς γνωρίμους, ὅπως ὁ βῆμος ἀδίκτηται μὴδὲν ἑκ' αὐτῶν.—...καὶ ἕτεροι (sc. τύραννοι κατέστησαν) τὸν αὐτὸν τρόπον ἐκ δημαγωγίας.—Βούλεται δ' ὁ βασιλεὺς εἶναι φύλαξ, ὅπως οἱ μὲν κεκτημένοι τὰς οὐσίας μὴδὲν ἀδίκουν· παύσαν, ὁ δὲ δῆμος μὴ ὑβρίζεται μὴδὲν.

10) 'Α. π. 41. τρίτη δ' ἡ μετὰ τὴν στάσιν ἡ ἐπὶ Σόλωνος (sc. κατὰστασις) ἀρχὴ δημοκρατίας ἐγένετο.

11) 'Α. π. 2, 28.

стихотворныхъ выдержекъ 13). Въ личномъ положеніи реформатора отмѣчается одна и та же главная черта—его происхождение изъ средняго класса 18), которое обусловливало самый характеръ созданнаго имъ устройства—соглашеніе, компромиссъ между крайностями 14). Опредѣляющій мотивъ реформы указанъ тотъ же: необходимо было прекратить рабство демоса 15). Политія энергично настаиваетъ на томъ, что экономическое порабощеніе массы было главной причиною ея недовольства 16), а конечное паденіе олигархіи объясняетъ жадностью 17). Въ Политикѣ Аристотель прямо заявляетъ, что народъ обыкновенно способенъ перенести неудобство и олигархическаго, и тираническаго порядковъ, если только ему не мѣшаютъ добывать хлѣбъ работою 18); главная бѣда для олигархій какъ разъ изъ не-насытная жадность 19). Наконецъ—и это наиболѣе важно—значеніе реформы для демоса опредѣляется совершенно одинаково, и притомъ въ той же самой политической формѣ. Солонъ передалъ народу судебную власть и, благодаря этой позиціи, народъ мало-по-малу овладѣлъ и всѣмъ остальнымъ; это несомнѣнно, но совершенно неправы тѣ, кто видятъ въ этомъ сознательную цѣль законодателя—такъ случилось силою вещей, а самъ законодатель имѣлъ въ виду дать народу не господство, а строго необходимое 20). Такова связь идей,

13) 'А. п. 5, 12.

14) Arist. Pol. IV, 11, p. 1296a. σημείον δὲ δεῖ νομίζειν καὶ τὸ τοὺς βελτίστους νομοθέτας εἶναι τῶν μέσων πολιτῶν. Σόλων τε γὰρ ἦν τούτων (δηλοῖ δ' ἐκ τῆς ποιήσεως). — 'А. п. 5. τῆς οὐσίας καὶ τοῖς πράγμασι τῶν μέσων.

15) Pol. II, 12, p. 1273a. μίξαντα καλῶς τὴν πολιτείαν. εἶναι γὰρ τὴν μὲν ἐν 'Αρείφ πατρὶς βουλὴν ὀλιγαρχικόν, τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἰρετὰς ἀριστοκρατικόν, τὰ δὲ δικαστήρια δημοτικόν.—См. также на 12-ю главу второй книги несмотря на высказанныя относительно ея подлинности сомнѣнія. Мнѣ кажется, что въ существенныхъ частяхъ она принадлежитъ Аристотелю въ той же степени, какъ и другія главы Политики.

16) Pol. II, 12, p. 1273a. Σόλων... δουλεύοντα τὸν δῆμον παῦσαι, καὶ δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατριον. Ср. начало Солоновои элегии въ 'А. п., 12:

ἐγὼ δὲ τῶν μὲν οὐνεκα ξυνήγαγον

δῆμον, τί τούτων πρὶν τυχεῖν ἐπαυσάμην;

'А. п. 5. καὶ τῶν πολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις.

17) 'А. п. 2. χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δουλεύειν· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοῖς ἄλλοις ἐδυσχέραινον.

18) 'А. п. 5. παραινῶν τοῖς πλουσίοις μὴ πλεονεκτεῖν.

19) Pol. VI, 4, p. 1318a. οἱ γὰρ πολλοὶ μάλλον ὀρέγονται τοῦ κέρδους ἢ τῆς τιμῆς. σημείον δὲ· καὶ γὰρ τὰς ἀρχαίας τυραννίδας ὑπέμενον καὶ τὰς ὀλιγαρχίας ὑπομένουσιν, ἐάν τις αὐτοὺς ἐργάζεσθαι μὴ κωλύῃ μηδ' ἀφαιρῇται μηδέν.

20) Pol. V, 2, p. 1302a. οἱ μὲν γὰρ ἰσότητος ἐπιέμενοι στασιάζουσιν, ἂν νομίσωσιν ἄλλων ἔχειν ὄντες ἴσοι τοῖς πλεονεκτοῦσιν.

21) Pol. II, 12, p. 1274a. εἰσὶν δὲ Σόλων... τὸν... δῆμον καταστήσαι, τὰ δικαστήρια ποιῆσαι ἐκ πάντων, διὸ καὶ μέφονται τινες αὐτῷ. λύσαι γὰρ θάταρον, κύριον

которая одинаково вытекает изъ разсказа Политія и разсуждений Политики. Это совпаденіе, конечно, очень знаменательно и, въ противоположность ему, не приходится ссылаться на якобы существующія разнорѣчія относительно избранія на должность. Политія сообщаетъ о жеребьевкѣ между 40 *выбранными* кандидатами на 9 архонтскихъ мѣстъ ²¹⁾: и Кеніонъ, и другіе основательно замѣтили, что этотъ способъ назначенія скорѣе подходитъ къ понятію избранія, чѣмъ къ понятію замѣщенія по жребію, и потому нѣтъ противорѣчій между этими свѣдѣніями и *αῖρεσις*, о которой говоритъ Политика ²²⁾. Надо только прибавить, что Аристотель считалъ порядокъ избранія не учрежденнымъ Солономъ, а существовавшимъ до него ²³⁾, такъ что *αῖρεσις* приписывается ему, не какъ нововводителю, а для обозначенія распредѣленія вліянія между общественными силами—на долю народа достаются право избирать и судебныя взысканія съ провинившихся.

Въ виду того, что Политія подробнѣе Политики останавливается на этомъ важномъ моментѣ въ исторіи Аѳинъ, можно ожидать, что многія стороны реформы получатъ новое освѣщеніе. И ожиданіе это вполне оправдывается. Интереснымъ дополненіемъ къ бѣглою характеристикѣ философскаго сочиненія являются замѣчанія о мѣрахъ, которыя не касались прямо устройства государственныхъ учреждений, но косвенно повліяли на возвышеніе демократіи. Это, во-первыхъ, запрещеніе долговой кабалы ²⁴⁾; во-вторыхъ, разрѣшеніе каждому гражданину заступаться за несправедливо утѣсняемыхъ и обвинять притѣснителей предъ судомъ ²⁵⁾: прежде слабымъ людямъ приходилось дѣйствовать собственными силами, а теперь открывалась возможность

ποίησαντα τὸ δικαστήριον πάντων, κληρωτὸν ὄν. ἐπεὶ γὰρ τοῦτ' ἴσχυεν, ὥσπερ τυράννῳ τῷ δήμῳ χαρίζομενοι τὴν πολιτείαν εἰς τὴν νῦν δημοκρατίαν κατέστησαν... φαίνεται δ' οὐ κατὰ τὴν Σόλωνος γενέσθαι τοῦτο προαίρεσιν, ἀλλὰ μᾶλλον ἀπὸ συμπτώματος.—'Α. π. 9. ὃ μάλιστα φασὶν ἰσχυεῖναι τὸ πλῆθος, ἢ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις· κύριος γὰρ ὢν ὁ δήμος τῆς ψήφου, κύριος γίνεταί τῆς πολιτείας. 35: τῶν Σόλωνος θεσμῶν ὅσαι διαμφισβητήσεις εἶχον, καὶ τὸ κύρος δ' ἦν ἐν τοῖς δικασταῖς κατέλυται. 25, § 2. 27, § 3. См. объ этомъ специальное изслѣдованіе Ф. Дюмлера, въ *Hermes*, 1892, II. Вообще же о Солонѣ въ Политіи см. интересную работу Б. Кейля.

²¹⁾ 'Α. π. 8. τὰς δ' ἀρχὰς ἐποίησε κληρωτὰς ἐκ προκρίτων, οὓς ἐκάστη προκρίνει τῶν φυλῶν. προύκρινεν δ' εἰς τοὺς ἐνέντα ἄρχοντας ἐκάστη δέκα, καὶ ἐκ τούτων ἐκλήρουν.

²²⁾ Pol. II, 12, p. 1273^a: τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἰρετὰς ἀριστοκρατικόν. Нεοὐκ ἔστιν ἀνάγκη сопоставить Pol. IV, 9, p. 1294^a: δοκεῖ δημοκρατικόν μὲν εἶναι τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχὰς, τὸ δ' αἰρετὰς ὀλιγαρχικόν.

²³⁾ Pol. II, 12, p. 1273^a. εἰκομέναι δὲ Σόλων ἐκεῖνα μὲν ὑπάρχοντα πρότερον οὐ καταλύσαι, τὴν τε βουλὴν καὶ τὴν τῶν ἀρχῶν αἶρεσιν.

²⁴⁾ 'Α. π. 6, § 1.

²⁵⁾ 'Α. π. 9, § 1. Ср. 4, § 4.

заступничества со стороны могущественных покровителей демоса-кандидатовъ на тиранію. Наконецъ, историческій разсказъ о Солонѣ естественно касается сисахтіи.

Въ двухъ-трехъ пунктахъ лондонскій папирусъ даетъ возможность истолковать и разбить мимоходные намеки Политики, на которые именно вслѣдствіе ихъ краткости и неясности не было до сихъ поръ обращено должнаго вниманія. Политика опредѣляетъ, напр., эсимнетію двумя словами—выборная тираннія 26). Кратко и неособенно вразумительно. Въ сопоставленіи съ исторіей Солона опредѣленіе получаетъ смыслъ и оправданіе. Положеніе Солона, его санъ (τιμή) 27) были таковы, что ему оставалось только по желанію закрѣпить за собою тираннію. Онъ уже держалъ верховную власть въ своихъ рукахъ, уже стоялъ съ диктаторскими полномочіями выше законовъ и партій, и стоило ему только подыскать опору въ томъ или другомъ изъ пришедшихъ въ столкновеніе интересовъ, чтобы сдѣлать свою личную власть постояннымъ учрежденіемъ. Благородство души указало ему путь, на которомъ онъ спасъ отечество и заслужилъ ненависть враждовавшихъ партій 28). Это непоколебимое служеніе справедливости, „которая лежитъ въ серединѣ“, снискало ему сочувствіе автора Политики, и сочувствіе это высказывается съ необычною горячностью. Авторъ нашего трактата негодующимъ тономъ защищаетъ Солона отъ мелочныхъ и злонамѣренныхъ обвиненій, которыя преслѣдуютъ его и послѣ смерти 29), и нетрудно догадаться, что эти обвиненія идутъ именно отъ представителя одного изъ крайнихъ направленій, отъ беззаконнаго Бритія, который погубилъ Θерамена, а еще раньше опорочилъ Солона за то, что онъ передалъ народу великую силу судебной власти и какъ бы нарочно подалъ поводъ къ судебной борьбѣ неясностями своихъ постановленій 30). Изъ всѣхъ героевъ Аѳинской

²⁶⁾ Pol. III, 14, p. 1285². τρίτη δ' ἦν αἰσυνητεία πρὸς ἀγορεύουσιν (αὕτη δ' ἐστὶν αἰρετὴ τυραννίς).

²⁷⁾ 'A. π. 12. εἰ γὰρ τις ἄλλος, φησί, ταύτης τῆς τιμῆς ἔτυχεν.

²⁸⁾ 'A. π. 11. ἐξὸν αὐτῷ μεθ' ὁποτέρων ἡβούλετο συστάσει τυραννεῖν εἴλετο πρὸς ἀμφοτέρους ἀπεχθῆσθαι σώσας τὴν πατρίδα καὶ τὰ βέλτεστα νομοθετήσας. Ср. 6, §§ 3, 4.

²⁹⁾ 'A. π. 6. οὐ γὰρ εἰκόσ ἐν μὲν τοῖς ἄλλοις οὕτω μέτριον γενέσθαι καὶ κοινόν, ὥστ' ἐξὸν αὐτῷ τοὺς ἑτέρους ὑποποιησάμενον τυραννεῖν τῆς πόλεως, ἀμφοτέροις ἀπεχθῆσθαι, καὶ περὶ πλείονος ποιήσασθαι τὸ καλὸν καὶ τὴν τῆς πόλεως σωτηρίαν ἢ τὴν αὐτοῦ πλεονεξίαν, ἐν οὕτω δὲ μικροῖς καὶ ἀναξίοις καταρρυπαίνειν ἑαυτόν.—ταύτην μὲν οὖν χρὴ νομίζειν ψευδῆ τὴν αἰτίαν εἶναι.

³⁰⁾ 'A. π. 35. τῶν Σόλωνος θεσμῶν ὅσοι διαφισβητήσεις εἶχον, καὶ τὸ κύρος ὃ ἦν ἐν τοῖς δικασταῖς κατέλυσαν.—Ср. 9. ὃ μάλιστα φασιν ἰσχυρόναι τὸ πλῆθος, ἢ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφασκεν· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίνεται τῆς πολιτείας. См. Dümmler, Die 'Aθηναίων πολιτεία des Kritias, вт Hermes, 1892. В. 27, Н. 2, стр. 267 ss.

исторіи Солонъ въ древности и Ѳераменъ въ позднюю эпоху наиболѣе заслуживаютъ вниманія и одобренія. И Солонъ выходитъ крупнѣе Ѳерамена, насколько совершившій великое дѣло законодатель крупнѣе партійнаго вождя, который принужденъ переходить отъ одной партіи къ другой, потому что то одна, то другая впадаетъ въ беззаконіе 31).

Отголоски тѣхъ же симпатій и антипатій слышатся въ Политикѣ. Аристотель, какъ мы уже видѣли, высказался противъ коварныхъ обвиненій Критія 32). Нужно ли напоминать, что πολιτεία, въ тѣсномъ смыслѣ слова республика, благоразумно избѣгающая господства богатыхъ и господства черни, основанная на преобладаніи среднихъ классовъ, является для него наиболѣе желательной, хотя и наиболѣе рѣдкой формой государственнаго устройства. Онъ ее считаетъ не только фактически возможной, но и фактически существовавшей. Правда, „одинъ только законодатель и пришелъ къ убѣжденію, что государству слѣдуетъ дать именно такой строй“ 33). Сличкомъ ли смѣло будетъ подставить теперь имя, которое разумѣлъ Аристотель?

И оказывается, что идеализація Солонова строя имѣла непосредственное вліяніе на дѣла; въ борьбѣ партій конца V вѣка вновь и вновь возникалъ вопросъ о примѣненіи „отечественной старины“ къ измѣнившимся условіямъ. Во время устройства олигархіи 411 года Клитофонъ потребовалъ историческихъ справокъ на этотъ счетъ 34); въ договорѣ 404 года со Спартой значилось восстановленіе такъ называемой πάτριος πολιτεία 35); такъ называемые тридцать тиранновъ каждый на свой ладъ проводили эту πάτριος πολιτεία 36). Положимъ, мнѣнія о ней существенно раздѣлились — Клитофонъ искалъ ее въ законодательствѣ Клеисеена 37), Писандръ и Антифонъ — въ подлин-

31) 'Α. π. 28. δοκεῖ (sc. Ἰθραμένης) τοῖς μὴ παρέργως ἀποφαινομένοις, οὐχ ὥσπερ αὐτὸν διαβάλλουσι πάσας τὰς πολιτείας καταλύειν, ἀλλὰ πάσας προάγειν ὥς μὴδὲν παρανομοῖεν, ὥς δυνάμενος πολιτεύεσθαι κατὰ πάσας, ὅπερ ἐστὶν ἀγαθὸν πολίτου ἔργον, παρανομώσας δὲ οὐ συγχωρῶν, ἀλλ' ἀπεχθανόμενος.

32) Pol. II, 12, p. 1274a.

33) Pol. IV, 11, p. 1298a. εἰς γὰρ ἀνὴρ συνεκρίσθη μόνος τῶν πρότερον ἐφ' ἧγεμονία γενομένων ταύτην ἀποδοῦναι τὴν τάξιν (sc. τὴν μέσσην πολιτείαν).

34) 'Α. π. 29. Κλειτοφῶν δὲ τὰ μὲν ἄλλα... εἶπεν, προσαναζητῆσαι δὲ τοὺς αἰρεθέντας ἔγραψεν καὶ τοὺς πατρίους νόμους, οὓς Κλεισθένης ἐθήκεν, ...ὥς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν οὔσαν τὴν Κλεισθένου πολιτείαν τῇ Σόλωνος.

35) 'Α. π. 34. τῆς εἰρήνης γενομένης αὐτοῖς, ἐφ' ᾧ τε πολιτεύονται τὴν πάτριον πολιτείαν.

36) 'Α. π. 34. τῶν δὲ γνωρίμων οἱ μὲν ἐν ταῖς ἐταρείαις ὄντες, καὶ τῶν φογάδων οἱ μετὰ τὴν εἰρήνην καταλθόντες, ὀλιγαρχίας ἐπεθόμουν. Ср. прим. 34.

37) См. прим. 34.

номъ или подложномъ законодательствѣ Дракона 38), Критій также въ до-Солоновскихъ порядкахъ. Но авторъ трактата во всякомъ случаѣ не оставляетъ насъ въ сомнѣніи о томъ, какое мнѣніе онъ считалъ правильнымъ. Взглядъ Клитофона былъ недалекъ отъ истины, потому что Клисееново устройство близко подходило къ Солонову 39). А затѣмъ, въ 403-мъ году, правда была на сторонѣ Ѳерамена 40), который, какъ мы видѣли, поставленъ въ соотвѣтствіе Солону въ позднѣйшей исторіи и противопоставленъ врагу Солоновыхъ законовъ, Критію. Короче, но еще опредѣленнѣе высказано то же самое въ Политикѣ: два раза названъ основателемъ первой, старинной, отечественной демократіи именно Соломъ 41). Кстати упомяну уже о другомъ соотвѣтствіи. Ѳераменъ упрекалъ Критіа въ Политіи за то, что онъ устроилъ власть, негодную по двумъ причинамъ—насилъственную и уступающую въ достоинствѣ подначальнымъ 42). Невольно вспоминаются мысли Аристотеля по поводу нравственного оправданія и назначенія всякой власти—руководить слабѣйшими и менѣе достойными 43).

Первая, древняя, отечественная демократія заслужила восторженное одобреніе автора Политіи. Она явилась необходимой реакціей противъ своекорыстной политики олигарховъ, она можетъ считаться лучшимъ законодательнымъ устройствомъ государства; народу въ ней уступлено ровно столько права, сколько необходимо 44). Аристотель Политики также ставитъ ее въ примѣръ позднѣйшимъ демократическимъ формамъ и видимо приближаетъ къ идеальной Политіи средняго класса 45). Въ чемъ же ея главная особенность, которая скрывается за всѣми подробностями правительственного строя? Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію и дается въ разныхъ выраженіяхъ въ Политикѣ. Правленіе должно оставаться въ рукахъ состоятельныхъ людей, способныхъ безвозмездно служить государству: народъ же пусть избираетъ ихъ и привлекаетъ къ отчету 46).

³⁸⁾ Ср. 'А. п. с. 29, § 4 и с. 4. См. Busolt, Th. Reinach.

³⁹⁾ См. прим. 33.

⁴⁰⁾ 'А. п. 34. οἱ δὲ ἐν ἐταίρειᾳ μὲν οὐδεμῶς συγκαθεστῶτες... τὴν πατριὸν πολιτείαν ἐζήτουν· ὧν ἦν μὲν καὶ 'Αρχίνος καὶ 'Ανυτός καὶ Κλειτοφῶν καὶ Φορμίσσιος καὶ ἕτεροι πολλοί, προεστῆκει δὲ μάλιστα Ἰθραμένης.

⁴¹⁾ Pol. II, 12, p. 1273^a. δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατριὸν.

⁴²⁾ 'А. п. 36. ὅτι δύο τὰ ἐναντιώτατα ποιοῦσιν, βίαιόν τε τὴν ἀρχὴν καὶ τῶν ἀρχομένων ἥτις κατασκαυάζοντες.

⁴³⁾ Pol. I, 5, p. 1254^a.

⁴⁴⁾ 'А. п. 12, passim.

⁴⁵⁾ См. прим. 32.

⁴⁶⁾ Pol. VI, 4, p. 1318^a. ἔτι δὲ τὸ κυρίου εἶναι τοῦ εἰσέσθαι καὶ εὐθύνειν ἀναγκαῖον τὴν ἐνδεῖαν, εἰ τι φιλοτιμίας ἔχουσιν. Ср. II, 12, p. 1274^a. Σόλων γε εἶπε τὴν

Результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ или прямымъ ограниченіемъ правъ участія въ политической жизни, или влияніемъ косвенныхъ условій. Прямое ограниченіе выражается обыкновенно въ формѣ ценза 47); помимо политической важности послѣдняго, Аристотель придаетъ ему капитальное историческое значеніе. Въ движеніи отъ олигархіи къ демократіи почти необходимою переходной ступенью является господство достаточныхъ среднихъ классовъ. Особенно рѣзкимъ внѣшнимъ признакомъ при этомъ служить допущеніе къ должностямъ такъ называемыхъ гоппитовъ 48), — гражданъ, являющихся на войну въ собственномъ тяжеломъ вооруженіи. Примѣняя современную терминологию, изъ общей массы гражданства выдѣляется болѣе тѣсный кругъ активныхъ гражданъ 49); активность сводится въ данномъ случаѣ на допущеніе къ должностямъ, а въ народное собраніе попадаютъ и граждане низшаго класса 50). Въ афинской исторіи матеріалъ для наблюденія надъ этой переходной формой даютъ какъ тимократическіе классы Солона, такъ и господство гоппитовъ 4-й главы 51). Любопытно, что хотя эта форма связана съ условіями жизни древнѣйшей демократіи, но Аристотель считаетъ возможнымъ рекомендовать ее и позднѣйшимъ законодателямъ, которые задаются цѣлью исправлять погрѣшности демократической системы 52). Да и въ самомъ дѣлѣ, такое „врачебное“ законодательство 53) должно

ἀναγκαιοτάτην ἀποδιδόναι τῷ δήμῳ δύναμιν, τὸ τὰς ἀρχὰς αἰρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν· μηδὲ γὰρ τοῦτου κύριος ὢν ὁ δῆμος δοῦλος ἂν εἴη καὶ πολέμιος.

47) Pol. VI, 4, p. 1318^a. Διὸ δὴ καὶ συμφέρον ἐστὶ τῇ πρότερον ῥηθείᾳ δημοκρατία καὶ ὑπάρχειν εἶωθεν, αἰρεῖσθαι μὲν τὰς ἀρχὰς καὶ εὐθύνειν καὶ δικάζειν πάντας, ἀρχειν δὲ τὰς μεγίστας αἰρετοὺς καὶ ἀπὸ τιμημάτων, τὰς μείζους ἀπὸ μειζόνων, ἧ καὶ ἀπὸ τιμημάτων μὲν μηδεμίαν, ἀλλὰ τοὺς δυναμένους.

48) Pol. IV, 13, p. 1297^a. καὶ ἡ πρώτη δὲ πολιτεία ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἐγένετο μετὰ τὰς βασιλείας ἐκ τῶν πολεμούντων, ἡ μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐκ τῶν ἱππέων... αὐξανομένων δὲ τῶν πόλεων καὶ τῶν ἐν τοῖς ὅπλοις ἰσχυσάντων μάλλον πλείους μετεῖχον τῆς πολιτείας. Ср. Pol. II, p. 1265^a. ἡ δὲ σύνταξις ὅλη βούλεται μὲν εἶναι μήτε δημοκρατία, μήτε ὀλιγαρχία, μέση δὲ τούτων, ἣν καλοῦσι πολιτείαν. ἐκ γὰρ τῶν ὀλιτευόντων ἐστὶν.

49) Pol. VI, 7, p. 1321^a. τὸ γὰρ ὀλιτικόν τῶν εὐπόρων ἐστὶ μάλλον ἢ τῶν ἀπόρων.

50) См. прим. 46.

51) 'Α. π. 4. ἀπεδόδοτο... ἡ πολιτεία τοῖς ὅπλα παρεχομένοις.

52) 'Α. π. 33. τὰ πράγματα παρέδωκαν τοῖς πεντασιχλίους τοῖς ἐκ τῶν ὀπλων... δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τούτους τοὺς καιροὺς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὀπλων τῆς πολιτείας οὕσης.

53) 'Η. Νικ., VIII, 10, p. 1181^a. οὐ γὰρ φαίνονται οὐδ' ἱατρικοὶ ἐκ τῶν συγγραμμάτων γίνεσθαι. καίτοι παρῶνται γε λέγειν οὐ μόνον τὰ θεραπεύματα, ἀλλὰ καὶ ὡς ἰαθεῖεν ἂν καὶ ὡς δεῖ θεραπεύειν ἐκάστους, διελόμενοι τὰς ἕξεις. — ἴσως οὖν καὶ τῶν νόμων καὶ τῶν πολιτειῶν αἱ συναγωγαὶ τοῖς μὲν δυναμένοις θεωρῆσαι καὶ χρῆναι τί καλῶς ἢ τούναντίον καὶ ποῖα ποίοις ἀρμόττει, εὐχρησ' ἂν εἴη. τοῖς δ' ἄνευ ἕξεως τὰ τοιαῦτα διεξιοῦσι τὸ μὲν κρίνειν καλῶς οὐκ ἂν ὑπάρχει.

было обращаться къ средствамъ искусственнымъ и внѣшнимъ; а среди этихъ средствъ нельзя было найти болѣе годнаго, нежели деньги.

Кромѣ того Аристотель съ удареніемъ указываетъ на условія, которыя обуздываютъ массу помимо всякихъ формальныхъ стѣсненій. Пусть народъ имѣетъ въ своихъ рукахъ верховенство, только бы онъ не впалъ въ искушеніе пользоваться имъ непосредственно и самолично ⁵⁴). Извѣстной сдержкой можетъ служить, напримѣръ, сила областныхъ различій; пока масса избираетъ на должности по филамъ, а не въ общемъ собраніи, она не чувствуетъ своей силы и не расположена злоупотреблять ею ⁵⁵). Такъ разсуждаетъ Политика, а Политія, слѣдуя тому-же строю мыслей, отмѣчаетъ важный фактъ перехода отъ избранія стратеговъ филами къ избранію ихъ всѣмъ народомъ ⁵⁶).

Еще несравненно важнѣе другое обстоятельство. Въ извѣстномъ смыслѣ направленіе политической жизни зависитъ отъ социальныхъ условій. Въ одномъ и томъ-же государствѣ, при совершенно одинаковомъ юридическомъ распредѣленіи верховенства, народъ можетъ оказаться и благоразумнымъ участникомъ въ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ политической жизни, и безпокойнымъ тиранномъ, который все искажаетъ на практикѣ своимъ несвоевременнымъ вмѣшательствомъ. Въ первомъ случаѣ хладнокровіе и благоразуміе обусловятся тѣмъ, что большинство будетъ занато земледѣльческимъ трудомъ вдали отъ города, отъ вѣча, отъ судовъ. При этихъ условіяхъ гражданинъ два раза подумаетъ, прежде чѣмъ оставить свой участокъ и тратить время на политику; безъ всякаго принужденія онъ предоставитъ высокую и дорого стоящую политическую игру достаточнымъ и властолюбивымъ горожанамъ ⁵⁷). Но пусть только измѣнятся социаль-

⁵⁴) 'А. п. 27, § 1.

⁵⁵) Pol. V, 5, p. 1305a. μεταβάλλουσι δὲ καὶ ἐκ τῆς πατρίας δημοκρατίας εἰς τὴν νεωτάτην. ὅπου γὰρ αἰρεταὶ μὲν αἱ ἀρχαί, μὴ ἀπὸ τιμημάτων δέ, αἰρεῖται δὲ ὁ δῆμος, δημοματοῦντες οἱ σπουδαρχῶντες εἰς τοῦτο καθιστάσιν ὡς κύριον εἶναι τὸν δῆμον καὶ τῶν νόμων. Ἄχος δὲ τοῦ ἢ μὴ γίνεσθαι ἢ τοῦ γίνεσθαι ἤττον τὸ τὰς φυλὰς φέρειν τοὺς ἄρχοντας, ἀλλὰ μὴ πάντα τὸν δῆμον.

⁵⁶) 'А. п. 61. στρατηγούς δέκα, πρότερον μὲν ἀφ' ἐκάστης τῆς φυλῆς ἓνα, νῦν δ' ἑξ ἀπάντων.

⁵⁷) Pol. VI, 4, p. 1318a. βέλτιστος γὰρ δῆμος ὁ γεωργικός ἐστίν, ὥστε καὶ ποιεῖν ἐνδέχεται δημοκρατίαν, ὅπου ζῇ τὸ πλῆθος ἀπὸ γεωργίας ἢ νομῆς. Διὰ μὲν γὰρ τὸ μὴ πολλὴν οὐσίαν ἔχειν ἀσχολος, ὥστε μὴ πολλάκις ἐκκλησιάζειν· διὰ δὲ τὸ μὴ ἔχειν ἀναγκαῖα πρὸς τοῖς ἔργοις διατρίβουσι καὶ τῶν ἀλλοτρίων οὐχ ἐπιθυμοῦσιν, ἀλλ' ἡδίων τὸ ἐργάζεσθαι τοῦ πολιτεύεσθαι καὶ ἄρχειν, ὅπου ἂν μὴ ᾖ τὰ λήμματα μεγάλα ἀπὸ τῶν ἀρχῶν. Ср. Pol. IV, 6, p. 1292a. Ὅταν μὲν οὖν τὸ γεωργικὸν καὶ τὸ κεκτημένον μετρίαν οὐσίαν κύριον ᾖ τῆς πολιτείας, πολιτεύονται κατὰ νόμους. ἔχουσι γὰρ ἐργαζόμενοι ζῆν, οὐ δύνανται δὲ σχολάζειν, ὥστε τὸν νόμον ἐπιστήσαντες ἐκκλησιάζουσι τὰς ἀναγκασίας ἐκκλησίας.

ныя условія, пусть окажется выгоднымъ переходить въ городъ, забрасывать земледѣліе, искать промышленныхъ и торговыхъ занятій, искать государственной помощи для прокормленія,—и вотъ, безъ всякаго формальнаго измѣненія конституціи, безъ всякаго расширенія правъ, вѣче наполнится безпокойными крикунами, судъ сдѣлается средствомъ прокормленія и вліянія въ государствѣ, политика ускользнетъ изъ рукъ наслѣдственныхъ властолюбцевъ и перейдетъ въ руки заинтересованныхъ льстецовъ демоса 58).

Если такова общая картина, которая рисуется въ философскомъ сочиненіи, то историческій трактатъ даетъ для нея цѣлый рядъ конкретныхъ чертъ. Авторъ всю исторію афинской демократіи разбиваетъ, въ сущности, на два періода: первый—когда ею руководили люди благородные и высокопоставленные, второй—когда она захотѣла непосредственно забрать въ руки управленіе и попала подъ дурное вліяніе демагоговъ 59). Въ первомъ періодѣ однимъ изъ главныхъ ручательствъ за благоразуміе выборовъ и авторитетъ знати былъ земледѣльческій трудъ массы и ея размѣщеніе по селамъ вдали отъ городской площади. Этимъ размѣщеніемъ въ свое время дорожили олигархи, дорожили и тиранны 60); чтобы закрѣпить его, Писистратъ создалъ дешевый кредитъ мелкимъ землевладѣльцамъ 61) и учредилъ своего рода мировыхъ судей, которые разъѣзжали по домамъ и на мѣстѣ рѣшали дѣла мелкаго люда 62). Намъ нѣтъ теперь надобности разбирать, насколько полно и удовлетворительно такое объясненіе;

58) Pol. VI, 4, p. 1319_a. διὰ τὸ περὶ τὴν ἀγορὰν καὶ τὸ ἄστυ κυλίσσθαι πᾶν τὸ τοιοῦτον γένος ὡς εἰπεῖν ῥαδίως ἐκκλησιάζει. οἱ δὲ γεωργοῦντες διὰ το διεσπάρθαι κατὰ τὴν χώραν οὐτ' ἀπαντῶσιν οὐθ' ὁμοίως δέονται τῆς συνόδου ταύτης.—Ср. Pol. IV. 15, p. 1300_a. καταλύεται... σχολάζοντες γὰρ συλλέγονται τε πολλάκις καὶ ἀπαντᾷ αὐτοὶ κρίνουσιν.

59) 'Α. π. 28, § 1. ἕως μὲν οὖν Περικλῆς προεστῆκει τοῦ δήμου, βελτίω τὰ κατὰ τὴν πολιτείαν ἦν, τελευτήσαντος δὲ Περικλέους πολὺ χεῖρω. πρῶτον γὰρ τότε προστάτην ἔλαβεν ὁ δῆμος οὐκ εὐδοκίμοῦντα παρὰ τοῖς ἐπιεικέσιν. ἐν δὲ τοῖς πρότερον χρόνοις αἰεὶ διετέλουν οἱ ἐπιεικεῖς δημαγωγοῦντες. Ср. ibid. § 4. ἀπὸ δὲ Κλεοφῶντος ἤδη διεδέχοντο συνεχῶς τὴν δημαγωγίαν οἱ μάλιστα βουλόμενοι θρασύνεσθαι καὶ χαρίζεσθαι τοῖς πολλοῖς πρὸς τὸ παραυτίκα βλέποντες.

60) Pol. V, 10, p. 1311_a. τὸ ἐκ τοῦ ἄστεος ἀπελαύνειν καὶ διοικίζειν ἀμφοτέρων κοινόν, καὶ τῆς ὀλιγαρχίας καὶ τῆς τυραννίδος.

61) 'Α. π. 16. τοῖς ἀπόροις προεδάνειζε χρήματα πρὸς τὰς ἐργασίας, ὥστε διατρέφεσθαι γεωργοῦντας.

62) 'Α. π. 16. διὸ καὶ τοὺς κατὰ δήμους κατεσκεύασε δικαστάς, καὶ αὐτοὺς ἐξῆλθαι πολλάκις εἰς τὴν χώραν, ἐπισκοπῶν καὶ διαλύων τοὺς διαφερομένους, ὅπως μὴ καταβαίνοντες εἰς τὸ ἄστυ παραμελῶσι τῶν ἀγρῶν. — Любопытно вниманіе, съ которымъ слѣдилъ Аристотель за исторіею областныхъ магистратовъ. См. 21, § 5 (демархи виѣсто навкраровъ при Клисеевѣ) и 26, § 3 (возстановленіе судей по демамъ въ 453/2 году)

слишкомъ вѣроятно, что открытіе крестьянскаго кредита было вызвано и другими соображеніями, хотя бы желаніемъ покончить съ тѣмъ зломъ, которое развѣдало афинское государство при Солонѣ и до него,—съ безысходнымъ задолжаніемъ массы. Возможно также, что учрежденіе судей по демамъ имѣло цѣлю, отчасти, подорвать областную юрисдикцію знатныхъ родовъ. Въ этомъ отношеніи Писистратъ являлся великимъ предшественникомъ Клизеена, подобно тому, какъ своими мѣрами по части кредита онъ былъ великимъ преемникомъ Солона. Для насъ важны въ настоящую минуту не эти соображенія, которыя открываютъ широкую перспективу на зависимость событій древне-афинской исторіи: интересно то, что Аристотель объ мѣры ставитъ въ связь съ желаніемъ тиранна придержать народъ на мѣстахъ, при земледѣльческомъ трудѣ.

Когда тираннія пала, внѣшнія препятствія къ перемѣщенію были устранены. Персидскія войны еще были проведены народомъ-земледѣльцемъ, но по окончаніи ихъ совершился переворотъ. Афинская Политія изображаетъ его съ необыкновенною и, можно сказать, преувеличенною рѣзкостью. Двадцать-четвертая глава посвящена, какъ извѣстно, разсказу о томъ, что Аристидъ въ пространной рѣчи убѣдилъ народъ переселяться изъ деревень въ городъ, такъ какъ въ Афинахъ для всѣхъ найдется достаточное прокормленіе; средства дастъ союзъ и его взносы ⁶³). Необычная для насъ и вызывающая на легкую критику форма личнаго обращенія только подчеркиваетъ принципиальную важность перемѣны въ распредѣленіи населенія и его занятіяхъ. И стоитъ обратить вниманіе еще на одну мелкую черту: даже при совершенно поверхностной характеристикѣ Пелопоннесской войны въ 27-й главѣ,—въ очеркѣ, который едва упоминаетъ о Периклѣ и сикилійской экспедиціи и совершенно опускаетъ Алкивиада,—авторъ все-таки считаетъ долгомъ подмѣтить вліяніе того факта, что населеніе Аттики скучилось въ городѣ. Не ради объясненія чумы говорить онъ объ этомъ, а потому, что ставить это обстоятельство въ неожиданную связь съ захватами демоса въ области управленія ⁶⁴).

Распредѣленіе населенія, какъ мы уже видѣли, неразрывно

⁶³) 'Α. π. 24. μετὰ δὲ ταῦτα θάρρους ἦδη τῆς πόλεως, καὶ χρημάτων πολλῶν ἡφραμένων, συνεβούλευεν (sc. Ἀριστείδης) ἀντιλαμβάνεσθαι τῆς ἡγεμονίας, καὶ καταβάνας ἐκ τῶν ἀγρῶν οἰκεῖν ἐν τῇ ἄστει. τροφὴν γὰρ εἶναι πᾶσι, τοῖς μὲν στρατευομένοις, τοῖς δὲ φροσροῦσι, τοῖς δὲ τὰ κοινὰ πράττουσι, εἴθ' οὕτω κατασχῆσαι τὴν ἡγεμονίαν. πεισθέντες δὲ ταῦτα καὶ λαβόντες τὴν ἀρχήν, τοῖς συμμάχοις δεσποτικωτέρως ἐχρῶντο, κτέ.

⁶⁴) 'Α. π. 27... ὁ πρὸς Πελοποννησίου ἐνάστη πόλεμος, ἐν ᾧ κατακλησθεὶς ὁ δῆμος ἐν τῇ ἄστει καὶ συνεθισθεὶς ἐν ταῖς στρατείαις μεταφορεῖν, τὰ μὲν ἔχων τὰ δὲ ἄκων προηρεῖτο τὴν πολιτείαν διοικεῖν αὐτός.

связано съ вопросомъ о пропитаніи его. Въ этомъ отношеніи, конечно, важны формы народнаго труда, но важно и другое, именно—въ какой степени государство принимаетъ на себя заботу о пропитаніи гражданъ. Въ Политикѣ ясно обрисовывается типъ демократическаго государства, въ которомъ должности и служба являются источникомъ барыша 65). Если 24-я глава Политіи отмѣчаетъ общій поворотъ въ этомъ направленіи 66), то въ слѣдующихъ главахъ Аристотель продолжаетъ внимательно слѣдить за результатами новаго движенія. Въ 27-й обстоятельно разбирается введеніе жалованья судьямъ при Периклѣ 67); въ 28-й съ особеннымъ порицаніемъ упоминается о Клефонѣ и Калликратѣ по поводу введенныхъ ими раздачъ 68); въ 29-й отмѣчена попытка олигарховъ вернуться къ правильной постановкѣ дѣла, къ управленію людей способныхъ служить отечеству на свои собственные средства 69); въ 33-й восхваляется кратковременное господство 5000, также отмѣнившее вознагражденія за должности и службу и выдвинувшее классъ гопплатовъ 70).

Въ нѣсколько иномъ оборотѣ мы встрѣчаемся съ тѣми-же основными мыслями, при оцѣнкѣ вліянія моря въ исторіи. Переходъ въ горѣдъ былъ до нѣкоторой степени переходомъ къ морю. Если при

65) Pol. IV, 6, p. 1293^a. διὰ γὰρ τὸ μείζους γεγονέναι πολὺ τὰς πόλεις τῶν ἐξ ὑπαρχῆς καὶ προσόδων ὑπάρχειν εὐπορίας, μετέχουσι μὲν πάντες τῆς πολιτείας διὰ τὴν ὑπεροχὴν τοῦ πλήθους, κοινωνοῦσι δὲ καὶ πολιτεύονται διὰ τὸ δύνασθαι σχολάζειν καὶ τοὺς ἀπόρους λαμβάνοντας μισθόν.—διὸ γίνεται τὸ τῶν ἀπόρων πλήθος κύριον τῆς πολιτείας, ἀλλ' οὐχ οἱ νόμοι.—IV, 15, p. 1299^a, 1300^a. καταλύεται δὲ καὶ τῆς βουλῆς ἡ δύναμις ἐν ταῖς τοιαύταις δημοκρατίαις ἐν αἷς αὐτὸς συνίων ὁ δῆμος χρηματίζει περὶ πάντων. τοῦτο δὲ συμβαίνειν εἰσθεν, ὅταν εὐπορία τις ἢ ἡ μισθὸς τοῖς ἐκκλησιαζούσιν. σχολάζοντες γὰρ συλλέγονται τε πολλάκις καὶ ἅπαντα αὐτοὶ κρίνουσιν.—V, 8, p. 1308^a. μέγιστον δὲ ἐν πάσῃ πολιτείᾳ τὸ καὶ τοῖς νόμοις καὶ τῇ ἄλλῃ οἰκονομίᾳ οὕτω τετάχθαι ὥστε μὴ εἶναι: τὰς ἀρχὰς κερδαίνειν.—Ср. V, 8, p. 1309^a; VI, 2, p. 1317^a.

66) 'A. п. 24. συνεβούλευεν... καταβάντας ἐκ τῶν ἀγρῶν οἰκεῖν ἐν τῷ ἄσπαι. τροφὴν γὰρ εἶσεσθαι πᾶσι.—κατέστησαν δὲ καὶ τοῖς πολλοῖς εὐπορίαν τροφῆς.—25: ἡ μὲν οὖν τροφή τῷ δήμῳ διὰ τούτων ἐτίγνето.—Ср. 26, § 1.

67) 'A. п. 27. ἐποίησε δὲ καὶ μισθοφόρα τὰ δικαστήρια Περικλῆς πρῶτος.

68) 'A. п. 28. Клеφῶν... ὅς καὶ τὴν διωβελίαν ἐπόρισε πρῶτος. καὶ χρόνον μὲν τινα διεδίδου, μετὰ δὲ ταῦτα κατέλυσε Καλλικράτης Παιανιεύς, πρῶτος ὑποσχόμενος ἐπιθῆσθαι πρὸς τοῖν δυοῖν ὀβολοῖν ἄλλον ὀβολόν. τούτων μὲν οὖν ἀμφοτέρων θάνατον κατέργησαν ὕστερον. εἰσθεν γὰρ κἄν ἐξαπατηθῇ τὸ πλήθος, ὕστερον μισεῖν τοὺς τι προαγαγόντας ποιεῖν αὐτοὺς τῶν μὴ καλῶς ἐχόντων.

69) 'A. п. 29. τὰς... ἀρχὰς ἀμίσθους ἄρχειν ἀπάσας.—τὴν ἄλλην πολιτείαν ἐπιτρέψαι πᾶσαν Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητούργεῖν.

70) 'A. п. 33. τὰ πράγματα παρέδωκαν τοῖς πεντακισχιλίοις τοῖς ἐκ τῶν ὀπλων, ψηφισάμενοι μηδεμίαν ἀρχὴν εἶναι μισθοφόρον.—δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τούτους τοὺς καιροὺς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὀπλων τῆς πολιτείας οὕσης. Ср. Thuc. VIII, 97.

этомъ имѣла значеніе политика раздачи жалованья, которая сдѣлалась возможною вслѣдствіе созданія аѳинскаго союза и быстрого роста государственныхъ средствъ, то, конечно, не безъ вліянія остались и успѣхи мореходства и торговли. Они давали заработокъ не только купцамъ, прикащикамъ, капитанамъ и матросамъ, но также многочисленному населенію портовъ: грузовщикамъ, рабочимъ на верфяхъ, промышленникамъ и ремесленникамъ всякаго рода. Политическая роль этого ναυτικός ὄχλος была рано одѣнена по достоинству аѳинскими мыслителями: противъ нея вооружались лаконисты и Критій, очень обстоятельно рассуждалъ о ней Исократъ 71). Аристотель, какъ кажется, имѣлъ особенно въ виду замѣчанія послѣдняго и не оставилъ безъ вниманія морского господства демоса. Извѣстно, какъ онъ въ Политикѣ объясняетъ успѣхи демократіи изъ побѣдъ Персидской войны 72). Но эта сторона дѣла менѣе его интересовала, чѣмъ устройство жалованія и раздачи въ связи съ переходомъ въ городъ. Трактатъ о государствѣ аѳинскомъ также упоминаетъ только вскользь о господствѣ на морѣ; авторъ спохватился сказать объ этомъ очень поздно, въ связи съ исторіей Перикла 73). О рѣшительномъ вліяніи Персидскихъ войнъ ничего не сказано. Совпаденія въ мелочахъ и ошибкахъ имѣютъ, пожалуй, даже большую методологическую важность, чѣмъ согласіе въ крупномъ и существенномъ. Поэтому не лишено интереса слѣдующее наблюденіе. Въ 5-ой книгѣ Политики Аристотель рассуждаетъ о переворотахъ, которые происходятъ вслѣдствіе случайностей, и между прочимъ указываетъ на уронъ, понесенный гражданскимъ ополченіемъ въ аѳинскихъ войнахъ 5-го вѣка: при общей воинской повинности въ то время, знатные несли трудно вознаграждаемыя потери, и это ослабило ихъ въ политическомъ отношеніи 74). Сопоставимъ это мѣсто съ характеристикой „бѣдственныхъ“ войнъ пятаго вѣка въ Аѳинской Политикѣ. Многихъ изслѣдователей уже поразило странное порицаніе Кимона и аргивихъ

71) См. Newman, Classical Review, 1891, IV, и Dümmler, Hermes. 1892, В. 27, Н. 2, стр. 274.

72) Pol. V, 4, p. 1304a. ὁ ναυτικός ὄχλος γινόμενος αἰτίος τῆς περὶ Σαλαμίνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν.

73) 'Α. π. 27. (Περικλῆς) μάλιστα προύτρεψεν τὴν πόλιν ἐπὶ τὴν ναυτικὴν δύναμιν, εἰς τὴν συνέβη θάρρησαντας τοὺς πολλοὺς (Ср. 24, § 1), πᾶσαν τὴν πολιτείαν μᾶλλον ἀγειν εἰς αὐτοὺς. — Ср. 41: ἐν ᾗ πλείστα συνέβη τὴν πόλιν διὰ τοὺς δημογεγενητοὺς ἀμαρτάνειν διὰ τὴν τῆς θαλάττης ἀρχὴν. Ср. R. III, p. 1412. οἷον τὸ φάνει 'Αθηναίοις τὴν τῆς θαλάττης ἀρχὴν μὴ ἀρχὴν εἶναι τῶν κακῶν.

74) Pol. V, 3, p. 1303b. συμβαίνει δ' ἐνίοτε (ἢ μεταβολή) καὶ διὰ τύχας, οἷον... ἐν 'Αθήναις ἀτυχούτων περὶ οἱ γνώριμοι ἐλάττους ἐγένοντο διὰ τὸ ἐκ καταλόγου στρατεύεσθαι ὑπὸ τὸν Λακωνικὸν πόλεμον.

знатныхъ вождей этого времени 75), и не менѣе странное сообщеніе, будто въ каждомъ походѣ Аѳиняне оставляли по двѣ и по три тысячи человѣкъ. Для насъ дѣло не въ достовѣрности этихъ извѣстій, а въ политическомъ выводѣ изъ нихъ: выходить, что экспедиціи этой эпохи подорвали аристократическую партію, такъ какъ, при всеобщей воинской повинности, члены ея подвергались всѣмъ случайностямъ войны наравнѣ съ простыми народомъ 76).

Эпоха побѣдоносной демократіи описана короче, нежели ея возникновеніе или исторія попытокъ къ ея обузданію; но и въ краткомъ очеркѣ 26-ой, 27-ой и 28-ой главъ найдется не мало чертъ, вызывающихъ на сравненія между Политіей и Политикою. Любопытно, напримѣръ, что въ дѣятельности Перикла подчеркнуты мѣры къ болѣе строгому опредѣленію гражданскаго состава 77). Какъ разъ на такого рода законодательство обращаетъ вниманіе и Политика. Въ ней довольно обстоятельно разъясняется, что демократическіе дѣятели сначала стремятся всѣми мѣрами увеличить число гражданъ, а затѣмъ, когда масса разрослась, начинаютъ прибѣгать къ стѣсненіямъ: они, напримѣръ, изгоняютъ лицъ, отцы которыхъ были чужеземцы, или требуютъ происхожденія отъ чистокровныхъ гражданъ и съ отцовской, и съ материнской стороны 78). Характеристика политическихъ средствъ, пущенныхъ въ ходъ Кимономъ и Перикломъ въ ихъ борьбѣ за власть 79), опять-таки даетъ поводъ къ сближенію между Политикой и Политіей.

Но, что особенно важно, трактатъ о государствѣ аѳинскомъ приходитъ къ извѣстному главному выводу изъ исторіи демократіи въ Аѳинахъ, и этотъ выводъ совершенно ладится съ замѣчаніями Политики: я разумѣю характеристику судебного верховенства, какъ основы политической роли народа. Нѣсколько разъ возвращается къ этой идее наша Политія, особенно энергично въ 9-ой и въ концѣ

75) 'A. п. 26, 27 и 28, passim.

76) 'A. п. 26... ἐφθάρθαι τοὺς πολλοὺς κατὰ πόλεμον. τῆς γὰρ στρατείας γιγνομένης ἐν τοῖς τότε χρόνοις ἐκ καταλόγου, καὶ στρατηγῶν ἐπισταμένων ἀπειρῶν μὲν τοῦ πολεμεῖν, τιμωμένων δὲ διὰ τὰς πατρικὰς δόξας, αἰεὶ συνέβαιεν τῶν ἐξιόντων ἀνὰ διαχίλιους ἢ τρισχίλιους ἀπολλύσθαι. ὥστε ἀναλίσκεσθαι τοὺς ἐπισεικείς καὶ τοῦ θήμου καὶ τῶν εὐπόρων.

77) 'A. п. 26. διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν Περικλέους εἰπόντος ἔγνωσαν, μὴ μετέχειν τῆς πόλεως, ὅς ἂν μὴ ἐξ ἀμφοῖν ἀστοῖν ἢ γεγονώς.—Ср. 13. οἱ τῷ γένει μὴ καθαροί.

78) Pol. III, 5, p. 1278^a. ἐπεὶ δι' ἑνδεῖαν τῶν γνησίων πολιτῶν ποιοῦνται πόλιτας τοὺς τοιοῦτους (sc. τοὺς νόθους), εὐποροῦντες δ' ὄχλου κατὰ μικρὸν παραπροῦνται τοὺς ἐκ δούλου πρῶτον ἢ δούλης, εἴτα τοὺς ἀπὸ γυναικῶν. τέλος δὲ μόνον τοὺς ἐξ ἀμφοῖν ἀστῶν πόλιτας ποιοῦσιν.

79) 'A. п. 27, §§ 3 и 4.

41-ой главы 80). Считается безспорнымъ, что народъ, овладѣвшій судебнымъ голосованіемъ, становится господиномъ въ государствѣ. Очень можетъ быть, что эта сентенція выработана не впервые Аристотелемъ, а заимствована имъ у его политическихъ предшественниковъ. Какъ-бы то ни было, она вполне усвоена трактатомъ, а въ качествѣ руководящей точки зрѣнія та-же мысль не одинъ разъ высказывается и въ Политикѣ 81).

Наудачная попытка Кауэра воспользоваться 41-й главою для указанія двойственности въ трактатѣ Аристотеля 82), имѣла то благоприятное послѣдствіе, что заставила другихъ изслѣдователей повнимательнѣе разобрать мѣсто и раскрыть его аналогію съ характерными мѣстами Политики 83). Мнѣ нѣтъ также надобности послѣ Нимейера 84) возвращаться къ любопытному параллелизму между нашимъ трактатомъ и философскимъ сочиненіемъ по вопросу о признаніи демократіями государственныхъ долговъ и обязательствъ.

Безъ сомнѣнія, въ Политикѣ найдется много замѣчаній, которыми трудно будетъ подыскать полную параллель въ Политикѣ (хотя бы, напримѣръ, намекъ на *πρότης τοῦ δήμου* въ главѣ 16-й § 10), но мнѣ было бы странно только противное. Было бы просто педантизмомъ требовать, чтобы два сочиненія, составленные въ разное время, для разныхъ цѣлей и по разнымъ методамъ, выдѣлились бы въ совершенно тождественныя формы, безъ остатка и безъ различія оттѣнковъ повторяли бы однѣ и тѣже-же мысли и сообщенія. Общее сходство, чтобы не сказать единство, построенія остается поразительнымъ и многозначительнымъ. Въ виду этого общаго сходства нѣкоторыя, отмѣченныя критикою, особенности терминологіи никакъ не могутъ служить основаніемъ для разобщенія этихъ двухъ работъ, а должны быть рассмотрѣны какъ интересные признаки взаимнаго отношенія между ними и послѣдовательности ихъ происхожденія. Англійскіе ученые 85) высказывали недоумѣніе по поводу того, что

⁸⁰⁾ 'Α. π. 9. ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις. κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας.—41. ἀπάντων γὰρ αὐτὸς αὐτὸν πεποίηκεν ὁ δῆμος κύριον, καὶ πάντα διοικεῖται ψηφίσμασιν καὶ δικαστηρίοις, ἐν οἷς ὁ δῆμος ἐστὶν ὁ κρατῶν.

⁸¹⁾ Pol. II, 12, p. 1274^a. Cp. VI, 2, p. 1317^a. τὸ δικάζειν πάντας καὶ ἐκ πάντων καὶ περὶ πάντων ἢ περὶ τῶν πλείστων καὶ τῶν μερίστων καὶ τῶν χωριστάτων, οἷον περὶ εὐθυνῶν καὶ πολιτείας καὶ τῶν ἰδίων συναλλαγμάτων.

⁸²⁾ Causer, Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben?

⁸³⁾ Peter Meyer. Des Aristoteles Politik und die 'Αθ. πολ., стр. 59—62.

⁸⁴⁾ K. Niemeyer, Zu Aristoteles 'Αθ. πολ., въ N. Jahrb. f. Phil. u. Pädag., 1891, H. 6, стр. 413.

⁸⁵⁾ Напр., Herbert Richards въ Classical Review. 1891, Vol. V, № 6, стр. 273^a.

вновь открытый трактат не знает классических выражений Политики, вроде *τὸς τῆς πολιτείας παρέμβασις*, *политεία* въ смыслѣ умѣренной демократіи, и т. п. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ названные термины являются искусственными, выработанными нарочно для удобствъ ученой классификаціи и философской теоріи. Въ краткомъ очеркѣ историческаго развитія Аристотель не имѣлъ ни повода, ни права предполагать знакомство съ этими терминами, или вводить ихъ философское обоснованіе; послѣднее и есть одна изъ задачъ Политики. Въ Политикѣ авторъ говоритъ общедоступнымъ языкомъ и пользуется ходячими выраженіями. Можетъ быть, это обстоятельство служило косвеннымъ указаніемъ на то, что нашъ трактатъ былъ дѣйствительно составленъ раньше философскаго сочиненія, составленъ въ связи съ предварительными работами, доставившими, въ концѣ концовъ, матеріалъ для обобщеній Политики. Но какъ же быть, въ такомъ случаѣ, съ архонтомъ Кефисофономъ ⁸⁶⁾ и съ триерой Аммоніасъ ⁸⁷⁾? Въ статьѣ о развитіи демократіи нѣтъ мѣста для спеціальнаго разрѣшенія этого вопроса, но на возможность удовлетворительнаго рѣшенія мы имѣемъ право указать. Быть можетъ, спеціальная филологическая критика обнаружитъ, что текстъ нашего трактата представляетъ не цѣльную и за одинъ разъ составленную работу, а дополненное и исправленное изданіе работы, сдѣланной гораздо раньше 20-хъ годовъ 4-го вѣка.

⁸⁶⁾ 'А. п. 54, § 7.

⁸⁷⁾ 'А. п. 61, § 7.

Историческая хроника.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ въ 1892—93 академическомъ г.— Университетскіе диспуты по историческимъ диссертациямъ въ 1892 г. (гг. Регеля, Событіанскаго, Кореліна, Милюкова и Аванасьева).—Вступительныя лекціи по исторіи.—Публичныя лекціи по исторіи.—Разныя извѣстія.

ИСТОРИЧЕСКІЕ КУРСЫ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ 1892—93 АКАДЕМИЧЕСКОМЪ ГОДУ.

С.-Петербургскій университетъ. Общій курсъ по энциклопедіи исторіи (для студентовъ всѣхъ факультетовъ) проф. Карѣева—1 ч. въ недѣлю. Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи и Рима (4 ч.) и спеціальныи по исторіи Греціи въ III в. до Р. Х. (2 ч.) проф. Соколова; спеціальныи курсъ по исторіи Аттики до Клизеена (2 ч.) пр.-доц. Покровскаго. Средняя исторія: общій курсъ (обзоръ средневѣковой исторіи—2 ч.) проф. Карѣева; спеціальныя—проф. Насильевскаго по исторіи крестовыхъ походовъ (въ осеннемъ сем.—3 ч.) и по исторіи города и городскихъ учрежденій (въ вес. сем.—3 ч.), пр.-доц. Гревса по исторіи государства и общества въ періодъ римской имперіи (2 ч.) и пр.-доц. Регеля по исторіи Византіи въ періодъ Комниновъ (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Карѣева и спеціальныя пр.-доц. Форстена: по исторіи католической реакціи (2 ч.), по исторіи ганзейскаго союза до 1370 г. (въ ос. сем.—1 ч.) и разборъ источниковъ по исторіи 30-ти-лѣтней войны (Валленштейновскій вопросъ, въ вес. сем.—1 ч.). Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) и спеціальныи по обзору государственнаго и общественнаго устройства Московской Руси (1 ч.) проф. Платонова; спеціальныя: пр.-доц. Лаппо-Данилевскаго о главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской исторіографіи (2 ч.); пр.-доц. Чечулина по исторіи царствованія Екатерины II (2 ч.) и пр.-доц. Сенигова о главнѣйшихъ источ-

никах русской истории въ древній періодъ (1 ч.) и объ общественномъ бытѣ древней Россіи (1 ч.). По истории славянъ общій курсъ (3 ч.) проф. Ламанскаго. История церкви: общій курсъ (въ ос. сем.—2 ч., въ вес. сем.—4 ч.) проф. Троицкаго и его же спеціальныя по истории русской церкви (ос. сем.—2 ч.), обзоръ источниковъ и пособій по истории древней церкви (ос. сем.,—2 ч.) и обзоръ источниковъ и пособій по истории восточной церкви (2 ч.).

Московский университетъ. Древняя история: история древняго востока (ос. сем.,—2 ч.) и история арійцевъ (ос. сем.,—1 ч.) пр.-доц. Корелина; общій курсъ по истории Греціи (2 ч.) проф. Виноградова; политическая (вес. сем.,—2 ч.) и культурная (вес. сем.,—2 ч.) история римской имперіи пр.-доц. Корелина. Средняя история: спец. курсъ по истории госуд. учреждений Англіи (1 ч.) пр.-доц. Фортунатова; спец. курсъ о византійскихъ писцовыхъ книгахъ (1 ч.) пр.-доц. Безобразова. Новая история: общій курсъ (2 ч.) проф. Герье. Русская история: общій курсъ (4 ч.) проф. Ключевскаго и спеціальныя по истории главныхъ видовъ источниковъ русской истории (2 ч.); спеціальныя курсы пр.-доц. Милюкова по русской историографіи (2 ч.) и пр.-доц. Якушкина по истории царствованія Александра I (1 ч.). История славянъ: история Византіи и южн. славянъ (2 ч.) пр.-доц. Безобразова и история зап. славянъ (2 ч.) пр.-доц. Линниченка. История церкви: въ ос. сем. общій курсъ по истории древней церкви (4 ч.), въ весеннемъ—по истории зап. церкви (2 ч.) и спеціальныя (2 ч.) проф. Иванцова-Платонова.

Харьковскій университетъ. Древняя история: общій курсъ по истории Востока (ос. сем.,—2 ч.), общій курсъ римской истории (вес. сем.,—2 ч.) и спеціальныя по истории римской имперіи (1 ч.) пр.-доц. Лапина; общій курсъ греч. истории (ос. сем.,—4 ч.) проф. Бузескула. Средняя история: общій курсъ (вес. сем.,—4 ч.) проф. Бузескула. Новая история: общій курсъ (ос. сем.,—2 ч.) его же. Русская история: общій курсъ русской истории до Петра I (ос. сем.,—4 ч.) и спеціальныя по русской историографіи (ос. сем.,—2 ч.) и по истории южной и западной Россіи (вес. сем.,—3 ч.) проф. Багалъя; общій курсъ новой русской истории (вес. сем.,—5 ч.) и спеціальныя по истории царствованія Александра I (ос. сем.,—3 ч.) и по истории завоеванія и заселенія Сибири (2 ч.) проф. Вуцинскаго. По истории славянъ общій курсъ (2 ч.) проф. Дринова. По истории церкви—общій курсъ (6 ч.) проф. Лебедева.

Университетъ св. Владимира. Древняя история: общій курсъ по истории Греціи (3 ч.) и спеціальныя о вѣкѣ Перикла (ос. сем.,—3 ч.) и по методологіи истории (вес. сем., 3 ч.) проф. Вубнова. Средняя история: общій курсъ (4 ч.) проф. Фортинскаго. Новая история: общій

курсъ (4 ч.) и спеціальный по исторіи Австріи (2 ч.) проф. Лучицкаго; спеціальный курсъ по исторіи Франціи въ XVIII в. (2 ч.) пр.-доц. Клячина. Русская исторія: общій курсъ русской исторіи за удѣльный періодъ (2 ч.) и спеціальный о русскихъ древностяхъ (2 ч.) проф. Антоновича; общій курсъ съ моск. періода (5 ч.) проф. Иконникова; спеціальныя курсы по исторіи Сѣверской земли VIII—XVI вв. (2 ч.—ос. сем.) и по исторіи Восточнаго Поволжья до конца XVIII в. (2 ч.—вес. сем.) пр.-доц. Голубовскаго. По исторіи славянъ общій курсъ (3 ч.) проф. Флоринскаго. Исторія церкви: общій курсъ (4 ч.) и спеціальный по исторіи рационалистическихъ и мистическихъ сектъ въ Россіи (2 ч.) проф. Голубева.

Дерптскій университетъ. Древняя исторія: общій курсъ греческой исторіи (4 ч. и спеціальный объ Аристотелевомъ сочиненіи; „О государствѣ Аѳинянъ“ (2 ч.) проф. Мендельсона. Средняя исторія: исторія Лифляндіи отъ XII до XVI в. (3 ч.) проф. Гаусмана. Новая исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Вальтца. Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) и спеціальный о русскихъ лѣтописяхъ (2 ч.) проф. Шмурло.

Въ Казанскомъ университетѣ объявлены слѣдующіе курсы: Проф. Н. А. Осокинъ въ осеннемъ полугодіи читаетъ: 1) исторію римской имперіи (2 ч.) и исторіи XVI в. (2 ч.) и ведетъ историческій семинарій, а въ весеннемъ семестрѣ читаетъ курсъ по исторіи XVII и первой половинѣ XVIII в. (4 ч.) и ведетъ географическій семинарій. Курсы проф. И. Н. Смирнова: въ осеннемъ полугодіи исторія Греціи (4 г.) и исторія южныхъ славянъ (2 ч.), въ весеннемъ — римская исторія (4 ч.) и исторія южныхъ славянъ (2 ч.). По русской исторіи читаются курсы: проф. Н. А. Ойрсовымъ по исторіи Россіи до Ивана Грознаго (2 ч.), проф. Д. А. Корсаковымъ по исторіи Россіи до исхода царствованія Александра I (3 ч.), по изученію источниковъ исторіи реформы Петра Великаго (2 ч.) съ практическими упражненіями студентовъ (1 ч.). По церковной исторіи лекціи читаются проф. О. А. Кургановымъ: одинъ курсъ общій (4 ч.), другой спеціальный—по исторіи протестантизма (2 ч.).

Свѣдѣнія о преподаваніи исторіи въ новороссійскомъ и варшавскомъ университетахъ своевременно не были получены и потому будутъ помѣщены въ слѣдующемъ томѣ „Историческаго Обзорѣнія“.

Двѣнадцатаго марта настоящаго года въ актовомъ залѣ Дерптскаго университета происходилъ магистерскій диспутъ г. В. Регеля. Официальными оппонентами выступили кандидатъ Штернъ, профессоръ Гаусманъ и проф. Вальтцъ, Диссертация (на нѣм. языкѣ) „О хроникѣ Ковши Пражскаго“ (Дерптъ, 1892) сопровождалась 8 тезисами, не имѣющими отношенія къ предмету диссертации.

Кандидатъ Штернъ, сдѣлавъ возраженіе восьмого тезиса („Русскій митрополитъ Исидоръ былъ по своимъ взглядамъ гуманистъ и несправедливо обвиняется въ „измѣнѣ русскому дѣлу на Флорентійскомъ соборѣ“). Оппонентъ указалъ на то, что митрополитъ совершенно вопреки инструкціи, полученной отъ великаго князя Василія II Васильевича, во всѣхъ крупныхъ вопросахъ высказывался на соборѣ за католическую церковь и поддерживалъ унію, отличавшуюся въ существенныхъ пунктахъ католическимъ духомъ. И позже, даже въ самой Москвѣ, онъ-де не скрывалъ своей склонности къ католицизму, и всѣмъ своимъ позднѣйшимъ поведеніемъ оправдалъ приговоръ русскихъ архіееревъ. При такихъ обстоятельствахъ его, кажется, справедливо можно обвинить въ намѣренномъ обманѣ великаго князя и русской церкви.—Диспутантъ отвѣтилъ, что для справедливой оцѣнки митрополита Исидора нельзя забывать, что онъ стремился къ уніи подъ вліяніемъ патріотическихъ побужденій, надѣялся церковными уступками добыть для своего отечества помощь католическаго Запада для борьбы съ Турціей. Прежде всего, однако, слѣдуетъ помнить, что онъ по всему складу своихъ мыслей былъ гуманистомъ, какъ видно изъ опубликованныхъ диспутантомъ писемъ Исидора. Въ качествѣ гуманистически образованнаго человѣка Исидоръ-де считалъ разногласія между двумя церквами неважными, и вообще-де подчинялъ догматическіе вопросы политическимъ и патріотическимъ интересамъ. Во всякомъ случаѣ заходятъ далеко, слишкомъ обвиняя его, по примѣру еп. Авраама Суздальскаго и другихъ враговъ Исидора, въ подкупности и сознательной, злостной измѣнѣ.

Въ защиту своего пятаго тезиса („Карлъ V руководился въ своей борьбѣ съ протестантами не столько религіозными, сколько политическими побужденіями“), подвергнувшася нападенію со стороны проф. Вальтца, диспутантъ указалъ на то, что Карлъ V неоднократно заключалъ договоръ съ протестантами, дѣлавъ имъ уступки по церковнымъ дѣламъ и даже заключилъ союзъ съ протестантскимъ княземъ, герцогомъ Морицомъ Саксонскимъ противъ шмалькальденскаго союза. Съ другой стороны, проф. Вальтцъ привелъ изъ корреспонденціи Карла V съ сыномъ Филиппомъ, сестрою Маріей, и др. рядъ писемъ строго интимнаго характера, въ которыхъ императоръ именно заявляетъ, что руководствуется въ своей политикѣ относительно протестантовъ, собственно говоря, исключительно религіозными и лишь для виду политическими мотивами; что, однако, всегда легко подыскать юридическія причины для войны съ ними, и воспользоваться ими въ видѣ предлога и т. д. На основаніи такихъ интимныхъ сообщеній, очерчивающихъ истинное мнѣніе императора, необходимо рѣшить подлежащій разсмотрѣнію вопросъ въ томъ смыслѣ, что рѣ-

шающее значеніе въ борьбѣ Карла V съ протестантами принадлежало религіознымъ мотивамъ.

Проф. Гаусманъ подвергъ самую диссертацию „о хроникѣ Кузми Пращаго“ болѣе подробному разбору, содержаніе котораго здѣсь можетъ быть указано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде всего онъ замѣтилъ о внѣшней формѣ диссертаци, что иногда она заставляетъ желать болѣе яснаго распредѣленія матеріала; этимъ читателю затрудняется точное опредѣленіе задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Затѣмъ онъ указалъ нѣкоторые мѣста въ диссертаци, гдѣ не совсѣмъ точный характеръ выраженій автора вызываетъ неясности и недоразумѣнія. За исключеніемъ этихъ мелочей, критика проф. Гаусмана была вполне благосклонна и выгодна. Высказывая въ концѣ своей рѣчи свое общее сужденіе о диссертаци, оппонентъ заявилъ, что разбираемое цѣнное изслѣдованіе отличается строгой научностью и спокойной, убѣдительною доказательностью, особенную похвалу заслуживаютъ важные отдѣлы объ анналистическихъ источникахъ Кузми Пращаго.

— 19 апрѣля 1892 г. въ Харьковскомъ университетѣ состоялся диспутъ магистра И. М. Собѣстіанскаго, представившаго для полученія степени доктора государственнаго права сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“. Диспутъ этотъ представлялъ выдающееся явленіе въ ученой жизни университета и по важности затронутыхъ сторонами вопросовъ историческихъ и методологическихъ, и по продолжительности: пренія длились съ небольшимъ шесть часовъ безъ перерыва.

Въ началѣ диспута деканъ юридическаго факультета Л. Н. Загурскій прочелъ *sutriculum vitae* диспутанта, послѣ чего слово было предоставлено послѣднему. Въ небольшой вступительной рѣчи г. Собѣстіанскій изложилъ слѣдующее. Прежде всего онъ указалъ на существованіе въ ученой литературѣ двухъ взглядовъ на предметъ его изслѣдованія: одни ученые идеализировали характеръ и бытъ древнихъ славянъ, другіе же силились всячески унижить прошлое славянства. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, ученія которыхъ разобраны въ извѣстномъ трудѣ В. И. Ламанскаго „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“, дефендентъ посвятилъ свою диссертацию исключительно первымъ. При этомъ онъ необходимо долженъ былъ обратиться къ первоисточникамъ, а изученіе таковыхъ привело его къ убѣжденію, что наука славянскихъ древностей нуждается въ критической провѣркѣ многихъ принимаемыхъ на вѣру положеній и въ устраненіи гипотезъ, не подтверждаемыхъ памятниками. Онъ остановилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на внут-

реннемъ бытѣ древнихъ славянъ и задался цѣлью указать на важнѣйшія заблужденія новѣйшихъ ученыхъ по этому вопросу и выяснить самый генезисъ такихъ заблужденій. Книгу свою онъ раздѣлилъ на двѣ части,—историческую и историко-юридическую, такъ какъ славянская историко-юридическая литература сложилась подъ сильнымъ вліяніемъ славянской исторической науки. Что касается національных особенностей быта и характера, то эти особенности вырабатываются въ жизни отдѣльныхъ племенъ и народовъ постепенно, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій и факторовъ. Чѣмъ дальше углубляемся мы въ прошедшую жизнь народовъ, тѣмъ все болѣе сглаживается различіе между ними, и наоборотъ—чѣмъ дальше двигаются народы въ своемъ историческомъ развитіи, тѣмъ ихъ особенности проявляются все сильнѣе и сильнѣе. Поэтому, если въ книгѣ говорится, что мы не встрѣчаемъ коренныхъ отличій быта древнихъ славянъ отъ быта другихъ младенчествующихъ народовъ, то этого не слѣдуетъ понимать такъ, будто вся историческая жизнь славянства вполне тождественна съ историческою жизнью другихъ народовъ. Слѣдуя за ходомъ развитія внутренней жизни славянъ, мы найдемъ различія не только между нею и жизнью другихъ народовъ, но и въ ходѣ развитія жизни отдѣльныхъ славянскихъ племенъ: русскихъ, чеховъ, поляковъ, сербовъ и т. д.

Первымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. М. С. Дриновъ, приглашенный къ участию въ диспутѣ въ качествѣ специалиста по славяновѣдѣнію. Онъ началъ возраженія свои указаніемъ на то, что сочиненіе г. Собѣстіанскаго представляется въ сущности не столько „историко-критическимъ“, какъ значится на заглавномъ листѣ, сколько „историко-литературнымъ“ изслѣдованіемъ. Затѣмъ, формулируя взглядъ дефендента на общій ходъ развитія ученій о характерѣ древнихъ славянъ, проф. Дриновъ не согласился съ г. Собѣстіанскимъ въ томъ, что относительно этого вопроса всѣхъ славистовъ можно раздѣлить на „трезвыхъ“, къ которымъ должны быть отнесены первые изслѣдователи славянства до конца XVIII стол. (Мавро Орбини, Ломоносовъ, Татищевъ, Нарушевичъ, Иорданъ, Болтинъ и Антонъ) и идеалистовъ, къ которымъ за весьма немногими исключеніями, по мнѣнію дефендента, принадлежатъ всѣ слависты нашего вѣка. Оппонентъ прежде всего замѣтилъ, что къ Мавро Орбини, Ломоносову и отчасти Татищеву нельзя примѣнить терминъ „трезвыхъ“ уже по одному тому, что о славянахъ они имѣли весьма смутное представленіе и смѣшивали съ ними многіе воинственные народы не славянскаго происхожденія. Специально и вполне научнымъ образомъ изъ числа старыхъ ученыхъ занимался вопросомъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ только одинъ Антонъ. Но между взглядами

последняго и воззрѣніями новѣйшихъ изслѣдователей того же предмета нѣтъ той бездны, которую усматриваетъ здѣсь г. Собѣстіанскій. Проф. Дриновъ при этомъ подробно останавливался на трудахъ Суровецкаго, особенно же на его рефератѣ, читанномъ въ 1809 г., такъ какъ Суровецкаго дефендентъ считаетъ родоначальникомъ апіорическихъ воззрѣній на древнее славянство и привлекаетъ къ отвѣтственности за то, что онъ направилъ науку въ рѣшеніи этого вопроса на ложный путь. По мнѣнію проф. Дринова, г. Собѣстіанскій слишкомъ односторонне понялъ рефератъ Суровецкаго. Главная задача реферата, ясно обозначенная въ самомъ его заглавіи, которое не совсѣмъ точно передано въ книгѣ г. Собѣстіанскаго, состояла въ указаніи на новые источники для культурной исторіи древнихъ славянъ,—на археологію и этнографію. Характеристикою древнихъ славянъ Суровецкій здѣсь не задавался, а немногія его замѣчанія, къ этому предмету относящіяся, вполне согласны съ выводами Антона. Сочиненіе его не только не сбивало науки съ правильного пути, но обращало вниманіе на новый научный матеріалъ, притомъ лишь въ наше время оцѣненный по достоинству. Что же касается вопроса о вліяніи Гердера на это произведеніе Суровецкаго, то возражателю вліяніе это не представлялось особенно сильнымъ: какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ ученіемъ фізіократовъ, съ Монтескье и вообще съ литературою XVIII вѣка, Суровецкій могъ и помимо Гердера дойти до идеи о національных особенностяхъ славянъ. Впрочемъ, въ отношеніи къ позднѣйшимъ сочиненіямъ Суровецкаго проф. Дриновъ согласился допустить вліяніе Гердера, но лишь по вопросу о способѣ расселенія славянъ по южно- и средне-европейскимъ землямъ. Однако, и въ этомъ случаѣ Суровецкій не слѣдовалъ Гердеру безусловно, доказывая, что славяне прокладывали себѣ путь не только сохою, но и оружіемъ. Такимъ образомъ упреки, дѣлаемые г. Собѣстіанскимъ Суровецкому, а равно и его послѣдователямъ, по мнѣнію оппонента, неосновательны.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія дефендентъ заявилъ, что если въ своей книгѣ онъ и указываетъ на противоположность между двумя группами ученыхъ, то дѣлаетъ это различіе, имѣя въ виду исключительно ихъ отношеніе къ вопросу о воинственности и насильственности славянъ, какъ прирожденномъ свойствѣ послѣднихъ. Ученые первой категоріи („трезвые“) смотрѣли на этотъ вопросъ болѣе широко и считали воинственность принадлежностью всѣхъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, а ученые второй категоріи въ мирномъ характерѣ славянъ видѣли отличительное свойство самой ихъ натуры. Что касается Гердера, то дефендентъ въ доказательство сильнаго вліянія „Идей“ Гердера на первый рефератъ Суровецкаго

привлекъ выдержки изъ сочиненій того и другого, и сопоставленіе этихъ выдержекъ, проф. Дриновъ нашелъ убѣдительнымъ, оговорившись однако, что вліяніе это, хотя и существовало, но не было слишкомъ сильно. Въ связи съ этимъ г. Собѣстіанскій настаивалъ далѣе и на своемъ пониманіи задачъ перваго труда Суровецкаго.

Продолжая затѣмъ возраженія, проф. Дриновъ перешелъ къ объясненіямъ, которыя г. Собѣстіанскій взводитъ на Шафарика, уличая его въ плагиатъ и доказывая, что помѣщенная въ его „Исторіи слав. литературъ“ характеристика древнихъ славянъ представляетъ дословный переводъ на нѣмецкій языкъ двухъ церковныхъ проповѣдй Колляра. Проф. Дриновъ замѣтилъ, что врядъ ли бы дефендентъ придалъ слишкомъ большое значеніе этому интересному своему открытію, еслибы обратилъ вниманіе на предисловіе Шафарика, въ которомъ авторъ о пользованіи своими пособіями прямо говоритъ: „Ich habe das meinem Plan Passende meist wörtlich daraus entlehnt“, причѣмъ онъ и дѣлаетъ общую ссылку на Колляра въ примѣч. къ 5-ой главѣ. Соглашаясь далѣе съ г. Собѣстіанскимъ въ томъ, что о характерѣ древнихъ славянъ у Шафарика въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются противорѣчивыя сужденія, возражатель, однако, нашелъ неосновательнымъ приписывать Шафарика изобрѣтеніе гипотезы, придуманной для примиренія этихъ противорѣчій, — будто примѣръ и принужденіе со стороны другихъ воинственныхъ народовъ заставили мирныхъ славянъ вступить на путь завоеваній: самъ же г. Собѣстіанскій въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія указываетъ на то, что такая гипотеза была высказана задолго до Шафарика Суровецкимъ, и еще раньше—Гебгарди. Нѣчто подобное утверждалъ даже Антонъ, доказывавшій, что до расселенія славяне жили на своей прародинѣ мирно и спокойно. При этомъ оппонентъ упрекнулъ г. Собѣстіанскаго за то, что онъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на происхожденіе этой гипотезы и тѣ основы ея, которыя главнымъ образомъ выработаны были Суровецкимъ. Въ этомъ, по мнѣнію оппонента, состоитъ важный недостатокъ перваго отдѣла книги, особенно ярко выразившійся въ критической части этого отдѣла. Такъ, напр., у автора есть цѣлая глава, посвященная опроверженію идеалистическихъ воззрѣній на характеръ славянъ на основаніи многихъ свидѣтельствъ о ихъ воинственности и жестокости. На эти свидѣтельства, обнимающія длинный періодъ времени по XIII вѣкъ включительно, не безызвѣстны были Суровецкому и его послѣдователямъ, однако оставлены были ими въ сторонѣ въ силу хронологическихъ соображеній. Позднѣйшія воинственности славянъ названные ученые не отрицали, но искали въ источникахъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ, которыя бы касались быта и характера славянъ въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ

жизни, каковы свидетельства Иордана, а отчасти Прокопия, Маврикия и др. древних византийских писателей. Свидетельство же Тацита о славянских *latrocinia* Суровецкій объяснял, толкуя слово „*latrocinium*“ въ смыслѣ *venatio*. Оппонентъ полагалъ, что критика г. Собѣстіанскаго должна была бы направляться именно на эти основанія его противниковъ.

Отвѣчая проф. Дринову, г. Собѣстіанскій замѣтилъ, что по отношенію къ Шафарику онъ избѣгалъ употреблять слово „плагиатъ“, которое и не встрѣчается въ его диссертациі. Онъ не поднялъ бы вопроса о несостоятельности Шафарика, еслибы тотъ не предположилъ 5-ой главѣ тѣхъ словъ, которыя въ виду ихъ особенной важности приведены въ книгѣ г. Собѣстіанскаго *in extenso* (стр. 41) и еслибы самъ Шафарикъ не возвелъ напрасныхъ обвиненій на Карамзина и его послѣдователей, здраво судившихъ объ этомъ предметѣ. Далѣе дефендентъ объяснилъ, что на Шафарикѣ онъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ, видя въ немъ главнаго представителя разбираемой теоріи. Что касается свидѣтельствъ источниковъ о невоинственности славянъ, то на важнѣйшіе изъ нихъ дефендентъ указалъ въ своей книгѣ, хотя и не въ одномъ мѣстѣ, а другихъ не затрогивалъ въ виду того, что самъ Шафарикъ отрицалъ ихъ достовѣрность.

Отмѣтивъ затѣмъ нѣсколько пропусковъ и выразивъ сожалѣніе, что названный въ рѣчи дефендента трудъ Ламанскаго нигдѣ не упомянутъ въ книгѣ, проф. Дриновъ оставилъ въ сторонѣ нѣкоторыя частныя замѣчанія и перешелъ ко второму отдѣлу книги. Предоставляя болѣе подробную его оцѣнку юристамъ, онъ ограничился лишь указаніемъ на неясность въ сужденіи автора о возникновеніи ученія объ общинномъ бытѣ древнихъ славянъ: говоря въ одномъ мѣстѣ, что ученіе это было выработано Лелевелемъ подъ вліяніемъ Руссо, онъ упускаетъ изъ виду сказанное имъ въ другомъ мѣстѣ, что нѣкоторыя стороны этого ученія развивалъ еще Суровецкій. За то критическая часть второго отдѣла, по мнѣнію проф. Дринова, довольно обстоятельна. Здѣсь представленъ тщательный разборъ нѣкоторыхъ основъ теоріи общиннаго быта, причемъ иныя изъ нихъ г. Собѣстіанскому удалось поколебать. Оппонентъ заключилъ свои возраженія заявленіемъ, что, хотя книга г. Собѣстіанскаго и даетъ не совсѣмъ правильныя представленія о ходѣ развитія славянской исторической науки, тѣмъ не менѣе она отличается и достоинствами. Къ числу таковыхъ относится, во-первыхъ, то, что авторъ напомнилъ вновь о весьма рѣдкихъ нынѣ и почти забытыхъ, но важныхъ сочиненіяхъ старыхъ славистовъ, изъ которыхъ въ его диссертациі приведено много интересныхъ выдержекъ. Онъ сличилъ тексты источниковъ съ переводами и въ послѣднихъ открылъ нѣкоторыя неточности. Онъ указалъ

неосновательность нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ западными славистами Карамзину, и сдумѣлъ рельефно оттѣнить увлеченія другихъ ученыхъ, такъ что въ этомъ отношеніи книга его можетъ опредѣляющимъ образомъ воздѣйствовать на будущихъ изслѣдователей.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ былъ проф. Н. О. Куплеваскій. Указавъ на интересъ избранной авторомъ темы, онъ сказалъ нѣсколько словъ о выгодныхъ сторонахъ его сочиненія: здѣсь читатель можетъ познакомиться съ мнѣніями малоизвѣстныхъ русскихъ и польскихъ писателей по вопросу о славянахъ и найдетъ весьма интересные указанія на генетическую связь ученій славистовъ съ ученіями Руссо и Гердера. Нельзя также не согласиться со многими возраженіями дѣлаемыми г. Собѣстіанскимъ писателямъ о славянахъ по частнымъ вопросамъ о ихъ воинственности, о рабствѣ у славянъ, о полигаміи, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, хотя въ рѣшеніи общаго вопроса о характерѣ славянъ, по мнѣнію проф. Куплеваскаго, автору слѣдовало бы стать на болѣе широкую почву сравненія. Критическія возраженія оппонента касались преимущественно той части сочиненія, въ которой затронуто государственное устройство славянъ. Проф. Куплеваскій разошелся съ г. Собѣстіанскимъ относительно того, какъ понимали терминъ „община“, „общинность“ слависты. Онъ указалъ на то, что послѣдніе разумѣли подъ этимъ названіемъ не только поземельную общину, но и народныя собранія. Соглашаясь, что демократіи въ смыслѣ полной свободы и абсолютнаго равенства у славянъ дѣйствительно не было, оппонентъ замѣтилъ, что существованіе князей и старѣйшихъ не исключало дѣятельной роли народнаго собранія. При этомъ онъ сослался на результаты наблюденій, сдѣланныхъ на болѣе обширномъ попріщѣ сравнительнаго метода Мэнномъ, Фриманомъ, Спенсеромъ, М. Ковалевскимъ и другими учеными, которыми г. Собѣстіанскій не воспользовался. Подобное отрицаніе „общинности“ въ смыслѣ демократіи у древнихъ славянъ повело автора къ искусственному толкованію текстовъ (въ особенности „Готской войны“ Прокопія). Второе возраженіе проф. Куплеваскаго касалось вліянія Гердера и Руссо, преувеличеннаго г. Собѣстіанскимъ, такъ какъ не исключительно Гердеръ и Руссо, но главнымъ образомъ изученіе памятниковъ служило основою для изслѣдователей славянской этнографіи и славянскаго древняго права. Подтвержденіе этой мысли можно найти въ упущенной дефендантомъ изъ виду современной довольно большой литературѣ объ общинахъ въ Россіи и о задругѣ въ другихъ славян. земляхъ. Затѣмъ, оканчивая свои замѣчанія, оппонентъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что г. Собѣстіанскій нигдѣ въ своей книгѣ не говоритъ о вліяніи нѣмецкой исторической школы на писателей 40-хъ,

50-х и даже 60-х годовъ, между тѣмъ какъ прослѣдить это вліяніе было бы не бесполезно.

Дефендентъ отвѣтилъ, что онъ отрицалъ у древнихъ славянъ лишь существованіе той идеальной общины, которая основана на безусловной свободѣ, равенствѣ и братствѣ, и на которой настаивали критикуемые имъ писатели. Онъ сознательно не вносилъ въ свою книгу сравнительнаго матеріала, такъ какъ это отвлекло бы его отъ главной задачи его изслѣдованія. Терминъ „демократія“ въ извѣстномъ отрывкѣ изъ „Готской войны“ Прокопія г. Собѣстіанскій толковалъ, руководствуясь текстомъ Маврикія. Въ славянской литературѣ объ общинности онъ усматриваетъ отраженіе духа времени, ибо древніе памятники не содержатъ въ себѣ никакихъ указаній на существованіе идеальной общины у древнихъ славянъ; изложеніе же свое онъ прервалъ на Аксаковѣ, такъ какъ видитъ въ его произведеніяхъ типичнѣйшее выраженіе теоріи общинности, какого она когда-либо достигала. Что касается задруги, то дефендентъ общалъ въ скоромъ времени издать объ этомъ вопросѣ особый этюдъ и фактически доказать, что представленіе о задругѣ совершенно извращено въ наукѣ и что даже терминъ „задруга“ выдуманъ учеными и перенесенъ изъ литературы въ жизнь.

Третій официальный оппонентъ проф. А. Н. Стояновъ успѣлъ поставить и развить по причинѣ продолжительности спора дефендента съ предшествующими оппонентами, лишь нѣкоторые изъ намѣченныхъ имъ возраженій. „Время и матеріалъ диспута“,—сказалъ проф. Стояновъ,—„затрачивались съ такою щедростію, что мнѣ остается лишь небольшой уголокъ для нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній“. Затѣмъ онъ намѣтилъ нѣсколько такихъ пунктовъ въ диссертациі г. Собѣстіанскаго, гдѣ недостатки методологическихъ приѣмовъ обнаруживаютъ отрицательное вліяніе на самую сущность изслѣдованія. Такъ, во-первыхъ, нельзя согласиться съ тѣмъ методомъ изслѣдованія, которому авторъ слѣдуетъ въ первой части книги, очень богатой матеріаломъ и важной по своему назначенію въ общемъ строѣ диссертациі. Авторъ сопоставляетъ здѣсь въ двухъ параллельныхъ отдѣлахъ рядъ мнѣній критикуемыхъ имъ писателей съ сырымъ матеріаломъ фактовъ изъ источниковъ, не дѣлая аналитической провѣрки каждаго отдѣльнаго мнѣнія имъ же самимъ приведенными фактами. Такая работа какъ бы предоставляется у автора самимъ читателямъ. Такимъ образомъ описаніе преобладаетъ надъ анализомъ, надъ сличеніемъ и сравненіемъ критикуемыхъ мнѣній въ органической ихъ связи. Вторыхъ возможно, что въ такихъ приѣмахъ изслѣдованія заключается одна изъ причинъ, почему представляется спорною характеристика Гердера, какъ самаго типичнаго выразителя того направленія, которое назы-

вается у автора „сентиментально-поэтическим“, но которое, может быть, удобнее и вернее было бы называть „романтическим“. Спорным оказывается также заключение—съ одной стороны о противорѣчїяхъ между Гердеромъ и его предшественниками, писавшими о славянахъ въ прошедшемъ столѣтіи, а съ другой стороны—объ одинаково сильномъ вліяніи Гердера на славянскихъ и русскихъ ученыхъ настоящаго столѣтія. Втретьихъ, въ методѣ изслѣдованія автора не всегда соблюдается общее правило, гласящее, что существуетъ многообразие факторовъ, создающихъ исторію. Оно упущено, напр., изъ виду въ интересномъ вопросѣ о вліяніи Ж. Ж. Руссо на ученіе западныхъ и польскихъ славистовъ, а въ особенности на Лелевеля. Утверждая что теорія общиннаго быта сложилась въ умѣ Лелевеля *главнымъ образомъ* подъ вліяніемъ идей Руссо, г. Собретіанскій однако не доказалъ съ желательною полнотою доводовъ тѣсную связь лелевелевскаго ученія съ доктриною женевского философа, развитую въ его сочиненіяхъ „Contrat social“, „Sur le gouvernement de Pologne“ и проч. Въ послѣднемъ трактатѣ по важному вопросу объ учрежденіи и организаціи „общинъ“ находимъ ровно десять строчекъ, и, если Лелевель искалъ для себя вдохновенія со стороны политико-философскихъ идей Франціи, то, пожалуй, не меньшій для него интересъ могли бы представить напр. рѣчи Мирабо о коммунахъ, не говоря о другихъ французскихъ писателяхъ. Далѣе не можетъ быть сомнѣнія, что и Германія съ ея принципами метафизической философіи, съ ея культомъ идей національности, съ ея историко-романтической школою воздѣйствовала на Лелевеля и воздѣйствовала сильнѣе, нежели Руссо съ его „Contrat social“. Развивая эту мысль, проф. Стояновъ представилъ въ блестящемъ и талантливомъ изложеніи интересный анализъ этого трактата и прослѣдилъ, подъ какими вліяніями выработались политическія идеи его автора, причемъ указывалъ на отсутствіе тождества идей знаменитой теоріи общественнаго договора съ ученіемъ польскаго историка-патріота. Вчетвертыхъ, неполнымъ и прямолинейно-одностороннимъ казалось оппоненту также и понятіе о характерѣ славянъ у автора при соображеніи лишь однихъ свойствъ жестокости, воинственности, алчности и при неупоминаніи свойствъ добродушія, гостепріимства и миролюбія, о которыхъ повѣствуютъ лѣтописцы. Между тѣмъ правильная оцѣнка особенностей характера древнихъ славянъ можетъ быть сдѣлана лишь при соображеніи того психологическаго закона, достаточно доказаннаго сравнительною этнографіею, что въ характерѣ примитивныхъ людей господствуютъ впечатлѣнія и аффекты надъ слерживающимъ и правильнымъ мышленіемъ. Отсюда, при отсутствіи установившихся нравственныхъ понятій и при слабости воли характеры какъ бы раздвояются, представляя собою своеобразное со-

четаніе быстро смѣняющихся состояній жестокости и кротости, вѣроломства и честности и т. д. Наконецъ, оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что не поддержанъ болѣшимъ количествомъ фактовъ выводъ автора о такомъ же тождествѣ юридическаго быта древнихъ славянъ съ юридическимъ бытомъ всѣхъ прочихъ народовъ одинаковой степени культуры, какое тождество принято имъ относительно характера древнихъ славянъ и другихъ примитивныхъ народовъ. Проф. Стояновъ напротивъ думаетъ, что уже въ самую древнюю эпоху обозначились въ обычномъ правѣ славянъ нѣкоторые отличія отъ правъ индусскаго, кельтическаго, греческаго, римскаго и германскаго, какъ напр. наблюдается это въ особенностяхъ институтовъ наслѣдованія, семейной власти, собственности, даже договоровъ.

„Обозрѣвая вашу книгу въ цѣлости“, заключивъ свои возраженія проф. Стояновъ, „я долженъ высказать мое убѣжденіе, что книга эта есть научное изслѣдованіе со многими положительными качествами,—со стремленіемъ къ самостоятельности, основанной на тщательномъ изученіи не только обширной литературы, но и источниковъ первыхъ рукъ, со строго критическимъ отношеніемъ къ избранному предмету, съ умѣніемъ найти и установить живую историческую связь между фактами, между ходомъ послѣдовательнаго развитія этихъ фактовъ и смѣною тѣхъ ученій и мнѣній, которыя высказывались о различныхъ сторонахъ культурной жизни славянъ. Самый выборъ темы можетъ быть вѣнченъ въ заслугу автору по многимъ причинамъ: по трудности, сложности и даже опасности изслѣдованія такого предмета, который затрагиваетъ самые существенные и дорогіе интересы одного изъ великихъ племенъ въ культурной исторіи человѣчества“.

На первое возроженіе проф. Стоянова г. Собѣстіанскій заявилъ, что, стремясь главнымъ образомъ выяснить общій характеръ развитія славянской науки, онъ избѣгалъ уклоняться отъ намѣченной цѣли въ сторону разработки деталей. Повторивъ затѣмъ по отношенію къ Гердеру доводы, высказанные имъ раньше въ отвѣтъ проф. Дринову, и согласившись, что всякое историческое явленіе есть продуктъ сложныхъ и многообразныхъ факторовъ, дефендептъ заявилъ, что на Ж. Ж. Руссо онъ остановился, какъ на главномъ виновникѣ ученія объ общинномъ бытѣ. При этомъ онъ съ новыми подробностями старался обосновать свой взглядъ, послѣ чего между нимъ и оппонентомъ состоялось соглашеніе. По вопросу о присутствіи въ характерѣ примитивныхъ народовъ противоположныхъ свойствъ дефендептъ не отрицалъ доводовъ своего противника, указывая, что возстаетъ лишь противъ *идеализаціи* древнихъ славянъ. На безусловномъ тождествѣ юридическаго быта славянъ и другихъ народовъ онъ также не настаивалъ, ссылаясь на сказанное имъ въ рѣчи передъ началомъ диспута.

Несмотря на то, что пренія затянулись, кромѣ официальныхъ оппонентовъ выступили и частные,—профессоръ М. А. Остроумовъ и стипендіатъ Харьковскаго университета А. С. Вязигинъ. Возраженія перваго отличались строго фактическимъ характеромъ. Онъ началъ съ того, что, по его мнѣнію, тотъ взглядъ на характеръ древняго славянства, который г. Собѣстіанскій называетъ „сентиментально-поэтическимъ“, заимствуя это выраженіе у Пыпина, отнюдь нельзя считать господствующимъ въ наукѣ и что даже въ учебникахъ (Николаева, Шульгина и др.) высказываетъ противоположный „*трезвый*“ взглядъ на этотъ предметъ. Если одни изслѣдователи дѣйствительно отбѣняли въ характерѣ древнихъ славянъ *преимущественно* черты кротости, миролюбія, гостепріимства и проч., и другіе—*преимущественно* черты воинственности и жестокости, то это различіе обуславливалось различіемъ способовъ, при помощи которыхъ они рѣшали свою задачу. Такъ одни имѣли въ виду то, что сами славяне завидѣлиствовали о себѣ въ своей поэзіи и въ своей міеологіи, другіе же принимали за исходный пунктъ не чуждыя субъективной окраски письменныя показанія византійцевъ и иныхъ иностранцевъ, рисовавшихъ главнымъ образомъ проявленія воинственнаго духа въ столкновеніяхъ славянъ съ врагами. Оппонентъ замѣтилъ, что въ войнахъ сказываются международныя отношенія, а не коренныя черты народнаго характера, проявляющіяся наиболѣе рельефно въ творчествѣ. Воюя, славяне по вѣраженію лѣтописца, дѣйствовали „елико же ратніи творять“. Г. Собѣстіанскому слѣдовало бы въ своихъ заключеніяхъ исходить не изъ „батальныхъ картинъ“, а обратиться также и къ другимъ источникамъ нашихъ свѣдѣній о славянахъ,—къ той сферѣ, въ которой они наиболѣе самобытны, къ ихъ пѣснямъ, повѣрьямъ, преданіямъ и проч. Подъ вліяніемъ этой сферы сложился и взглядъ Гердера, который и самъ переводилъ сербскія пѣсни. Но, по его мнѣнію, ошибочно впрочемъ приписываетъ именно Гердеру первество въ дѣлѣ распространенія сентиментально-поэтическихъ воззрѣній на древнее славянство. Раньше Гердера, Банкертъ въ прииѣчаніяхъ къ Гельмольду говорилъ уже о мирномъ разселеніи славянъ,

Что касается отношенія автора къ источникамъ, то оппонентъ утверждалъ, что г. Собѣстіанскій беретъ изъ нихъ каждый разъ только то, что ему болѣе на руку. Такъ, напр., когда это ему выгодно, онъ отдаетъ предпочтеніе Маврикію передъ Прокопіемъ, въ другихъ же случаяхъ,—опять-таки, когда это соответствуетъ его цѣлямъ, предпочитаетъ прокопіевы свидѣтельства маврикіевымъ. Подобнымъ же образомъ онъ приводитъ одно мѣсто изъ Фотія и умалчиваетъ о другомъ, такъ какъ оно ведетъ къ неблагопріятному для дефендента заключенію, не приводитъ свидѣтельствъ о мирныхъ свой-

ствахъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ („наши князья добры суть, иже распасли Деревьску землю“). Надлежащей критики фактовъ въ книгѣ Собѣстіанскаго также нѣтъ: онъ, напр., съ полнымъ довѣріемъ повторяетъ показаніе Льва Діакона о томъ, что Святославъ пересажалъ на колы 20,000 человекъ плѣнныхъ болгаръ, а равно свидѣтельство Кедрина, будто тотъ же князь 20,000 болгаръ бросалъ въ темницу. Впрочемъ, одинъ образчикъ такой критики факта есть въ книгѣ г. Собѣстіанскаго: онъ отвергаетъ свидѣтельство Теофилакта о пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ на основаніи внутреннего противорѣчія, но отвергаетъ это свидѣтельство только потому, что не можетъ воспользоваться имъ въ своихъ видахъ.

Перейдя далѣе ко второму отдѣлу книги, проф. Остроумовъ применилъ къ тѣмъ возраженіямъ касательно Ж. Ж. Руссо, которыя были сдѣланы проф. А. Н. Стояновымъ, и замѣтилъ, что договорная теорія происхожденія общества существовала и до Руссо. Что же касается вопроса объ отношеніи Руссо къ польской научной литературѣ, то, по мнѣнію оппонента, слѣдуетъ признавать скорѣе вліяніе поляковъ на знаменитаго женеваго философа, нежели обратное вліяніе. При этомъ проф. Остроумовъ возвратился къ вопросу о значеніи термина „община“. Указавъ, что на стр. 193 г. Собѣстіанскій оспариваетъ утвержденіе ученыхъ славистовъ, будто славяне не терпѣли никакого правительства, онъ предложилъ вопросъ: какъ понимать терминъ „община“? Если въ смыслѣ народодержавства, то славянофилы возставали противъ такого пониманія: они противопоставляли общину не монархіи, а родовому быту. Община у славянъ выражала собою отношенія территоріальныя, отношенія сосѣдства, какъ родъ выражалъ отношенія, основанныя на узахъ крови. Въ основаніи общиннаго быта лежала внутренняя правда, а не договоръ, и распространенію договорной теоріи славянофилы противодействовали.

Свои возраженія, сокращенныя за недостаткомъ времени, проф. Остроумовъ заключилъ указаніемъ на большой пробѣлъ въ сочиненіи г. Собѣстіанскаго: авторъ просмотрѣлъ цѣлую школу, представителями которой можно назвать Ламанскаго, Васильевскаго, Успенскаго и друг. Школа эта въ вопросѣ о юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ обращается къ византійскому законодательству, ища въ немъ слѣдовъ воздѣйствія со стороны юридическаго быта варварскихъ народовъ и въ томъ числѣ славянъ, съ которыми византійскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе.

Дефендентъ возражалъ проф. Остроумову слѣдующее. Во-первыхъ, учебниковъ нельзя принимать въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о взглядѣ, господствующемъ въ наукѣ: „Сколько нужно было бы положить на вѣсы учебниковъ, чтобы перевѣсить авторитетъ имени

одного Шафарика?" Что касается поэтического творчества славянъ, а въ частности поэзіи сербовъ, то она все дышетъ воинственностью. Въ наиболѣ развитой мнѳологіи полабскихъ славянъ также господствуютъ воинственныя представленія, и это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что у нихъ долѣе другихъ славянъ держалось язычество и оставались связанныя съ нимъ порядки. Относительно источниковъ дефендентъ заявилъ, что примѣры, избранныя оппонентомъ, ничего не доказываютъ: слово „молотильщики“ въ указываемомъ мѣстѣ изъ Фотія совершенно непонятно, а въ противовѣсѣ свидѣтельству лѣтописца о „добрыхъ князьяхъ“ можно привести и другое свидѣтельство его же о томъ, что древляне живутъ звѣринскимъ образомъ. Наконецъ, по вопросу о вліяніи поляковъ на Руссо г. Собѣстіанскій допускаетъ извѣстное воздѣйствіе съ этой стороны, но лишь въ отношеніи „*Considérations, etc.*“, а не „*Contrat social*“.

Возрожденія послѣдняго оппонента могутъ быть сведены къ слѣдующему. Въ 6 положеніи г. Собѣстіанскій говоритъ, что выводы его книги основаны на „объективномъ изученіи памятниковъ“, для чего, по основному требованію исторической критики, необходимы: правильное пониманіе и точный переводъ источниковъ. Но это требованіе не вездѣ соблюдается г. Собѣстіанскимъ, а потому и не всѣ его ссылки имѣютъ доказательную силу: въ иныхъ случаяхъ приведены сомнительныя данныя (таково, напр., свидѣтельство Тацита о мнимыхъ разбояхъ венетовъ, славянское происхожденіе которыхъ не доказано), въ другихъ, при передачѣ, опущены фразы, дающія иную окраску извѣстію (такъ, напр., ссылаясь въ доказательство исконной воинственности славянъ на взятіе ими во время одного набѣга „укрѣплений, *казавшихся* неприступными“, авторъ оставилъ безъ перевода слова подлинника: „такъ какъ ихъ никто не защищалъ“). Помимо этихъ методологическихъ недостатковъ, всѣ доказательства, заимствованныя изъ позднѣйшихъ источниковъ, не относятся къ „древнимъ“ славянамъ. Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо было показать, въ какіе хронологическіе предѣлы авторъ заключаетъ сферу быта „древнихъ“ славянъ въ противоположность славянамъ „новымъ“.

Отвѣчая своему оппоненту, г. Собѣстіанскій сказалъ, что тацитовскихъ венетовъ не онъ одинъ, а и большинство другихъ ученыхъ признаетъ славянами. Какъ не филологъ, онъ допускаетъ возможности и другихъ неточностей въ текстахъ и переводахъ, производимыхъ въ первой части его труда: онъ не занимается критическимъ изданіемъ памятниковъ и думаетъ, что отъ такихъ точностей не пострадали основные выводы его работы. Въ цитируемомъ мѣстѣ изъ Менаандра онъ обратилъ главное вниманіе на неприступность пункта, къ которому шли славяне, и усмотрѣлъ въ этомъ предпріятіи дока-

зательство ихъ воинственности. Что же касается точныхъ хронологическихъ разграниченій, то они невозможны, когда рѣчь идетъ о внутреннемъ бытѣ какого бы то ни было народа.

Защита была признана единогласно удовлетворительною, и дефендентъ удостоенъ искомой степени. Сообщено А. Н. Деревницкиѣ.

— 10 мая 1892 г. въ Московскомъ университетѣ состоялся диспутъ приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи М. С. Корелина, представившаго для полученія степени магистра всеобщей исторіи двухтомную диссертацию подъ заглавіемъ „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“.

Въ началѣ своей вступительной рѣчи г. Корелинъ констатировалъ всемірно-историческую важность гуманистическаго движенія, возникшаго на почвѣ Италіи въ XIV и XV столѣтіяхъ. Это движеніе вырабатывало начала весьма важныхъ сторонъ той цивилизаціи, которая составляетъ справедливую гордость новой исторіи. Сущность этого движенія заключается въ томъ, что средневѣковой варваръ доросъ до сознанія своего личнаго достоинства и важности своихъ духовныхъ стремленій и рвался изъ подъ суровой и стѣснительной опеки средневѣкового аскетизма, причемъ это движеніе коснулось всѣхъ сторонъ культурной жизни: морали, науки, искусства, литературы, педагогики и политики. Это освобожденіе личности отъ ига отжившихъ культурныхъ формъ и первые ея шаги въ новой исторіи и сдѣлались предметомъ спеціальнаго изученія г. Корелина.

Первоначально онъ имѣлъ въ виду остановиться на дѣятельности Лоренцо Валлы. Но при ближайшемъ изученіи ея оказалось, что Л. Валла и его сверстники стоятъ въ серединѣ процесса и что для пониманія и оцѣнки ихъ идей и стремленій слѣдуетъ выяснитъ общій характеръ движенія и дѣятельность ихъ предшественниковъ. Приступая къ этой работѣ, г. Корелинъ обратился прежде всего къ исторіографіи Возрожденія и замѣтилъ, что этой эпохи касались въ своихъ трудахъ не только тѣ изслѣдователи, которые спеціально ею занимались, но также и историки культуры, философіи, литературы, искусства, церкви и разныхъ отраслей науки. Во всей массѣ этихъ трудовъ обнаружилось поразительное разнообразіе возрѣній на источники движенія и на его сущность, а также и разногласіе въ оцѣнкѣ историческаго значенія гуманизма. Такимъ образомъ выяснилась потребность систематизировать все добытое до сихъ поръ по изученію Возрожденія, и эту систематизацію авторъ диссертациі сдѣлалъ одною изъ задачъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ осуществленіи этого дѣла авторомъ руководили соображенія двоякаго рода: одни—теоретическія, другія—практическія. Съ точки зрѣнія теоретической исторіи литературы о Возрожденіи есть превосходная иллюстрація исторіографіи

вообще и является однимъ изъ важныхъ параграфовъ въ исторіи развитія исторической науки. Съ точки зрѣнія практическихъ соображеній г. Корелину казалось полезнымъ дать возможность всякому изучающему Возрожденіе сразу оріентироваться въ литературѣ предмета тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было сдѣлано; при этомъ всякій читатель въ той же диссертациіи будетъ имѣть матеріалъ для критическаго отношенія къ историографическимъ выводамъ г. Корелина.

Что же касается результатовъ этой стороны изслѣдованія, то они сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: при всемъ разнообразіи воззрѣній на сущность гуманистическаго движенія наибольшую распространенностью между ними пользуются два взгляда: одни изслѣдователи (начиная съ Коччіо и Форести и кончая Фогтомъ) сводятъ гуманизмъ на реставрацію древности, другіе (Гегель и Бурггардтъ) видятъ въ немъ возрожденіе личности. Оба эти воззрѣнія при всемъ своемъ различіи сходны въ одномъ: они не явились выводами изъ научнаго изслѣдованія гуманистической литературы, да и вообще малое знакомство съ произведеніями гуманистовъ составляетъ характерную черту и важный недостатокъ историографіи Возрожденія, а эта черта обуславливается и состояніемъ источниковъ, и недостаточнымъ интересомъ къ эпохѣ. Слабость же интереса къ эпохѣ объясняется предразсудкомъ, что гуманистическая литература представляетъ собою механическое подражаніе древнимъ писателямъ, а кроиъ того Возрожденію долго приписывали антинаціональный и антихристіанскій характеръ. Только съ половины XIX в. обнаруживается замѣтный успѣхъ въ дѣлѣ болѣе глубокаго пониманія гуманистическаго движенія и соотвѣтственно съ этимъ болѣе болѣе интересъ къ его изученію. Но, несмотря на современное обиліе монографій о первыхъ гуманистахъ (особенно о Петраркѣ и Бокаччіо), до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи развитія ихъ міросозерцанія, но и его систематическаго и всесторонняго изложенія.

Эта-то подмѣченная въ первой части работы слабость документальной основы въ сужденіяхъ о гуманизмѣ и въ его исторіи и заставила г. Корелина по мѣрѣ силъ и возможности пополнить пробѣлъ изученіемъ первоисточниковъ, т.-е. произведеній самихъ гуманистовъ. Это вторая и труднѣйшая часть работы. Трудность ея объясняется малою доступностью гуманистической литературы: огромное большинство произведеній гуманистовъ хранится въ рукописяхъ, а многія изъ нихъ неизвѣстны даже по заглавію. Тѣмъ не менѣе тщательное изученіе соотвѣтствующаго рукописнаго матеріала, заключающагося въ Парижской національной бібліотекѣ, а главнымъ образомъ въ кодексахъ Ватиканской, Лауренціаны и Амброзіаны дало возможность

г. Корелину придти къ выводу, существенно отличному отъ общепринятыхъ воззрѣній—который онъ и формулировалъ въ слѣдующемъ тезисѣ: „Гуманистическая литература не представляетъ собою подражанія или воспроизведенія древности; ея главные виды: моральный, педагогическій и политическій трактаты, а также произведенія историческаго содержанія и переписка вызваны новыми потребностями и стоятъ въ неразрывной съ современной дѣйствительностью“ связи, а если содержаніе гуманистической литературы выражаетъ реальныя потребности тогдашняго общества, то возможна *документальная* исторія исторія этого движенія и указаніе фазисовъ его постепеннаго развитія, чего до сихъ поръ не сдѣлано въ работахъ по Возрожденію и что составило главнѣйшую цѣль изслѣдованія г. Корелина. Занимаясь такимъ *документальнымъ* изученіемъ гуманистической литературы съ возможной полнотой и въ исторической послѣдовательности, авторъ диссертациі пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „Два существенныхъ признака характеризуютъ гуманистическое движеніе: индивидуализмъ и глубокий интересъ къ классической древности, причемъ гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру, во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокому достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, насколько она имѣетъ вліяніе на человѣка.

2) Индивидуализмъ составляетъ только количественное, а не качественное отличіе гуманистовъ отъ ихъ предшественниковъ; ихъ качественная разница, составляющая сущность движенія, заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальных потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе.

3) Ранніе гуманисты стремились выработать новую этику, педагогику, политику и науку, такъ какъ церковно-аскетическія воззрѣнія ранѣе всего въ этой сферѣ столкнулись съ индивидуальными потребностями.

4) Ранніе гуманисты не были ни язычниками, ни атеистами; два первыхъ поколѣнія усердно старались примирить свои стремленія съ ученіемъ церкви; позже эти попытки становятся рѣже, и гуманисты дѣлаются совершенно свѣтскими мыслителями.

5) Въ моральной сферѣ гуманисты выставляли ученіе, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая эпоха, которая

не должна подавлять естественныхъ индивидуальныхъ свойствъ, а содѣйствовать ихъ правильному развитію.

6) Педагогическія идеи Верджеріо и Бруни сводятся къ тому, что воспитаніе должно быть построено на индивидуальныхъ особенностяхъ, должно развивать душу и тѣло, готовить человека для жизни и парализовать вредное вліяніе естественныхъ недостатковъ.

7) Ранніе гуманисты не имѣли опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній; они относились отрицательно къ средневѣковымъ политическимъ доктринамъ и къ сословнымъ привилегіямъ; но одни изъ нихъ предпочитали республиканскій строй, другіе—монархическій, третьи обнаруживали космополитическія тенденціи. Ихъ политическія воззрѣнія объединяются только отрицательнымъ отношеніемъ къ традиціямъ и тѣсною связью съ современной имъ дѣйствительностью.

8) Научные интересы раннихъ гуманистовъ были направлены, главнымъ образомъ, на изученіе древности и на исторію: въ этой послѣдней наукѣ они положили начало критикѣ источниковъ и вообще могутъ быть названы родоначальниками новой исторіографіи.

Стремленія гуманистовъ, указанные въ этихъ тезисахъ, объясняютъ, по мнѣнію г. Корелина, ихъ необыкновенное и непонятное на первый взглядъ увлеченіе классической литературой, но классики были только союзниками гуманистовъ, а не деспотическими вождями ихъ; ихъ произведенія были для гуманистовъ оружіемъ въ борьбѣ противъ средневѣковыхъ воззрѣній и авторитетною опорой при работѣ новаго міросозерцанія, и критицизмъ, свойственный движенію, распространялся и на классиковъ. Изученіе древности было не причиною гуманистическаго движенія, а только его проявленіемъ.

Кромѣ выясненія внутренней исторіи гуманизма, г. Корелинъ имѣлъ въ виду показать, что Возрожденіе не было связано съ какою-нибудь опредѣленной политической формой или съ какимъ-нибудь однимъ центромъ, и что движеніе обнаруживается повсюду въ Италіи почти одновременно. Собственно, эта задача въ общемъ разрѣшена удовлетворительно Фогтомъ, но Фогтъ интересовался только крупными именами; г. Корелинъ въ этомъ вопросѣ рѣшилъ не ограничиваться только „генералами и офицерами гуманистической арміи“, а составить возможно полные списки рядовыхъ, отыскать хотя бы только забытыя имена представителей гуманистической толпы: благодаря имъ можно найти слѣды гуманизма и въ такихъ центрахъ, гдѣ не было крупныхъ представителей этого движенія, а при такихъ условіяхъ взглядъ Фогта получаетъ существенное дополненіе, и въ него вносится важная поправка. Не менѣе важенъ вопросъ и о томъ, какіе слои общества захвачены были въ наибольшей степени волнами гуманистическаго движенія. По мнѣнію г. Корелина, всѣ классы образован-

наго общества попали въ этотъ потокъ, но вождями гуманистическаго движенія дѣлаются люди, вышедшіе, благодаря образованію, изъ необеспеченныхъ классовъ, наиболѣе свободныхъ отъ средневѣковыхъ традицій, и гуманизмъ создалъ новый общественный классъ—свѣтскую интеллигенцію.

Послѣдній вопросъ, который необходимо было рѣшить для вѣрности пониманія гуманизма,—это вопросъ о томъ, насколько это движеніе является туземнымъ для Италіи и насколько оно иноземнаго (византійскаго или даже арабскаго) происхожденія. Этотъ вопросъ г. Корелинъ рѣшаетъ въ пользу Италіи; однако при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что гуманисты руководились не національными, а общечеловѣческими тенденціями и что причины гуманистическаго движенія заключаются не въ національных особенностяхъ итальянцевъ, а въ условіяхъ культурнаго роста личности.

Оппонентами на диспутъ выступили профессора В. М. Герье, Н. И. Стороженко и Алексѣй Н. Веселовскій.

Профессоръ Герье сначала указалъ на нѣкоторые недостатки въ планѣ диссертациі; напр., гуманисты младшаго поколѣнія характеризуются ранѣе своихъ учителей. Затѣмъ онъ отмѣтилъ нѣкоторые недосмотры; такъ, въ одномъ мѣстѣ въ текстѣ диссертациі неточно переданъ смыслъ словъ Салютати, приведенныхъ тутъ же въ примѣчаніи въ оригиналѣ, что же касается возраженій по существу, то они касались слѣдующихъ пунктовъ: 1) В. И. Герье не соглашался съ толкованіемъ взгляда Гегеля на Возрожденіе, даннымъ въ диссертациі; 2) по мнѣнію оппонента, взгляды Конта переданы слишкомъ коротко и неполно; 3) оппонентъ находилъ, что г. Корелинъ даетъ слишкомъ широкую характеристику индивидуализма, и, наконецъ, 4) В. И. Герье указалъ, что въ полемикѣ съ Фогтомъ, сводившимъ гуманизмъ на реставрацію древности, авторъ разбираемой диссертациі впадаетъ въ противоположную крайность.

Н. И. Стороженко, отмѣтивши также нѣкоторые недостатки плана диссертациі (напр., въ характеристикѣ возрѣвній Петрарки, по мнѣнію его, не отмѣчено историческое ихъ развитіе), главнымъ образомъ возражалъ противъ мнѣнія г. Корелина, что гуманисты не были проповѣдниками вѣротерпимости, и находилъ, что именно такой смыслъ имѣетъ новелла Бокаччіо о 3 кольцахъ, что отрицаетъ г. Корелинъ.

А. Н. Веселовскій находилъ существеннымъ пробѣломъ диссертациі то, что въ ней совершенно не отведено мѣста Данте, утверждая, что несправедливо относить Данте только къ предшественникамъ гуманистовъ, когда на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ въ ихъ ряду.

По прочтеніи факультетскаго отзыва, диспутъ закончился призна-

нием за г. Корелином степени доктора всеобщей истории помимо степени магистра. Приводимъ и самый факультетскій отзывъ.

Представленный въ факультет трудъ магистранта Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“ заключаетъ въ себѣ два отдѣльных изслѣдованія: 1) критическій обзоръ литературы по общему вопросу о причинахъ и значеніи гуманизма, равно какъ и специальной литературы по первому вѣку итальянскаго гуманизма и 2) научное изслѣдованіе о первомъ вѣкѣ итальянскаго гуманизма на основаніи прежде извѣстныхъ, а также и новыхъ источниковъ.

Первая часть труда обнимаетъ собою все обширное *введение*, половину главы, посвященной Петраркѣ, и второй главы, посвященной Боккаччіо, и почти всю IV главу о литературѣ Возрожденія— всего же 436 стр. Вторая часть труда — изслѣдованіе о раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ обнимаетъ 650 стр., не включая приложений.

Причина, почему авторъ соединилъ въ одномъ сочиненіи оба изслѣдованія, заключается въ томъ, что онъ желалъ основать свой критическій обзоръ пособій на изученіи самихъ источниковъ, а съ другой стороны въ своемъ изслѣдованіи отправляться отъ взглядовъ и критическихъ указаній своихъ предшественниковъ.

Первое изъ упомянутыхъ изслѣдованій представляетъ собою полное критическое обзорѣніе всѣхъ сочиненій по всеобщей исторіи и исторіи Италіи, по исторіи культуры и литературы, по философіи исторіи и исторіи философій, по исторіи церкви, искусства и филологіи, въ которыхъ разсматривался вопросъ о гуманизмѣ. Эта часть свидѣтельствуетъ объ обширной начитанности автора и его добросовѣстномъ ознакомленіи съ литературою вопроса, которому онъ и посвятилъ свой долготѣнній трудъ.

Второе изслѣдованіе представляетъ собою основательный анализъ произведеній и талантливую характеристику взглядовъ и идей итальянскихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки. Не ограничиваясь печатнымъ матеріаломъ по большей части разсѣяннымъ въ старинныхъ и мало доступныхъ изданіяхъ или въ специальныхъ журналахъ— особенно итальянскихъ, авторъ обратился къ рукописному отдѣлу библиотекъ—Ватиканской въ Римѣ, Амброзіаны въ Миланѣ, Лауренціаны во Флоренціи, Національной въ Парижѣ и Британскаго музея и извлекъ изъ нихъ такіе источники для ранней поры итальянскаго гуманизма, которыми не пользовались предшествующіе изслѣдователи. Такъ напр., онъ излагаетъ содержаніе неизданныхъ сочиненій Леонардо Бруни—*de institutione adolescentium* и *Nobilitatis Contentio*, впервые знакомитъ ученый міръ съ неизвѣстнымъ діалогомъ Манетти—*Symposium* и съ нѣсколькими неизданными трактатами Салютати

(de Fato et Fortuna, de Seculo et Religione, de Tyrannis и его рѣчь въ защиту Лукреціи), и загадочнаго Джіованни да Равенна (*Historia Elysiae, Contentio podagram et araneam etc.*). Нѣкоторые изъ этихъ неизвѣстныхъ памятниковъ изданы авторомъ въ приложеніяхъ. Благодаря такому обилію впервые введеннаго въ дѣло матеріала, личности нѣкоторыхъ гуманистовъ получили болѣе опредѣленные очертанія. Въ особенности это нужно сказать о Леонардо Бруни и Джіованни да-Равенна, которые освѣщаются у автора совершенно новымъ свѣтомъ. Равнымъ образомъ при свѣтѣ новыхъ матеріаловъ разъяснились полнѣе также нѣкоторыя черты въ самомъ движеніи, получили напр. болѣе обстоятельную оцѣнку усилія раннихъ итальянскихъ гуманистовъ выработать себѣ новыя этическія доктрины или преобразовать педагогику на новыхъ началахъ и болѣе подробно выяснено отношеніе гуманистовъ къ политическимъ вопросамъ.

Не довольствуясь характеристикой главныхъ дѣятелей, авторъ пытался собрать свѣдѣнія о количествѣ и общественномъ положеніи лицъ, примыкавшихъ къ гуманистическому движенію и представилъ первый обзоръ распространенія гуманизма по областямъ и городамъ Италіи. Наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ пытался на основаніи добытыхъ имъ данныхъ освѣтить вопросъ о причинахъ и культурномъ значеніи гуманизма, и если даже признать спорною общую идею, проводимую здѣсь авторомъ, то постановка вопроса въ связи съ многочисленными для его рѣшенія данными, приведенными въ изслѣдованіи, должно значительно содѣйствовать окончательному выясненію одного изъ крупнѣйшихъ вопросовъ новой исторіи.

Въ виду указанныхъ данныхъ за сочиненіемъ магистранта Корелина нужно признать выдающееся и прочное значеніе въ исторической литературѣ. Оно представляетъ собою полный критическій реперторій по всѣмъ областямъ исторической литературы по извѣстному вопросу, полезный для всѣхъ занимающихся исторіей въ обширномъ смыслѣ. Оно представляетъ собою научныя данныя, которыя значительно пополняютъ и исправляютъ свѣдѣнія о раннемъ гуманизмѣ и, наконецъ, разсматривая на основаніи новыхъ и обильныхъ данныхъ вопросъ о причинахъ и значеніи гуманизма, оно представляетъ собою научный трудъ, съ которымъ по необходимости долженъ будетъ знакомиться всякій, занимающійся въ Россіи всеобщей исторіей.

На основаніи всего этого мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь предложить историко-филологическому факультету признать, что трудъ магистранта Корелина заключаетъ въ себѣ два отдѣльныхъ изслѣдованія, изъ которыхъ одно критика литературы предмета, удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ диссертациі на степень магистра — а другое, самостоятельное научное изслѣдованіе, обогатившее

науку новыми данными, удовлетворяет требованіямъ, представляемымъ къ диссертациі на степень доктора Всеобщей Исторіи,—и въ виду этого допустить магистранта Корелина къ публичной защитѣ своихъ изслѣдованій — по усмотрѣнію факультета — или въ одномъ, общемъ засѣданіи факультета, или въ двухъ отдѣльныхъ засѣданіяхъ для полученія степени магистра и доктора Всеобщей Исторіи ¹⁾).

— Въ воскресенье 17 мая въ актовомъ залѣ московскаго университета приватъ-доцентъ П. Н. Миллюковъ публично защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго (Спб. 1892. in 8-во стр. XVI+736+156. Ц. 3 руб. 50 коп. первоначально печаталась въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1890 г. №№ 9, 10 и 11; 1891 г. №№ 1, 3, 8 и 10; 1892 г. №№ 1 и 2; см. о ней отзывы въ Nordisk Tidskrift, 1892, 407—433, въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ № 2, стр. 58—60, „Библиографическихъ Запискахъ“ № 6, стр. 449—450, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, № 109, „Русскомъ Обзорѣніи“, № 4, „Русской Мысли“ № 4, стр. 53—56, „Историческомъ Вѣстникѣ“ № 6, стр. 766 — 779, „Вѣстникѣ Европы“ № 8, стр. 818—833; въ „Русской Мысли“, № 9, стр. 205—208 отвѣтъ рецензенту „Вѣстника Европы), представленную имъ для полученія степени магистра русской исторіи. Официальными оппонентами выступили проф. В. О. Ключевскій и приватъ-доцентъ В. Е. Якушкинъ (послѣдній вмѣсто отказавшагося за болѣзнію проф. Ив. Ив. Янжула). Диспутъ по обычаю начался рѣчью диссертанта, которая представляетъ собою вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ исторіи происхожденія диссертациі нѣсколько распространенное изложеніе девятнадцати тезисовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ диссертациі; рѣчь напечатана цѣликомъ въ іюльской книжкѣ „Русской Мысли“ (стр. 57—66), такъ что для настоящаго отчета о диспутѣ вполне достаточно будетъ привести подлинный текстъ тезисовъ и обратить вниманіе лишь на заключительныя слова рѣчи.

1. Государственная реформа Петра Великаго, какъ въ общемъ своемъ ходѣ, такъ и въ большинствѣ подробностей, вызвана потребностями государственнаго хозяйства, которыя, въ свою очередь, зависели отъ военныхъ нуждъ Петровскаго времени.

2. Въ общемъ своемъ ходѣ реформа прошла три фазиса, соотвѣтствующіе тремъ различнымъ системамъ государственнаго управленія: приказной системѣ (1682 — 1709 гг.), губернской системѣ (1710—1718 гг.) и коллежской системѣ (1719—1725 гг.).

¹⁾ Отзывъ этотъ подписавъ проф. В. И. Герье и Н. И. Стороженкомъ. Отчетъ о диспутѣ сообщенъ В. Н. Беркутомъ.

3. Старая приказная система государственного хозяйства, существенно видоизмѣнившаяся уже ко времени Петра, окончательно разрушилась въ его время вслѣдствіе отвлеченія старыхъ поступленій на удовлетвореніе новыхъ потребностей, вслѣдствіе сосредоточенія главнѣйшихъ сборовъ въ одномъ учрежденіи (ратушѣ) и одновременнаго паденія старыхъ областныхъ приказовъ, и, наконецъ, вслѣдствіе появленія новыхъ военныхъ и финансовыхъ учреждений съ новыми специальными сборами.

4. Кромѣ новыхъ специальныхъ налоговъ, правительство нашло новые источники дохода въ портѣ монеты, переработкѣ казенныхъ статей и монополизациі главныхъ предметовъ торговли. Огромный добавочный доходъ съ этихъ статей далъ возможность покрыть чрезвычайные военные расходы перваго десятилѣтія XVIII в.

5. Истощивъ къ концу этого десятилѣтія старые и новые ресурсы, правительство Петра очутилось передъ финансовымъ кризисомъ. Чтобы выйти изъ него, оно обратило всѣ поступления государства на нужнѣйшіе расходы (армію, флотъ, дипломатію и дворъ), поручило взиманіе доходовъ на мѣстѣ довѣреннымъ лицамъ и обязало каждую областную кассу непосредственно содержать опредѣленную часть арміи и платить въ опредѣленные учреждения. Таковъ смыслъ введенія губерній (1708—1712 гг.) и губернской табели (1710 г.).

6. Образованіе губерній завершило процессъ формированія военно-финансовыхъ округовъ, начавшійся еще въ XVII столѣтіи и почти закончившійся въ первые годы Сѣверной войны, еще до губернской реформы.

7. Образованіе губерній сдѣлало ненужными бѣольшую часть сохранившихся приказовъ, частью получившихъ теперь значеніе московскихъ губернскихъ учреждений, превратившихся частью въ московскія конторы (коммисарства) другихъ губерній.

8. Ликвидация стараго центрального управленія оставила пробѣлъ въ административной системѣ и на первый разъ сдѣлала необходимымъ учрежденіе сената, какъ высшаго контролирующаго и какъ непосредственно хозяйственнаго учрежденія.

9. Практика губернской организаціи вскорѣ обнаружила недостаточность послѣдней, происходившую частью отъ формальныхъ, частью отъ реальныхъ причинъ. Формальныя причины заключались въ недостаткѣ единства и въ невозможности своевременнаго контроля. Реальныя затрудненія состояли въ невозможности при возрастающихъ потребностяхъ остаться въ рамкахъ табели 1710 г. Въ результатѣ тѣхъ и другихъ табель не исполнялась, и важнѣйшія нужды оставались неудовлетворенными своевременно.

10. Вытекавшее отсюда положеніе вещей сдѣлалось предме-

томъ оживленнаго совмѣстнаго обсужденія правительства и общества въ формѣ „доношеній“ свѣдущихъ людей правительству. Реформа вступила вмѣстѣ съ этимъ въ послѣдній, болѣе сознательный фазисъ.

11. Въ 1711—1713 гг. „доношенія“ ограничиваются совѣтами примѣнить для пополненія казны мѣры фискальной политики, уже испробованныя и истощенныя въ первомъ десятилѣтіи. Неудача принятыхъ по этимъ совѣтамъ мѣръ приводитъ и совѣтчиковъ, и правительство къ отказу отъ узкой фискальной политики и къ принятію меркантилистической теоріи государственнаго покровительства національной промышленности и торговли.

12. Въ послѣдующіе годы „доносители“ и правительство все болѣе проникаются сознаніемъ необходимости устранить формальные недостатки губернской организаціи съ помощію административной реформы и реальныя затрудненія съ помощію податной реформы. По существу дѣла, главною цѣлью административной реформы становится реставрація центральныхъ учреждений, главною цѣлью податной—измѣненіе формы обложенія.

13. Новая административная реформа 1718—1722 гг. переноситъ въ Россію шведскія центральныя и областныя учрежденія. Но заимствованіе центральныхъ учреждений остается черезчуръ вѣшнимъ вслѣдствіе трудности—перенести въ Россію организацію коллежскаго дѣлопроизводства. Заимствованіе областныхъ учреждений оказывается еще болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе невозможности покрыть Россію сѣтью мелкихъ административныхъ единицъ и поставить послѣднія въ тѣсную связь съ населеніемъ: значительное увеличеніе размѣровъ областной единицы и оторванность областного начальства отъ населенія оставляютъ только слабое и формальное сходство между образомъ и подражаніемъ.

14. Другое затрудненіе при введеніи новыхъ учреждений заключалось въ томъ, что не были отиѣнены старыя и не была предусмотрена необходимость согласовать ихъ съ новыми: севать съ коллегіями, губерніи съ провинціями.

15. Менѣе зависимою отъ иностранныхъ образцовъ была податная реформа 1718—1722 гг., необходимость которой вытекала изъ факта уменьшенія податнаго населенія Россіи, обнаруженнаго подворными переписями 1710 и 1717 гг., изъ невозможности взимать новые спеціальныя налоги при существованіи старыхъ и изъ необходимости слить тѣ и другіе въ одинъ прямой военный налогъ и увеличить размѣры послѣдняго.

16. Взиманіе подушной подати соединено было съ расквартировкой арміи по уѣздамъ: то и другое существенно видоизмѣняло дѣятельность новыхъ областныхъ учреждений.

17. Несоответствие заимствованных административных образцовъ съ русскими условіями вызвало необходимость дальнѣйшаго приспособленія только-что введенной реформы въ русской дѣйствительности. Начавшись при Петрѣ, приспособленіе это закончилось при его ближайшихъ преемникахъ почти полною отиѣной новой областной организаціи и выведеніемъ арміи изъ уѣздныхъ квартиръ.

18. Подвергалась вопросу и податная реформа; но въ виду подробностей бюджета правительство не могло отказаться ни отъ тяжелой для населенія подушной подати, ни отъ экономически-вредной регальной политики.

19. Петръ Великій не внесъ въ реформу государственныхъ учреждений ни того знанія, съ которымъ онъ проводилъ военную реформу, ни того увлеченія, съ которымъ онъ проводилъ реформу культурную. За отсутствіемъ того и другого, эта часть реформы осуществлялась безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, подъ давленіемъ текущихъ обстоятельствъ и подъ сильнымъ вліяніемъ „доносителей“. Этими обстоятельствами объясняютъ полное отсутствіе въ ней послѣдовательности и единства.

Заключительныя слова рѣчи диссертанта обрисовываютъ до извѣстной степени его историческое міросозерцаніе, весьма существенно разнѣющееся отъ наиболѣе распространенныхъ воззрѣній и имѣющее возбудить, конечно, не мало споровъ (эти заключительныя слова рѣчи необходимо сопоставить съ XIII-ю страницей предисловія къ книгѣ). „Что касается спеціально моего отношенія къ роли означеннаго творчества въ историческомъ процессѣ, говорилъ г. Милуковъ, я полагаю, что требованія научнаго изученія налагаютъ на меня только методологическую обязанность въ этомъ отношеніи: именно, какъ историкъ, я не могу оцѣнивать это сознательное творчество съ точки зрѣнія идеала или искусства. Для меня несомнѣнно, что задачи науки и искусства различны, такъ какъ одна имѣетъ дѣло съ міромъ причинности, а другая—съ міромъ цѣлесообразности. Такъ какъ все, что существуетъ, подлежитъ закону причинности ¹⁾, то подлежатъ этому закону и явленія цѣлесообразности. Отрицать существованіе послѣднихъ можно было бы только на основаніи обратнаго умозаключенія: если явленія цѣлесообразности не подлежатъ или признаются не подлежащими закону причинности, то они въ этомъ смыслѣ и не существуютъ. Всякое же другое отрицаніе ихъ было бы извѣстной принципу научнаго объясненія и произвольнымъ служеніемъ сферы научнаго вѣдѣнія, слѣдовательно, такое отрицаніе было бы не-

¹⁾ Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о „существованіи“ и „причинности“ феноменологической. Слова диссертанта.

научно. Когда объективная, или генетическая социология отрицает существование сознательного творчества или ставит законы эволюции на место сознательных идеалов человечества, она, несомненно, превышает свои полномочия и выходит из своей естественной сферы. Когда, с другой стороны, субъективная, или динамическая социология пытается представить свои идеалы, как совпадающие с естественной тенденцией исторического процесса, или когда она хочет построить теорию прогресса на субъективной нравственной оценке отрывочных явлений исторического прошлого, она, может быть, дѣлает очень полезное дѣло въ воспитательномъ смыслѣ, но это дѣло, какъ мнѣ кажется, ничего не имѣетъ общаго съ наукой. Оба эти вида смѣшенія науки съ этикой и этики съ наукой нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются; оба взгляда взаимно критикуютъ другъ друга, что не мѣшаетъ намъ признавать оба одинаково незаконными. Слѣдовало бы, мнѣ кажется, точнѣе разграничивать обѣ области знанія и творчества: помнить, что „древо знанія не есть древо жизни“, и предоставить представителямъ науки искать научнаго объясненія исторической дѣятельности „героевъ“, а людямъ жизни—примѣнять этическую точку зрѣнія не для мало полезной реабилитаціи прошедшаго, и для подготовки лучшаго будущаго“.

Первымъ возражалъ *проф. В. О. Ключевскій*, представившій въ факультетъ о диссертации г. Милюкова весьма подробный отзывъ, который, по окончаніи диспута, и былъ прочитанъ деканомъ проф. М. М. Троицкимъ съ нѣкоторыми сокращеніями. Приводимъ этотъ отзывъ въ той редакціи, въ какой онъ былъ прочитанъ публично (текстъ его записанъ безъ всякихъ пропусковъ или измѣненій):

„Авторъ самъ обозначилъ *тему своего изслѣдованія*, сказавъ въ предисловіи, что „финансовыя затрудненія должны были быть главною движущей пружиной реформаціонной дѣятельности Петра, и что необходимо, слѣдовательно, привести ходъ реформы въ связь съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи“. Но эта мысль представляется автору „скорѣе апіорнымъ постулатомъ новыхъ историческихъ воззрѣній, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго изученія реформы“, для чего „мы до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало подходящаго матеріала“. Этотъ пробѣлъ авторъ и имѣлъ въ виду пополнить своимъ изслѣдованіемъ (стр. XIV). Темъ, такъ выраженной и мотивированной, авторъ далъ довольно *сложное* развитіе. Въ своемъ трудѣ онъ слѣдитъ параллельно за двумя рядами явленій, тѣсно связанными между собою, за *измѣненіями государственнаго бюджета* и за *перестройкой финансоваго управленія*. Въ первой (вступительной) главѣ онъ изложилъ общій, впрочемъ, довольно обстоятельный очеркъ податной системы и финансовой администраціи въ Московскомъ государствѣ XVII в.,

въ связи съ его военной организаціей. При этомъ авторъ показалъ, какъ улучшенія, введенныя въ эту организацію по западнымъ образцамъ, подъ вліяніемъ войны, веденныхъ государствомъ на западѣ, вызвали столь существенныя перемѣны и въ системѣ податей, и въ устройствѣ финансоваго управленія, что ко времени Петра, въ концѣ XVII в., московское государственное хозяйство уже мало походило на то, какимъ оно было въ началѣ этого столѣтія (стр. 105). Не смотря на быстрый ростъ военныхъ расходовъ, возвысившихъ въ продолженіе вѣка стоимость содержанія арміи „по меньшей мѣрѣ въ 2¹/₂ раза“ (стр. 54), приказное московское хозяйство принятыми имъ финансовыми мѣрами умѣло до времени Петра поддержать выгодный балансъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, такъ что по росписи 1680 г. оказался остатокъ, равнявшійся приблизительно 27—30% расходовъ (стр. 104—105).

Но далѣе, обращаясь ко времени Петра, авторъ изображаетъ постепенное разрушеніе этого приказнаго московскаго хозяйства, уже начатое финансовыми мѣропріятіями ближайшихъ предшественниковъ Петра. Исходя изъ факта этого разрушенія, авторъ различаетъ въ ходѣ реформы три періода, въ которые смѣнились три порядка и которые авторъ называетъ „періодами приказнаго, губернскаго и коллежскаго хозяйства“ (стр. 709). Соответственно этому и изслѣдованіе раздѣлено на три отдѣла.

Первый періодъ приказнаго хозяйства, заключенный авторомъ въ хронологическіе предѣлы 1682 — 1709 годовъ, является въ его изслѣдованіи собственно эпохой разрушенія старыхъ приказно-финансовыхъ учреждений. Это разрушеніе авторъ объясняетъ двумя причинами, которыя обѣ вытекли изъ одного источника, изъ военныхъ нуждъ, вызванныхъ образованіемъ новой арміи и флота. Во-первыхъ, сосредоточеніе въ новомъ учрежденіи, въ московской Ратушѣ, большей части старыхъ сборовъ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ областнымъ приказамъ, оставляетъ послѣдніе безъ финансоваго дѣла, вслѣдствіе, чего одни изъ нихъ прекращаютъ свою дѣятельность, а другіе сокращаютъ ее. Во-вторыхъ, военныя нужды, непрерывно возрастающія съ развитіемъ войны, вызываютъ введеніе новыхъ налоговъ и устройство новыхъ военно-финансовыхъ учреждений. Вслѣдствіе усиленной разработки новыхъ источниковъ дохода рядомъ съ общимъ государственнымъ бюджетомъ образуется новый специальный, среди старыхъ приказныхъ вѣдомствъ вырастаетъ рядъ новыхъ военно-финансовыхъ мѣстъ съ особыми задачами и административными отношеніями. Но всѣ эти средства и усилія не могли сохранить равновѣсія въ бюджетѣ, который еще въ 1701 г., заключившись подобно смѣтѣ 1680 г. съ значительнымъ, почти полумилліоннымъ перевѣсомъ доходовъ надъ

расходами, 8 лѣтъ спустя грозилъ уже полумилліоннымъ дефицитомъ, соотвѣтствовавшимъ крайнему истощенію платежныхъ силъ народа, которое обстоятельно изображено авторомъ на основаніи сопоставленія переписей 1680 и 1710 гг. въ четвертой, послѣдней главѣ перваго отдѣла изслѣдованія.

Эти затрудненія,—говоритъ авторъ,—привели старыя учрежденія къ окончательному кризису и вызвали новый финансовый порядокъ, который, по плану автора, образуетъ второй моментъ въ ходѣ реформы, періодъ губернскаго хозяйства, дѣйствовавшаго въ 1710—1718 годахъ. Органами этого новаго порядка, смѣнившаго приказно-хозяйственное управленіе, были губернскія учрежденія, сформировавшіяся въ 1708—1711 годахъ. Поставивъ губернское устройство въ генетическую связь съ военными округами XVII вѣка, авторъ въ V, VI и VII главахъ своего сочиненія подробно изслѣдуетъ происхожденіе губерній, организацію губернскаго хозяйства и его функционированіе въ 1710—1718 годахъ. Настоящій корень этой губернской реформы авторъ видитъ въ военно-финансовой экономіи Петра.

Такъ какъ наличныя финансовыя средства не покрывали всѣхъ текущихъ расходовъ, общегосударственныхъ и мѣстныхъ, то оставалось обратиться къ первымъ, какъ болѣе настоятельныя, жертвуя послѣдними. По мнѣнію автора, идея первыхъ петровскихъ губерній состояла въ томъ, чтобы, взявъ центральныя финансовыя учрежденія, создать нѣсколько мѣстныхъ кассъ, которыя, стоя ближе къ податнымъ плательщикамъ, захватывали бы государственные сборы въ самомъ ихъ источникѣ и, не давая тратить ихъ на мѣстныя нужды, полностью направляли бы поступленія, мимо центральныхъ учреждений, прямо на покрытие важнѣйшихъ общегосударственныхъ, т.-е. прежде всего военныхъ нуждъ (стр. 713). На эти 8 мѣстныхъ кассъ и разложено было содержаніе частей арміи вмѣстѣ съ другими главнѣйшими расходами.

Образованіе этихъ губернскихъ кассъ сопровождалось очень важными неудобствами. Эти неудобства авторъ указываетъ, во-первыхъ, въ разрушеніи центральной администраціи, а вмѣстѣ и финансовой отчетности. Далѣе, подробный обзоръ практики губернскаго хозяйства (отд. II, гл. VII, § 28) показалъ автору, что ни сокращеніемъ расходовъ, ни возвышеніемъ губернскихъ окладовъ дохода это хозяйство не было въ состояніи удержать бюджетъ въ равновѣсіи. Изъ этихъ недостатковъ губернскаго хозяйства родилась двойная потребность: 1) въ восстановленіи разрушенной центральной администраціи; 2) въ общей податной реформѣ. Возникновеніемъ этихъ потребностей обозначилось наступленіе третьяго момента въ ходѣ реформы, коллежскаго хозяйства, складывавшагося въ послѣднія 6 лѣтъ жизни Петра.

Удовлетвореніе обѣихъ почувствованныхъ потребностей авторъ ставитъ въ тѣсную связь съ цѣлой литературой преобразовательныхъ проектовъ, представленныхъ Петру, въ которыхъ иностранные и туземные публицисты обсуждали и предлагали средства исполненія какъ административной, такъ и податной реформъ. Авторъ подробно изложилъ эти проекты въ VII главѣ своего изслѣдованія. Петръ разбиралъ эти проекты, одни принималъ и приводилъ въ исполненіе, какъ они предлагались, другіе видоизмѣнялъ при исполненіи, приноравливаясь къ положенію дѣлъ, какъ самъ понималъ его, иные оставлялъ безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, центральное управленіе, „единственнымъ представителемъ“ котораго, по словамъ автора, съ 1711 г. оставался Сенатъ, было возстановлено въ видѣ коллегій, устроенныхъ по образцу шведскихъ, а подушная подать замѣнила прежніе прямые налоги подворного обложенія, оказавшагося и несправедливымъ по своей неравномѣрности, и невыгоднымъ для казны, потому что оно не захватывало всѣхъ рабочихъ силъ, способныхъ нести податныя тягости. Въ IX и X главахъ, авторъ изложилъ исполненія и результаты обѣихъ реформъ, которыя преобразователь оставилъ неоконченными и явно несогласованными. Въ заключительной XI главѣ авторъ сводитъ итоги своего изслѣдованія.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ сочиненія г. Милюкова съ его главными выводами. Авторъ собралъ очень обильный запасъ средствъ для разрѣшенія своей задачи въ тѣхъ границахъ, какія онъ ей назначилъ. Сверхъ изданныхъ матеріаловъ для исторіи реформъ Петра, количество которыхъ сравнительно невелико, авторъ широко воспользовался и неизданными архивными документами. Съ этой стороны изслѣдованіе г. Милюкова отличается рѣдкой полнотой изученія своихъ источниковъ. Главныя хранилища, изъ которыхъ онъ черпалъ, это московскіе архивы министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и нѣкоторые отдѣлы государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. Отсюда авторъ извлекаетъ много новыхъ, еще не тронутыхъ изученіемъ и весьма цѣнныхъ данныхъ, изъ коихъ важнѣйшіе онъ помѣстилъ цѣликомъ или въ обработкѣ въ обширныхъ приложеніяхъ къ своей диссертациі: это государственныя росписи за 1680, 1701—1709 и 1724 гг. Слѣды неуплаты документальнаго изученія финансовой дѣятельности нѣкоторыхъ учреждений, напримѣръ, Монастырскаго и Патріаршихъ приказовъ, также книгъ Ландратской переписи 1716 и 1717 гг. и организаціи косвенныхъ налоговъ объясняются планомъ рѣшенія задачи, какой составилъ себѣ авторъ. По самому свойству темы и основныхъ источниковъ, изслѣдованіе г. Милюкова получило статистическій характеръ, — чѣмъ опредѣлились и приемы, которыхъ онъ держался. Числовыя данныя, найденныя въ документахъ, авторъ свелъ въ

многочисленные таблицы, которыми наполнено его сочинение. Эти таблицы носят на себя слѣды тщательной и терпѣливой обработки сырого матеріала, извлеченнаго изъ источниковъ. Внимательно изучая обширный матеріалъ, авторъ старался не обронить ни одного сколько-нибудь значительнаго числового показанія, встрѣченнаго въ документѣ, и даже иногда вносилъ въ свою книгу отрывочныя или искусственно составленныя числовыя данныя, не дающія цѣльнаго и прямого указанія на изслѣдуемый предметъ, и только обременяющія изслѣдованіе подробностями, которыя трудно свести къ надежному научному выводу (см. напр. § 6 въ I главѣ сочиненія). Тщательную статистическую обработку собраннаго матеріала авторъ не всегда соединялъ съ критическимъ разборомъ документовъ, изъ которыхъ этотъ матеріалъ извлекался, не всегда принималъ во вниманіе тѣ условія, при которыхъ составлялись иныя встрѣчающіяся въ этихъ документахъ финансовыя росписи и вычисления, и благодаря которымъ, этими росписями и вычислениями можно воспользоваться не столько для изученія государственнаго хозяйства того времени, сколько для характеристики пріемовъ тогдашней статистики и бухгалтеріи. Недостатокъ такой критики особенно замѣтенъ въ изложеніи результатовъ переписиси 1710 г. (т. IV).

Обиліе матеріала, собраннаго и обработаннаго авторомъ, дало ему возможность достигнуть въ своемъ трудѣ многихъ крупныхъ и цѣнныхъ выводовъ. Можно сказать, что русскій государственный бюджетъ возстановленъ авторомъ почти за все время царствованія Петра I съ нѣкоторыми только перерывами (напр. за промежутокъ 1711—1718 годовъ—періодъ губернскаго хозяйства),—перерывами, въ которыхъ, впрочемъ, виновата неполнота сохранившихся документовъ, а не неполнота изученія ихъ авторомъ. Точно также розысканія автора о перестройкѣ финансоваго управленія уяснили много явленій въ ходѣ административной реформы Петра, остававшихся доселѣ неясными или сомнительными: таковы главы о происхожденіи и устройствѣ губерній, объ учрежденіи коллегій и о связанной съ этой реформой реорганизаціи губернскаго управленія; сюда же можно отнести и любопытную по новизнѣ и своеобразному характеру матеріала VIII главу о литературѣ проектовъ, представленныхъ Петру передъ коллежской реформой и выясняющихъ степень зависимости преобразовательныхъ мѣръ Петра отъ мнѣній современныхъ ему дѣльцовъ и публицистовъ, хотя эта зависимость нѣсколько преувеличена авторомъ.

Сводя главные итоги разсматриваемаго сочиненія, можно спросить, какъ отвѣтилъ авторъ на вопросъ, поставленный имъ въ пре-

дисловіи. Вопросъ о связи хода реформы съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи, конечно, содержитъ въ своемъ составѣ и задачу—объяснить, какое дѣйствіе оказало это хозяйство на ходъ, порядокъ, приемы и самую программу реформы, и, какъ въ свою очередь, само измѣнялось подѣ дѣйствіемъ реформы, въ программу которой и оно входило. Прямого и отчетливаго отвѣта на этотъ вопросъ не находимъ въ книгѣ. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, заботливо держится въ кругу явленій государственнаго хозяйства, въ трафаретѣ финансовъ росписи,—касаясь другихъ сферъ государственной жизни лишь настолько, насколько находилъ это соотвѣтствующимъ принятому имъ плану изслѣдованія. Посвящая значительные отдѣлы своей книги изложенію реформъ въ управленіи общегосударственномъ и спеціально-финансовомъ, авторъ обращаетъ гораздо меньше вниманія на источники государственнаго дохода, останавливаясь въ ихъ изученіи преимущественно на организаціи *прямого* обложенія и едва касаясь устройства важнѣйшихъ изъ *косвенныхъ* налоговъ; а такую близкую къ государственному хозяйству область, какъ хозяйство народное, оставляетъ въ тѣни. На послѣднихъ страницахъ заключительной главы, онъ высказываетъ нѣсколько общихъ и краткихъ замѣчаній, частью даже намековъ, объ отношеніи изученнаго имъ круга явленій къ другимъ сторонамъ реформы,—именно культурной, военной, дипломатической, соціальной и государственной (стр. 732—735). По здѣсь рѣчь идетъ болѣе о другихъ точкахъ зрѣнія на реформу вообще, съ которыхъ смотрѣли на нее прежніе изслѣдователи. Если что здѣсь соприкасается нѣсколько съ темой изслѣдованія, то это—сужденіе автора о необходимости и своевременности цѣлей, какія поставилъ себѣ преобразователь. Авторъ готовъ признать и необходимость ихъ и своевременность, но послѣднюю только по отношенію къ внѣшнему положенію Россіи,—къ европейской политикѣ, въ которой Россія, по его выраженію, „не могла отсутствовать“. Но онъ отвергаетъ эту своевременность по отношенію къ внутреннему положенію страны, говоря, что „новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія; политическій ростъ государства, прибавляетъ авторъ, опять опередилъ его экономическое развитіе“. По здѣсь, какъ видимъ, опредѣляется *отношеніе* экономическаго развитія государства къ его внѣшнимъ задачамъ или политическому росту, а не *связь* хода реформы съ государственнымъ хозяйствомъ.

Въ трудѣ г. Милюкова,—обильномъ фактами и выводами по исторіи государственнаго хозяйства Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка,—внимательный читатель найдетъ много фактическихъ

указаній для рѣшенія вопроса о связи этого хозяйства съ ходомъ реформы Петра; но, повторяемъ, самъ авторъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ достаточно прямо и отчетливо.

Впрочемъ, качества ученаго труда, обнаруженные авторомъ въ изслѣдованіи государственнаго хозяйства и финансовой администраціи при Петрѣ Великомъ, полнота изученія матеріала въ предѣлахъ такъ поставленной задачи, тщательная обработка и стройная группировка данныхъ, обиліе новыхъ и основательно доказанныхъ выводовъ, выкупающая отмѣченные недостатки, представляютъ *достаточное основаніе*, чтобы признать диссертацию г. Милюкова заслуживающей исковой авторомъ степени магистра русской исторіи“.

Свои возраженія *проф. Ключевскій* началъ съ общей характеристики работы г. Милюкова. Двѣ главныхъ черты, по мнѣнію оппонента, отличаютъ книгу г. Милюкова: 1) важность отдѣльныхъ вопросовъ, ею поднимаемыхъ, и 2) осторожность, съ какою разрѣшаетъ ихъ авторъ. Располагая обширнымъ матеріаломъ, обширность котораго выяснена самимъ авторомъ въ рѣчи предъ диспутомъ, онъ при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ не дѣлаетъ дальнѣйшаго шага прежде чѣмъ не укрѣпится въ занятой позиціи. Эта осторожность усиливается по мѣрѣ успѣха въ разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ; такъ что иногда читатель, вниманіе котораго было возбуждено первыми несмѣльными шагами въ рѣшеніи задачи, не видитъ послѣднихъ. „Вы не всегда договариваете, говорилъ проф. Ключевскій, то, что Вы утверждаете, т.-е. не всегда договариваете свои выводы, то, что Вы утверждаете, обыкновенно доказываете основательно, но Вы не всегда утверждаете прямо то, что доказываете. Благодаря этому, Вы идете къ цѣли обыкновенно смѣле, чѣмъ подходите; поэтому читатель, приближаясь вмѣстѣ съ Вами къ выводу извѣстной сложной аргументаціи, здѣсь именно чувствуетъ, что Вы его покинули и часто долженъ самъ договаривать Вашу мысль; это, конечно, для него затруднительно, ибо онъ отъ самого автора желалъ бы видѣть послѣдній выводъ такъ прекрасно начатой мысли. *Ваша книга болѣе нуждается въ комментаріяхъ, чѣмъ въ возраженіяхъ*“. Общій характеръ, общій приѣмъ въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ, конечно, долженъ былъ отразиться на постановкѣ и рѣшеніи основной задачи книги. Для того, чтобы выяснить эту постановку, достаточно въ немногихъ словахъ изложить планъ книги. Авторъ дѣлитъ реформу Петра на три періода и въ каждомъ изображаетъ борьбу Петра съ условіями, среди которыхъ она должна была возникнуть. Государственнымъ хозяйствомъ сначала завѣдывала система территориально-финансовыхъ приказовъ; подъ напоромъ новыхъ потребностей она разрушается, тогда Петръ создаетъ новую финансовую организацію—губернію, но

и она скоро оказывается несостоятельною подъ напоромъ новыхъ потребностей. Тогда Петръ переноситъ государственное хозяйство изъ губернскихъ кассъ въ центръ и формируется новая система центрального управления. Каждая предшествующая организація падаетъ подъ напоромъ новыхъ финансовыхъ нуждъ, и ея разрушеніе ведетъ къ созданію новой. Этотъ процессъ выходилъ изъ борьбы, которая совершалась въ нѣдрахъ государственнаго бюджета, изъ борьбы *habet* съ *debet* т.-е. доходовъ съ расходами. Въ заключительной главѣ авторъ замѣчаетъ, что не хочетъ дѣлать общей характеристики реформы, приче́мъ, выражая свое недовольство такими характеристиками въ работахъ своихъ предшественниковъ, указываетъ на то, что „мы получили много горячихъ, краснорѣчивыхъ, остроумныхъ и глубоко-мысленныхъ разсужденій объ общемъ смыслѣ реформы, но ни одного вѣрнаго ея изображенія“ (стр. 733). Возставая съ жаромъ противъ этой фразы, оппонентъ замѣтилъ, что онъ знаетъ два изображенія петровской реформы—устряловское и соловьевское, остальные же не что иное, какъ очерки, составленные по этимъ двумъ. „Я не знаю, прибавилъ проф. Ключевскій, можно ли эти изображенія признать невѣрными, они только неполны“. Г. Милюковъ замѣтилъ на это, что Устряловъ не дошелъ до реформы, а Соловьевъ не далъ никакого изображенія. На вторичное замѣчаніе оппонента о вѣрности соловьевскаго изображенія реформы г. Милюковъ еще разъ настойчиво сказалъ, что у Соловьева нѣтъ никакого изображенія реформы. Проф. Ключевскій тогда заявилъ, что давать общую характеристику реформы значить постоянно повторять предъидущіе взгляды. Настаивая на своемъ, проф. Ключевскій продолжалъ, что книга г. Милюкова, не давая матеріала для общей характеристики реформы, однако же выясняетъ одну черту ея лучше, чѣмъ это было выяснено въ нашей литературѣ. Читатель ждетъ формулировки этой специальной черты, которая выяснена авторомъ, но ея въ книгѣ нѣтъ. Послѣ этого общаго введенія проф. Ключевскій перешелъ къ деталямъ, остановившись прежде всего на одномъ специальномъ изслѣдованіи автора, касающемся очень важнаго отдѣла — окладной единицы. Окладная единица лучше всего показываетъ то состояніе народнаго хозяйства, т.-е. обличаетъ то экономическое средство, которое въ данное время наиболѣе уловимо для государственнаго казначейства. Окладная единица, введенная Петромъ въ концѣ царствованія — ревизская душа — очень часто возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ и когда могла явиться ея идея и какъ эта идея практически осуществилась. Въ своей книгѣ авторъ занялся внимательнымъ изученіемъ окладныхъ единицъ, преемственно снѣжившихъ другъ друга въ XVII и первой четверти XVIII вѣка:

ревизской душѣ предшествовалъ податной дворъ, а самъ дворъ — преемникъ сохи, т.е. извѣстнаго участка пашни, подлежащей обложению. Но существовала еще промежуточная окладная единица, носившая техническое названіе живущей четверти, которая состояла изъ извѣстной группы податныхъ дворовъ, которые платили извѣстную подать. Авторъ справедливо не соглашается съ мнѣніемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго (Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1890 г. гл. II) о живущей четверти и говорить, что „живущая четъ“ имѣетъ тѣсную связь съ сошнымъ писмомъ, что она была не замѣной сошнаго письма, а однимъ изъ способовъ его раскладки. Но собственное толкованіе авторомъ смысла „живущей четверти“ оппоненту представляется неяснымъ. Г. Милюковъ на это сказалъ, что подробное свое ученіе о живущей четверти онъ развиваетъ въ рецензіи на книгу А. С. Лаппо-Данилевскаго, печатаемой Академіей Наукъ, что живущую четверть признаетъ не раскладочной, а окладной единицей, что правительство воспользовалось живущею четвертью для того, чтобы раздробить платежи между случайнымъ составомъ владѣльческихъ земель. Цитуя затѣмъ 20-ю страницу книги г. Милюкова, гдѣ говорится, что живущей чети не встрѣчается на черныхъ земляхъ, а лишь на владѣльческихъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ, проф. Ключевскій замѣтилъ, что были и земли — и не помѣстныя, и не вотчинныя, и не черныя — дворцовыя, въ которыхъ живущей чети тоже не встрѣчается (ср. надѣлы засѣчныхъ сторожей). Съ другой стороны, она встрѣчается иногда и на черныхъ земляхъ, какъ это видно изъ тульскихъ писмовыхъ книгъ 20-хъ годовъ XVII вѣка. Г. Милюковъ возразилъ, что указанный фактъ не имѣетъ никакого отношенія къ черносошнымъ крестьянамъ, хотя призналъ интересъ этого замѣчанія оппонента. Проф. Ключевскій продолжалъ настаивать, что черносошныхъ много въ центрѣ въ XVI вѣкѣ, что они встрѣчаются и въ XVII в., но не часто. Послѣ небольшого замѣчанія относительно одной подробности податной ариметики (сошки и ея колебаній) проф. Ключевскій, соглашаясь съ авторомъ, что живущая четверть не была новой системой податнаго обложенія, замѣнившей старую, спрашивалъ, въ чемъ же выражалась связь этой живущей чети ¹⁾ съ обложениемъ сошнымъ, на что г. Милюковъ отвѣчалъ, что послѣ окончательнаго утвержденія живущей четверти (XVIII в.) она ни въ чемъ не выражалась, кромѣ термина; но по первоначальному происхожденію живущая четъ есть $\frac{1}{1000}$ сохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, на

¹⁾ Подробности своего ученія о живущей чети г. Милюковъ изложилъ въ недавно вышедшей брошюрѣ „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“. Спб. 1892. in 8°, стр. II + 183. Ц. 1 р.

югѣ помѣщики получали отъ правительства оклады земель слишкомъ малыхъ размѣровъ—3, 2 и 1 десятину доброй земли; въ сошномъ счетѣ такая малая площадь земли не могла быть выражена, ибо счетъ дробями сохи не шелъ дальше опредѣленныхъ границъ ($\frac{1}{30}$ и $\frac{1}{25}$). Значитъ, минимумъ площади, который могъ быть выраженъ въ сошномъ счетѣ, равнялся 12—16 десятинамъ, а эти мелкія помѣстныя владѣнія были въ 1, 2, 3 десятины. Для нихъ надо было раздробить расчетъ. И такъ, первый моментъ въ исторіи живущей четверти заключался въ томъ, что нѣкоторые владѣльцы платили съ малыхъ долей, не выражаемыхъ въ терминахъ сошнаго письма, а въ живущей четверти, т.-е. $\frac{1}{400}$ сохи. Второй моментъ заключался въ томъ, что добрая земля, которая считалась въ размѣрѣ одной, двухъ десятинъ, не была единственнымъ владѣніемъ этихъ помѣщиковъ; они захватывали еще дикое поле, наѣздомъ распахивали земли, съ которыхъ они не платили, хотя площадь ихъ часто значительно превышала обложенную налогомъ площадь. Несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ размѣромъ владѣнія и обложенной налогомъ частью его особенно увеличилось и распространилось на срединную Россію, и на другіе виды владѣнія, кромѣ помѣщичьяго,—благодаря погрому Смутнаго времени. Въ слѣдующіе годы послѣ смуты частное хозяйство оживилось: пустыхъ земель оставалось все еще много, но число рабочихъ рукъ значительно увеличилось. Правительство, не рѣшаясь обложить всей земли, но и не желая упустить прибыли, рѣшило обложить рабочее населеніе и живущую четверть для этой цѣли оно приравняло къ извѣстному количеству дворовъ.

Проф. Ключевскій, присоединяясь къ предложенному объясненію, указывалъ, что все-таки остается неяснымъ одно: четверть—ничтожный участокъ земли въ $1\frac{1}{2}$ десятины (въ трехъ поляхъ), въ каждой сохѣ послѣ смуты оказывается ничтожное количество распаханной земли, зачѣмъ же примѣнять было окладную единицу, стоящую въ связи съ количествомъ распаханной земли? Въ XVI в. живущая четверть облагалась независимо отъ количества дворовъ, а послѣ смутнаго времени независимо отъ пашни. Почему же наѣзжая пашня не вносилась въ живущую четверть? На отвѣтъ г. Милюкова, что въ видахъ облегченія плательщиковъ, проф. Ключевскій продолжалъ, что если, по словамъ г. Милюкова, количество дворовъ на извѣстной полосѣ, положенное въ составъ живущей четверти, опредѣлялось указами 1630—31 гг., то какое соображеніе клали въ основаніе при опредѣленіи полосъ въ 20, 24, 32 двора на живущую четверть? Здѣсь можно подозрѣвать въ книгѣ диссертанта маленькую неточность: сначала говорится, что правительство въ 1630—31 гг. клало въ живущую четверть незначительное количество дворовъ, а потомъ стало увеличивать (стр. 21); но еще раньше 30-хъ годовъ при составленіи писцовыхъ книгъ съ

новыми единицами обложения была установлена живущая четверть; имѣется въ виду соборъ 1619 года и выданные тогда указы. Г. Милюковъ замѣтилъ, что въ этихъ наказахъ нѣтъ еще никакой нормы. Наблюденія надъ писцовыми книгами Бѣлевскими, Воронежскими, Тульскими, Тверскими показали оппоненту, что по нимъ количество дворовъ въ живущей четверти болѣе того, что назначено указами 1630—31 г.г. Значить, правительство ждало нормы отъ фактическаго выясненія дѣла писцами, не навязывая ея. Г. Милюковъ, продолжая указывать на отсутствіе какой бы то ни было нормы, и ссылаясь по этому вопросу на выводы А. С. Лаппо-Данилевскаго, подчеркивалъ, что писцовыя книги 20-хъ годовъ XVII вѣка составлялись безъ перевода земельного описанія на количество платящихъ единицъ; перепись продолжалась болѣе десяти лѣтъ: въ началѣ ея до указовъ 1630—31 г.г. или живущая четверть обозначалась страшно разнообразно, или былъ оставленъ пробѣлъ; въ такомъ случаѣ послѣ уже введенія нормы указами 1630—31 г.г. и на основаніи ихъ, другими чернилами, введенъ переводъ на живущую четверть по законной нормѣ. Наконецъ, есть писцовыя книги, составленныя уже въ то время, когда эти указы были изданы. Такимъ образомъ, г. Милюковъ настаивалъ на различеніи ранняго текста и болѣе поздно внесеннаго перевода на живущую четверть, и наконецъ, текста, составленнаго уже послѣ указовъ 1630—31 г.г. Проф. Ключевскій настаивалъ на существованіи болѣе ранней нормы, встрѣчаемой въ Воронежскихъ и Тверскихъ писцовыхъ книгахъ: норма эта — крестьянскій дворъ, равный половинѣ четверти. Это приводитъ къ вопросу, чѣмъ руководилось правительство въ данномъ случаѣ: не размѣромъ ли пашни, причитающейся на дворъ? Общее количество сошнаго письма непременно вліяло: чѣмъ больше приходилось на наличное число дворовъ общаго количества пашни (но не дикаго поля), тѣмъ замѣтнѣе уменьшеніе количества дворовъ на живущую четверть, тѣмъ обложеніе становится тяжелѣе. Это во множествѣ случаевъ. У дворовъ пашни очень мало, но у нихъ есть что пахать. Значить, правительство имѣло въ виду не наличность пахотной земли, а наличность земли, которую возможно было распахать. Новое податное обложеніе (оппонентъ при этомъ бралъ примѣры изъ разанскихъ приправочныхъ 1616 г. и писцовыхъ по Бѣлеву) въ прямой связи съ общимъ количествомъ сохъ; количество дворовъ живущей четверти опредѣлялось по писцовымъ книгамъ на основаніи количества сошнаго письма. Вотъ и связь живущей четверти съ сошнымъ письмомъ, съ количествомъ податныхъ сохъ, находящихся въ уѣздѣ. Г. Милюковъ замѣтилъ въ словахъ оппонента „злоупотребленіе терминомъ сошное письмо“; это связь съ наличнымъ количествомъ пахотной земли, а не

съ сошнымъ письмомъ, какъ основаніемъ податного обложенія. Проф. Ключевскій продолжалъ, что если его наблюденіе подтвердится, значить, живущая четверть обозначаетъ важный моментъ въ исторіи податной единицы, именно—попытку установить обложеніе пропорціональное доходу, въ данномъ случаѣ земледѣльческому труду. Дворъ, какъ предметъ обложенія, "представлялъ собой инвентарь—рабочія руки, слѣдовательно, въ подворномъ обложеніи уже заключался принципъ подушной подати. Новое обложеніе форсируетъ напряженіе платежей. Г. Милуковъ, не отрицая, что подобная цѣль преслѣдуется всякой финансовой реформой, не соглашался признать за налогами XVII в. сколько-нибудь тѣсной связи съ источникомъ обложенія и полагалъ, что противъ мысли о пропорціональности обложенія труду свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ неподвижность нормы, числа дворовъ, положенныхъ по указамъ 1630—1631 гг. на живущую четверть. Замѣчая еще разъ, что новымъ обложеніемъ правительство хотѣло устранить неудобства прежняго, проф. Ключевскій цитовалъ 70-ую страницу диссертациі, на которой читаемъ указаніе, что въ 1692 г. дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ просили съ нихъ "деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ имати, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ енигамъ", и ссылался на извѣстный случай отсутствія въ Чердыни въ XVI вѣкѣ сошнаго письма, замѣнявшагося извѣстнымъ количествомъ дворовъ въ сохѣ (по 392 двора въ соху). Если, говорилъ проф. Ключевскій, принять мое мнѣніе, что была связь реальная, податная между живущей четвертью и сошнымъ письмомъ, то ясно, что эта новая система обложенія направлена была на случай, который привелъ къ ревизской душѣ. Живущая четверть—родоначальница ревизской души: это—путь, который привелъ, постоянно дробя податную единицу, къ такой долѣ, которой и дѣлить было нельзя. Это своего рода финансовая химія. Г. Милуковъ возражалъ, что живущая четверть никакого новаго принципа обложенія не намѣтила, такъ какъ и она и ея предшественница—соха, и послѣдовавшій за ней дворъ и даже ревизская душа—были единицами репартиціонными. Онъ указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что живущая четверть была шагомъ не къ подушной, а къ подворной подати. Этотъ споръ по вопросу о живущей четверти кончился, и проф. Ключевскій перешелъ къ слѣдующему возраженію. Разбирая пять бюджетовъ, авторъ указываетъ на отношеніе въ нихъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, и на стремленіе прямыхъ налоговъ догнать косвенные. Но въ ростѣ прямыхъ налоговъ была остановка: въ бюджетѣ 1701 Г. прямые налоги съ 33,7% 1680 г. упали до 19,8%. Г. Милуковъ замѣтилъ (срв. стр. 159), что никакой остановки въ ростѣ прямыхъ налоговъ (1680 г.—493, 869 р., а въ 1701 г.

—584, 237 р.) не было, а произошло измѣненіе только въ пропорціи. На замѣчаніе проф. Ключевскаго, что были же причины, понизившія отношеніе прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, г. Милюковъ отвѣчалъ, что правительство все свое вниманіе къ этотъ моментъ обратило на косвенное обложеніе. Отчего же произошло измѣненіе отношенія? спрашивалъ проф. Ключевскій, отъ пониженія прямого налога или повышенія косвеннаго? Когда въ бюджетъ 1724 г. мы видимъ перевѣсъ прямого налога надъ косвеннымъ, мы выводимъ, что прежній финансовый порядокъ окончилъ свое дѣйствіе. Далѣе, въ изображеніи финансовой организациі авторъ не объясняетъ мотивовъ по мѣстнымъ борбамъ вѣрной системы съ откупамъ, не думалъ ли Петръ о преобразованіи системы эксплуатаціи налоговъ, о замѣнѣ вѣрной системы бюрократической? Послѣ замѣчанія г. Милюкова о существованіи подобной попытки, проф. Ключевскій признавалъ невыясненнымъ, какимъ образомъ эпоха развитія торгово-промышленнаго оборота ознаменовалась перевѣсомъ налога не съ этого оборота, а подушной? Не выяснено также, какъ отразилось на бюджетѣ развитіе вывозной торговли. Г. Милюковъ отвѣчалъ, что торгово-промышленныя мѣры Петра не успѣли отразиться при немъ на развитіи торговли, а перенесеніе торговаго порта изъ Архангельска въ Петербургъ должно было даже отозваться временнымъ уменьшеніемъ торговаго оборота. Далѣе споръ сосредоточился на вопросѣ о значеніи переписи 1710 г. Авторъ, изучая параллельно переписи 1678 г. и 1710 г., пришелъ къ выводу, что въ общемъ населенія къ 1710 г. убыло на 20%. Но, говоритъ проф. Ключевскій, перепись 1710 г. не точна и не можетъ быть эксплуатирована полностью; надо было принять во вниманіе ошибки, происшедшія при сводкахъ статистическаго матеріала въ канцеляріяхъ. Г. Милюковъ замѣтилъ, что никто не споритъ, что перепись 1710 г. не точна, что самъ же онъ оговаривается въ книгѣ относительно ея неточности, опредѣлять же коэффициентъ ошибки нѣтъ возможности. Проф. Ключевскій замѣтилъ, что и современники этой переписи думали, что результаты ея не точны, ниже дѣйствительности. Г. Милюковъ замѣтилъ, что такъ думалъ Петръ, но не современники, которые перемѣнили мнѣніе и стали думать, что населеніе бѣжало; но бѣглаго населенія было не такъ много, какъ они предполагали. Проф. Ключевскій, уступая диссертанту, соглашася съ констатированнымъ послѣднимъ фактомъ убыли населенія и продолжалъ настаивать только на уменьшеніи процента этой убыли. До этой переписи не было ревизіи, послѣдующая ревизія вскрыла большую наличность населенія, какъ указано на стр. 639 книги г. Милюкова, согласившагося съ возможностью утайки ревизскихъ душъ. Перепись 1678 г. записывала и дѣловыхъ, и задворныхъ людей; записывала ли ихъ перепись 1710 г.?

Г. Милюковъ отвѣчалъ, что иногда записывала, иногда нѣтъ, иногда записывала, но не вводила въ итоги, это различно по годамъ. Проф. Ключевскій, продолжая ссылаться на относительное значеніе переписи 1710 г., отмѣченное и въ книгѣ, и на диспутѣ г. Милюковымъ, подчеркивалъ манеру писцовъ ошибаться, а также ихъ недобросовѣстность, на что г. Милюковъ замѣтилъ, что одною недобросовѣстностью писцовъ нельзя объяснять показаній переписи 1710 г. Заканчивая свои замѣчанія, направленные исключительно на частности въ книгѣ г. Милюкова, проф. Ключевскій сказалъ, что книга г. Милюкова послужить могучимъ толчкомъ къ изученію реформы Петра, что задача, высказанная въ предисловіи, указать связь государственнаго хозяйства съ реформой Петра осталась неразрѣшенной (г. Милюковъ замѣтилъ, что указываетъ связь государственнаго хозяйства съ ходомъ реформы, но не со всѣмъ содержаніемъ реформы, указываетъ вліяніе государственнаго хозяйства только на административную реформу Петра), что масса изученнаго и разработаннаго въ книгѣ матеріала наглядно показываетъ, какъ много еще не изучено въ ходѣ, мотивахъ и результатахъ реформы, составившей предметъ изученія автора настоящаго „прекраснаго труда“.

Второй официальный оппонентъ приватъ-доцентъ В. Е. Якушкинъ, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній по поводу 734, 735, 136, 163, 111, 244, 542, 116 стр. книги г. Милюкова, также долго оставался на невозможности дѣлать точные выводы изъ сравненія переписей 1678 и 1710 гг., вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ, что авторъ, „не вдаваясь въ подробную общую оцѣнку всей дѣятельности Петра Великаго, дѣлаетъ о разныхъ сторонахъ ея отрывочныя замѣчанія, которыя въ общемъ показываютъ отрицательное отношеніе автора и къ значенію реформы, и къ ея ходу, а между тѣмъ даже въ оцѣнкѣ финансовой дѣятельности Петра и его правительства, какъ эта оцѣнка дана въ книгѣ, слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторые смѣгченія: авторъ, держась исключительно своего обширнаго спеціальнаго матеріала, освѣтилъ разбираемые вопросы нѣсколько односторонне, безъ связи съ положеніемъ народнаго хозяйства и съ тѣми мѣрами, которыя Петръ Великій принималъ для развитія экономическаго благосостоянія народа“. Возраженій изъ публики не послѣдовало, и г. Милюковъ, ведшій диспутъ съ большимъ тактомъ и сдержанностью, при дружныхъ рукоплесканіяхъ собравшейся многочисленной публики былъ признанъ магистромъ русской исторіи. (Сообщено В. Н. Сторожевымъ 1).

¹⁾ Авторъ отчета считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ извиниться предъ читателями „Историческаго Обзорнія“, что по совершенно независя-

— 17 мая въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ диспутъ по диссертациі прив.-доц. Новороссійскаго университета Г. Е. Аванасьева „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“, представленной имъ въ историко-филологическій факультетъ на степень доктора всеобщей исторіи. Диспутъ открылся рѣчью докторанта слѣдующаго содержанія:

Хлѣбная торговля во Франціи въ XVIII вѣкѣ происходила подъ вліяніемъ условій, изъ которыхъ одни были наслѣдіемъ феодальнаго режима, а другія результатомъ дѣятельности монархической власти и лежавшей въ основѣ этой дѣятельности системы опеки.

Условія, сложившіяся въ феодальную эпоху, оцѣнены антагонизмомъ между городомъ и деревнею. Ставъ въ сравнительно независимое положеніе, горожанинъ стремится силою своихъ обязательныхъ постановленій обезпечить себѣ дешевый хлѣбъ и съ этою цѣлью старается всячески прижать земледѣльца и вообще обладателя хлѣба, подозрѣвая послѣдняго чуть ли не въ желаніи уморить голодомъ горожанина. Къ этому присоединяется еще феодальный провинциализмъ, въ силу котораго каждая область старается сохранить свой хлѣбъ для себя и боится вывоза его въ сосѣднюю провинцію. На почвѣ этихъ отношеній вырастаютъ регламенты хлѣбной торговли. Главные пункты ихъ таковы: запрещеніе продажи хлѣба внѣ рынка и связанное съ нимъ запрещеніе держать хлѣбъ у себя далѣе извѣстнаго періода, обязанность земледѣльца снабжать рынокъ и запрещеніе хлѣбныхъ складовъ. Поступивъ на рынокъ, хлѣбъ не могъ быть увезенъ оттуда и не могъ быть укрываемъ отъ непогоды; но на случай, еслибы и это неудобство оказалось не въ силахъ заставить обладателя хлѣба послѣпить съ его продажей, существовало правило, по которому хлѣбъ обязательно долженъ былъ быть проданъ въ теченіе трехъ базаровъ, въ противномъ случаѣ онъ продавался полиціей по пониженной цѣнѣ. Эти распоряженія разнообразились многими чисто мѣстными установленіями; они нерѣдко не исполнялись въ точности, особенно во время большой дешевизны хлѣба; но, такъ или иначе, они висѣли надъ хлѣбною торговлею дамокловымъ мечемъ, всегда готовымъ разить хлѣботорговца. Чтобы слѣдить за выполненіемъ регламентовъ, а отчасти лишь подъ предлогомъ надзора, создавалась многочисленная рыночная полиція, состоявшая часто изъ наслѣдственныхъ чиновъ, которая жила рыночными пошлинами, нерѣдко довольно высокими. Свободная перевозка хлѣба изъ одной провинціи въ другую не признавалась еще гораздо позже того, какъ исчезли феодальныя госу-

щимъ отъ него обстоятельствамъ, отчетъ вышелъ недостаточно полнымъ и мало выдержаннымъ въ смыслѣ точности.

дарства, и, не смотря на усилія королевской власти представить Францію единою, всѣ части которой солидарны между собою и должны поддерживать другъ друга, феодальная традиція жила довольно сильно, и подъ ея вліяніемъ вывозъ хлѣба изъ данной провинціи долженъ былъ находиться въ зависимости отъ разрѣшенія мѣстныхъ властей. Этотъ порядокъ вещей сохранился, однако, не только въ силу феодальной традиціи, но еще въ большей степени въ силу системы опеки, которая съ торжествомъ абсолютизма и централизаціи проникла во всѣ стороны французской общественной жизни и менѣе всего могла миновать хлѣбную торговлю. Господствующая идея была та, что опасно предоставлять просторъ земледѣльцамъ и купцамъ въ распоряженіи ихъ товаромъ, такъ какъ они, вслѣдствіе присущей имъ жадности способны заморить голодомъ горожанина. Отсюда поддержка рыночныхъ регламентовъ и строгій контроль надъ внутреннею циркуляціею хлѣба. Затѣмъ, къ условіямъ хлѣбной торговли присоединяется забота правительства о продовольствіи государства вообще и въ частности Парижа, этого „огромнаго города, находящагося вблизи королевской резиденціи“. Эта забота выразилась въ запрещеніи вывоза хлѣба сначала временномъ, а потомъ и постоянномъ. По той же причинѣ и руководясь идеей государственнаго единства, королевская власть освобождаетъ хлѣбную торговлю отъ внутреннихъ пошлинъ, въ томъ числѣ и отъ пеажей, и старается вообще освободить внутреннюю циркуляцію отъ стѣсненій и запрещеній. Что касается освобожденія отъ внутреннихъ пошлинъ, но эта задача въ значительной мѣрѣ была выполнена; но освобожденіе движенія хлѣба между провинціями отъ стѣсненій не могло быть выполнено, потому что часто само правительство боялось чрезмѣрнаго вывоза хлѣба изъ какой-либо провинціи, вслѣдствіе этого не рѣшалось освободить совершенно движеніе хлѣба отъ контроля администраціи, а мѣстныя власти усугубляли стѣснительность этого контроля, отчасти вслѣдствіе предразсудковъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, а отчасти вслѣдствіе того, что они извлекали выгоду изъ надзора надъ послѣднемъ. Движеніе хлѣба внутри государства, помимо этихъ обстоятельствъ, парализовалось еще регламентами его купли и продажи. Они затрудняли сколько-нибудь значительныя сдѣлки. Насколько сознавалось это вліяніе регламентовъ, видно изъ того, что парижскіе хлѣботорговцы при покупкѣ хлѣба для снабженія столицы освобождались отъ обязательства покупать его на рынкѣ. Заботы правительства о продовольствіи Парижа выражались въ томъ, что нѣкоторыя провинціи, какъ, напримѣръ, Шампань, были признаны естественными поставщиками столицы, а потому правительство слѣдило, чтобы хлѣбъ изъ нихъ не направлялся нигуда, кромѣ Парижа. Когда во время голодовки 1709 года, Шампань была въ ко-

нецѣ истощена неурожаемъ, страшно суровой зимою и продовольствованіемъ большого количества войска, когда раннею весною мертвые и умирающіе люди валялись по дорогамъ со слѣдами земли и травы на губахъ, когда могшіе двигаться жадно ѣли пробивающуюся молодую траву, и интендантъ провинціи доносилъ генералъ-контролеру обо всѣхъ этихъ ужасахъ и просилъ, чтобы королевскіе комиссары не брали хлѣба въ Шампани для снабженія столицы, — послѣдній отвѣчалъ ему отказомъ, приказывалъ не дѣлать никакихъ препятствій увозу хлѣба въ Парижъ и прибавлялъ: „король приказалъ вамъ сообщить, что вы отвѣтите своею головою, если что-либо произойдетъ въ столицѣ“. Чтобы парижане не шумѣли, ихъ старались кормить дешевымъ хлѣбомъ. Другимъ средствомъ для этого, послѣ доставки хлѣба, считалась строгая регламентація продажи хлѣба на рынкахъ столицы; поэтому регламенты Парижа были особенно сложны и соблюденіе ихъ обезпечивалось особенно многочисленною рыночною полиціею, оплачиваемою, однако, потребителями хлѣба. Когда, съ развитіемъ города, торговля, парализуемая регламентаціею, оказалась не въ силахъ снабжать Парижъ хлѣбомъ, правительство беретъ на себя восполненіе недочета. Оно беретъ за торговлю хлѣбомъ, а потомъ заводитъ въ Корбейль и свои мельницы. Но его вмѣшательство въ торговлю хлѣбомъ, парализуя частную предпріимчивость, влекло за собою все большее расширеніе казенныхъ операцій безъ пользы для дѣла и даже съ вредомъ для него. По самой сущности своей хлѣбная торговля правительства вызывала много неудовольствій, неизбежно связанныхъ съ нею злоупотребленія агентовъ только увеличивали это неудовольствіе и вызывали всевозможные толки, которые сводились къ тому, что правительство спекулируетъ на народный голодъ. Эти толки послужили почвой для созданія извѣстной легенды о „Pacte de Famine“, которая, какъ извѣстно, ставила самого короля Людовика XV въ число главныхъ акціонеровъ Общества, имѣяшаго цѣлю путемъ грандіозныхъ хлѣбныхъ операцій искусственно поднимать цѣну хлѣба. Исслѣдованія Біолэ и Бёра доказали, что такого Общества на самомъ дѣлѣ не существовало; имъ не удалось, какъ имъ кажется, выяснить что во-1-хъ, Лепрево де Бомонъ, котораго считали авторомъ легенды, неповиненъ въ ней и что онъ не былъ авторомъ статей въ Мониторѣ за 1789 годъ, которыя послужили главнымъ основаніемъ для созданія легенды о „Pacte de Famine“, во-2-хъ, что эти статьи были лишь отголоскомъ тѣхъ толковъ, которые циркулировали въ публикѣ еще въ началѣ семидесятихъ годовъ XVIII вѣка и что, наконецъ, реальнымъ поводомъ для этихъ толковъ были именно правительственныя продовольственныя операціи, во время министерства аббата Терре и злоупотребленія агентовъ послѣдняго.

Возвращаясь къ господствовавшей системѣ, скажемъ, что въ XVIII вѣкѣ стали смотрѣть на запретительную систему по отношенію къ виѣшной хлѣбной торговлѣ, какъ на существенную часть промышленнаго протекціонизма, и стали объяснять созданіе ея тѣмъ, что Кольберъ запретилъ вывозъ съ цѣлью удешевить содержаніе труда промышленника и тѣмъ создать для французовъ благоприятный шансъ въ международной конкуренціи. Это было не такъ, но въ этомъ были убѣждены. Въ сороковыхъ годахъ появляется сомнѣніе въ правильности господствовавшей хлѣбной политики. Вліяніе примѣра Англіи дало толчекъ развитію идеи освобожденія хлѣбной торговли, какъ средства поднять земледѣліе и благосостояніе народа. Насколько до того времени интересы земледѣльца играли служебную роль, настолько въ новомъ направленіи мысли ему отводилось первенствующее положеніе въ государственной экономіи, и фیزیократы довели прославленіе земледѣлія до отрицанія производительности всякаго другого труда. Когда-то Генрихъ IV устраивалъ въ Луврѣ ремесленниковъ, теперь жена Людовика XVI у себя въ Трианонѣ сама одѣвалась крестьянкою, доила коровъ и поила молокомъ своихъ приближенныхъ. Господствующая система требовала дешеваго хлѣба для горожанина, во что бы то ни стало, а фیزیократы, напротивъ, провозгласили: „если бѣдны крестьяне, бѣдно и государство“. Но они доказывали при этомъ, что и потребитель выиграетъ отъ поднятія благосостоянія земледѣльца и отъ упраздненія запрещенія вывоза хлѣба и регламентаціи внутренней хлѣбной торговли. Подъ вліяніемъ фیزیократовъ предпринимаются реформы въ области хлѣбной торговли.

Эти реформы представляютъ собою два момента. Первый падаетъ на шестидесятые годы, когда изданы были министрами Бертемомъ и Лаверди декларація 25-го мая 1763 года и іюльскій эдиктъ 1764 года. Первая провозглашала свободу внутренней торговли хлѣбомъ, а второй разрѣшалъ при извѣстномъ уровнѣ цѣны вывозъ его за границу. Торжество друзей земледѣлія и свободы хлѣбной торговли было непродолжительно. Едва прошло два года послѣ разрѣшенія вывоза, какъ онъ былъ остановленъ почти всюду. Затѣмъ, семь лѣтъ спустя (1770), дѣйствіе деклараціи 25-го мая было остановлено аббатомъ Террэ, министромъ финансовъ, и старая регламентація снова вошла въ силу. Эта реакція продолжалась четыре года. Послѣ аббата Террэ постъ генераль-контролера финансовъ переходитъ въ руки Турго, наиболѣе сильнаго сторонника свободы хлѣбной торговли. Съ его министерской дѣятельностью совпадаетъ второй моментъ реформъ въ хлѣбномъ законодательствѣ. Этотъ моментъ отличается отъ перваго тѣмъ, что не только свобода хлѣбной торговли была провозглашена восстановленіемъ деклараціи 25-го мая 1763 года, но и при-

нять был рядъ мѣръ, долженствовавшихъ имѣть въ результатѣ отиѣну многихъ мѣстныхъ учреждений и рыночныхъ регламентовъ, которые способны были значительно сократить возможность пользоваться закономъ о свободѣ внутренней циркуляціи хлѣба. Гальяни говорилъ: „недостаточно провозгласить свободу торговли, надо сдѣлать ее“. Тюрго понималъ значеніе этой мысли и сталъ дополнять общій законъ рядомъ частныхъ постановленій, не останавливаясь и предъ отиѣною парижскихъ регламентовъ. Такимъ образомъ, второй моментъ въ реформѣ хлѣбнаго законодательства является болѣе значительнымъ, чѣмъ первый, хотя Тюрго и воздержался отъ разрѣшенія вывоза хлѣба. Онъ не кончилъ своего дѣла, особенно по части отиѣны рыночныхъ пошлинъ; отставка застала его въ разгарѣ работы. Его паденіе было результатомъ параллельнаго дѣйствія многихъ реакціонныхъ элементовъ. Поэтому, послѣ его ухода настала новая реакція въ распоряженіяхъ правительства по хлѣбной торговлѣ.

Главнѣйшіе фазисы въ исторіи хлѣбныхъ реформъ сопровождались довольно большимъ движеніемъ общественной мысли, по скольку это позволяли цензурныя условія того времени. Защитники и противники свободы хлѣбной торговли вступали въ борьбу два раза. Въ первый разъ центромъ полемики было сочиненіе аббата Гальяни: „Діалоги о хлѣбной торговлѣ“ (1769 г.), а спорили съ нимъ главнымъ образомъ аббаты Рубо и Морелле. Эта полемика аббатовъ была тѣмъ болѣе страстною, что въ это время уже настала реакція противъ свободы хлѣбной торговли, и Гальяни своими діалогами игралъ въ руку этой реакціи. Во второй разъ центромъ борьбы послужило сочиненіе Нэккера „Sur la législation et la commerce des grains“, которое вышло въ 1775 году, т.-е, въ тотъ моментъ, когда произошла „Мучная война“ и когда въ высшихъ сферахъ началось уже недовольство мѣропріятіями Тюрго. Противниками Нэккера выступили Кондорсе, Морелле, Водо и Вольтеръ. Взгляды, высказанные въ сочиненіи Нэккера не остались безъ практическаго примѣненія. Когда онъ получилъ въ управленіе финансы Франціи, то онъ поспѣшилъ осуществить свою программу, которая, впрочемъ, заключалась въ отрицаніи всякой программы и въ дѣйствіи, „смотря по обстоятельствамъ“. Мѣропріятія, практиковавшіяся Нэккеромъ, были лишь воспроизведеніемъ тѣхъ распоряженій и регламентовъ, которые осуждались сторонниками свободы торговли, и, такимъ образомъ, представили собою новый реакціонный моментъ въ исторіи хлѣбной торговли, о которомъ мы упомянули выше.

Реакція эта имѣетъ однако особенный характеръ. Хлѣбные законы, восстановленные и дополненные Тюрго, не были отиѣнены какою-либо королевскою деклараціей или постановленіемъ королевскаго

совѣта. Но фактически они отиѣнялись административными предписаніями; иногда же издавались такія постановленія совѣта, которыя, игнорируя существующіе законы, предписывали дѣйствія, противорѣчившія и буквѣ, и духу ихъ. Благодаря такой системѣ, установилась въ сферѣ хлѣбной политики такая путанница, что никакъ нельзя было сказать, какія правила обязательны, а какія слѣдуетъ считать отиѣненными. Въ такомъ недоумѣніи бывали и блюстители закона. Въ перепискѣ прокуроровъ и полицейскихъ чиновъ съ генераль-прокуроромъ Жоли-де-Флери, хранящейся въ копіи въ отдѣлѣ рукописей Парижской Національной Библіотеки, есть цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ, до какой степени спутались у этихъ представителей судебно-полицейской власти представленія о томъ, что законъ и что не законъ. Напримѣръ, фискаль при балаяжѣ Валанса (Valançau, около Буржа) спрашиваетъ генераль-прокурора: „долженъ ли считаться дѣйствительнымъ эдиктъ, изданный при Тюрго?“

Не касаясь подробностей, скажемъ, что во время перваго своего министерства Нэккеръ пускалъ въ ходъ „смотря по обстоятельствамъ“ и запрещеніе вывоза хлѣба за-границу, и стѣсненіе внутренней торговли имъ. Дѣйствительность, однако, доказала, что запрещеніе вывоза было излишнимъ, а стѣсненіе внутренней хлѣбной торговли вреднымъ.

Послѣ паденія Нэккера былъ еще одинъ хотя очень короткий моментъ, благопріятный для свободы хлѣбной торговли, это министерство де-Калонна, когда королевскою деклараціею 17-го іюня 1787 года объявлено было: „Да будетъ свободно *навсегда* лицамъ всякаго званія и состоянія вести торговлю зерномъ и мукою внутри королевства на всемъ пространствѣ его. Разрѣшается также всѣмъ нашимъ подданнымъ свободно вывозить хлѣбъ за-границу черезъ всѣ порты и таможи“ ¹⁾.

Но составителямъ деклараціи вольно было заявлять, что свобода торговли устанавливается навсегда; не прошло и 15 мѣсяцевъ со времени ея изданія какъ вывозъ снова былъ запрещенъ, а затѣмъ и внутренняя торговля подверглась стѣсненіямъ. Виновникомъ этой новой реакціи былъ опять-таки Нэккеръ. На этотъ разъ въ теченіе конца 1788 и первой половины 1789 года, по поводу неурожая, хотя и не очень значительнаго, онъ пустилъ въ ходъ не только всѣ мѣры, которыя допускались по его системѣ дѣйствій, смотря по обстоятельствамъ, какъ то: запрещеніе вывоза, назначеніе ввозныхъ премій,

¹⁾ Хотя эта декларація издана была уже послѣ отставки де-Калонна (30 апрѣля 1787 г.), но она была составлена при немъ.

закупка хлѣба за счетъ казны за-границею и запрещеніе продажи внѣ рынковъ, но и воскресилъ принудительную доставку крестьянами хлѣба на рынокъ,—мѣру, которая не практиковалась со времени голодовки 1709 года. Дальше идти было некуда. Всѣ эти мѣры только ухудшили положеніе далеко не очень серьезное и вызвали панику въ обществѣ. Революція застала Нэккера на послѣдней изъ приведенныхъ нами мѣръ. Національное Собраніе осудило его хлѣбную политику и признало правильными воззрѣнія Тюрго. Послѣдній изъ гроба побѣдилъ своего противника.—Но Національное Собраніе могло провозглашать, сколько угодно, свободу хлѣбной торговли; но оно не было въ силахъ ни поставить на ноги это въ конецъ дезорганизованное дѣло, ни заставить уважать свои декреты. Послѣ паденія старой административной машины, мѣстныя выборныя власти совсѣмъ оставили циркуляцію хлѣба. Результаты, конечно, оказались самые плачевные; но они были законнымъ дѣтищемъ хлѣбной политики всего столѣтія. Равнымъ образомъ и чреватые политическими послѣдствіями дни 5 и 6 октября 1789 года находятся въ связи съ этою политикою. Сторонники послѣдней могли бы убѣдиться, какъ опасно воспитывать въ народѣ мысль о всемогуществѣ правительства, мысль, что отъ послѣдняго зависитъ создать обиліе продовольствія или вызвать его недостатокъ.

Я закончилъ свою работу первымъ годомъ революціи, такъ какъ здѣсь начинается новый періодъ французской исторіи, а также новый періодъ и въ исторіи хлѣбной торговли. Изложивъ Вамъ, М.м. Г.г., главные моменты исторіи хлѣбной торговли XVIII вѣкѣ, я тѣмъ самымъ познакомилъ васъ съ сущностью содержанія моей книги, которую я представилъ безпристрастному, но снисходительному суду уважаемыхъ профессоровъ здѣшняго факультета, приговора которыхъ я жду въ настоящую минуту.

Первымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. Н. И. Карѣевъ. Своимъ возраженіямъ онъ предпослалъ общую характеристику труда докторанта. Указавъ на строго спеціальныя черты изслѣдованія, основаннаго почти исключительно на архивномъ матеріалѣ, оппонентъ поставилъ автору на видъ, что онъ недостаточно выяснилъ себѣ, какое различіе должно существовать между общенсторическимъ и какимъ-либо спеціальнымъ отношеніемъ къ фактамъ прошлаго, и что, извлекая изъ архивовъ мелкія подробности даже техническаго характера, онъ мало обратилъ вниманія на общую историческую литературу, касающуюся эпохи. Во-первыхъ, самую тему (условія хлѣбной торговли), которую можно понимать весьма широко, авторъ съузилъ до такой степени, что вѣрнѣе было бы озаглавить книгу — „Регламентация хлѣбной торговли“: авторъ все свое

вниманіе сосредоточилъ на рынкѣ и иностранной торговлѣ, совѣтъ не коснувшись главныхъ соціальныхъ, экономическихъ, агрономическихъ и всякихъ иныхъ условій хлѣбной торговли, кромѣ, пожалуй, административныхъ взглядовъ и правовъ, оказывавшихъ дѣйствіе на эту торговлю. Но и тутъ авторъ далъ не все, что могъ бы дать при существующемъ состояніи нашихъ знаній объ этомъ предметѣ: ему, напр., осталась неизвѣстной книга Морэна *„Etudes Historiques sur l'administration de l'agriculture en France“*. Повидимому, далѣе, г. Аѳанасьевъ искалъ только фактовъ узко-спеціального характера (пред., стр. XIV, XVI и XVII), мало интересуясь тѣмъ, что не касалось прямо регламентаціи хлѣбной торговли. На томъ же основаніи онъ очень мало обращался къ источникамъ и пособіямъ общаго свойства. Между прочимъ, проф. Карѣевъ указалъ на то, что докторантъ напрасно не обратился къ *sabiers* 1789 г., которые дали бы ему весьма богатый матеріалъ, т.-е. и массу фактовъ, и множество указаній на то, какъ смотрѣли на интересующій его вопросъ—народъ и образованное общество, чего онъ также касается, не опираясь, однако, ни на какія данныя. Г. Аѳанасьевъ самъ, однако, говорить о *sabiers* 1789 г. на стр. 456—457 своего труда, но неизвѣстно, откуда онъ заимствовалъ приводимыя здѣсь свѣдѣнія, а между тѣмъ послѣднія оказываются невѣрными, что и было оппонентомъ обнаружено при помощи сличенія сказаннаго авторомъ о наказахъ Парижа, Медона и Реймса съ подлинными наказами. Масса *sabiers* издана, и одинъ сборникъ Лорана и Мавидаля далъ бы автору болѣе, чѣмъ нужно: это—извѣстныя „*Archives parlementaires*“, которыя помогли бы диспутанту, кромѣ того, и лучше узнать содержаніе преній въ Нац. Собр. (стр. 459). Не обращаясь къ источникамъ, неимѣющимъ спеціального характера, докторантъ отнесся такъ же и къ пособіямъ. Онъ жалуется, что ему не удалось поработать въ провинціальныхъ архивахъ (стр. 32), но вѣдь онъ могъ бы познакомиться съ литературой по провинціальной исторіи, чего онъ не сдѣлалъ. Говоря о реформахъ въ законодательствѣ по хлѣбной торговлѣ, онъ не нашелъ нужнымъ заглянуть и въ сочиненія о реформахъ Людовика XVI вообще, въ книги Семишона (*Les réformes sous Louis XVI*), Лаверня (*Les assemblées provinciales sous Louis XVI*) и т. п. Къ числу такихъ же недостатковъ труда относится и то, что для исторіи французской революціи г. Аѳанасьевъ пользуется главнымъ образомъ однимъ Зибелемъ, рѣшая лишь на основаніи его данныхъ нѣкоторые вопросы, по которымъ слѣдовало бы справиться и у другихъ историковъ. Наконецъ, проф. Карѣевъ обратилъ вниманіе на то, что диспутантъ не потрудился точнѣе и опредѣленнѣе представить и стародавнія отношенія, изъ коихъ выросли отношенія, подвергшіяся его изслѣдованію: особенною неясностью отличается изложеніе взаимныхъ

отношеній феодализма, муниципальнаго быта и государственной власти, коихъ г. Аванасевъ касается во многихъ мѣстахъ книги. Нѣкоторые мѣста оппонентъ подвергъ, болѣе подробному разбору, особенно начало „заключенія“ (стр. 475—476), которое онъ сопоставилъ съ другими мѣстами (стр. 3, 37, 38, 39, 40, 43, и т. д.). Свои общія замѣчанія проф. Карѣвъ резюмировалъ, возвратившись къ исходному своему пункту: г. Аванасевъ слишкомъ далеко отошелъ отъ общео- исторической точки зрѣнія, быть можетъ, прямо даже сталъ на исключительно специальную точку зрѣнія (напр., полицейскаго права), сѣзвивъ свою тему, и слишкомъ увлекся архивнымъ матеріаломъ опять-таки спеціальнаго характера, вслѣдствіе чего и не хотѣлъ уже обращаться къ напечатаннымъ источникамъ, разъ послѣдніе не относились прямо, непосредственно и исключительно къ хлѣбной торговлѣ. Отмѣтимъ затѣмъ нѣсколько частныхъ погрѣшностей, проф. Карѣвъ заявилъ, что не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросахъ чисто техническихъ, по которымъ съ болѣшимъ авторитетомъ можетъ высказаться другой оппонентъ, приглашенный изъ юридическаго факультета въ виду содержанія диссертации. Въ заключеніе оппонентъ сказалъ, что, признавая работу г. Аванасева добросовѣстнымъ, кропотливымъ и дающимъ много новаго изслѣдованіемъ, а потому и достойнымъ ис- комой ученой степени, онъ тѣмъ не менѣе считалъ своимъ долгомъ подчеркнуть крупныя недостатки труда въ виду того, что эти недостатки имѣютъ и общее значеніе въ наше время, когда историки начинаютъ обращаться къ темамъ, бывшимъ прежде въ сферы ихъ компетенціи, и когда пользованіе архивами принимаетъ такіе широкіе размѣры: историкъ, какъ таковой, никогда не долженъ сѣзживать своей задачи и пренебрегать источниками и пособиями общаго характера ¹⁾).

Второй официальный оппонентъ И. И. Кауфманъ указалъ на то, что несмотря на обиліе изслѣдованій по экономической исторіи Франціи, разработанной лучше, полнѣе и разностороннѣе экономической исторіи всѣхъ иныхъ странъ, трудъ г. Аванасева представляетъ очень большой интересъ, именно какъ самостоятельное изслѣдованіе. Хотя литература исторіи французской торговли очень обширна и подробности о хлѣбной торговлѣ во Франціи XVIII в. неоднократно сосредоточивали на себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей, какъ въ XVIII в. уже, когда эти вопросы имѣли современный практическій интересъ и ихъ выясненію посвящали свои талантливныя силы представители школъ физиократовъ и ея противниковъ, такъ и въ нашемъ столѣтіи, отчасти въ связи съ разными законодательными преобразо-

¹⁾ Составленный проф. Карѣвымъ отзывъ для факультета долженъ появиться въ ближайшемъ № „Протоколовъ Совѣта И. Сиб. Ун.“.

ваніями (особенно тѣми, которыя непосредственно касались хлѣбной торговли), отчасти по тѣсной ея связи съ дѣятельностью Тюрго, которой во второй половинѣ XIX в. было посвящено очень много вниманія, — хотя почти передъ самымъ выходомъ сочиненія г. Аванасьева вышли два сочиненія, посвященные переислѣдованію вопроса о такъ называемомъ „соглашеніи на случай голода“ (*le pacte de famine*) и доказавшія неправильность господствовавшихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія по этому предмету взглядовъ, — тѣмъ не менѣе г. Аванасьевъ счумѣлъ себѣ найти свои самостоятельные пути къ изученію изданнаго имъ предмета, какъ въ отношеніи такихъ источниковъ (архивныхъ матеріаловъ), которые до него или совсѣмъ не изучались, или недостаточно изучались, такъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ такихъ сторонъ предмета, по которымъ еще оставалось много свободного поля для новыхъ разъясненій. Обладая основательнымъ знаніемъ техники хлѣбной торговли, г. Аванасьевъ на ея основаніи могъ дать правильную постановку цѣлому ряду историческихъ вопросовъ объ элементахъ, изъ коихъ складается то, что принято обозначать однимъ словомъ „положеніе“ (торговли); изслѣдованіе же разнообразныхъ частностей, которымъ опредѣлялось это положеніе во Франціи въ XVIII в. дало ему возможность представить означенное положеніе въ картинѣ болѣе полной и разносторонней, чѣмъ какую можно найти у другихъ изслѣдователей того же предмета.

Тѣмъ не менѣе и изложеніе г. Аванасьева представляетъ немало и такихъ сторонъ, которыя открываютъ обширный просторъ всякаго рода критическимъ замѣчаніямъ. Такъ, сомнительно, чтобы г. Аванасьевъ былъ правъ, преувеличивая значеніе архивныхъ матеріаловъ предъ всякими иными и какъ-бы считая архивную пыль санкціею важности историческаго источника, цитируя, напримѣръ, даже общедоступные законодательные памятники не по критическимъ ихъ изданіямъ (Пардессю, Фонтанона, Изамбера, Деламара и т. д.), а по случайному собранію ихъ, найденному въ архивномъ картонѣ. Болѣе существенно, но едва-ли менѣе заслуживаетъ упрека то, что г. Аванасьевъ, описывая стѣсненія хлѣбной торговли, слишкомъ односторонне становится на точку зрѣнія интересовъ хлѣбнаго торговца (какъ и вся его книга имѣла назначеніемъ быть жалобой этого торговца, *un cahier des doléances*), и совсѣмъ не останавливается на той связи, которую изучаемый имъ предметъ имѣетъ съ вопросомъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, упуская изъ виду, что законодательство о немъ и принимавшіяся для него мѣры, а равно весь складъ господствовавшихъ по этому предмету понятій, требованій, идеаловъ и стремленій, были кореннымъ основаніемъ, которымъ положеніе торговли опредѣлялось, уже какъ необходимое послѣдствіе, стоявшее на

заднемъ планѣ не только въ правительственныхъ, но и народныхъ представленіяхъ. Съ недостаточнымъ вниманіемъ г. Аванасевъ оставился и на условіяхъ производства хлѣба во Франціи въ изслѣдованную имъ эпоху, а также на перемѣнахъ, которыя тогда начали происходить въ условіяхъ международной хлѣбной торговли. Не всегда г. Аванасевъ правъ и при детальномъ разсмотрѣніи элементовъ преслѣдуемаго имъ предмета: когда, напр., задаваясь вопросомъ, перечислены ли имъ всѣ сборы съ хлѣба, продававшагося на парижскихъ рынкахъ, онъ указываетъ на упоминаемые въ указѣ 25 ноября 1762 сборы (*droits de pesée, placage, balayage* и т. д.) и упрекаетъ „автора указа“ въ незнаніи того, когда они появились? Не „авторы же указовъ“ компетентные руководители для отвѣтовъ на вопросы историческаго происхожденія. Наконецъ, всего болѣе г. Аванасевъ заслуживаетъ упрека за то, что, коснувшись злой сплетни объ участіи правительства въ спекуляціяхъ на народный голодъ (*le pacte de famine*) и выяснивъ, что имя первоначальнаго автора этой сплетни все-таки остается неизвѣстнымъ, г. Аванасевъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ еслибы вопреки результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, напечатанныхъ во Франціи, сплетня все-таки имѣетъ нѣкоторыя основанія. Г. Аванасевъ какъ бы желалъ представить новое доказательство изреченію: *calomniez, calomniez, il en restera quelque chose*. „Обвиненіе“—говоритъ г. Аванасевъ,—въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно было поднято, *падаетъ само собою*, но если его понять въ томъ смыслѣ, что въ мучной войнѣ играли роль люди, заинтересованные въ хлѣбныхъ операціяхъ правительства, то обвиненіе *остается въ силѣ*“. Оппонентъ полагалъ, что такое разсужденіе едва-ли уместно въ историческомъ изслѣдованіи, въ которомъ всякій приговоръ, а особенно тяжкій, долженъ опираться на фактическихъ данныхъ. Изъ того, что въ составѣ французской администраціи XVIII ст. (какъ впрочемъ и XIX в.) были люди, наживавшіеся при разныхъ операціяхъ за счетъ казны, совсѣмъ не слѣдуетъ, что самыя операціи производились для ихъ наживы. А г. Аванасеву извѣстно только, что Тэрре не былъ честнымъ человекомъ, въ чемъ едва-ли кто-либо сомнѣвался уже и во времена Тэрре. Новыхъ же фактовъ для поддержанія тяжкаго обвиненія не Тэрре, а французскаго правительства, г. Аванасевъ совсѣмъ не привелъ въ извѣстность.

По окончаніи диспута деканъ факультета, собравъ голоса его членовъ, объявилъ защиту удовлетворительною, въ силу чего г. Аванасевъ былъ признанъ достойнымъ возведенія въ степень доктора всеобщей исторіи.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ.

Магистрантъ Московскаго университета Е. Н. Щепкинъ читалъ пробныя лекціи по всеобщей исторіи, изъ коихъ одна была на тему, предложенную факультетомъ, другая—на тему, выбранную самимъ лекторомъ. Темою первой лекціи были „Аѳинскія партіи въ эпоху Македонскаго завоеванія“. Вотъ содержаніе этой лекціи. Споръ, возникшій между греческими ораторами IV в. д. Р. X. по вопросу, какъ надо было отнестись Аѳинамъ къ Македонскому завоеванію, длится и до сихъ поръ въ современной литературѣ по исторіи Греціи. И здѣсь, и тамъ бросаются въ глаза три господствующія теченія. Во-первыхъ, въ нѣмецкой историографіи этотъ вопросъ выдвинутъ былъ въ связи съ процессомъ объединенія Германіи, наприм., Ойкеномъ въ „Isokrates und Athen“. Исократъ стоялъ на точкѣ зрѣнія эллинизма въ лучшемъ смыслѣ слова, цѣня эллинское образованіе выше греческой породы, онъ готовъ иногда спартанца поставить ниже варвара. Но свой общій политическій идеалъ ораторъ почерпнулъ въ прошедшемъ и выше всего ставилъ тотъ подъемъ національнаго духа, который развился въ эпоху греко-персидскихъ войнъ. И такъ автономія греческихъ городовъ и ихъ объединеніе подъ нравственной и умственной гегемоніей Аѳинъ въ общемъ походѣ противъ Персіи—таковъ первоначальный идеалъ Исократа. Но подъ вліяніемъ ошибокъ Аѳинской демократіи ораторъ впоследствии отчасти его измѣняетъ и роль предназначенную было въ этомъ дѣлѣ Аѳинамъ готовъ передать и другой державѣ, хотя бы даже монархіи. Затѣмъ въ исторической литературѣ есть еще другое направленіе, безусловно расположенное къ Македонской монархіи. Представители этого направленія думаютъ, что они стоятъ на общественной точкѣ зрѣнія въ противоположность узко-греческому взгляду Демосеена и даже Аристотеля. Ихъ герой не столько Филиппъ, объединившій Грецію, сколько Александръ Великій, ставшій выше различія Эллина отъ Перса. Самымъ серьезнымъ по эрудиціи выразителемъ этого направленія былъ Дройзенъ. Въ дѣятельности Александра историкъ защищаетъ и введеніе персидской одежды среди Македонской знати, и обоготвореніе царя, и обычай проскутиса при его дворѣ и т. п. Напротивъ, въ совѣтѣ Аристотеля—обращаться съ эллинами какъ съ друзьями и единоплеменниками, а съ варварами какъ животными и растениями, Дройзенъ по недоразумѣнію видитъ эгоизмъ расы, самодовольство рабовладѣльца: онъ не обратилъ вниманія на спеціальную терминологию въ системѣ философа. Воззрѣніе о психическомъ

не равенствѣ людей и вообще существъ природы проходить черезъ всю систему Аристотеля, который прибѣгаетъ къ нему всюду, гдѣ нужно оправдать какую-нибудь власть и привилегію. Эта формула оправданія примѣняется у философа къ отношенію между душой и тѣломъ, между формой (*εἶδος*) и матеріей (*ὕλη*), между мужемъ и женой, господиномъ и рабомъ. Очевидно, что это только общее обоснованіе власти, отнюдь не точное опредѣленіе ея границъ. Желаніе Аристотеля ясно: чтобы эллины не какъ раса физическая, а какъ субстратъ извѣстныхъ культурныхъ началъ, не низводились съ своего пьедестала; чтобы эллины (подъ той или другой юридической нормой) стали *εἶδος* (формующей силой) для Востока (*ὕλη*). Историческое поведеніе Александра В. Аристотель не называлъ бы эллинизацией Востока, а только порчей греческой *διάνοια*. По Дройзену Александръ стоялъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой. Это вѣрно въ смыслѣ географическомъ, но отнюдь не въ смыслѣ историческомъ. Александръ В. безразлично отождествлялъ духъ человѣчества съ привычками косныхъ племенъ Востока. Напротивъ, греческую *διάνοια*, которая легла въ основаніе дальнѣйшаго развитія историческаго человѣчества, Александръ только замутилъ: ее защищали Аристотель и патриотическая партія въ Афинахъ. Историческій подвигъ этой партіи по достоинству оцѣнилъ англійскій историкъ Гротъ, вынесшій свое понятіе о человѣчествѣ изъ среды, родственной афинской демократіи, и Schaefer (въ „*Demosthenes und seine Zeit*“), исходявшій отъ античной традиціи о Демосѣенѣ и Эскинѣ. Личность и дѣятельность этихъ ораторовъ лучше всего характеризуется ихъ собственными словами дошедшихъ до насъ рѣчей „О вѣнѣ“. Всей рѣчи Эскина не достаетъ честности: онъ скрываетъ свои собственные политическіе взгляды, старается не допустить противника до слова, запугиваетъ судьей Македоніей и т. п. Въ отвѣтной рѣчи Демосѣенъ подводитъ итогъ своей дѣятельности: если-бы по одному такому человѣку, какъ онъ, Демосѣенъ, нашлось въ каждомъ греческомъ городѣ, въ Фессаліи, въ Аркадіи, то всѣ греки были-бы еще теперь свободны и вѣѣ опасности и были-бы этимъ обязаны Афинамъ. И такъ Демосѣенъ смотрѣлъ на свою борьбу противъ Македоніи, какъ на опытъ пробудить подъемъ національнаго духа противъ Филиппа и Александра. И положеніе Греціи вовсе не было такъ безнадежно, чтобы считать такой опытъ бессмысленнымъ. А такъ какъ своими интригами, разжиганіемъ партійной вражды внутри общинъ между олигархами и демократами, наконецъ заигрываньемъ съ Востокомъ, Македонскіе государи подрывали культурный принципъ эллинаства въ его чистотѣ, то Афины обязаны были сдѣлать этотъ опытъ. Дѣло Демосѣена въ концѣ концовъ было проиграно, но кромя вѣѣшней дѣятельности его энер-

гія проектувалась еще въ рядѣ рѣчей. Эти рѣчи донесли принципы, побитые при Демосеенѣ въ Афинахъ, до новыхъ культурныхъ группъ, способныхъ воспринять ихъ во всей чистотѣ. Въ этомъ смыслѣ Демосеенъ стоялъ въ лагерѣ истиннаго человечества.

Темою другой лекціи Е. Н. Щепкина были „Іерусалимскіе ассизы“. Содержаніе этой лекціи заключалось въ слѣдующемъ. Въ современной исторической литературѣ до сихъ поръ не установилось еще опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что надо разумѣть подъ традиціоннымъ (но въ сущности условнымъ) названіемъ „Іерусалимскихъ ассизъ“; историческое преданіе и историческая критика разошлись по этому вопросу. Напр., графъ Бенъ издавъ подъ именемъ „Ассизъ верхней палаты“ и „Ассизъ палаты буржуа“ труды юристовъ Аккона и Кипра (Филиппа Наваррскаго, Жана д'Ибелина и т. д.). По кипрскому преданію XIII в., сохранившемуся у Жана д'Ибелина, уже Готфридъ Бульонскій записалъ и кодифицировалъ кутюмы крестоносцевъ въ Іерусалимѣ подъ названіемъ „Ассизъ“. Эти записи хранились у Гроба Господня (*Lettres du Sepulcre*). Филиппъ Наваррскій (начало XIII в.) имѣлъ свидѣнія о существованіи „Писемъ Гроба Господня“ отъ людей, выдавшихъ самыя хартіи; „Письма“ погибли при взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г., и съ этихъ поръ феодальное право на Востоке опять превратилось въ устное преданіе, въ кутюмы. Эти кутюмы изъ Іерусалима, вмѣстѣ съ Верхней Палатой, перешли въ Акконъ, а оттуда на Кипръ, гдѣ и были изложены въ видѣ трактатовъ юристами. Такова традиція, которую подвергли критикѣ Гейнрихъ фонъ Зибель и П. Пари. Зибель отвергъ преданіе, насколько оно касалось Годфрида Бульонскаго: преданіе предполагаетъ съ самаго начала стройную феодальную организацію ленниковъ и коммунальный строй городовъ; но такому представленію объ Іерусалимѣ при Готфридѣ Бульонскомъ противорѣчитъ рассказъ Вильгельма Тирскаго. Къ тому же въ трактатахъ кипрскихъ юристовъ упоминаются и излагаются ассизы, связанные съ именами королей Амальриха и Балдуина, но имя Готфрида не встрѣчается въ такой связи. Историческая критика не удовлетворилась осторожнымъ выводомъ Зибеля; ступивъ на путь недоумія, она дошла до противоположной крайности — до полного отрицанія преданія. П. Пари отвергалъ самое существованіе *Lettres du S. Sépulcre*, предполагая, что у Гроба Господня хранились описи леновъ Іерусалимскаго королевства. Отрицательный взглядъ на іерусалимскіе ассизы усвоилъ себѣ и Пруцъ въ „Культурной исторіи крестовыхъ походовъ“ (*Culturgeschichte der Kreuzzüge*). И онъ (правда, съ оговорками и противорѣчіями, уничтожающими самый выводъ) готовъ видѣть въ *Lettres S. Sépulcre* только описи леновъ и повинностей, что то въ родѣ *Doomsdaybook* Англіи. Но кипрскіе юристы

не могли смѣшать записи кутюмовъ съ писцовыми книгами, которыя, по ихъ словамъ, хранились не у Гроба Господня, а въ Приказѣ королевской казны (*Secret du Roi*). Вообще очная ставка традиціи съ исторической критикой приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: подъ именемъ Писемъ Гроба Господня хранились ассизы, т.-е. записи основныхъ кутюмовъ. Процессуальная сторона юрисдикціи не входила въ Письма Гроба и держалась обычаямъ (*us et costumes*). До насъ и ассизы, и кутюмы дошли въ смѣшанномъ пересказѣ юристовъ, неимѣвшемъ оффиціального значенія. Ассизы Верхней Палаты въ наиболѣе чистой формѣ изложены въ *Livre au Roi*, трактатѣ, возникшемъ до основанія кипрскаго королевства, вѣроятно, въ Акконѣ. Напротивъ, система феодальныхъ учрежденій въ послѣдней фазѣ своего развитія изложена въ книгѣ Жана д'Ибелина. Она важна для характеристики феодализма на Востокѣ вообще.

Нигдѣ въ Европѣ феодальный принципъ не достигалъ такого крайняго развитія, какъ въ областяхъ, завоеванныхъ крестоносцами. Чтобы охарактеризовать эту систему, важно указать: 1) Какая цѣль общественныхъ узъ связывала отдѣльныя феодальныя пары (сеньоръ—вассалъ) въ организованное государство. 2) Къ какой общей цѣли направлены были всѣ нормы кипрско-іерусалимскаго права. 3) Насколько форма процесса давала возможность исказить эти нормы и въ какомъ именно духѣ. На эти три вопроса приходится дать слѣдующіе отвѣты: 1) Феодализмъ далъ на Востокѣ организованное общество, благодаря ассизѣ короля Амальриха, по которой ленники ленниковъ (вавассеры) должны были дать главному сеньору королевства присягу ближней зависимости (*ligesse*). 2) Цѣль всѣхъ нормъ іерусалимскаго права—обезпечить военную охрану королевства. Для этого нужно, чтобы феодальная служба отбывалась правильно, чтобы каждый лень воплощался въ рыцарѣ и чтобы этотъ исправный ленникъ былъ въ то же время наиболѣе сильнымъ воиномъ изъ всѣхъ, между которыми приходилось выбирать. 3) Процессъ по ассизамъ принялъ характеръ шибаны, врючкотворства. Кто знаетъ юридическія уловки (*fuites*), тотъ умѣнѣемъ вести процессъ можетъ достигать поразительныхъ результатовъ, обратить въ ничто самую норму, направить ее къ новымъ цѣлямъ (наприм., институтъ *garant*, свидѣтелей—бойцовъ, которыхъ противникъ можетъ вызвать на поединокъ, даетъ возможность покупать силу). Благодаря формамъ процесса, собственность (богатство) и знанія (юридическія уловки) берутъ, наконецъ (уже на Кипрѣ), верхъ надъ силой. Адвокаты (*Plaideurs*) въ родѣ Ибелина—это первые интеллигентное сословіе, въ которомъ ощутило потребность феодальное общество (если не считать духовенства, которое на Востокѣ само вооружалось въ орденахъ).

Общее впечатлѣніе Іерусалимскаго права для современнаго чело-
вѣка крайне тяжелое. Норма всегда холодна, бездушна, потому что она
ниѣтъ въ виду не живую личность, а типъ, такъ сказать, точку приложе-
нія общественнаго поведенія; всплыветъ-ли на поверхность общества Х
или У—для нея безразлично. Но норма ассисъ прямо таки напоми-
наетъ рыцарскіе доспѣхи, черезъ которые никакъ не доберешься до жи-
вого челоѣка; она въ пору каждому, кому подѣ силу. Историкъ будетъ,
впрочемъ, несправедливъ къ этому обществу, если вздумаетъ харак-
теризовать его только по юридическимъ памятникамъ. Надо взять хро-
ники; онѣ уже отчасти извиняютъ феодала Востока: безустанная дѣя-
тельность этихъ панцирей показываетъ, что что-то бьется подѣ ними.
А главное нельзя смотрѣть на челоѣка только со стороны: надо
возстановить, какъ самъ онѣ понималъ себя, свою жизнь и дѣятель-
ность. А на это отвѣтъ даетъ легенда „Крестовыхъ Походовъ и
рыцарская поэзія“.

— Въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1892 г. открыты
два новые курса по исторіи, именно прив.-доц. С. М. Середонинымъ
(по эпохѣ Александра I) и А. И. Покровскимъ (по исторіи Аттики
до Клемена). Г. Середонинъ — магистръ, г. Покровскій — маги-
странтъ.

А. И. Покровскій, читавшій свою вступительную лекцію въ
актовомъ залѣ университета 5 октября 1892 г., началъ съ уясненія
того, какъ постепенно опредѣляла свое содержаніе исторія. Антич-
ная исторіографія преслѣдовала интересы эпические, политическіе и
этические; оттого только въ исключительныхъ случаяхъ могла она
возвышаться хоть сколько-нибудь на степень науки ¹⁾. Преобладаніе
тѣхъ же интересовъ можно—отчасти даже до настоящаго времени—
слѣдить и въ новой исторіографіи ²⁾. Но, послѣ „открытія міра и
челоѣка“, постепенно пришли въ мысли о единствѣ и совершенство-
ваніи челоѣчества; эта идея не замедлила выразиться въ рядѣ фило-
софскихъ построеній всемірной исторіи. Разумѣется, эти построенія
не могли быть прочными. Здѣсь думали, что цѣльность знанія воз-
можна безъ его полноты; здѣсь фактами играли такъ же, какъ сло-
вами. Въ противовѣсъ возникла объективно-критическая школа

¹⁾ И практика, и теорія вообще считали исторію искусствомъ. Недаромъ
и ею овладѣла риторика. Вполнѣ понятенъ поэтому споръ древнихъ о томъ—
что поучительнѣе, исторія или поэзія. Подѣ конецъ въ исторіи стали видѣть
просто *ἀνέκδοτον παραπύημα*, *ἀνέκδοτον ὄλγην*.

²⁾ И здѣсь исторія рисковала обратиться въ историческій романъ; и
здѣсь новые мыслители стали видѣть въ ней только „чисто случайную конфи-
гурацію“.

историографіи; эта реакція сдѣлала яснымъ, что только одинъ путь открыть историкѣ—путь эмпирическій 1). Но, кромѣ того, на построеніяхъ исторіи очень невыгодно должно было отразиться недостаточно отчетливое представленіе о томъ—какъ и въ чемъ собственно выражается развитіе человѣчества; постепенное уясненіе этого представленія можно выразить въ двухъ поперечной и продольной схемахъ 2). Содержаніемъ исторіи дѣлается, наконецъ, всестороннее развитіе общества (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова 3); отдѣльныя прагматическія и культурныя явленія важны для историка, лишь какъ соціальныя продукты и факторы; его главная задача—изученіе явленій общественныхъ. Указавъ на то, что хотя теченіе соціальное возобладало въ исторической наукѣ сравнительно недавно (1848 г.), но въ этомъ именно смыслѣ старательно разрабатываются такъ называемыя средняя и новая, а также наша отечественная исторія,—лекторъ поставилъ вопросъ—разрабатывалась ли и можетъ ли вообще разрабатываться въ этомъ смыслѣ и древняя исторія, въ частности исторія античной Еллады? Замѣтивъ, что литература объ античномъ мірѣ разрослась до громадныхъ размѣровъ, такъ какъ надъ изученіемъ его во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ деталяхъ давно работаетъ, кромѣ исторіи, филологія (вообще интересующаяся этимъ дѣломъ гораздо сильнѣе и ближе, нежели исторія), лекторъ и обратился къ разсмотрѣнію того, какіе плоды могли получиться для исторической науки отъ этой совмѣстной работы. Онъ обрисовалъ проходящее чрезъ всю исторію нашей культуры преклоненіе предъ античнымъ міромъ, но отмѣтилъ и слѣды протеста 4), правда не сильнаго и безсильнаго, но законнаго, ибо преклоненіе это вовсе не было результатомъ солидной и всесторонней оцѣнки (въ лучшемъ случаѣ оно осуществляло собой логическую формулу: *pars pro toto*). Это преклоненіе предъ античнымъ міромъ выгодно и невыгодно отразилось на успѣхахъ его изученія: выгодно потому, что усиленно поддержи-

1) Разумѣется, историкъ можетъ освѣщать себѣ этотъ путь такъ или иначе—напримѣръ сравнительнымъ изученіемъ.

2) Расширилось это представленіе такъ: рядомъ съ спиритуалистическимъ, идейнымъ становится матеріалистическое, экономическое объясненіе исторіи; истина, конечно, въ синтезѣ. Углублялось это представленіе такъ: человѣкъ мыслился въ исторіи, какъ индивидуальная личность, какъ членъ политическаго и, наконецъ, какъ членъ соціальнаго тѣла.

3) Съ этой же точки зрѣнія должно вестись и изученіе исторіи частныхъ соціальныхъ группъ (народовъ).

4) Начало этого протеста можно искать тамъ же, гдѣ и начало преклоненія, т. е. еще въ античной литературѣ уже къ IV в. до Р. Х.; особенно рѣзкимъ становится онъ въ послѣднее время.

вался интересъ къ этому изученію; невыгодно потому, что надъ практическимъ интересомъ тутъ легко одерживалъ верхъ интересъ эстетическій; конечно, преклоненіе это не могло проникнуть въ основаніе исторической науки,—оно могло лишь осясть на ея поверхности; оттого, предоставленная себѣ самой, она съумѣла бы отдѣлаться отъ невыгодъ этого преклоненія ¹⁾; но зато она не смѣла бы воспользоваться и всѣми его выгодами. Но камень, который небрегла историческая наука, былъ положенъ во главу угла классической филологіи. Выясняя, въ какой мѣрѣ тѣ задачи, какія ставила себѣ филологія, совпадаютъ съ задачами исторіи, лекторъ остановился особенно на школѣ ученика Вольфа, Бѣка, считавшей различіе между филологіей и исторіей „только кажущимся“; она выставила такую „исторію народной жизни“, гдѣ всѣ проявленія этой жизни являются радіусами замкнутого въ себѣ круга, центромъ котораго служить „народный духъ“. Такая „исторія“ во времена Бѣка могла еще не встрѣтить себѣ отпора ²⁾. Но послѣдующія археологическія находки показали, что еллинская культура развивалась вовсе не внѣ восточныхъ вліяній; далѣе, было научно доказано тѣсное сродство и общее происхождение индоевропейскихъ языковъ, и вотъ филологамъ-„реалистамъ“ волей-неволей пришлось и заходить по ту сторону Гомера, и пользоваться сравнительнымъ изученіемъ; такое расширеніе горизонта, особенно же общее проясненіе историческаго чутія и пониманія заставили филологовъ шире и глубже представлять себѣ уже развитіе античной жизни, признавать за мѣняющимся въ ней такое же значеніе, какъ и за пребывающимъ; такимъ образомъ „реальная филологія“ все болѣе и болѣе отождествляется съ исторической наукой; поэтому новое направленіе смотритъ на филологію, какъ на „научную дѣятельность“, предметомъ которой служить языкъ и литература, и которой только въ видахъ успѣшнаго выполненія своихъ ближайшихъ задачъ приходится вмѣшиваться и въ область историческаго вѣдѣнія, причемъ она должна уже пользоваться услугами исторической науки. Такимъ образомъ, филологія издавна не хотѣла содѣйствовать только рѣшенію, но и бралась за рѣшеніе историческихъ вопросовъ, и она не могла,

¹⁾ На нѣсколькихъ примѣрахъ (античный западъ и востокъ; афинская демократія) лекторъ показатъ, какъ историческая наука, стремясь къ возможной объективности и цѣльности сужденій, постепенно освобождается отъ „предразсудковъ“.

²⁾ Не говоря уже о томъ, что широкъ былъ тогда лишь горизонтъ историческихъ фантазій, а горизонтъ историческихъ знаній былъ слишкомъ узокъ,—то было время реакціи противъ рационализма XVIII вѣка, выразившейся въ стремленіи къ народности (школа Савиньи, Гриммовъ, національная пристрастія въ историографіи).

однако, замѣнить собою исторію, поскольку ея работы носили не историческій, а специально-филологическій характеръ. Разумѣется, для успѣховъ изученія античнаго міра было чрезвычайно важно, что, пока разработка другихъ отдѣловъ всеобщей исторіи не шла дальше видныхъ внѣшнихъ событій, филологія стала уже обращать вниманіе на всѣ рѣшительно проявленія античной жизни, и эта вѣковая работа принесла, конечно, много плодовъ, которые можетъ вкушать и историкъ. Благодаря тому, что для филологіи, благоговѣвшей предъ античнымъ міромъ, былъ священнымъ и потому окружался самымъ заботливымъ вниманіемъ каждый, даже самый ничтожный его осколокъ, — возросъ и былъ обработанъ матеріалъ, въ общемъ чрезвычайно драгоценный и для историка ¹⁾. Но тутъ являлась опасность увлечься мелочами, забыть за мелочами общее; здѣсь средство замѣняло собою цѣль. Далѣе, преобладаніе эстетической точки зрѣнія надъ практической могло повести къ преобладанію сухихъ, отвлеченныхъ умозаключеній надъ свободнымъ, живымъ отношеніемъ къ дѣлу, „абсолютныхъ“ моментовъ надъ „историческими“. Эта сторона дѣла (тѣмъ меньше сказавшаяся, чѣмъ больше отдѣльные труды запечатлѣны были силою таланта) особенно ярко обнаружилась въ количественно преобладающемъ и теперь направленіи филологической (особенно нѣмецкой) литературы (напр., по источниковѣднѣю). Но по мѣрѣ того, какъ, при рѣшеніи историческихъ вопросовъ, филологія усваиваетъ себѣ и историческое пониманіе, — работы ея получаютъ и непосредственное значеніе для историка. Только въ самое послѣднее время разработка древнегреческой исторіи становится на надлежащій путь: филологія сближается съ исторіей, сѣмѣвшей теперь яснѣе опредѣлить свое содержаніе; понемногу начинаютъ обнаруживаться свободное, живое отношеніе къ дѣлу, солидная и всесторонняя оцѣнка историческихъ явленій; предметомъ историческаго изученія дѣлаются уже и явленія болѣе общаго характера (правовыя, хозяйственныя, не говоря уже о духовныхъ), которыя и оцѣниваются съ общесторической точки зрѣнія. Правда, подобныхъ работъ пока еще слишкомъ немного, а результаты ихъ далеко не всегда можно считать прочно-обоснованными. Но, можетъ быть, скудость и ненадежность матеріала (на что такъ часто жалуются) вообще не позволяютъ изученію социальной (въ широкомъ смыслѣ) исторіи Греціи рассчитывать на прочность результатовъ? По мнѣнію лектора, матеріалъ этотъ вовсе не

¹⁾ Вообще филологія много способствовала и большей обстоятельности, и большей основательности сужденій историка; недаромъ наказывалось всегда пренебреженіе къ ея косвеннымъ услугамъ, даже у болѣе талантливыхъ историковъ.

такъ студентъ, потому что, если критика и научила насъ не вѣрить на-слово всякому показанію античнаго историка, зато каждый литературный памятникъ получилъ въ нашихъ глазахъ другого рода значеніе—поскольку онъ отражаетъ собою жизнь близкаго автору по времени общества; для насъ важны и всѣ случайныя указанія писателей; и въ этой области можно рассчитывать на дальнѣйшія открытія, но живымъ ключемъ быть еще другой источникъ нашихъ свѣдѣній: топографическія изслѣдованія, археологическія и нумизматическія,—особенно же эпиграфическія находки. Наконецъ, мы можемъ идти въ своихъ изысканіяхъ отъ послѣдующаго къ предыдущему, или пользоваться сравнительнымъ методомъ. Такъ мы получили возможность ближе подойти къ еллинамъ, созерцать ихъ безъ благоговѣйнаго трепета, видѣть въ нихъ не одинъ только духъ, а и плоть. Однако само состояніе матеріала все же ограничиваетъ—хотя и довольно удобно—задачу приступающаго теперь {(пока еще такъ мало сдѣлано подготовительныхъ работъ)} къ изученію древнегреческой социальной исторіи. Конечно, каждая греческая область имѣла свои особенности, но было и слишкомъ много общаго въ ходѣ ихъ развитія; больше всего свѣдѣній мы имѣемъ относительно области, игравшей самую видную роль въ судьбахъ Греціи—относительно Атики; поэтому изученіе афинской исторіи должно лежать въ центрѣ изученія всей греческой исторіи.

Приводимъ вкратцѣ содержаніе и лекціи С. М. Середонина.

Къ концу XVIII вѣка Россія представляла изъ себя государство, сильное внутри, уважаемое и вліятельное извнѣ; она достигла естественныхъ границъ, вернула себѣ почти всѣ исконныя земли свои. Но этотъ блестящій успѣхъ былъ результатомъ большихъ пожертвованій со стороны русскаго народа, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, когда дѣло шло о государственномъ интересѣ. Только съ XVIII вѣка начало слабо развиваться въ русскомъ обществѣ сознаніе правъ личности и стремленіе оградить ее отъ произвола. Водвореніе въ русскомъ обществѣ начала законности, уравниеніе правъ отдѣльныхъ сословій—вотъ задачи, стоявшія на очереди внутренней политики; давнишнія стремленія народностей Балканскаго полуострова въ связи съ общимъ пробужденіемъ національнаго чувства въ Европѣ указывали Россіи ея роль въ международной политикѣ Европы. Первые дѣятели Александровской эпохи, съ императоромъ во главѣ, поняли до извѣстной степени предстоящія задачи: переустройствомъ центральныхъ учреждений, составленіемъ свода законовъ, основаніемъ многихъ учебныхъ заведеній, освобожденіемъ литературы отъ строгостей цензуры, возбужденіемъ крестьянскаго вопроса, рѣшительнымъ

отказомъ отъ завоевательной политики,—эти дѣятели стремились вывести Россію на новый путь.

Извѣстно, что Александровская эпоха кончилась полнымъ крушеніемъ плановъ, намѣченныхъ въ началѣ ея: сводъ законовъ составленъ не былъ, надъ литературой и юной наукой тяготѣла цензура, мало чѣмъ уступавшая цензурѣ Павловскаго времени, по крестьянскому вопросу не удалось добиться запрещенія продавать крестьянъ безъ земли, произволъ въ управленіи остался тотъ же, несмотря на учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта; во внѣшней политикѣ Россія потеряла значительную долю своего вліянія, возбудила противъ себя на Западѣ общественное мнѣніе, оттолкнула отъ себя Грецію,—результатъ тѣмъ болѣе неожиданный; что именно въ эту эпоху Россія была поставлена усиліями своего народа во главѣ европейскихъ государствъ.

Раскрытіе причинъ такого полнаго крушенія начинаній эпохи, совпадавшихъ съ потребностями общества и страны, и составляетъ главный интересъ изученія этой эпохи. Изученіе это еще разъ во-первыхъ подтверждаетъ старую истину, что недостаточно лицамъ, стоящимъ во главѣ правленія, проникнуться идеями, а необходимо умѣнье „воплотить“ эти идеи въ той средѣ, въ которой имъ приходится дѣйствовать, и во-вторыхъ, что лица „слова“ всегда уступаютъ въ концѣ лицамъ „дѣла“, хотя бы послѣдніе держались совсѣмъ противныхъ мнѣній.

Публичныя лекціи по исторіи.

— Зимой 1891—92 г. было прочитано особенно много публичныхъ лекцій, между прочимъ и по исторіи. Внѣшнимъ поводомъ къ развитію такого способа популяризаціи науки послужилъ неурожай, постигшій значительную часть европейской Россіи и потребовавшій общественной помощи пострадавшимъ: публичныя лекціи и читались въ пользу голодающихъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ былъ дѣльный рядъ такихъ чтеній, изъ коихъ нѣкоторыя были потомъ напечатаны (лекціи проф. Карѣева, прив.-доц. Сенигова и др.) Приводимъ заглавіе историческихъ лекцій.

Проф. Платоновъ. Соловьевъ и Кавелинъ, происхождение и паденіе ихъ историческихъ взглядовъ.

Проф. Карѣевъ. Источники историческихъ перемѣнъ (Рус. Бог., 1892, I).

Проф. Ламаевскій. Амосъ Коменскій.

Прив.-доц. Чечулинъ. Типическій представитель русскаго общества въ XVIII в.

Прив.-доц. Сениговъ. Народное воззрѣніе на дѣятельность Ивана Грознаго (нап. отд. брош.).

Прив.- доц. Лапко-Данилевскій. Важнѣйшіе иноземные факторы въ образованіи древнерусской культуры.

Прив.-доц. Морозовъ. Старинное путешествие на Западъ и у насъ.

Проф. Незеленовъ. Западно-европейскія начала и народныя русскія стихіи въ предпушкинской литературѣ.

Проф. Георгіевскій. Китайскій народъ и его идеалы.

Прив.-доц. Вейнбергъ, Ленцъ, поэтъ эпохи бури и натиска.

Проф. Зелинскій. Новооткрытый греческій поэтъ (напечатано).

Проф. Петри. Очерки первобытной культуры (общественная помощь).

Проф. Веселовскій (Н. И.) Шаманство.

— Въ другихъ университетскихъ городахъ равнымъ образомъ читались публичныя лекціи въ пользу голодающихъ. Мы имѣемъ возможность сообщить подробно содержаніе историческихъ лекцій, читанныхъ въ Кіевѣ.

Предметомъ своихъ лекцій въ пользу населенія мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, проф. И. В. Лучицкій избралъ „*Общественный строй Швеции и развитіе ея конституціи*“. Такихъ лекцій проф. Лучицкій прочелъ три, и первая изъ нихъ представляла какъ бы введеніе въ историческій очеркъ шведской конституціи, изложеніе общихъ началъ, составляющихъ ея сущность.

Прежде всего лекторъ изложилъ мотивы, заставившіе его избрать темой своихъ лекцій исторію государственнаго устройства такой въ сущности второстепенной страны, какою является Швеція, сыгравшая одинъ только разъ выдающуюся роль въ европейской исторіи, да и то съ послѣдствіями, скорѣе для себя плачевными. Этотъ мотивъ лекторъ усматриваетъ въ представляющей выдающійся научный интересъ самобытности и оригинальности социальнаго строя Швеции, не имѣющаго себѣ подобнаго на европейскомъ континентѣ и съ поразительнымъ консерватизмомъ сохранившагося, почти безъ всякихъ перемѣнъ на всемъ протяженіи шведской исторіи до послѣднихъ временъ, по крайней мѣрѣ, до конституціонныхъ реформъ 1865 года, такъ какъ и извѣстная конституція 1809 г. въ сущности не представляла чего-либо новаго, а была только повтореніемъ въ исправленномъ видѣ раньше существовавшихъ конституцій. Преобладающей чертой шведскаго государственнаго типа, придающей ему оригинальность и самобытность, по мнѣнію лектора, является его „крестьянскій“ характеръ, заставляющій признать Швецію крестьянскимъ государствомъ въ преимущественномъ и исключительномъ смыслѣ. Достаточно сказать, что въ началѣ текущаго столѣтія городское населеніе составляло самую

незначительную часть всего населенія Швеціи, и въ такой же пропорціи представлялось отношеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ къ мелкимъ хозяйствамъ, собственно крестьянскимъ.

Этотъ типъ шведскаго государства сложился исторически, и въ образованіи его важную роль играли причины чисто физическія и экономическія. Такихъ причинъ экономическаго характера, вліяющихъ на устройство всякаго вообще соціального и государственнаго строя, лекторъ указываетъ три: поземельная собственность, капиталъ и кредитъ. На созданіе шведскаго государства могущественное вліяніе оказала первая изъ указанныхъ причинъ, благодаря исключительно земледѣльческому характеру страны. Скандинавскія саги и первыя, еще смутныя историческія преданія рисуютъ намъ Швецію населенную отдѣльными независимыми племенами, права которыхъ на занятую территорію носили чисто колоніальный характеръ, простирались только туда, куда доходили плугъ и соха отдѣльнаго племени, и не были плодомъ завоевательной политики, основанной на вытѣсненіи или порабощеніи чужого племени. Обычное право осватило этотъ земледѣльческій строй страны тѣмъ, что запретило члену извѣстнаго рода отчуждать свою землю въ чужія руки безъ согласія своего рода. Съ возникновеніемъ королевской власти это правило было распространено и на земли короны, или т. н. домены. Этотъ принципъ неотчужденія земли у коренного земледѣльческаго населенія въ дальнѣйшей исторіи Швеціи играетъ роль яблока раздора между различными классами населенія, и исторія борьбы этого принципа съ покушеніями на его неприкосновенность и составляетъ, собственно говоря, исторію самой Швеціи. Самый большій уронъ этотъ принципъ потерпѣлъ въ эпоху владычества въ Швеціи католической церкви, вѣрнѣе—католическаго духовенства.

Достигнувъ могущественнаго вліянія на дѣла управленія, церковь сосредоточила въ своихъ рукахъ и земельное имущество, такъ что въ эпоху кальмарской уніи, когда духовенство по произволу смѣняло и назначало шведскихъ королей, въ его рукахъ было уже двѣ трети всей поземельной собственности въ странѣ. Когда, съ введеніемъ реформаціи, пало вліяніе духовенства, мѣсто его заняло шведское дворянство, усилившее свое значеніе, какъ крупнаго земельного собственника, еще раньше, благодаря тому, что шведская корона, въ своей борьбѣ съ церковью, принуждена была опираться на дворянъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ привлеченія которыхъ служила раздача земель. Тутъ повторилась та же исторія, что и съ духовенствомъ. Непомѣрные притязанія духовенства заставили корону опереться на третье сословіе—крестьянъ. Въ этой борьбѣ важную роль сыграло то обстоятельство, что крестьянскій классъ шведскаго населенія, благо-

даря счастливыми историческими и еще болѣе экономическими условиями,—никогда не испыталъ такой участи, какъ въ остальныхъ государствахъ Европы—крѣпостного состоянія. Рѣшительный ударъ земельному могуществу дворянъ нанесли знаменитыя „редукціи“ Карла XI (отобрание всѣхъ когда-либо пожалованныхъ дворянству или тѣмъ или инымъ способомъ захваченныхъ дворянствомъ земель). Съ этихъ поръ дворянство передаетъ свою роль преобладающаго въ странѣ сословія крестьянамъ. Первую свою лекцію проф. Лучицкій закончилъ краткимъ очеркомъ той роли, какую играли въ судьбахъ Швеціи города. Роль эта самая незначительная, да и развитіе городовъ въ Швеціи не было такъ сильно, какъ въ другихъ государствахъ.

Со второй лекціи проф. Лучицкій перешелъ къ болѣе детальному изложенію общественно-государственныхъ учреждений Швеціи, въ ихъ историческомъ развитіи. Эта лекція обнимала собою первый періодъ шведской исторіи со времени образованія шведскаго государства до конституціи 1634 г. Политическая организація Швеціи въ первый періодъ ея исторіи объясняется самымъ процессомъ образованія шведскаго государства. Отдѣльныя племена, населявшія Швецію съ незапамятныхъ временъ, послужили звеньями, изъ которыхъ сложилась цѣпь государственныхъ отношеній въ Швеціи. Каждое звено жило самостоятельной политической жизнью, имѣло свое народное избраніе (тингъ), своихъ отдѣльныхъ выборныхъ представителей (конунговъ); когда возникло сознаніе необходимости объединяющей центральной власти, въ лицѣ короли, общаго для всѣхъ отдѣльныхъ округовъ, появленіе такого короля сначала ничего не измѣнило въ политическомъ строѣ Швеціи. Каждая область управлялась сама собою, посредствомъ своихъ выборныхъ представителей въ народномъ собраніи, причемъ никакихъ рѣзкихъ сословныхъ различій не существовало; всѣ носили названіе „крестьянъ“, и разница была только экономическая, смотря по тому, больше или меньше кто могъ обрабатывать земли. Король не управлялъ страной въ подлинномъ смыслѣ; онъ былъ выборнымъ лицомъ и долженъ былъ при вступленіи въ управленіе страной объѣзжать всѣ округа, чтобы получить отъ cadaго округа согласіе и утвержденіе въ своемъ избраніи, а самъ взамѣнъ давалъ обязательство охранять неприкосновенность политическаго устройства cadaго округа. Соотвѣтственно этому и значеніе короля, какъ землевладѣльца, было ничтожно. Въ силу первоначальныхъ религіозныхъ воззрѣній на королевскую власть, всѣ имущественныя средства короля ограничивались тѣми сборами, которые поступали на религіозныя надобности, и тѣми землями, которыя представляли церковное имущество. Крупнымъ собственникомъ король дѣлается лишь послѣ того какъ ему переходятъ земельныя владѣнія отдѣль-

ныхъ конунговъ, послѣ исчезновенія ихъ путемъ кроваваго истребленія. Но и это не давало королю вліянія на дѣла управленія въ отдѣльныхъ округахъ. Управители королевскихъ имѣній были просто приказчиками своего хозяина, никакими правами на выборныя должности того округа, гдѣ было королевское имѣніе, они не пользовались.

Первые зачатки образованія сословной монархіи тѣсно связаны началомъ королевскаго или государственнаго совѣта. Все болѣе возрастающая сложность управленія заставляетъ королей призывать къ себѣ болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ королевскихъ совѣтниковъ; сначала эти совѣтники вполнѣ зависятъ отъ воли короля, который воленъ слѣдовать или не слѣдовать ихъ совѣтамъ, и роль ихъ въ государственномъ совѣтѣ самая незначительная, тѣмъ не менѣе, новое, высшее сословіе уже готово, и съ образованіемъ государственнаго совѣта, какъ постояннаго учрежденія, значеніе его и земельное могущество возрастаютъ. Случайное обстоятельство отдаетъ въ руки этого высшаго дворянскаго сословія и верховную власть. Это—раздѣленіе шведскаго королевства между тремя сыновьями Магнуса и малолѣтняго его преемника, Магнуса Эриксона. Государственный совѣтъ становится во главѣ управленія и издаетъ въ 1344 г. государственное уложеніе, которымъ права короны ограничиваются до minimum'a. Попытка Магнуса Эриксона возстановить прерогативы королевской власти оканчиваются низложеніемъ туземной династіи и призваніемъ иноземныхъ королей, ставленниковъ духовенства и аристократіи.

Кальмарская Унія, навѣднвшая страну датскими чиновниками, безцеремонно посягавшими на права и имущество свободныхъ шведскихъ крестьянъ, вызываетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, свободныхъ отъ вліянія аристократіи, восстаніе, что въ связи съ возникшимъ среди самого дворянства національнымъ движеніемъ приводитъ къ изгнанію датской династіи.

Въ Швеціи опять являются туземные короли, въ лицѣ Карла Кнутсона и Стуровъ, впрочемъ, довольствующіеся скромнымъ титуломъ правителей и посвятившіе свои силы на то, чтобы примирить въ управленіи страной аристократическій и демократическій элементъ. Попытка Христіана II организовать государство на исключительно демократическихъ началахъ, не взирая на кровавые ужасы Стокгольмской бойни 8-го ноября 1520 года, приводитъ только къ большому торжеству аристократической реакціи, изданію новыхъ органовъ центральнаго управленія въ областяхъ, и это усиленіе вліянія дворянства находитъ свое полное выраженіе въ конституціи 1634 г., получившей вполнѣ аристократическій характеръ.

Въ послѣдней своей лекціи проф. Лучицкій перешелъ къ очерку

шведскихъ представительныхъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ. Прежде всего лекторъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что говорить о шведской конституціи, въ смыслѣ общихъ сословныхъ учрежденій, ранѣе XVII в. нельзя. До этого времени въ Швеціи нельзя замѣтить общаго руководящаго начала, которое проникало бы собою ея дѣятельность, какъ политическаго, соціальнаго организма, и придавало этой дѣятельности единство и стройность. Никакихъ другихъ усилій всѣхъ классовъ шведскаго общества исторія Швеціи намъ не представляетъ. Можно, наоборотъ, сказать, что шведская конституція создавалась урывками; каждый изъ классовъ населенія старался по возможности пріобрѣтать какъ можно больше политическихъ правъ для себя, не заботясь о прочихъ классахъ. Другое, что придавало шведскимъ представительнымъ учрежденіямъ самобытность и оригинальность, и что отличало шведскую конституцію, напр., отъ англійской, это—мотивы, ради которыхъ отдѣльные факторы шведской политической жизни дѣйствовали, добивались правъ и боролись между собой. Въ основаніи англійской конституціи, какъ извѣстно, легъ принципъ обложенія, и борьба англійскихъ партій и велась собственно изъ-за права этого обложенія, т.-е. изъ-за того, кто возьметъ въ свои руки распредѣленіе этого обложенія. Въ Швеціи, въ силу скудости ея экономическаго и промышленнаго развитія, въ силу исключительно земледѣльческаго характера страны, вопросъ объ обложеніи не игралъ, да и не могъ играть такой доминирующей роли, какъ въ Англіи. На мѣсто него здѣсь ставится принципъ земельной собственности, и политическія права тѣсно связаны съ правами земельного владѣнія, такъ что въ этотъ первый періодъ шведской исторіи до XVII вѣка тотъ и владѣть правами, въ рукахъ кого сосредоточено земельное могущество.

Какъ мы видѣли, это земельное могущество въ это время колеблется между короной и аристократіей. Въ связи съ нимъ колеблется и сосредоточеніе правъ въ тѣхъ или другихъ рукахъ. Въ этомъ смыслѣ и опредѣляется роль древнѣйшихъ представительныхъ учрежденій Швеціи: совѣта и сейма. Будучи вначалѣ учрежденіемъ чисто совѣщательнымъ, совѣтъ съ усиленіемъ въ странѣ дворянства получаетъ господствующее значеніе и изъ королевскаго превращается въ государственный въ полномъ смыслѣ, какъ настоящій „правитель государства“. Конечно, про такое могущество совѣта, сеймъ игралъ роль второстепенную и незначительную, и организація его была принаровлена къ тому, чтобы онъ не могъ оказывать сопротивленія всему, что предпринималось совѣтомъ. Это было достигнуто учрежденіемъ особаго тайнаго совѣта, который въ сущности и управлялъ судьбами государства.

Попытка Карла IX основать въ Швеціи господство военнаго

абсолютизма не привела ни къ чему. Конституція 1634 г., представляющая первый опытъ созданія всесловныхъ учрежденій, на самомъ дѣлѣ только упрочила владычество дворянства, обезпечивъ въ сеймѣ рѣшающее большинство голосовъ за первенствующимъ сословіемъ. Разочарованіе въ порядкѣ вещей, созданномъ конституціей 1634 г., наступило уже въ 1650 г. и привело, спустя тридцать лѣтъ къ восстановленію монархическаго абсолютизма при Карлѣ XI и Карлѣ XII. Карломъ XI былъ нанесенъ рѣшительный ударъ могуществу стараго шведскаго дворянства, но онъ создалъ, вмѣсто него, новое дворянство не родовое, а служилое, чиновное, и это новое дворянство, со смертію Карла XII, начало распорядиться въ странѣ и, создавъ конституцію въ 1719 г., создало и господство олигархін. Сеймъ занялъ мѣсто совѣта, и этотъ періодъ „свободы“, превративъ сеймъ въ простую игрушку иностранныхъ государей, ознаменовался такимъ упадкомъ Швеціи, что далъ даже поводъ Фридриху II мечтать о раздѣлѣ Швеціи между ея сосѣдями. Словная конституція 1809 г. впервые внесла въ шведскія учрежденія необходимое равновѣсіе словныхъ интересовъ. Происшедшее вскорѣ послѣ этого сліянiе Швеціи съ Норвегіей внесло въ шведскую конституцію свѣтлую обновляющую струю, а реформы 1865—66 гг. окончательно освободили ее отъ средневѣковой оболочки, упорно сохранявшейся до послѣднихъ временъ („*Кіевлянинъ*“, №№ 264, 269, 273 за 1891 г.).

— Предметомъ своей лекціи въ пользу населенія пострадавшихъ отъ неурожаа губерній, прочитанной въ воскресенье, 8 марта, проф. О. Я. Фортинскій избралъ весьма любопытный эпизодъ изъ исторіи просвѣщенія въ эпоху среднихъ вѣковъ, а именно „Борьбу парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII в.“. Ближайшимъ поводомъ къ выбору упомянутой темы для своей лекціи, по объясненію самого лектора, послужило предпринятое два года тому назадъ изданіе актовъ, относящихся къ исторіи парижскаго университета. Изданіе это, въ которое вошло много актовъ совершенно новыхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ, въ настоящее время доведено до половины XIV вѣка, и самыми любопытными изъ нихъ, по мнѣнію лектора, являются тѣ, которые рисуютъ именно борьбу парижскаго университета съ нищенствующими монахами.

Чтобы составить себѣ понятіе объ этой борьбѣ, необходимо сначала выяснитъ, что представляли собою оба эти учрежденія, т. е. парижскій университетъ и нищенствующіе монашескіе ордена, въ тотъ моментъ, когда возгорѣлась между ними борьба. Слову „университетъ“ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, придавалось совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣ. „Университетъ“ не былъ тогда высшимъ учебнымъ заведеніемъ, съ раздѣленіемъ его на группы наукъ, образующія

современные факультеты. Средневековой „университетъ“ былъ корпораціей учащихся и учащихся, что видно изъ того, что это названіе присвоилось гораздо раньше появленія университетовъ и различными городскими корпораціямъ, такъ что слѣдуетъ полагать, что университеты заимствовали его у этихъ послѣднихъ; видно это также изъ того, что для обозначенія высшихъ учреждений научнаго и образовательнаго характера, существовало тогда свое специальное названіе: *studium generale*. Появленіе университетовъ, какъ корпоративныхъ учреждений, несомнѣнно, находится въ связи съ тѣмъ коммунальнымъ движеніемъ, которое охватило западно-европейское общество съ половины XI в., какъ противовѣсъ феодальному произволу, и повлекло за собою образованіе городскихъ самостоятельныхъ общинъ и проч. Матеріаломъ для средне-вѣковыхъ университетовъ послужили монастырскія и епископальныя (соборныя) школы, начало которыхъ относится еще къ эпохѣ Карла В., т.-е. къ VIII в. Ближайшею цѣлью такихъ школъ было—приготовлять образованныхъ клириковъ для нуждъ церковнаго богослуженія и управленія. Эти школы, подчиненныя вѣдѣнію монастыря или соборнаго капитула, имѣли во главѣ учителя, носившаго названіе канцлера, схоластика или магистра, который въ свою очередь имѣлъ у себя помощниковъ, называвшихся *circatores*. Въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ главное вниманіе было обращено не на ученіе въ собственномъ смыслѣ, а на строгое дисциплинированіе учениковъ, такъ что ученики шагу не могли ступить такъ, чтобы за этимъ не наблюдали зоркіе глаза *circatorum*. Въ числѣ дисциплинарныхъ мѣръ важное мѣсто занимала розга. Рисунки той эпохи изображаютъ магистра не иначе, какъ съ розгой въ рукѣ. Что это не было результатомъ насмѣшливаго, каррикатурнаго отношенія, а имѣло вполне серьезный смыслъ, видно, напр., изъ того, что короли, желая отличить магистра, преподаваніе котораго было особенно успѣшно, жаловали его серебряной розгой. Съ ослабленіемъ дисциплины послѣдовалъ и упадокъ монастырскихъ и соборныхъ школъ, что особенно вызвано было предоставленіемъ схоластикамъ и магистрамъ земельныхъ угодій, такъ-называемыхъ бенефицій или пребендъ, при чемъ учителя обязывались и учениковъ содержать на средства такихъ пребендъ. Конечно, схоластики предпочитали жить не въ школѣ, а въ своихъ пребендахъ, содержали учениковъ плохо, ученіе шло спуста рукава. Жалобы на такія упущенія, вмѣсто того, чтобы возстановить прежній порядокъ вещей, содѣйствовали еще большому разложенію школы, такъ какъ, по настоянію родителей, ученикамъ было предоставлено право жить внѣ школы, и заканчивать свое образованіе у тѣхъ магистровъ, которые особенно славились своимъ преподаваніемъ, не стѣсняясь даже національностью ихъ. Къ этому времени и относится

начало парижскаго университета. Парижскія школы издавна отличались своей многочисленностью и составомъ своихъ магистровъ, въ числѣ которыхъ были такіа лица, какъ Вильгельмъ Шампо, о которомъ одинъ изъ современниковъ писалъ: „когда слушаешь его, не знаешь, кто говоритъ: человекъ или ангелъ“; или знаменитый Абеляръ, измѣнившій всю систему богословскаго преподаванія введеніемъ въ нее новаго метода. Эти имена, слава о которыхъ разошлась по всей Европѣ, привлекали отовсюду въ Парижъ массы жаждущихъ просвѣщенія. Несомнѣнно, въ средѣ этой молодежи, которой зачастую приходилось терпѣть обиды и притѣсненія отъ горожанъ и представителей полицейской власти, рано должна была зародиться идея болѣе тѣснаго сплоченія въ одно общественное цѣлое, въ одну корпорацію. Когда именно совершилось это образованіе парижскаго университета, какъ корпоративнаго учрежденія, положительныхъ данныхъ не имѣется; но есть полное основаніе предположить, что уже во второй половинѣ XII в. университетская корпорація въ Парижѣ отлилась въ свои главныя формы. Она представлялась въ такомъ видѣ: всѣхъ факультетовъ было—три высшихъ, на которыхъ преподавались науки богословскія, юридическія и медицинскія, и подготовительный къ нимъ, гдѣ шло преподаваніе такъ-называемыхъ *artium*, и который въ свою очередь распадался на 4 *nationes*. Впрочемъ, только магистры были вполнѣ полноправными членами университета; студенты представлялись только своими магистрами въ университетскихъ собраніяхъ и полной самостоятельностью не пользовались. Сначала, преобладающее положеніе въ парижскомъ университетѣ имѣли три высшихъ факультета; но когда *nationes* факультета *artium* объединились подъ властью ректора, перевѣсъ оказался на ихъ сторонѣ, и ректоръ сталъ даже во главѣ всей университетской корпораціи, завершивъ этимъ процессъ ея сплоченія въ одно цѣлое. Когда организація парижскаго университета достигла этого единства, онъ могъ съ успѣхомъ выдержать борьбу съ горожанами и съ полиціей, съ главнымъ начальникомъ школъ, называвшимся въ Парижѣ канцлеромъ, и даже съ королевскою властью, что и имѣло мѣсто въ періодъ съ 1200 до 1229 г. Лекторъ довольно подробно обрисовалъ всѣ фазисы этой борьбы; но мы остановимся только на одномъ изъ нихъ, имѣющемъ связь съ послѣдующимъ изложеніемъ, именно на борьбѣ парижскаго университета съ королевскою властью, въ лицѣ Бланки Кастильской въ 1229 г. Великимъ постомъ 1229 г. компанія студентовъ, вслѣдствіе столкновенія съ горожанами въ загородномъ погребѣ, находящемся на землѣ, принадлежащей одному изъ парижскихъ монастырей, разорила погребокъ. Аббатъ монастыря обратился съ жалобой къ королевѣ, и та велѣла арестовать виновныхъ, причемъ нѣкоторые изъ студентовъ были убиты. Университетъ по-

требовалъ удовлетворенія, съ угрозой въ противномъ случаѣ оставить Парижъ, и когда удовлетворенія не послѣдовало, привелъ свою угрозу въ исполненіе; а надо замѣтить, что такое удаленіе университета, по тогдашнимъ понятіямъ, имѣло важное значеніе и считалось позорнымъ для города и государства, гдѣ оно имѣло мѣсто, не говоря уже о матеріальныхъ убыткахъ. Въ распрю университета съ королевской властью вмѣшался самъ папа, и при его помощи университетъ получилъ полное удовлетвореніе и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ.

И вотъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего корпоративнаго могущества парижскій университетъ, въ половинѣ XIII в., вступаетъ въ борьбу съ нищенствующими монахами и выходитъ изъ этой борьбы далеко не такъ побѣдоносно, какъ изъ прежнихъ. Въ нищенствующихъ монахахъ онъ встрѣтилъ учрежденіе, не уступающее ему въ силѣ и влияніи. Это произошло оттого, что ордена нищенствующихъ монаховъ, доминиканскій и францисканскій, появившись въ первой четверти XIII в., быстро заняли въ обществѣ положеніе, вполне отличное отъ положенія прочихъ монашествующихъ орденовъ. Въ противоположность издавна установившимся традиціямъ, повелѣвавшимъ монаху изолировать себя отъ остального міра, нищенствующіе ордена поставили своей задачей какъ можно болѣе тѣсное общеніе съ міромъ. Призваніе ихъ было проповѣдывать и исповѣдывать, дабы принести въ міръ спасеніе. Обѣтъ нищенства, заставляющій нищенствующихъ монаховъ отказываться отъ матеріальныхъ выгодъ, обладаніе которыми поставило прочіе монастыри въ привилегированное положеніе феодальныхъ владѣльцевъ, сразу привлекъ къ нимъ сочувствіе не только низшихъ, но и высшихъ классовъ, и даже самихъ королей и папъ. Людовикъ IX говорилъ, что одна половина его принадлежитъ св. Франциску, а другая св. Доминику. Нищенствующіе монастыри быстро росли, устраиваемыя ими для подготовки проповѣдниковъ школы процвѣтали. Школы эти представляли три стадіи: въ монастыряхъ—низшія, подъ вѣдѣніемъ пріора, въ провинціальныхъ городахъ—среднія, подъ вѣдѣніемъ провинціала, и въ университетскихъ центрахъ—высшія, коими завѣдывали магистры. Въ Парижѣ доминиканцы появляются на другой же годъ основанія своего ордена, въ 1217 г., францисканцы въ 1220 г. Встрѣчены они были парижскимъ университетомъ вначалѣ самымъ радушнымъ образомъ, благодаря рекомендаціи папы. незадолго передъ тѣмъ оказавшаго университету рѣшительную поддержку въ его борьбѣ съ канцлеромъ и епископомъ. Университетъ отдалъ даже принадлежавшій ему домъ св. Іакова подъ доминиканскую школу. Но обнаружившееся стремленіе нищенствующихъ выдѣлать свои школы изъ университета, выразившееся между прочимъ въ запрещеніи ученикамъ своихъ школъ учиться у маги-

ство, не принадлежащихъ къ нищенствующимъ орденамъ, скоро охладило сочувствіе къ нимъ парижскаго университета. Не могло нравиться университету и то обстоятельство, что три кѣедры изъ двѣнадцати богословскаго факультета оказались захваченными нищенствующими, такъ что исключительность и нетерпимость въ дѣлѣ преподаванія, обнаруживаемыя нищенствующими, коснулись даже такого первостепеннаго въ то время предмета, какъ богословіе. Университетъ (въ 1252 г.) издалъ постановленіе, которымъ нищенствующимъ предоставлялась только одна богословская кѣедръ. Но нищенствующіе не хотѣли отказываться отъ разъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что университетъ, благодаря столкновению съ горожанами 1253 г. рѣшилъ прекратить на мѣсяцъ преподаваніе на всѣхъ своихъ факультетахъ, нищенствующіе условіемъ своего присоединенія къ тому рѣшенію поставили сохраненіе за ними ихъ 3 кѣедры, и когда имъ было въ томъ отказано, нищенствующіе не захотѣли прервать преподаванія, чѣмъ затянули кризисъ. Университетъ уже не могъ простить нищенствующимъ этого оскорбленія, нанесеннаго его корпоративному единству. Въ огражденіе себя онъ издалъ постановленіе, требующее отъ всѣхъ магистровъ безусловнаго подчиненія своимъ статутамъ. Магистры нищенствующихъ орденовъ приняли это постановленіе съ оговоркой: „если статуты не будутъ противорѣчить требованіямъ уставовъ ихъ ордена“. Тогда университетъ исключилъ нищенствующихъ изъ своей корпорации. Нищенствующіе обратились къ папѣ съ протестомъ, въ которомъ представили дѣло въ такомъ видѣ, будто они не рисковали подчиниться распоряженію университета о закрытіи курсовъ раньше полученія на это согласія со стороны папы. Университетъ, возмущенный такою ложью, отправилъ въ Римъ одного изъ своихъ магистровъ, Вильгельма de Sancto Amore, который былъ принятъ папой Иннокентіемъ IV съ большимъ уваженіемъ и почестями, такъ что когда у Вильгельма de Sancto Amore вышли деньги, то папа самъ помогъ ему сдѣлать необходимый заемъ. Объясненія университета были найдены вполне основательными, мало того, папа Иннокентій IV даже издалъ буллу, запрещающую нищенствующимъ проповѣдывать и исповѣдывать. Нищенствующіе считали свое дѣло окончательно проиграннымъ, но обстоятельства неожиданно измѣнились со вступленіемъ на папскій престолъ Александра IV, отмѣнивашаго буллу своего преемника и всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Тогда университетъ, по совѣту Вильгельма de Sancto Amore, обвинилъ нищенствующихъ въ ереси, на томъ основаніи, что въ сочиненіи одного изъ магистровъ францисканскаго ордена проведена была мысль о дѣленіи исторіи на 3 періода: въ первомъ, отъ сотворенія міра до Р. Х., властвовалъ Богъ Отецъ, и главную роль въ немъ играли евреи; второй,

отъ Р. Х., подъ властью Бога-Сына; имъ управляютъ папа и католическое духовенство; третій, имѣющій начаться съ 1260 г., будетъ періодомъ Духа Святого, и главенство въ немъ будетъ принадлежать нищенствующимъ. Въ то же время Вильгельмъ de Sancto Amore написалъ рѣзкій памфлетъ, въ которомъ обличалъ нищенствующихъ въ противорѣчіи ихъ устава съ ихъ дѣйствительною дѣятельностью. Римская курія постановила изъять изъ обращенія сочиненіе францисканскаго ученаго, но такъ осторожно, чтобы это не отразилось на славѣ самого ордена; памфлетъ же de Sancto Amore былъ признанъ несогласнымъ съ духомъ ученія католической церкви и преданъ сожженію. Въ то же время папа Александръ IV издалъ буллу, рѣшительно поддерживающую нищенствующихъ, и поручилъ исполненіе своихъ предписаній французскому королю, Людовику IX, горячему приверженцу нищенствующихъ, какъ уже было замѣчено выше. Трое наиболѣе упорныхъ магистровъ были отлучены отъ церкви и лишены кафедръ. Тогда университетъ склонился къ миру. Двое изъ отлученныхъ магистровъ отправились къ папѣ и принесли покаяніе. Остался нераскаяннымъ одинъ Вильгельмъ de Sancto Amore, имѣвшій много сторонниковъ и почитателей, что нѣсколько затянуло борьбу, но въ 1259 г. она была, по признанію самого папы, окончательно прекращена. Послѣдствіемъ ея были взаимныя уступки: нищенствующіе отказались отъ стремленія выдѣлать свои школы изъ университета, ограниченіе числа кафедръ богословія опредѣленнымъ штатомъ было отменено; а университетъ, чтобы сохранить вліяніе, долженъ былъ улучшить свое преподаваніе, по образцу школъ нищенствующихъ. Въ самый разгаръ борьбы возникла знаменитая Сорбонна, преподаваніе въ которой было обставлено всѣми необходимыми академическими пособіями, а учащіеся были избавлены отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. (Кіевл., № 71).

Разныя извѣстія.

Съ января 1893 года возобновляется изданіе „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“, которыя не выходили съ 1884 года.

Предположено издавать по 4 книжки въ годъ (именно 1-го января, 1-го марта, 1-го мая и 1-го ноября), не считая „приложеній“, которыя могутъ выходить и отдѣльно. Въ официальной части будутъ помѣщаться извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, обзорнія преподаванія, отчеты, актовныя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, медальныхъ сочиненіяхъ и т. под. Въ неофициальную часть войдутъ отдѣлы: а) научный (изслѣдованія, сообщенія, публичныя лекціи и т. д.); б) критика и библіографія; в) университетская лѣтопись; г) приложения (болѣе обширныя сочиненія, диссертациі, курсы и т. п.).

Все изданіе, вмѣстѣ съ приложеніями, разсчитано пока на 100—120 печ. листовъ въ годъ. Подписная цѣна для студентовъ Харьковскаго университета—2 р. въ годъ, для постороннихъ лицъ—4 р. въ годъ (съ пересылкой 5 р.).

Предполагается обратить особое вниманіе на исторію Харьковскаго университета, въ виду приближающагося 100-лѣтняго юбилея со времени основанія университета. Проф. Д. И. Багалій готовитъ рядъ „очерковъ“ по этому поводу. Въ первой книжкѣ „Записокъ“ предполагается между проч. помѣстить рѣчь проф. Д. И. Багаліа о В. Н. Каразинѣ, главномъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ. 4-го ноября, с. г. исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти В. Н. Каразина и 8-го ноября (въ первое воскресенье послѣ 4-го) Харьковский университетъ чествовалъ память своего основателя¹⁾. Затѣмъ имѣется въ виду рядъ статей проф. П. Н. Будинскаго касательно исторіи колонизаціи Сибири, проф. И. В. Нетушила—конспектъ курса по римскимъ древностямъ, проф. А. Н. Деревницкаго—комментаріи къ Иліадѣ и т. д. Въ отдѣлѣ некрологовъ между проч. будетъ помѣщена статья проф. Н. О. Кулевскаго о недавно скончавшемся проф. И. И. Дятлинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшемъ катедру исторіи русскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ бывшимъ профессоромъ въ Дерптѣ.

Харьковский университетъ недавно приобрѣлъ коллекцію документовъ и писемъ, относящихся преимущественно къ эпохѣ великой французской революціи, а также—имперіи и реставраціи. Какъ историческій матеріалъ, документы эти не имѣютъ особаго значенія, а интересны главнымъ образомъ, какъ собраніе автографовъ. Есть, напр., официальные документы (съ эмблемами французской революціи), подписанные Карно и другими дѣятелями времени; есть оригиналъ конфиденціального письма Наполеона къ Фуше (писаннаго изъ Дрездена). Письмо это издано въ „Correspondence de Napoléon“, но не по оригиналу и съ невѣрной датой: въ означенномъ изданіи оно помѣчено 10-мъ мая 1813 года, тогда какъ въ оригиналѣ значитсѣ (словами)—11-е мая. Кромѣ того, въ означенной коллекціи имѣются письма Ламартина, Монталамбера, Шамильера, Людовика XIV, грамоты за похвальною Генриха IV, Людовика XV и XVI и т. д. Коллекція эта приобретена университетомъ отъ В. А. Вѣлинскаго, а раньше составляла собственность Д. А. Донецъ-Захаржевскаго, одно время служившаго при русскомъ посольствѣ во Франціи и умершаго въ началѣ 70-хъ годовъ. Д. А. Донецъ-Захаржевскій и былъ ея собирателемъ.

¹⁾ Рѣчь проф. А. С. Лебедева на этомъ праздникѣ (участіе сословій въ дѣлѣ основанія Харьков. универс.) также будетъ помѣщена въ Запискахъ.

К р и т и к а.

НОВОЕ ПОСОВІЕ, ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

П. Н. Ардашева.

(*E. Boursin et A. Challamel* Dictionnaire de la révolution Française: institutions, hommes et faits, Paris, Jouvot et C^{ie}. 1892).

Извѣстная издательская фирма Jouvot et C^{ie}, заявившая себя многими капитальными изданіями по исторіи Франціи (*Henri Martin, Thiers, Thierry, Michaud* и др.), начала выпускать въ свѣтъ съ прошлаго іюня, отдѣльными „серіями“ по 64 стр. большого формата in—8° сочиненіе, заглавіе котораго нами выше выписано. Изданіе, рассчитанное на пятнадцать выпусковъ, общаетъ, такимъ образомъ, составить томъ въ 960 стр. большого формата. Вышедшіе по настоящую минуту въ свѣтъ первые восемь выпусковъ даютъ уже достаточно матеріала для характеристики сочиненія и его критической оцѣнки,—что мы и постараемся сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ.

Содержаніе „Словаря“ шире его заглавія — въ двухъ отношеніяхъ. Совершенно справедливо наши авторы понимаютъ „французскую революцію“ въ широкомъ смыслѣ, включая сюда хронологически и все царствованіе Людовика XVI до 1789 года. Съ другой стороны, содержаніе „Словаря“ не ограничивается тремя обозначенными въ подзаголовкѣ категоріями историческихъ данныхъ: „учрежденія, люди, событія“; мы находимъ въ немъ много данныхъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ этихъ трехъ категорій; къ числу ихъ относятся, напримѣръ, различныя бытовыя подробности, которымъ отведено довольно широкое мѣсто въ „Словарѣ“. Что касается біографическаго элемента, то издатели сочли почему-то нужнымъ выдѣлить его внѣшнимъ образомъ, печатая относящіяся сюда статьи болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Было бы болѣе цѣлесообразно, кажется намъ, оттъннить мелкимъ шрифтомъ статьи второстепенныя по своему значенію, — касающіяся менѣе важныхъ событій и лицъ, разныхъ бытовыхъ мелочей и такихъ подробностей, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ революціи (а такихъ подробностей введено много въ „Словарь“). Въ этомъ случаѣ два разные шрифта имѣли бы болѣе смысла. А то какъ то странно въ книгѣ, посвященной специально французской революціи, видѣть статью о Дантонѣ напечатанною мелкимъ шрифтомъ, а объ Архангельскѣ (sic!) — крупнымъ. Впрочемъ, въ остальномъ внѣшность изданія безукоризненная. Расположеніе статей также очень удобно для справокъ. Искомое событіе можно найти 1) по его такъ сказать собственному имени, въ родѣ „Dix août“, „Dix-huit Brumaire“; 2) по хронологической датѣ (назв. мѣсяца); 3) по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ; 4) по названію какого-нибудь учрежденія, съ которымъ данное событіе было въ связи; 5) по географическому названію мѣста, бывшаго театромъ искомага событія, и т. д. Такъ, напримѣръ, событіе 10 августа (1792 г.) можно найти въ „Словарѣ“ подъ слѣдующими терминами: 1) Dix août, 2) Août, 3) Suspension du roi, 4) Mandat, 5) Santerre, 6) Comité insurrectionnel. Всѣ эти статьи связаны, кромѣ того, взаимными ссылками, такъ что, напавъ на одну изъ нихъ, легко отыскать и всѣ прочія.

Итакъ, съ внѣшней стороны „Словарь“ вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Большими достоинствами обладаетъ онъ и съ внутренней стороны. Нужно отдать справедливость трудолюбію и кропотливости составителей, сѣмѣвшихъ въ значительной степени разрѣшить трудную задачу — соединить краткость съ полнотою и сжатость съ точностью. Весьма удачнымъ слѣдуетъ признать усвоенный составителями приемъ — иллюстрировать сжатые историческіе и біографическіе очерки краткими цитатами изъ современныхъ памятниковъ, характерными отрывками изъ рѣчей, мемуаровъ, писемъ. Къ этимъ достоинствамъ слѣдуетъ прибавить прекрасное изложеніе, дѣлающее справочную книгу удобною и для чтенія.

При всемъ томъ, приходится признать, что трудъ Бурсена и Шалламеля оставляетъ желать многого. Недостаточно, чтобы справочная книга была полна; необходимо, чтобы сообщаемыя его свѣдѣнія были основаны на „последнемъ словѣ“ исторической критики. Къ сожалѣнію, критическая сторона, именно, и оказывается наиболѣе слабымъ пунктомъ разсматриваемаго сочиненія. Часто авторы, не довольствуясь ролью компиляторовъ, выказываютъ пополазновеніе къ роли „оригинальных“ историковъ и обращаются непосредственно къ первоисточникамъ. Дѣло хорошее, спору нѣтъ; худо только то, что

наши авторы черпают не всегда изъ чистыхъ источниковъ, и совершенно не прибѣгая при этомъ къ помощи критическаго фильтра.

Судя по многократнымъ цитатамъ, главными источниками служили нашимъ авторамъ „Moniteur“ и „Révolutions de Paris“ Прюдома. Между тѣмъ, новѣйшія изслѣдованія, основанныя на архивныхъ документахъ, въ значительной мѣрѣ подорвали довѣріе къ показаніямъ этихъ, какъ оказалось, крайне пристрастныхъ свидѣтелей. До какой степени некритично относятся Бурсенъ и Шалламель къ этимъ источникамъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ статьѣ „Exécution de Louis XVI“, на 245 стр., приводится выписка изъ „Revolutions de Paris“, въ которой говорится о господствовавшемъ будто бы въ Парижѣ спокойствіи въ день казни короля. Любопытно, что это, именно, одна изъ тѣхъ цитатъ, тенденціозную лживость которыхъ констатировалъ, на основаніи архивныхъ документовъ, Мортиме-Терно въ своей восьмитомной, къ сожалѣнію не оконченной, „Исторіи Террора“ (Mortimer-Ternaux, Hist. de la Terreur, t. V, p. 418.).

А вотъ еще болѣе яркій образчикъ неразборчивости составителей „Словаря“. Въ Moniteur'ѣ за 31 авг. 1793 г. напечатано, между прочимъ, сообщеніе о томъ, какъ въ Эльзасѣ толпа крестьянъ, вооруженныхъ косами, напала на австрійскій отрядъ „и перебила пятнадцать тысячъ непріятелей, потерявши съ своей стороны пять тысячъ убитыми“. Это до очевидности нелѣпое сообщеніе, представляющее, очевидно, одну изъ тѣхъ многочисленныхъ патріотическихъ басенъ, которыми кишѣли официальные и неофициальные органы тогдашнихъ „патріотовъ“,—эта нелѣпица, цѣликомъ и безъ малѣйшей попытки критики, заносится нашими авторами въ „Словарь“, въ качествѣ историческаго факта! (Стр. 116, статья Cadel).

Отмѣтимъ еще два промаха противъ исторической критики. На стр. 440 и 6 повторяется давно сданная въ архивъ историческою критикою старая басня о „racte de famine“—которая для Бурсена и Шалламеля столь же реальный историческій фактъ, какъ напр. казнь Людовика XVI. Не менѣе реальными фактами являются въ ихъ глазахъ (стр. 154, 52 и др.) и всѣ тѣ безчисленные „заговоры“ революціонной эпохи, особенно временъ террора, — заговоры, добрая половина которыхъ, какъ доказано историческою критикою, представляетъ собою не что иное, какъ продуктъ якобинской изобрѣтательности, сочинявшей заговоры либо для „очищенія“ черезчуръ переполненныхъ тюремъ, либо для благовиднѣйшаго препровожденія своихъ политическихъ противниковъ на гильотину (см. особенно Wallon, la Terreur, v. 2, p. 285—325). — Остается только пожалѣть, что составители „Словаря“, вмѣсто неумѣлаго обращенія къ мутнымъ первоисточни-

камъ, не предпочли справиться съ результатами новѣйшей исторической критики.

Слабость исторической критики стоитъ въ связи съ недостаткомъ исторической объективности, который представляетъ второй слабый пунктъ разсматриваемаго нами сочиненія. Точка зрѣнія нашихъ авторовъ—якобинская: мы затрудняемся дать ей иное опредѣленіе,—до такой степени ихъ воззрѣнія сходны съ якобинскими. Они усвоили себѣ не только многія чисто якобинскія представленія, но до извѣстной степени даже ихъ фразеологію. Когда они говорятъ о „патріотизмѣ“, о „свободѣ“, о „врагахъ республики“, о „лжепатріотахъ“, о „заговорщикахъ“ и т. п., то намъ кажется, что мы читаемъ отрывки изъ рѣчей Робеспьера или Сентъ-Жюста. Со всей серьезностью наивнаго якобинства, ученые историки конца девятнадцатаго столѣтія восхищаются „патріотизмомъ парижскихъ торговыхъ рыбы и зеленью“ (стр. 313, статья Hâles), говорятъ съ почтеніемъ о „мужествахъ толинъ“, разграбившей Тюльери 10 августа 1792 г. (стр. 195, ст. Dix-aout), умиляются „горячему патріотизму (patriotisme ardent)“ санкюлотовъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья (стр. 136, ст. Clubs) и бандъ революціонной арміи (стр. 108, ст. Camp de Jallès). Съ другой стороны, беспощадно клеймится „религіозный фанатизмъ“ неприсяжныхъ священниковъ (стр. 225, ст. Elections) и ихъ „антипатріотическое сопротивленіе“ (стр. 135, ст. Clergé); причемъ наши авторы не удостоиваютъ ихъ иного названія, какъ то, которое было имъ усвоено якобинцами: „отщепенцы“ (refractaires) (стр. 103, 135, 225 и др.). Ихъ антипатріотизму противопоставляется „неустрасимость“ (courage) (!?) присяжныхъ священниковъ (стр. 173, ст. Curés). Для того, чтобы оцѣнить по достоинству эту послѣднюю фразу, нужно припомнить, что „неустрасимые“ присяжные священники получали приходы и жалованье отъ правительства, а неприсяжные, какъ „подозрительные“, шли въ тюрьмы, гдѣ ихъ ожидали топоры сентябрьскихъ убійцъ.—Совершенно согласно съ якобинской фразеологіей, фельяны, т.-е. представители умѣренной партіи, клеймится именемъ лжепатріотовъ (faux patriotes), (стр. 136, ст. Clubs), а приверженцы конституціи 1791 г. именемъ „ретроградовъ“ (стр. 410, ст. Le Chapelier). Солидарность нашихъ авторовъ съ якобинскими террористами простирается до того, что они готовы осуждать Дантона и Демулена за ихъ „преждевременный“ призывъ къ гуманности (стр. 176, ст. Dantonistes): такого именно мнѣнія, какъ извѣстно, былъ Робеспьеръ, отправившій „дантонистовъ“ на гильотину за ихъ „преждевременный призывъ къ гуманности“.

Приведенные образчики, полагаемъ, достаточно выясняютъ точку зрѣнія Бурсена и Шалламеля, и оправдаютъ, вѣстѣ съ тѣмъ, упо-

требленный нами для ее характеристики эпитетъ. Добровольно надѣты нашими авторами яacobинскія очки, какъ и слѣдовало ожидать, лишаютъ ихъ возможности видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Дѣйствительно, они часто поражаютъ насъ вопиющимъ отсутствіемъ историческаго пониманія, и это приходится отмѣчать, между прочимъ, относительно одного изъ капитальнѣйшихъ фактовъ революціонной эпохи. Мы разумѣемъ хозяйственный и финансовый кризисъ. Посмотримъ, какъ объясняютъ его наши историки. На стр. 172, въ ст. Cultivateurs, мы читаемъ буквально слѣдующее: „Начиная съ 1792 года контръ-революція имѣла союзниковъ въ деревняхъ, въ лицѣ земледѣльцевъ. Обманутые аристократами и священниками, они пытались произвести голодъ“. На стр. 6, въ ст. Assarageurs: „Эта спекуляція (перепродажа хлѣба скупщиками) произвела наканунѣ революціи голодъ“. Итакъ, спекуляція скупщиковъ съ одной стороны, съ другой—заговоръ „деревенскихъ земледѣльцевъ, обманутыхъ контръ-революціонерами“—таковы причины голода, характеризующаго время революціи. Какъ извѣстно, такъ именно понимали дѣло яacobинцы 1792—1793 годовъ. Вполнѣ согласно съ яacobинскимъ катехизисомъ понимаются нашими авторами и причины финансового кризиса, а въ частности — фіаско ассигнацій. Причины эти излагаются такъ (стр. 46, ст. Assignats): „Ложныя обвиненія и продѣлки аристократовъ и эмигрантовъ, спекуляція капиталистовъ, пущенныя въ оборотъ въ огромномъ количествѣ врагами республики фальшивыя ассигнаціи, а также (подчеркиваемъ это „а также“) чрезмѣрный выпускъ ихъ въ теченіе шести лѣтъ“. Итакъ, главная причина фіаско ассигнацій, также какъ и голода, заключается въ козняхъ революціонеровъ и только *между прочимъ* въ чрезмѣрномъ выпускѣ ихъ революціоннымъ правительствомъ... Какъ видятъ читатели, политико-экономическія понятія составителей „Словаря“ не выходятъ изъ ограниченнаго круга яacobинскаго міросозерцанія. Но и въ пониманіи многихъ другихъ фактовъ революціи историки самаго конца девятнадцатаго столѣтія недалеко ушли отъ яacobинцевъ 1793 года. Напримѣръ, великое народное движеніе, вспыхнувшее почти одновременно въ разныхъ концахъ Франціи, противъ *парижской* революціи яacobинцевъ, выставляется какъ результатъ подпольной дѣятельности „аристократовъ“ и „священниковъ-отщепенцевъ“, которые вѣчно замышляютъ козни и заговоры противъ парижскихъ „патріотовъ“ и постоянно „обманываютъ народъ“ (стр. 179). (Выраженіе „народъ обмануть“ было, какъ извѣстно, одною изъ излюбленныхъ формулъ яacobинской фразеологіи). Это „аристократы“, съ помощью своихъ лакеевъ, производятъ возстаніе народа въ Канѣ (стр. 103, ст. Caen). Это „отщепенцы“ неприсяжные священники бунтуютъ

народъ въ Вандеѣ. Это дворяне, въ союзѣ съ тѣми же священниками, собираютъ двадцатитысячную противореволюціонную армію въ Севеннахъ (стр. 108, ст. Camp de Jallés).

Страдающая отъ подобнаго ложнаго освѣщенія, историческая правда страдаетъ еще болѣе, когда усвоенная нашими авторами анти-историческая точка зрѣнія приводитъ ихъ уже къ положительному извращенію историческихъ фактовъ. Для примѣра укажемъ на событія 10-го августа (1792), которыя искажены до неузнаваемости въ передачѣ Бурсена и Шалламея. У нихъ — толпа беретъ приступомъ Тюильри, „перебивши предварительно защищавшихъ дворецъ Швейцарцевъ“. „Народъ потерялъ при этомъ три тысячи убитыми“ (стр. 195, ст. Dix août). Неизвѣстно, изъ какого источника почерпнуты эти данныя, вполне согласныя съ якобинскою легендою, но не имѣющія ничего общаго съ историческою дѣйствительностью. Во всякомъ случаѣ не удивляться столь смѣлому искаженію фактовъ, настоящая историческая физіономія которыхъ казалось бы, окончательно установлена Мортиме-Терно на основаніи подлинныхъ официальныхъ документовъ, изъ которыхъ, между прочимъ, явствуетъ, 1) что толпа не взяла съ бою дворецъ, а ворвалось въ него лишь послѣ того, какъ защищавшіе его швейцарцы оставили Тюильри по приказу короля; 2) что швейцарцы были перебиты во время этого отступленія и послѣ занятія дворца толпой; 3) что толпа потеряла при этомъ не три тысячи убитыми, а самое большое въ томъ числѣ и раненыхъ (Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, t. 2).

Не менѣе поражаетъ своею смѣлостью и другое, столь же голословное, сколько противорѣчащее документальнымъ свидѣтельствамъ (Mortimer-Ternaux, t. III, p. 219 и далѣе), утвержденіе нашихъ авторовъ о неучастности будто бы Дантона къ сентябрьскимъ убійствамъ (стр. 176, ст. Danton).

Въ статьѣ о Лафайетѣ (стр. 388) повторяется старая якобинская легенда, будто онъ явился въ Парижъ послѣ 20 іюня (1792) „съ цѣлою толпою гвардейцевъ“. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, онъ пріѣхалъ въ Парижъ наскоро и въ сопровожденіи одного лишь адъютанта, какъ рассказываетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ самъ Лафайетъ, всегда отличавшійся правдивостью (Mém. de la Fayette, t. III, p. 333).

Въ сравненіи съ вышеприведенными образцами искаженія историческихъ фактовъ, являющимися результатомъ съ одной стороны — слабости критики, съ другой — тенденціозности, представляются уже значительно менѣе важными разныя промахи и ошибки, происходящія отъ недостаточной внимательности и осмотрительности. Но нельзя пройти молчаніемъ по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ.

На стр. 24 читаемъ: „*Первый годъ свободы*. Такъ обозначали періодъ времени отъ взятія Бастиліи до 22 сентября 1792 г.“. Исправимъ, во-первыхъ, неточность выраженія. Очевидно, авторы не хотѣли сказать, чтобы „первый годъ свободы“ обнималъ собою весь періодъ съ 14 іюля 1789 г. до 22 сент. 1792 г. Но и по исправленіи этой неточности выраженія, все-таки остается на лицо ошибка: „первый годъ свободы“ считался не съ 14 іюля (день взятія Бастиліи), а съ 5 мая (открытіе генеральныхъ штатовъ), (Wallon, la Terreur, t. I, p. 245). Слѣдовало бы указать при этомъ, что первый годъ свободы считался до конца 1789 г., слѣдовательно состоялъ изъ восьми мѣсяцевъ; второй и третій совпадали съ 1790—1791 годами, а четвертый былъ опять неполный и состоялъ лишь изъ девяти мѣсяцевъ (съ 1 янв. по 21 сент. 1792 г.).

Неточно объяснено, на той же страницѣ, счисленіе годовъ отъ начала республики. А о третьей революціонной эрѣ, эрѣ „равенства“, бывшей въ употребленіи послѣ 10 августа до введенія новаго календаря ¹⁾, вовсе даже не упоминается въ „Словарѣ“.

Очень многочисленны погрѣшности въ хронологическихъ датахъ, изъ которыхъ многія не могутъ быть объяснены опечатками (хотя и послѣднія мало извинительны въ справочномъ изданіи). Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько прихвѣровъ. Въ статьѣ *Avril* на 55 стр., читаемъ: „4 апрѣля 1793 года измѣна Дюмуре, 5-го казнѣ дантонистовъ, 6-го учрежденіе комитета общественнаго спасенія“. Путаница: первое и послѣднее изъ названныхъ событій имѣли мѣсто въ 1793 году, а второе въ 1794. Часто встрѣчаемъ для одного и того же событія двѣ различныя даты въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, декретъ конвента противъ эмигрантовъ показанъ 22 октября (1792) г. на 228 стр., а на слѣдующей—23 окт. Битва при Жеммапѣ значится 5 ноября на 209 стр., а на 358 стр. 6 ноября. Подобнымъ же образомъ раздвоились даты для битвы при Ваттиньи—16 октября (67 стр.) и 17 окт. (364 стр.); объявленія войны Испаніи—7 марта на 308 стр., и 8 марта на 233-ей.—Казнь Робеспьера имѣла мѣсто 28, а не 27 іюля, какъ значится на 373 стр.—На 33 стр. говорится, что учредительное собраніе помѣщалось въ архіепископскомъ дворцѣ до декабря (1789 г.), а на 45 стр.—до 9 ноября.—На 167 стр. „приговорный заговоръ“ составляется послѣ 27 іюня, а 25 іюня того же года онъ открытъ (!?).

Отмѣтимъ важнѣшія изъ ошибокъ, неимѣющихъ отношенія къ

¹⁾ Въ официальныхъ документахъ писали, напр.: „Paris, le 13 septembre 1792, l'an VI de la liberté, l'an I-er de l'égalité“. (Mortimer-Ternaux, t. IV, p. 438).

хронологии. Число депутатовъ отъ департаментовъ въ законодательномъ собраніи было 247, а не 249, какъ показано на 224 стр., въ ст. Elections. О „заговорѣ 10-го марта“ (1793 г.), направленномъ противъ депутатовъ правой въ конвентѣ, и въ главѣ котораго стояли „бѣшеные (enragés)“ анархисты, извѣстные демагоги Фурнье Американецъ и Лазовскій, а главный контингентъ составляли санкюлоты парижскихъ предмѣстій,—объ этомъ заговорѣ говорится, на 154 стр., буквально слѣдующее: „заговоръ 10 марта,—направленный противъ республики роялистами, аристократами, Австріей, Англіей и (sic!) Питтономъ“.

Изъ менѣе значительныхъ промаховъ отмѣтимъ два—три. Превеличена цифра арміи Суворова, нанесшей поражение французамъ при Нови: показано 70.000 вмѣсто 50,000 ¹⁾. (См. напр. Oncken, Zeitalter der Revolution, т. I, стр. 836.). Пораженіе французовъ при Требии называется „нерѣшительною битвой“ (стр. 67.). На стр. 418 объ императорѣ Францѣ говорится, что онъ „наслѣдовалъ отцу подъ именемъ Франца II, какъ германскій императоръ, и Франца I, какъ австрійскій императоръ“. Францъ наслѣдовалъ отцу въ 1792 году, а титулъ австрійскаго императора не существовалъ до 1806 года.

Мы не причисляемъ къ ошибкамъ явныя опечатки, въ родѣ Carlier вмѣсто Carrier (187 стр.), Servie вм. Serbie (179 стр.), 15 іюля вм. 25 іюля (194 стр.), 15 окт. вм. 5 окт. (388), 349 податныхъ округовъ вм. 249 (стр. 224) и проч. Нельзя однако не признать, что отъ справочнаго изданія можно было бы ожидать болѣе старательной корректуры.

Въ началѣ нашей замѣтки мы отмѣтили, въ числѣ главнѣйшихъ достоинствъ разсматриваемаго сочиненія, его сравнительную полноту и обстоятельность. Къ сожалѣнію, и эта сторона, какъ сейчасъ увидимъ, оставляетъ желать многого. Мы уже имѣли случай, говоря выше [объ ошибкахъ и промахахъ, отмѣтить и нѣсколько примѣровъ неполноты и необстоятельности (напримѣръ, о революціонныхъ эрахъ)]. Укажемъ для примѣра еще на нѣсколько пробѣловъ. Ни подъ буквою *C*, ни подъ буквою *H* мы не находимъ въ „Словарѣ“ имени Charles de Hesse, одного изъ немногихъ якобинцевъ, принадлежавшихъ къ высшей феодальной аристократіи (Taine, La Revolution, т. II, р. 34). Въ „Словарѣ“ есть статья Aristocrates, въ которой объяснено значеніе и роль этого термина въ исторіи французской революціи; подобную же роль игралъ, какъ извѣстно, другой терминъ—Fanatiques (по отношенію къ неприсяжнымъ священникамъ и ихъ паствѣ), котораго, однако, не находимъ въ „Словарѣ“. Въ отдѣлѣ на букву *A* мы напрасно искали статьи объ анархіи, а на букву *D* о демагогіи, о двухъ

¹⁾ Стр. 363.

существенных факторах революционной эпохи. Отсутствующих статей не могут замѣнить имѣющіяся на лицо въ „Словарѣ“ двѣ коротенькія замѣтки объ „anarchistes“ и „démagogues“. О первыхъ объясняется, что это были „банды иностранцевъ и преступниковъ, поджигаемыя контръ-революціонерами къ произведенію безпорядковъ“, о вторыхъ мы находимъ въ „Словарѣ“ всего три строчки, которыя гласятъ „Демагоги,—поносительная кличка, даваемая врагами революціи республиканцамъ, которыхъ они обвиняли въ возбужденіи народа“. И такъ, говорится лишь объ анархистахъ „контръ революціонерахъ“, а объ анархистахъ-революціонерахъ и вообще о революціонной анархіи—ни слова. Изъ опредѣленія же, какое дается здѣсь демагогамъ, можно вывести лишь то заключенію, что демагогіи въ дѣйствительности совсѣмъ и не было во время революціи: это была просто бранная кличка, выдуманная „врагами республики“!..

Отмѣтимъ еще нѣсколько пропусковъ, которые рѣшительно ничѣмъ не могутъ быть оправданы. На букву *A*: Agents politiques (эmissары парижскихъ якобинцевъ въ пограничныхъ департаментахъ); на букву *B*: Bureau central de correspondance entre les sections de Paris (учрежд. 17 іюля 1792 г.); на букву *C*: Chemises rouges (La grande fournée des, 1794), Civisme, Comité d'exécution (название, присвоенное революціонной коммуной 1792 г. au comité de surveillance), Commission des onze, Commission des vingt et un, Commissaires des départemens (отправленные въ Парижъ для принятія конституціи 1793 г.), Compagnie Marat (въ Нантѣ), Constitutionnels (les) (приверженцы конституціи 1791 г.); на букву *D*: Disette; на букву *E*: Egoistes (одна изъ категорій проскриптовъ террора); на букву *F*: Fournées (Les grandes—du tribunal révolutionnaire); на букву *H*: Honnêtes gens (метонимическій эпитетъ конституціоналистовъ съ Лафайетомъ во главѣ), Hussards américains (одна изъ революціонныхъ бандъ Каррье въ Нантѣ); на буквы *I* и *J*: Incivisme, Indifférence (другая категорія проскриптовъ террора, наряду съ „эгоистами“), Juges.

Кромѣ пропусковъ, „Словарь“ грѣшитъ часто недостаткомъ обстоятельности въ сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Такъ, въ статьѣ Assemblée législative, на 45 стран., не указанъ составъ Законодательнаго Собранія: число членовъ, партіи и т. д. Въ статьѣ Elections, на 224 стр., не указано на террористическое давленіе при выборахъ въ конвентъ. Въ статьѣ о „петиціи восьми тысячъ“, на 329 стр., не указано на ту печальную роль, какую суждено было играть этой петиціи въ эпоху террора (служила матеріаломъ для проскрипціи). Въ статьѣ Batailles, на 67 стр., пропущена битва при Нови. Въ статьѣ Cent-suisse, стр. 118, не указана дальнѣйшая ихъ судьба. Въ статьѣ Assassinateurs, стр. 6, находимъ лишь крайне общія и неполныя указанія на борьбу рево-

люпионаго законодательства противъ скупщиковъ; не указаны ни происхождение этой борьбы, ни ея результаты. Въ статьѣ Loi, стр. 432, дано подробное опредѣленіе этого понятія въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ годовыхъ дѣятелей французской революціи, но не указаны источники этихъ идей (Монтескье, Руссо). — Каждой изъ сорока восьми парижскихъ секцій посвящена особая статья, но нигдѣ не объяснено происхождение ихъ часто странныхъ названій. Сплошь и рядомъ, при упоминаніи объ извѣстномъ событіи, извѣстной законодательной мѣрѣ и т. п., не находимъ точной хронологической даты, чего можно было бы требовать отъ справочнаго изданія. Изъ множества подобныхъ случаевъ укажемъ на пару примѣровъ. Въ статьѣ Gardes de la Convention, стр. 160, не указано время учрежденія этой гвардіи. Въ статьѣ Archevêques, стр. 33, не указано время ихъ уничтоженія; тоже самое относительно монастырей, стр. 170, ст. Couvents.

Въ статьяхъ, посвященныхъ разнымъ учрежденіямъ, вмѣсто сжатой исторической обрисовки извѣстнаго учрежденія, съ сжатой характеристикой его значенія и роли въ исторіи революціи, мы находимъ большею частью лишь простое хронологическое изложеніе его внѣшней судьбы. Такъ въ статьѣ о парижской коммунѣ, стр. 148, ни слова не говорится о ея значеніи въ исторіи революціи, о ея борьбѣ съ конвентомъ, о постепенномъ захватѣ ею государственной власти, о ея побѣдѣ надъ національнымъ представительствомъ и т. д. Въ статьѣ о національной гвардіи, стр. 281, не выяснена и даже вовсе не указана происшедшая въ ея составѣ коренная метаморфоза (изъ буржуазной превратилась въ санкюлотскую), безъ чего рѣшительно нельзя понять ея дальнѣйшую роль въ событіяхъ революціи.

Отмѣтимъ еще одинъ слабый пунктъ разбираемаго сочиненія. Это—международныя отношенія революціонной эпохи. Событія внѣшней политики *констатируются*—и только. Нигдѣ не видно, чтобы авторы понимали значеніе факторовъ международныхъ отношеній для судебъ французской революціи. Поэтому мы встрѣчаемся, наприимѣръ, у нихъ съ совершенно устарѣлымъ взглядомъ, будто Франція обязана была своимъ спасеніемъ отъ иностраннаго разгрома исключительно патріотическому подъему духа, вызванному революціоннымъ воодушевленіемъ (см., наприимѣръ, 38 стр., ст. Armée française).

Въ заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что составители не ввели въ „Словарь“ указаній на историческую литературу, по крайней мѣрѣ, относительно важнѣйшихъ событій, учрежденій и личностей. Отъ такихъ указаній внутренняя цѣнность „Словаря“ возвысилась бы въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ его продажная стоимость. Да и размѣры его едва ли бы увеличились отъ этого болѣе, чѣмъ на 10%, его настоящаго объема, тѣмъ болѣе, что многія статьи могли бы быть

сокращены безъ ущерба для его полноты,—въ родѣ статьи объ экспедиціи Лаперуза (стр. 397), не имѣющей никакого отношенія къ французской революціи, кромѣ хронологическаго совпаденія и занимающей, тѣмъ не менѣе, двѣ съ половиною колонны, тогда какъ, напр., статья о Національномъ Собраніи не отведено и одной колонны; а нныя статьи, въ родѣ упомянутой выше статьи объ Архангельскѣ (стр. 37), неизвѣстно почему попавшей въ словарь „Французской революціи“, и совсѣмъ бы можно опустить.

Подводя итогъ, мы должны признать, что „Словарь французской революціи“ Бурсена и Шалламеля далеко не удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ; при всемъ томъ, за неимѣніемъ пока лучшаго, ему предстоитъ, несомнѣнно, сдѣлаться незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для всякаго приступающаго къ изученію исторіи французской революціи.

Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ ¹⁾.

(Замѣтка по поводу учебника средневѣковой исторіи г. Иванова).

О. П. Герасимова.

Наша учебная историческая литература стоитъ на крайне низкой степени развитія: у насъ мало учебниковъ и учебныхъ пособій по исторіи, да и тѣ, которые существуютъ, далеко не удовлетворяютъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, а нѣкоторые изъ нихъ,—къ сожалѣнію, наиболѣе распространенные,—стоятъ просто ниже всякой критики. Такое состояніе учебной исторической литературы отражается очень печально на преподаваніи исторіи въ нашей средней школѣ и приводитъ къ тому, что оканчивающіе въ ней курсъ выходятъ въ жизнь съ крайне скуднымъ запасомъ историческихъ свѣдѣній и съ еще болѣе скуднымъ историческимъ развитіемъ. Каковы послѣдствія этого явленія, мы можемъ видѣть изъ цѣлаго ряда печальныхъ фактовъ нашей общественной жизни. Быть можетъ, скажутъ на это, что кромѣ учебниковъ и учебныхъ пособій есть еще учителя, которые своимъ преподаваніемъ могутъ пополнить пробѣлы въ нашей учебно-исторической литературѣ. До нѣкоторой степени это правда, но далеко не вполне. Не будь у насъ хорошихъ учебныхъ пособій въ видѣ хрестоматій, книгъ для чтенія и т. п.,—бѣда была бы еще не большая, такъ какъ этотъ недостатокъ учитель могъ бы пополнить собственнымъ рассказомъ въ классѣ и указаніемъ на искусно и строго вы-

¹⁾ Настоящая статья не представляетъ собою полного разбора учебника К. А. Иванова, а касается только одного,—весьма важнаго, впрочемъ,—пункта. Во всякомъ случаѣ въ учебникѣ есть такіа достоинства, которые ставятъ его выше употребляемыхъ въ нашей школѣ, къ чему мы думаемъ еще вернуться.

Ред.

бранныя страницы и главы классических произведений исторической литературы, хотя и это трудно было бы осуществить, напимѣръ, провинціальнымъ учителямъ просто вслѣдствіе того, что могло бы не оказаться подъ руками необходимыхъ книгъ, но совсѣмъ не то, когда въ рукахъ учителя нѣтъ хорошаго учебника. Учебникъ всегда былъ и будетъ основой преподаванія, съ нимъ ученикъ имѣетъ больше дѣла, чѣмъ съ рассказомъ учителя или чтеніемъ, въ немъ напечатанное ученикъ больше усвоить, чѣмъ чтобы то ни было другое, хотя бы просто потому, что учебникъ всегда передъ его глазами, по нему онъ готовитъ урокъ, по нему же онъ его и повторяетъ. Онъ усвоить лучше не только факты, сообщенные учебникомъ, но и систему изложенія, которая далеко не является одной только формой: то, что учебникъ выдвигаетъ на первый планъ, чему онъ посвящаетъ больше мѣста, и въ головѣ ученика невольно выдвинется на первое мѣсто и представится наиболѣе важнымъ. Это значеніе учебника опредѣляетъ и тѣ требованія, которыя къ нему необходимо предъявлять: въ немъ должны быть факты наиболѣе важныя и наиболѣе яркіе, въ немъ должна быть система, при которой мѣсто каждаго явленія обуславливалось бы степенью важности этого явленія въ общемъ ходѣ исторической жизни. Разъ эти требованія осуществлены въ учебникѣ, руки учителя развязаны: онъ можетъ иногда, руководясь или интересомъ класса, или своимъ личнымъ интересомъ, или, наконецъ, просто какимъ-нибудь случайнымъ поводомъ, остановиться подробно на такомъ явленіи, которое въ общей системѣ преподаванія не должно было бы занять такого виднаго мѣста—это ничего; сообщенныя свѣдѣнія не пропадутъ даромъ, а иногда можетъ быть принести и большую пользу, и въ тоже время они не нарушаютъ перспективы историческихъ событій въ представленіи ученика, потому что эта перспектива дана будетъ учебникомъ. Другое дѣло, когда этой перспективы нѣтъ въ учебникѣ: тогда, какъ бы ни старался учитель установить ее, какъ бы ни подчеркивалъ онъ то, что наиболѣе важно, все это пропадетъ даромъ, особенно для старательнаго ученика, потому что учебникъ, къ которому онъ будетъ постоянно возвращаться для повторенія, уничтожитъ, хотя быть можетъ медленно и постепенно, все то, что старался сдѣлать учитель.

Правда, тутъ есть одинъ выходъ—это переработка учителемъ такого учебника. Онъ можетъ въ немъ многое вычеркнуть, многое подчеркнуть, многое переставить, но это уже указываетъ на непригодность такого учебника, потому что такая работа отыметъ много времени въ классѣ и къ тому же все-таки не дастъ желаемого, а представить передъ ученикомъ какіе-то обрывки мало между собою

связанные, а иногда такъ просто напомнить работу Тришки надъ своимъ кафтаномъ.

Итакъ, слѣдовательно, прежде всего мы должны требовать отъ учебника строго проведенной системы, которая отводила бы каждой странѣ и каждому явленію соотвѣтствующее мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Исполненіе этого требованія можетъ встрѣтить одно и очень серьезное препятствіе. Дѣло въ томъ, что при преподаваніи исторіи могутъ быть поставлены и ставятся два совершенно одинаково необходимыя требованія: ученіе должно получить ясное представленіе о ходѣ всемірной исторіи и онъ долженъ въ тоже время получить и болѣе детальное представленіе объ исторіи своего народа. При составленіи учебника эти два требованія могутъ столкнуться и заставить составителя пожертвовать какимъ-нибудь однимъ изъ нихъ; но подобное явленіе можетъ быть на Западѣ, гдѣ во многихъ случаяхъ отечественную исторію нельзя выдѣлать изъ общаго изложенія всемірной исторіи, и не можетъ встрѣтиться у насъ, гдѣ наиболѣе удобно сдѣлать это выдѣленіе и гдѣ оно дѣйствительно и сдѣлано.

Но если отечественная исторія наша, благодаря этому выдѣленію, никакимъ образомъ не можетъ помѣшаться правильной системѣ и группировкѣ матеріала въ учебникѣ всеобщей исторіи, то, къ несчастію, въ послѣднее время обнаруживается тенденція выдвинуть въ нашихъ учебникахъ исторію Византіи и славянъ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ то, которое эти отдѣлы должны занимать съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Эта тенденція не имѣетъ уже никакого оправданія.

Несомнѣнно, что для насъ исторія Византіи, съ которой такъ тѣсно связана прошлая судьба нашей родины, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ для какого-либо другого народа, но поскольку она представляетъ для насъ болѣе болѣе интересъ съ этой стороны, постольку мы и будемъ о ней говорить при прохожденіи курса русской исторіи, указывая тамъ на эту связь и освѣщая болѣе обстоятельно и подробно тѣ стороны византійской жизни, которыя, не имѣя всемірно-историческаго значенія, оказали свое вліяніе на жизнь нашихъ предковъ.

То же самое должно сказать и относительно исторіи Славянъ: поскольку они играли роль въ общемъ ходѣ европейской жизни, постольку и надо говорить о нихъ въ учебникѣ всеобщей исторіи, а въ тѣхъ случаяхъ гдѣ встрѣчаются факты изъ ихъ жизни, не имѣвшіе значенія для всемірной исторіи, но имѣющіе его для русской, въ тѣхъ именно случаяхъ и нужно говорить объ нихъ, конечно, при изученіи исторіи русской.

Если это такъ, то зачѣмъ же, спрашивается, намъ калѣбкать курсъ

всеобщей исторіи, выдвигая въ учебникѣ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ это нужно съ всемірно-исторической точки зрѣнія, Византію и Славянъ?

На этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта, который содержалъ бы въ себѣ логическія основанія подобнаго рода направленія, такъ какъ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности, но можно указать только тѣ причины, которыми обуславливается появленіе подобнаго направленія у насъ, причины, по праву сказать, очень грустныя.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ направленіи нашей учебно-исторической литературы, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій нашей жизни, сказывается одинъ очень печальный фактъ: мы никакъ не можемъ отказаться отъ слѣпонаго подражанія Западу. Тамъ очень часто выдвигаютъ исторію своего народа при общемъ изложеніи всемірной исторіи на болѣе видное мѣсто, чѣмъ это требуется съ всемірно-исторической точки зрѣнія, и намъ этого достаточно, чтобы всѣми силами стараться сдѣлать что-нибудь подобное этому. Нельзя намъ выдвинуть исторію Россіи, потому что она выдѣлена, и притомъ вполне основательно, въ особый курсъ, такъ мы выдвинемъ Славянъ и Византію. Намъ дѣла нѣтъ до того, что тамъ при изложеніи всеобщей исторіи отведеніе болѣе виднаго мѣста своей странѣ обуславливается иногда тѣмъ, что сталкиваются, какъ я уже раньше говорилъ, два одинаково справедливыя требованія, изъ которыхъ одному, т. е. болѣе подробному изученію отечественной исторіи, при невозможности выдѣленія ея въ особый курсъ, отдается предпочтеніе; намъ дѣла нѣтъ, наконецъ, до того, что отведеніе болѣе виднаго, чѣмъ слѣдовало бы, мѣста для исторіи, напримѣръ, Германіи въ Средніе Вѣка, не исказитъ до такой степени общаго хода изложенія, какъ исказитъ его наша попытка выдвинуть Византію и Славянъ, т. е. намъ дѣла нѣтъ вообще до того, что тамъ могутъ быть причины, не существующія у насъ, которыя и обуславливаютъ ту или другую черту въ преподаваніи исторіи,—мы все-таки перенесемъ ее къ себѣ изъ одного только слѣпонаго подражанія.

Къ числу учебно-историческихъ сочиненій, посвященныхъ на себѣ слѣды указаннаго мною направленія, принадлежитъ недавно вышедшій учебникъ по Средневѣковой исторіи г. Иванова, преподавателя С.-Петербургской пятой гимназіи. Въ этомъ учебникѣ распредѣленіе и выборъ матеріала очень во многомъ обусловлены указаннымъ мною желаніемъ выдвинуть во чтобы то ни стало на болѣе видное мѣсто Византію и Славянъ, чѣмъ это слѣдовало бы дѣлать съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Для объясненія этого авторъ говоритъ, что „въ распредѣленіи матеріала онъ слѣдовалъ послѣдней программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія“. Что эта

ссылка на программы имѣетъ въ виду оправдать изложеніе исторіи Византіи и Славянъ, ясно изъ того, что непосредственно послѣ этой ссылки г. Ивановъ указываетъ на особенность постановки именно этихъ отдѣловъ курса въ его учебникѣ. При такой постановкѣ дѣла приходится возражать уже съ точки зрѣнія самихъ программъ. Здѣсь надо выяснить себѣ два вопроса: 1) Опредѣляютъ ли программы Министерства распредѣленіе матеріала въ учебникѣ, который будетъ служить пособіемъ при осуществленіи этихъ программъ? 2) Существующія программы требуютъ ли такой постановки исторіи Византіи и Славянъ, какую мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова?

Для отвѣта на первый вопросъ прежде всего надо указать, что программы опредѣляютъ, что именно должно быть пройдено учителемъ съ учениками въ извѣстномъ классѣ, вовсе не касаясь вопроса о томъ, что изъ указаннаго и въ какой мѣрѣ должно быть внесено въ учебникъ и что ученику слѣдуетъ усвоить въ классѣ изъ устной передачи учителя. Вслѣдствіе этого еслибы наша программа и требовала болѣе подробнаго изученія исторіи Византіи и Славянъ, то учитель всегда могъ бы выполнить это требованіе, дополняя учебникъ болѣе подробнымъ разсказомъ именно этихъ отдѣловъ. Такимъ образомъ и необходимыя свѣдѣнія по исторіи Византіи и Славянъ были бы у учениковъ, и вѣрное представленіе объ общемъ ходѣ всемірной исторіи не искажалось бы нарушеніемъ правильнаго распредѣленія матеріала въ учебникѣ.

Но дѣло въ томъ, что программы нашихъ гимназій вовсе и не требуютъ такой постановки исторіи Византіи и Славянъ, какая дана имъ въ учебникѣ г. Иванова. Относительно исторіи Византіи въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ мы читаемъ слѣдующее: „Византійская исторія не должна быть оставляема безъ вниманія, и преимущественно должны быть выдвинуты тѣ ея стороны, съ которыми ближайшимъ образомъ соприкасаются событія западной и славянской исторіи“. Руководясь этимъ указаніемъ, учитель долженъ будетъ говорить о Византіи постольку, поскольку ея исторія имѣла всемірно-историческое значеніе, влияя на западные народы и на Славянъ. Въ учебникѣ г-на Иванова мы видимъ нѣчто иное. Еще въ введеніи онъ говоритъ: „Я старался выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію, какъ охранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности“. Такимъ образомъ принципъ, которымъ опредѣляется мѣсто Византіи въ ряду другихъ государствъ въ средневѣковой исторіи здѣсь совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который выраженъ въ словахъ объяснительной записки, хотя въ ней и встрѣчаются поставленія г. Ивановымъ въ кавычкахъ слова „охранительница сокровищъ древняго образованія“, но только въ со-

вершено другой связи. Тамъ мы читаемъ: „Въ концѣ же курса, при изложеніи состоянія европейской образованности въ средніе вѣка, выясняется значеніе Византіи, какъ хранительницы художественно-литературныхъ сокровищъ древне-классическаго міра, сдѣлавшихся предметомъ изученія на Западѣ въ XIV и XV вѣкахъ, но еще раньше послужившихъ основаніемъ для развитія арабской образованности“. Одно дѣло выяснить въ концѣ курса, когда идетъ именно рѣчь о Возрожденіи, что въ Византіи много сохранилось сокровищъ классической литературы, другое совсѣмъ дѣло въ самомъ курсѣ средневѣковой исторіи „стараться выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія“, какъ это дѣлаетъ въ своемъ учебникѣ г. Ивановъ.

Результатъ отъ такого „выдвиганія на надлежащее мѣсто Византіи“ получается очень опредѣленный. Мѣсто, отводимое нѣкоторымъ отдѣламъ исторіи Византіи, не соотвѣтствуетъ ни мѣсту, отводимому другимъ болѣе важнымъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія отдѣламъ средневѣковой исторіи, ни требованіямъ министерской программы.

Возьмемъ, на примѣръ, исторію Византіи въ VII вѣкѣ. Надо-ли подробно останавливаться на этомъ отдѣлѣ при прохожденіи общаго курса средневѣковой исторіи? Конечно, нѣтъ. Въѣдь этотъ періодъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія имѣетъ очень мало значенія. Придется, конечно, упомянуть о борьбѣ съ Аварами и Славянами, съ одной стороны, съ Новоперсидской монархіей и потомъ съ Арабами, съ другой, придется, конечно, указать при этомъ на общій упадокъ Византіи въ это время—вотъ и все.

У учителя этотъ отдѣлъ не долженъ занять болѣе $\frac{1}{4}$ урока, а въ учебникѣ ему придется отвести—самое большое—строкъ 20. Что же мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова? На этотъ отдѣлъ посвящено въ учебникѣ ни больше, ни меньше, какъ 3 страницы, т.-е. этотъ предметъ долженъ занять у учителя цѣлый урокъ. Если нѣтъ въ самомъ значеніи этого отдѣла причинъ, которыя заставили бы г. Иванова отвести ему такъ много мѣста, то быть можетъ министерскія программы требуютъ подробнаго прохожденія этого періода. Ни чуть не бывало. Въ программѣ мы читаемъ: „Бѣдственное состояніе имперіи въ VII вѣкѣ; начало Болгарскаго царства“. Въ объяснительной запискѣ: „*слѣдуетъ отмѣтить* періодъ отъ Маврікія до Ираклія, ознаменованный борьбой съ Аварами и Славянами на Дунаѣ и съ Новоперсидской монархіей на Востокѣ и распространеніемъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; тутъ-же должно заключаться и объясненіе успѣха первыхъ арабскихъ завоеваній при Магометѣ и его преемникахъ“. Какъ видите, ни программа, ни объяснительная записка, вовсе не требуютъ подробнаго прохожденія этого отдѣла, и учебникъ, при помощи кото-

раго учитель вполне выполнил бы министерскія требованія, могъ бы отвести на означенный отдѣлъ даже меньшее количество строкъ, чѣмъ иной указано. Но быть можетъ для осуществленія высказанной въ введеніи г. Ивановымъ цѣли, для того, чтобы „выдвинуть на надлежащее мѣсто Византію, какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности“—можетъ быть для этого подробно пришлось говорить г. Иванову объ этомъ отдѣлѣ исторіи Византіи? Оказывается, что и это объясненіе не можетъ быть принято. Правда, на этихъ страницахъ есть одно мимолетное указаніе на культурное состояніе Византіи того времени, указаніе на то, что послѣ Ираклія наступили смуты, сопровождавшіяся страшными жестокостями, что вдовѣ Ираклія отрѣзали языкъ, его сыну носъ, но едва ли эти указанія убѣдятъ ученика, что Византія была „хранительницей сокровищъ древняго образованія“.

Остается одно объясненіе, которое можетъ возникнуть у читателя, незнакомаго съ разсматриваемымъ учебникомъ. Быть можетъ, въ учебникѣ г. Иванова отведено 3 страницы на этотъ періодъ потому, что учебникъ вообще очень пространенъ, быть можетъ, на болѣе важные отдѣлы средневѣковой исторіи отведено еще большее количество страницъ, и тогда можно говорить только вообще о слишкомъ большомъ объемѣ учебника, а не о неправильномъ въ количественномъ отношеніи распредѣленіи матеріала? Хорошо, еслибы это было такъ, но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное. Никто изъ учителей исторіи, дорожащихъ вѣрнымъ ихъ преподаванію предметомъ, желающихъ, чтобы ученикъ, окончивъ курсъ средней школы, могъ выработать себѣ историческое, единственно правильное, пониманіе современнаго строя Западной Европы, никто изъ такихъ учителей, я убѣжденъ, не станетъ отрицать того важнаго значенія, какое имѣетъ выясненіе въ средневѣковой исторіи возникновенія и развитія сословно-представительныхъ учреждений. Вѣдь эти учрежденія, тѣсно-связанныя съ характерной чертой средневѣковой жизни—феодализмомъ, многое выясняютъ въ немъ, многое, наконецъ, объясняютъ и въ послѣдующемъ строѣ западно-европейскихъ государствъ. И такъ удобно выяснить это явленіе на примѣрѣ двухъ первоклассныхъ странъ Франціи и Англіи, гдѣ судьба этихъ учреждений была различна. Важно выяснить это въ исторіи Франціи, потому что иначе непонятно будетъ утвержденіе абсолютизма, который оказалъ въ извѣстное время такое вліяніе и на другія страны, важно выяснить и въ исторіи Англіи, потому что такое выясненіе хорошо отбѣнить въ умѣ ученика тѣ причины, которыя вызвали паденіе этого учрежденія во Франціи и развитіе его въ Англіи,—развитіе, которое привело къ возникновенію своеобразнаго государственнаго строя, оказавшаго глубокое вліяніе на

исторію очень многихъ государствъ Западной Европы. Однимъ словомъ при прохожденіи средневѣковой исторіи, наприимѣръ, Англіи, время возникновенія и образованія парламента должно занять видное мѣсто, какъ для пониманія исторіи этой страны, такъ и для пониманія одного изъ самыхъ важныхъ явленій средневѣковой жизни Западной Европы— возникновенія и судьбы сословно-представительныхъ учреждений.

Посмотримъ, сколько отведено мѣста выясненію этого явленія въ учебникѣ г. Иванова?

На выясненіе возникновенія великой хартіи вольностей и образованія парламента посвящена въ разсматриваемомъ учебникѣ г. Иванова одна страница, изъ которой парламенту посвящено 12 строкъ и только. Больше объ англійскомъ парламентѣ въ учебникѣ г. Иванова ничего не говорится. Но быть можетъ, на этихъ 12 строкахъ такъ удачно расположено объясненіе, что лучшаго и желать нельзя? Для отвѣта приведу дословно это мѣсто изъ учебника. „Такія дѣйствія короля (нарушеніе хартіи) возбудили противъ него возстаніе, во главѣ котораго находился Симонъ-де-Монфоръ, сынъ извѣстнаго предводителя въ альбигойскихъ войнахъ. Королевская партія была разбита, король взятъ въ плѣнъ. Монфоръ созвалъ въ 1265 году парламентъ, т. е. представителей свѣтской аристократіи, высшаго духовенства, дворянства и горожанъ. Монфоръ былъ убитъ въ одномъ сраженіи въ томъ же году, но англійскій парламентъ утвердился по данному имъ образцу. Опъ составилъ изъ двухъ палатъ, Верхней (палата лордовъ) и Нижней (палата общинъ). Въ первой засѣдали графы, епископы и др. вельможи, во второй—представители средняго сословія. Такимъ образомъ въ Англіи съ XIII вѣка установилось правленіе съ участіемъ народныхъ представителей, иначе сказать установилось представительное правленіе“. Вотъ и все, что сообщается въ разбираемомъ учебникѣ объ англійскомъ парламентѣ въ средніе вѣка. Посмотримъ теперь, какая масса недоразумѣній и невѣрныхъ представлений должна возникнуть въ головѣ ученика, благодаря такому краткому изложенію такого важнаго событія. Прежде всего ученикъ вынесетъ убѣжденіе, что англійскій парламентъ возникъ сразу въ 1265 году. Симонъ де-Монфоръ взялъ и созвалъ парламентъ, а онъ и утвердился по данному имъ образцу. Что сдѣлалось съ взятымъ въ плѣнъ королемъ—ученикъ не узнаетъ. Зачѣмъ былъ созванъ парламентъ—онъ тоже не узнаетъ: объ этомъ нѣтъ ни слова, такъ что парламентъ для ученика, который сталъ бы учиться по этому учебнику, будетъ пустымъ звукомъ. Но онъ вынесетъ, наприимѣръ, убѣжденіе, что въ XIII вѣкѣ парламентъ составилъ изъ двухъ палатъ—верхней (палата лордовъ) и нижней (палата общинъ), но ѣдь это невѣрно. Зачѣмъ такъ поминать событіе, ясное пониманіе котораго необ-

ходимо, помнить до такой степени, что у ученика не только не будет многих необходимых по данному вопросу свѣдѣній, но и тѣ, которыя онъ почерпаетъ изъ учебника, представлять ему дѣло въ совершенно искаженномъ видѣ? Неужели важнѣе знать ученику, какая элегія была вырѣзана на надгробномъ камнѣ, стоявшемъ на могилѣ семейства императора Маврикія, чѣмъ знать, наприимѣръ, за чѣмъ собирався англійскій парламентъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, какія права были у каждой изъ палатъ? Вопросъ кажется страннымъ, а въ учебникѣ онъ рѣшенъ совершенно неожиданнымъ образомъ: элегія помѣщена, хотя и въ примѣчаніи, а какое участіе въ управленіи принималъ парламентъ въ концѣ среднихъ вѣковъ—это нигдѣ не указано. Вотъ что значитъ „выдвигать Византію на надлежащее мѣсто“.

Въ еще болѣе, пожалуй, рѣзкой формѣ, чѣмъ на исторіи Византіи, отразилась указанная мною у г. Иванова тенденція на исторіи Славянъ, причемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь министерскія программы не даютъ никакого повода къ подобнаго рода тенденціи. Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ мы читаемъ слѣдующее: „Исторія Славянъ не должна быть помѣщаема на заднемъ планѣ и внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи; напротивъ, слѣдуетъ постоянно обращать вниманіе на отношенія Славянъ: а) къ германскому племени, давленіе котораго они испытывали съ самаго начала своей исторической жизни; б) къ Восточной имперіи, съ которой они находились въ религіозной и политической связи; другими словами, исторія западныхъ Славянъ излагается рядомъ съ исторіей Западной Романо-Германской имперіи, съ которой они находились въ постоянной борьбѣ, а исторія восточныхъ Славянъ — въ связи съ исторіей Восточной или Византійской имперіи“. Нельзя не согласиться съ этимъ требованіемъ, которое въ сущности сводится къ тому, чтобы исторія Славянъ излагалась тамъ и такъ, гдѣ и какъ этого требуетъ связь ихъ судьбы „съ ходомъ всемірной исторіи“. Что же мы видимъ въ учебникѣ г. Иванова?

Прежде всего бросается въ глаза то же, что было указано и по отношенію къ Византіи: слишкомъ много мѣста отведено изложенію событій славянской исторіи, слишкомъ много по сравненію съ тѣмъ мѣстомъ, которое отводится для событій, имѣющихъ гораздо большее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Благодаря этому трудный вообще для прохожденія съ учениками курсъ средне-вѣковой исторіи въ учебникѣ г. Иванова является прямо непреодолимымъ, если только учитель не вычеркнетъ изъ славянской исторіи массы совершенно лишнихъ, ничего въ общемъ ходѣ всемірной исторіи не выясняющихъ фактовъ, которые заслоняютъ только передъ

ученикомъ главнѣйшія явленія изучаемаго періода. Ну, зачѣмъ, на примѣръ, говорится въ исторіи Болгарскаго царства о Владимірѣ, преемникѣ Бориса-Михаила, о которомъ и сказать-то, нечего, кромѣ того, что онъ правилъ одну недѣлю? Зачѣмъ въ исторіи Чехинъ цѣлыхъ 12 строкъ посвящается подробному описанію того, какъ былъ убитъ Вячеславъ, когда можно было бы вполнѣ ограничиться только указаніемъ на это? А вѣдь такихъ фактовъ, которые, очевидно, и набраны для того только, чтобы во чтобы-то ни стало расширить исторію Славянъ въ учебникѣ, довольно много, и они не только не обогащаютъ умъ полезными свѣдѣніями, а напротивъ того представляютъ страшное затрудненіе къ усвоенію даже того изъ славянской исторіи, что необходимо знать. Но все-таки это факты, это то, что было, хотя и не имѣло никакого значенія. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ въ учебникѣ г. Иванова и то, чего не было, но что, по мнѣнію г. Иванова, могло бы быть. Онъ останавливается, на примѣръ, на мечтаніяхъ Адальберта Бременскаго превратить Бременъ въ новый Римъ; онъ говоритъ далѣе, что „послѣдствія этого плана, еслибы онъ осуществился, были бы тѣмъ болѣе значительны, что въ областяхъ подвѣдомственныхъ Адальберту, были приняты нѣкоторые обряды греческой церкви. Но проектъ Адальберта такъ и остался проектомъ, хотя въ царствованіе Генриха III его не трудно было бы осуществить“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему говорить въ учебникѣ исторіи о чьихъ бы то ни было „мечтаніяхъ“, къ чему затѣмъ дѣлать предположенія о томъ, что было бы, если бы не было того, что было? Всему этому, конечно, не мѣсто въ учебникѣ... Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобы говорить о мечтаніяхъ Бременскаго архіепископа, выяснить теорію папской власти и аскетизма, упомянуть объ ученіи о царствѣ Божіемъ бл. Августина, однимъ словомъ, сказать о томъ, безъ знанія чего ученикъ не пойметъ главнѣйшихъ явленій средневѣковой жизни, а обо всемъ этомъ или ничего не говорится, или говорится вскользь, отводится столько же мѣста, сколько отведено недѣльному правленію Владиміра въ Болгаріи.

Конечно, можно и даже должно вычеркнуть, по крайней мѣрѣ, половину изъ того, что введено г. Ивановымъ въ славянскую исторію, но, какъ мы уже раньше пришлось говорить, такое вычеркиваніе все-таки не исправитъ учебника, и не исправитъ особенно учебника г. Иванова, потому что онъ, какъ это видно и изъ его собственныхъ словъ въ введеніи, особенно старался поставить въ связь исторію Славянъ со всѣмъ остальнымъ, но въ связь довольно оригинальную, которая въ умѣ ученика произведетъ крайне искаженное пониманіе средневѣковой исторіи. Понятно, что у ученика исторія священной Римской Имперіи должна быть связана съ исторіей папства, потому что эти

явленія были въ дѣйствительности въ средніе вѣка тѣсно между собою связаны. Зачѣмъ же, спрашивается, разъединять эти явленія и связывать священную Римскую имперію съ западными Славянами, которые играли роль значительную въ исторіи Германіи, но вѣдь исторія Германіи и исторія священной Римской имперіи далеко не одно и тоже, и если даже предположить, что для исторіи Германіи большее значеніе въ средніе вѣка имѣли западные Славяне, чѣмъ папство, то и тогда все-таки придется сказать, что для исторіи священной Римской имперіи большее значеніе, конечно, имѣло папство. А г. Ивановъ, беря для своего учебника заголовки изъ учебныхъ плановъ, въ этомъ случаѣ и, кажется, въ единственномъ, отступаетъ отъ нихъ и дѣлаетъ слѣдующее общее заглавіе II главы своего учебника: „Священная Римская имперія и западные Славяне“. Благодаря этому, въ исторіи священной Римской имперіи у г. Иванова попадаетъ Людовикъ Нѣмецкій, Людовикъ Дитя, Конрадъ I, Генрихъ Птицеловъ...

Вотъ къ чему приводитъ стремленіе выдвигать исторію Византіи и Славянъ на неподобающее имъ мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія, стремленіе, которое не имѣетъ за себя никакихъ основаній, а въ результатѣ приводитъ къ тому, что искажаетъ въ умѣ ученика правильное представленіе о ходѣ всемірной исторіи!... Нѣтъ, это стремленіе приводитъ къ гораздо болѣе крупнымъ дурнымъ послѣдствіямъ: оно вводитъ въ нашу школу узко-національную тенденцію, которой она была чужда до сихъ поръ, а этимъ вѣдь она дѣйствительно могла гордиться передъ школами нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ. Грустно дѣлается, когда читаешь учебникъ г. Иванова и видишь, какъ русскій педагогъ, хотя и говорящій, что его учебникъ составленъ „примѣнительно въ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія“, въ сущности исполняетъ не требованія нашего министерства, а скорѣе требованія Прусскаго министерства, которое циркуляромъ 1882 г. предписываетъ узко-національную точку зрѣнія при преподаваніи исторіи въ прусскихъ гимназіяхъ.

Право, пора бы относиться съ болѣшимъ уваженіемъ къ традиціямъ нашей русской школы, чѣмъ къ циркулярамъ прусскаго министра. Но, быть можетъ, скажутъ мнѣ, этотъ недостатокъ учебника г. Иванова заглаживается тѣмъ, что во всемъ остальномъ онъ безупреченъ; быть можетъ, ему удалось осуществить высказанное въ введеніи желаніе „исправить тѣ уже совершенно устарѣлыя, а слѣдовательно, и ошибочныя сужденія, которыя еще встрѣчаются въ нашей педагогической литературѣ по предмету исторіи“. На это я отвѣчу, что если бы это и было такъ, то и это не загладило бы указаннаго мною недостатка, потому что устарѣлое сужденіе, встрѣчающееся

въ учебникѣ, учитель легко можетъ исправить, а пронизывающую весь учебникъ тенденцію ничѣмъ не исправить... Однако посмотримъ все-таки, удалось ли г. Иванову осуществить это желаніе. Подобнаго устраненія устарѣлыхъ и ошибочныхъ сужденій, конечно, надо больше всего искать въ исторіи Византіи, которую онъ „старался выдвинуть на надлежащее мѣсто, какъ хранительницу сокровищъ древняго образованія, какъ первоисточникъ нашей собственной образованности“, и особенно, конечно, надо ожидать такихъ улучшеній въ изложеніи тѣхъ явленій византійской исторіи, которыми имѣли всемірно-историческое значеніе, какъ напримѣръ, въ законодательной дѣятельности Юстиніана, Я выпишу дословно то, что говорится объ этомъ важномъ явленіи въ учебникѣ г. Иванова. „Юстиніанъ поручилъ ученому юристу Трибоніану привести въ стройную систему все, что было до сихъ поръ сдѣлано въ области законодательства. Трибоніанъ дѣйтельно работалъ во главѣ цѣлой комиссіи юристовъ. Результатомъ ихъ работы явился (528) Сводъ Права (Corpus juris)“. Далѣе слѣдуетъ примѣчаніе къ сказанному: „Этотъ сводъ заключалъ въ себѣ полное собраніе римскихъ законовъ. Вскорѣ были присоединены къ нему такъ наз. дигесты или панденты, представляющіе собраніе объясненій прежнихъ знаменитыхъ юристовъ „призывавшихся императорами къ написанію или толкованію законовъ“. Тогда же было издано и официальное руководство для преподаванія права, извѣстное подъ названіемъ институтовъ, заключавшее въ себѣ главнѣйшія основанія науки права. Все это было дополнено новеллами, т.-е. собраніемъ постановленій самого Юстиніана, изданныхъ послѣ пересмотра свода“. Если вы сравните это мѣсто учебника г. Иванова съ тѣмъ же отдѣломъ въ другомъ учебникѣ, то вы увидите, конечно, что переимѣна есть, но эта переимѣна никакъ не можетъ быть названа „устраненіемъ устарѣлаго и ошибочнаго сужденія“. Смѣшивать Юстиніановъ кодексъ съ Corpus juris и дѣлать изъ частей послѣдняго самостоятельныя памятники законодательства прямо непростительно!...

По поводу новой формулировки «материальной истории».

Н. И. Карьева.

Позволяю себѣ еще разъ возвратиться къ экономическому направленію къ исторической наукѣ, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить дважды на страницахъ „Историческаго Обозрѣнія“ (во II томѣ—„Политическая экономія и теорія историческаго процесса“, въ IV томѣ—„Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи“) и коснуться къ статьѣ „Источники историческихъ перемѣнъ“, помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1892 г. (кн. I). Въ названныхъ статьяхъ было уже указано, почему меня вопросъ этотъ живо интересуеетъ, и выражено было мое отношеніе къ самому экономическому направленію: возникновеніе его я считаю вполне законнымъ и правильнымъ, какъ съ жизненной, такъ и съ научной точки зрѣнія, но это не мѣшаетъ возставать противъ крайностей и увлеченій, возможныхъ и дѣйствительно проявляющихся при усвоеніи экономическаго взгляда—или въ одностороннемъ сведеніи всей исторіи на одну экономію („экономическій матеріализмъ“), или же въ той исключительности, которая состоитъ въ утвержденіи, будто только одной матеріальной исторіей можно заниматься научнымъ образомъ. На мой взглядъ и идеалистическое, и матеріалистическое пониманіе исторіи одинаково односторонни, каждое въ своей отдѣльности и исключительности, и съ такой точки зрѣнія, утвержденія коей я желалъ бы въ теоріи историческаго процесса, слѣдовало бы вполне одинаково отнести неодобрительно къ притязаніямъ какъ культурныхъ, такъ и матеріальныхъ историковъ, разъ тѣ или эти стали бы говорить, что только идеи или только общественная структура составляютъ подлинное, основное содержаніе исторіи (или могутъ быть изслѣдованы научнымъ образомъ). Съ одинаковымъ безпристрастіемъ съ точки зрѣнія, съ

которой мнѣ приходилось высказываться по этому поводу въ разныхъ своихъ работахъ (между прочимъ и во вступленіи къ I тому „Исторіи западной Европы въ новое время“), я сталъ бы защищать матеріальныхъ историковъ, если бы на нихъ напали культурные, считая лишь себя обладателями научной истины, и наоборотъ нахожу нужнымъ защищать культурныхъ историковъ отъ нападенія со стороны матеріальныхъ, лишь себя признающихъ единственными представителями научнаго духа въ исторіографіи. Я думаю даже, что разногласіе между тѣми и другими не должно было бы и вовсе существовать: оба лагеря историковъ работаютъ лишь надъ двумя сторонами одного и того же процесса, и если одни склонны болѣе заниматься культурой, а другіе — экономіей, то это совершается лишь въ выгодахъ раздѣленія научнаго труда. Разногласіе, однако, къ сожалѣнію, существуетъ, хотя почти совсѣмъ еще не выражается съ рѣзкою опредѣленностью въ литературѣ. Я постоянно ищу какихъ-либо теоретическихъ заявленій, которыя шли бы со стороны представителей матеріальной школы, или возраженій, коими эти заявленія встрѣчались бы со стороны культурныхъ историковъ, и весьма бываю радъ, когда мнѣ попадаетъ хотя бы нѣсколько печатныхъ строкъ, относящихся къ предмету, именно потому, что слишкомъ мало объ этомъ предметѣ говорится въ печати. Между тѣмъ вопросомъ этимъ живо интересуются и въ читающей публикѣ. Мнѣ приходится получать письма изъ провинціи отъ лицъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, съ распросами, касающимися „экономическаго матеріализма“: изъ одного подобнаго письма я узналъ, напр., что въ какихъ-то латышскихъ газетахъ (названіе конхъ мнѣ неизвѣстно) по вопросу объ „экономическомъ матеріализмѣ“ шла полемика, возбужденная отчасти статьей объ „Источникахъ историческихъ переимѣнъ“; въ другомъ письмѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ провинціи я получилъ просьбу указать на такую книгу, изъ которой можно было бы познакомиться съ исторіей съ точки зрѣнія „экономическаго матеріализма“, „единственно вѣрной въ наукѣ“, какъ думаютъ авторы письма и т. п.

Поводомъ къ написанію настоящей замітки являются первыя шесть страницъ въ статьѣ молодого историка Д. М. Петрушевскаго, имѣющей своимъ предметомъ извѣстный трудъ проф. П. Г. Виноградова „Villainage in England“ и помѣщенной въ декабр. кн. „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1892 г. Эти шесть страницъ имѣютъ совершенно самостоятельное значеніе и являются какъ бы изложеніемъ научной profession de foi съ точки зрѣнія, кажущейся намъ исключительною: это — попытка формулировать основныя положенія матеріальнаго направленія, противопоставивъ его культурному, какъ научное — отсталому. Еслибы со стороны культурныхъ историковъ противъ мате-

ріальнихъ поднялись тѣ обвиненія, о какихъ говорить авторъ, обвиненіе въ „униженіи исторіи“, обвиненіе въ „превращеніи ея изъ назидательной и возвышающей душу науки въ какую-то испещренную сухими цифрами счетную книгу“ и т. п. (стр. 311), а по своему интересу къ теоретическимъ вопросамъ исторической науки сталъ бы защищать матеріальное направленіе, какъ необходимое, законное, правильное, полезное, поскольку оно изучаетъ весьма и весьма важную сторону исторической жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, никто на матеріальную исторію съ такой точки зрѣнія нападенія не дѣлалъ. До сихъ поръ вопросъ объ экономическомъ направленіи въ исторіи почти совсѣмъ вообще не затрогивался не только въ нашей, но и въ западно-европейскихъ литературахъ, а если это направленіе и критиковалось, то лишь въ случаѣ его крайностей, причемъ никто не оспаривалъ важнаго значенія историко-экономическихъ изслѣдованій. Авторъ разсматриваемыхъ нами шести страницъ представляетъ, однако, дѣло такимъ образомъ, будто на это направленіе поднялся цѣлый походъ. „Конечно, соглашается онъ, возможны историки, готовые весь историческій процессъ свести на экономическое, напр., развитіе. Но,—совершенно резонно замѣчаетъ г. Петрушевскій,—вѣдь это крайность, односторонность“, и онъ думаетъ поэтому, что „видѣть въ крайностяхъ точную формулировку новаго направленія значить *въ пылу полемики* не понимать смысла совершающейся въ области исторической науки *перемѣны*“ (стр. 311). Нѣсколько выше на той же страницѣ, откуда выписаны эти слова, онъ говоритъ еще и такъ: „замѣтивъ нѣсколько примѣровъ крайностей въ увлеченіи матеріальной исторіей, вполне естественныхъ во всякомъ живомъ и новомъ дѣлѣ, культурные историки *ударили въ набатъ*, призывая всѣхъ, кому еще дороги интересы челоѣческаго прогресса, идеальные порывы и стремленія, на защиту науки отъ вторженія матеріалистовъ“. По правдѣ сказать, недоумѣваешь, о какой полемикѣ идетъ здѣсь рѣчь, гдѣ и когда культурные историки били въ набатъ: повторяю, вопросъ почти совсѣмъ не дебатировался въ исторической литературѣ, а у насъ, напр., лишь пишущій эти строки, да и то съ очень недавняго времени имъ занялся критически, отнюдь, однако, и не думая бить въ набатъ по поводу вторженія матеріалистовъ, а стараясь только какъ-разъ выяснить „смыслъ совершающейся въ области исторической науки *перемѣны*“, т.-е. отнестись къ ней и безъ предвзятой вражды, но и безъ предвзятаго восторга—*sine ira et studio*. Замѣчу еще, что напрасно авторъ думаетъ, будто „экономическій матеріализмъ“ сталъ „баннымъ словомъ въ устахъ культурныхъ историковъ“ (стр. 311): это названіе придумано, впервыхъ, не культурными историками, а самими послѣдователями исторіологической концепціи Маркса и Энгельса, а вовторыхъ, объ этомъ

(крайнемъ, какъ говоритъ и самъ авторъ) направленіи писали до сихъ поръ главнымъ образомъ его сторонники (Вейсенгрюнъ, Лафаргъ, П. О. Николаевъ), скорѣе склонные гордиться этимъ названіемъ, чѣмъ чувствовать въ немъ какое-либо неудобство. Мнѣ кажется, что г. Петрушевскій допустилъ и другую ошибку, думая, что „экономическій матеріализмъ вызванъ къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ“ (стр. 311—312): нѣтъ, исходнымъ пунктомъ этой школы (не всего матеріальнаго направленія) былъ боевой лозунгъ одной изъ новыхъ партій, поставившей на знамени своемъ реформу экономического строя.

Общій характеръ разбираемыхъ шести страницъ опредѣляется тѣмъ, что авторъ весьма рѣзко выдѣляетъ „представителей научной и *пока матеріальной* (курсивъ въ подлинникѣ) исторіи“ изъ среды дѣятелей исторической науки вообще, находя, что лишь первые предъявляютъ строгія требованія къ дѣлу научнаго изслѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что остальные историки мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличаются отъ читающей публики, т.-е. отъ профановъ: „конечно, говоритъ онъ, многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики безспорными и являются твердо установленными принципами для сужденій и практической дѣятельности, на взглядъ матеріальной исторіи оказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апіорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ“ (стр. 312). „Разногласіе между матеріальными историками и историками культурными сводится“ у автора между прочимъ къ тому, что первые „не могутъ признать плодотворными широкія обобщенія культурныхъ историковъ, сознательно или безсознательно превышающихъ свою научную компетенцію“ (стр. 313). За культурными историками, наконецъ, снисходительно признается значеніе главнымъ образомъ лишь „предшественниковъ“ настоящей науки (стр. 309). Такимъ образомъ, соглашаясь съ тѣмъ, что „экономическій матеріализмъ“ есть односторонность, авторъ самъ впадаетъ въ исключительность, хотя и нѣсколько иного характера, нежели сторонники „экономического матеріализма“. Последніе полагаютъ, что историческій процессъ по существу дѣла есть процессъ экономическій. Нашъ авторъ этого не говоритъ, но онъ утверждаетъ, что лишь одна матеріальная исторія можетъ теперь научно разрабатываться. Однако, это нужно еще доказать. Я вовсе не хочу во всемъ защищать всѣхъ культурныхъ историковъ, но думаю, что научность не есть привилегія однихъ только матеріальныхъ историковъ, и что, напр., послѣдніе сами не застрахованы ничѣмъ отъ „апіорныхъ утвержденій“, ибо склонность къ такимъ утвержденіямъ или отвращеніе отъ нихъ есть

свойство индивидуального ума, а не результат предмета, коимъ человекъ занимается. Да и утверждение г. Петрушевскаго тоже вѣдь грѣшитъ апіорностью: дѣлаясь исходнымъ пунктомъ складывающагося направленія, оно принимается за доказанное или даже за не подлежащее доказательству.

Отождествляя одну матеріальную исторію съ исторіей научной, нашъ авторъ идетъ и далѣе, изображая всю ненаучность культурной исторіи, подъ которою онъ разумѣетъ „ту отрасль историческаго знанія, которая слѣдитъ за ростомъ идей и смѣной общественныхъ настроеній. Безъ преувеличенія можно сказать, продолжаетъ онъ, что культурный историкъ смотритъ на общественный процессъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи“, ибо „для него общество... 'всё тотъ же индивидуумъ“, а „при такомъ взглядѣ на вещи дѣло изслѣдователя чрезвычайно облегчается: все становится совершенно просто и ясно“ (стр. 310). Указавъ на то, что „такъ называемое *матеріальное направленіе* въ исторической наукѣ... встрѣтило если не всегда прямо враждебные, то во всякомъ случаѣ косые взгляды со стороны представителей культурной исторіи“, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, будто культурные историки стали обвинять представителей новаго направленія въ томъ, что они поставили на „мѣсто подвиговъ военныхъ героев и гражданскихъ доблестей“— „таблицы урожаевъ и заработной платы или бюджетныя росписи“, что „движущими факторами, вмѣсто возвышенныхъ идей, руководящихъ дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, они признаютъ „насушныя будничныя потребности и стремленія общественныхъ классовъ и нужды государства“ (стр. 311). По представленію автора, сами культурные историки весьма „просто рѣшаютъ самыя сложныя и запутанныя проблемы исторической жизни“ (стр. 311), такъ какъ, изучая ростъ идей, они „изолируютъ послѣднія отъ ихъ среды и ограничиваются установленіемъ отношеній между ними чисто логическимъ путемъ: матеріальная среда для нихъ въ сущности косная масса, важная постольку, поскольку она преобразовывается подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи, родившейся, развившейся и воплотившейся въ образѣ выдающейся личности, героя“ (стр. 310). Данное здѣсь опредѣленіе культуры мы находимъ слишкомъ узкимъ: подъ культурою, цивилизаціей, внутренней исторіей разумѣютъ обыкновенно вѣчто большее, чѣмъ однѣ идеи, и сама культурная исторія возникла, какъ противоположность той политической исторіи, которая именно слишкомъ много, по словамъ самихъ же культурныхъ историковъ, занималась „подвигами военныхъ героев“ и „дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ“, будто бы поглощающихъ все вниманіе культурныхъ историковъ въ настоящее время. Другими словами, г. Пе-

трушевскій ставить въ вину культурнымъ историкамъ какъ разъ то, въ чемъ они сами обвиняли историковъ политическихъ (или прагматическихъ), тогда какъ именно на почвѣ культурнаго направленія и родилось впервые стремленіе объяснять историческія перемѣны не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а настроеніями и стремленіями всего общества. Неправда также, что культурная исторія ставитъ всѣ вопросы на почву индивидуальной психологіи, ибо если у кого и являлась мысль о расширеніи психологіи индивидуальной въ коллективную, — мысль, часто отвергаемая специалистами психологіи, — то именно у культурныхъ историковъ, признавшихъ недостаточность психологіи, которая имѣетъ дѣло съ однимъ индивидуумомъ. Потому не менѣе матеріальныхъ историковъ культурные всегда желали проникнуть въ „стремленія общественныхъ классовъ“, и, именно изучая ростъ идей, они не считали нужнымъ брать ихъ въ отвлеченіи отъ общественной среды, которую опять-таки развѣ самыя плохіе изъ нихъ представляли себѣ какою-то косною массою. Авторъ говоритъ, будто бы для культурныхъ историковъ эта масса важна лишь постольку, поскольку она преобразовывается идеей, всецѣло принадлежащей „герою“. Совершенно вѣрно, напротивъ: очень часто культурные историки приписываютъ какъ-разъ массѣ, обществу, толпѣ порожденіе новыхъ идей, принижая индивидуальную инициативу, а романтическій культъ героев у культурныхъ историковъ давнымъ-давно преданъ забвенію.

Культурнымъ историкамъ ставятся въ вину еще произвольныя обобщенія, словно послѣднія такъ-таки уже и невозможны у матеріальныхъ историковъ. Научному историку, говоритъ еще авторъ, „приходится устранять изъ научнаго оборота дѣлающую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній“, но, къ сожалѣнію, высказывая эту совершенно вѣрную мысль, самъ г. Петрушевскій, напр., далеку отъ того, чтобы ей слѣдовать въ своей аргументаціи, направленной противъ культурныхъ историковъ. „Процессъ броженія“, происходящій въ сферѣ общественныхъ наукъ, и историческая точка зрѣнія, какъ „ферментъ, произведшій броженіе“ (стр. 307), суть, конечно, стилистическія украшенія, которыя въ особую вину автору мы не ставимъ, но когда онъ говоритъ „о матеріальной средѣ“ культурныхъ идей (стр. 310), прежде всего подлежащей изученію, когда онъ рекомендуетъ начинать послѣднее не съ „высшихъ отправленій общественнаго организма“, а съ „структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и его элементарныхъ отправленій“, когда совѣтуетъ предварительно „запастись вполне отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, выращивающей культурные плоды“ (стр. 312), — во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ метафорической терминологіей, замѣняющей собою доказательство. „Обще-

ственный организм" есть метафора; „отправления“ этого организма — другая метафора; „материальная почва“, взятая не въ буквальномъ смыслѣ,—третья; выращиваніе ея культурныхъ плодовъ—четвертая ¹⁾). Между тѣмъ тутъ заключается цѣлая аргументація, сама по себѣ не убѣдительная, ибо фізіологическія или агрономическія понятія могутъ фигурировать въ соціологическомъ разсужденіи развѣ только въ качествѣ стилистическихъ украшеній, которыя, дѣйствительно, нужно устранять, если ихъ заставляютъ играть роль доводовъ. Г. Петрушевскій высказывается противъ выраженій—„національный характер“, „народный духъ“ и т. п., называя ихъ „запаснымъ фондомъ, откуда ученый черпаетъ каждый разъ, когда у него не хватаетъ собственныхъ средствъ распутать сложный вопросъ, остановившій его вниманіе“,—и сравнивая эти выраженія съ „жизненной силой“ въ естественныхъ наукахъ. Но дѣло въ томъ, что въ подобномъ смыслѣ давнымъ давно „народный духъ“ не употребляется, а въ томъ значеніи, въ какомъ выраженіе это употребляется, оно ничѣмъ не хуже общественнаго организма, какъ народнаго тѣла. Впрочемъ, главная мысль автора—та, что въ дѣлѣ изученія общественныхъ явленій нужно начинать съ простѣйшаго, а таковымъ представляется ему экономическая жизнь. Этимъ соображеніемъ онъ объясняетъ и самое происхожденіе экономическаго направленія: по его словамъ, представители исторической науки пришли къ мысли, въ силу которой „нужно начинать дѣло изученія общественныхъ явленій съ простѣйшихъ элементовъ и элементарнѣйшихъ процессовъ“ (стр. 311): „материальная исторія и ея крайняя школа, экономическій матеріализмъ, говоритъ онъ еще, вызваны къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ,.... сущность котораго заключается въ томъ, что его представители прежде чѣмъ изучать развитіе высшихъ отправленій общественнаго организма, поставили своею ближайшею цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отправленій, вовсе не предпрѣлая вопроса о роли идей въ общественномъ развитіи и притомъ непремѣнно въ смыслѣ неблагопріятномъ для лучшей стороны человѣческой природы“ (стр. 312).

Только что приведенныя слова нельзя оставить безъ самаго подробнаго разбора. Впервыхъ, нужно еще доказать, что экономическая сторона исторіи проще и элементарнѣе стороны психологической.

¹⁾ Недавно въ одной рецензіи автору книги по культурной исторіи (М. Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ) сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что онъ не изслѣдовалъ матеріальной почвы (или среды, точно не помню выраженія), возростившей гуманизмъ. Какъ, однако, авторъ книги могъ бы сдѣлать это, о томъ не говорится.

Мы думаемъ, что и въ матеріальной, и въ духовной жизни есть явленія и процессы одинаково и очень простыя, и очень сложные, такъ что утверждать, будто всѣ соціальныя явленія, вырастающія на почвѣ матеріальной жизни, проще культурныхъ явленій, имѣющихъ корень въ жизни психической, не представляется возможнымъ. Въ видѣ особаго аргумента я могъ бы сослаться г. Петрушевскому на мнѣніе одного моего коллеги по историческому преподаванію, который, защищая самъ преимущественное право соціальной исторіи быть предметомъ университетскаго преподаванія, ссылаясь, наоборотъ, на то, что культурныя явленія, какъ болѣе простыя и потому болѣе доступныя, могутъ легче усваиваться студентами изъ самостоятельнаго чтенія, тогда какъ усвоеніе соціальныхъ требуетъ особаго напряженія ума и потому нуждается въ помощи профессора. Я съ этимъ доводомъ не соглашаюсь, ибо самъ рассуждаю такъ: въ преподаваніи необходимо освѣщать обѣ стороны исторіи, ибо обращеніе вниманія на одну какую-нибудь можетъ развить у студента одностороннюю концепцію исторіи, и сдѣлавшись даже специалистомъ въ духѣ извѣстнаго направленія, онъ можетъ обнаруживать недостаточное пониманіе того, что подъ это направленіе не подходитъ. Привожу, однако, чужое мнѣніе потому, что не всѣ, стало быть, защитники матеріальнаго направленія думаютъ такъ, какъ г. Петрушевскій, и что я самъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что во многихъ отношеніяхъ матеріальная исторія труднѣе, чѣмъ культурная (а потому, прибавлю, и менѣе пригодна для того, чтобы служить введеніемъ въ изученіе исторіи). Далѣе, сама матеріальная (экономическая, соціальная) жизнь народа состоитъ изъ процессовъ, въ коихъ присутствуетъ психическій элементъ, и иногда очень и очень сложные экономическія комбинаціи объясняются весьма простыми духовными факторами. Наконецъ, авторъ невѣрно представляетъ генезисъ экономическаго направленія. Что касается до „экономическаго матеріализма“, то онъ, какъ сказано уже выше, вовсе не былъ вызванъ къ жизни новымъ научнымъ направленіемъ: это былъ боевой лозунгъ, а не научная гипотеза. Въ этого направленія историки весьма естественно обратились къ изученію матеріальнаго быта потому, что важность его была признана самою жизнью, но никто на первыхъ порахъ не думалъ, что обращеніе исторической науки къ новому предмету лишаетъ всѣхъ, работающихъ историческимъ же методомъ надъ другими объектами, именно культурными, т.-е. религіей, философій, литературой, искусствомъ и т. п.,—права на названіе научныхъ дѣятелей.

Наша наука долго занималась преимущественно внѣшней исторіей (главнымъ образомъ политической), т.-е. событіями, „дѣянiями“ (прагматическая исторія) и только позднѣе обратилась къ изученію

внутренняго быта (культурная исторія). Въ самомъ внутреннемъ быту ея сначала было обращено ббльшее вниманіе лишь на нѣкоторыя стороны, особенно бросающіяся въ глаза; но если устранить чисто внѣшній бытъ (т.-е. матеріальную культуру-жилище, одежду, домашнюю утварь, орудія, вооруженіе, украшенія и т. п.), болѣе относящуюся къ археологій, чѣмъ къ исторіи въ ея соціологическомъ пониманіи, то бытовые явленія придется раздѣлить на двѣ большія категоріи: одні относятся къ внутреннему міру человѣка, дѣлаясь предметомъ исторіи общества, разъ именно они относятся къ внутреннему міру не одного какого-либо человѣка, другія входятъ въ область внѣшнихъ отношеній членовъ общества. И тѣ, и другія явленія, выѣстъ взятыя, безразлично называются культурными (бытовыми въ отличіе отъ прагматическихъ, былевыхъ) и соціальными (общественными въ отличіе отъ индивидуальныхъ, біографическихъ), но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ культурныя явленія суть общественныя *идеи* и настроенія, соціальныя—общественныя *учрежденія*. И культурныя, и соціальныя явленія, находящіяся въ постоянномъ взаимодействіи, имѣютъ разную въ разныхъ случаяхъ степень простоты или сложности, такъ что нельзя утверждать, будто всѣ соціальныя явленія проще явленій культурныхъ или составляютъ ихъ почву. Общая почва и тѣхъ, и другихъ есть взаимодействие между членами общества, психическое или матеріальное, взаимный обмѣнъ мыслей или матеріальныхъ предметовъ и услугъ, т.-е. элементарные факты коллективной психологій и политической экономіи; но въ обѣихъ наукахъ одинаково встрѣчаются и очень простые явленія и процессы, и очень сложные, причемъ, однако, самый простой фактъ обмѣна предметовъ и услугъ уже заключаетъ въ себѣ психическій моментъ, и, наоборотъ, самый первоначальный обмѣнъ мыслей, порождающій духовную культуру, немислишь безъ известной матеріальной организаціи. Ни психологія сама по себѣ, ни политическая экономія сама по себѣ такимъ образомъ не могутъ объяснить намъ всей исторіи. Г. Петрушевскій правъ, когда говоритъ, что культурные историки должны „отказаться отъ всякихъ притязаній на исчерпывающее рѣшеніе“ (стр. 312), но вопросъ въ томъ: гдѣ и когда культурными историками заявлялись подобныя притязанія? Вообще всякая притязательность, гдѣ бы она ни появлялась, не должна имѣть мѣста въ научномъ дѣлѣ. И, конечно, не мы стали бы защищать культурныхъ историковъ, если бы они только за собою признавали научную правоту, а всѣ остальные мнѣнія считали бы ересями,—не стали бы защищать ихъ потому, что величайшая и дѣйствительная ересь въ наукѣ есть лишь нетерпимая ортодоксальность.

12 декабря 1892.

Польскія историческія изданія за 1891 и 1892 г.

С. Л. Итаницкаго.

Въ настоящемъ спискѣ показаны нѣкоторыя сочиненія, отмѣченныя 1890 и 1892 г., какъ вышедшія въ дѣйствительности въ 1891 году. При трудахъ, печатавшихся въ повременныхъ изданіяхъ, указано изданіе, въ которыхъ они появлялись. При повременныхъ изданіяхъ указаны только историческія статьи. Пособіями при составленіи списка служили *Przewodnik Bibliograficzny*, краковское ежемѣсячное изданіе, цѣна 1½ гульдена, и *Kwartalnik historyczny*, львовское трехмѣсячное изданіе, цѣна 5 р. сер.

1891 годъ.

Adam, E. *Mieszczanin i chłop w świetle konstytucyi 3-go Maja*. Kraków, 16°, стр. 42.

Album portretów, rycin i widoków, odnoszących się do konstytucyi 3-go Maja. Вып. I, Kraków, 8°, стр. 21.

B. I. P. *Stan żydów dawni i obecny, charakter, obyczaje, zabobony i przyszłość*. Lwów, 8°, стр. 147.

Balzer, O. *Corpus iuris polonici medii aevi*, program wydania zbioru ustaw polskich średniowiecznych (*Kwartalnik histor.*). Lwów, 8°, стр. 87.

— *Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3 Maja* (*Przegląd Polski*). Kraków, 8°, стр. 80.

— *Regestr złoczynców grodu sanockiego, 1554—1638*. Lwów, 8°, стр. 263.

Bartoszewicz, K. *Księga pamiątkowa setnej rocznicy ustanowienia konstytucyi 3-go Maja*. Kraków, 8°, T. I, стр. 308. T. II, стр. 295.

Bąkowski, K. *Kraków w czasie konstytucyi 3 Maja 1791*. (*Czas*). Kraków, 8°, стр. 22.

Benis, A. *Materyały do historii drukarstwa i księgarstwa w Polsce*; II. *Biblioteki prywatne w XVI w.* (*Archiwum do dziejów liter. VII*). Kraków, 8°, стр. 43.

Blumenstok, A. *Studia nad historją własności nieruchomej u ludów germańskich*. (Rozprawy wyd. hist. Akademii). T. XXIX. Kraków, 8°, стр. 126.

— *Wiadomość o rękopisach prawno-historycznych biblioteki cesarskiej w Petersburgu* (*Arch. Kom. hist. Akademii VI*). Kraków, 8°, стр. 87.

Bogusławski, E. *Szkice litowindyjskie, II: Teorya nazwisk na awa*. Kraków, 8°, стр. 37—226.

Bołsunowski, K. *Znaki pieczętne na ołowiu, plomby, znajduwane w Bugu przy mieście Drohiczyne, studjum sfragistyczne* (*Wiadomości numizm.-arch.*). Kraków, 4°, стр. 12.

Borkowski, J. *Panie polskie przy dworze rakuskim*. Lwów., 32°, стр. 291.

Bostel, F. *Rachunek skarbu koronnego z r. 1629* (*Arch. kom. histor. Akademii VI*). Kraków, 8°, стр. 40.

— *Żydzi ziemi lwowskiej i powiatu żydaczowskiego w r. 1765*. (*Arch. kom. hist. Akademii VII*). Kraków., 8°, стр. 22.

— *Taryfa celi województwa krakowskiego z r. 1565*. (*Arch. Komis. hist. VI*). Kraków, 8°, стр. 20.

Budzynowski. *Kronika miasta Sambora*. Sambor, 8°, стр. 52.

Callier, E. *Ostrorog, monografia w*

głównych zarzysach (Rocznik tow. przyj. nauk pozn. XVIII 1). Poznań. 8°, crp. 93.

— Powiat Pyzdrowski w XVI st., szkic geograficzno-historyczny. Poznań, 8°, crp. 334.

Callimachus, Ph. Vita et mores Gregorii Sanocei, edidit Finkel. (Monumenta Poloniae VI). Leopoli, 4°, crp. 56.

— Vita et mores Sbignei cardinalis, ed. Finkel. (Monumenta poloniae VI). Leopoli, 4°, crp. 40.

Całczyński, J. Polska pogańska, szkic antykwaryczny (Sprawozdanie gimnazjum w Rzeszowie). Rzeszów. 8°, crp. 20.

Chodyński, Z. Statuta synodalia dioecesis Wladislaviensis et Pomeraniae. Varsaviae. 1890, 4°, crp. 298.

Chotkowski. Rzemiosła i cechy krakowskie w XV w. (Czas). Kraków. 8°, crp. 83.

— Z męczeńskich dziejów. III. (Czas). Kraków, 8°, crp. 124.

Chrzanowski, T. Badania z historyografii cz. III. Warszawa, 8°, crp. 39.

Cieszkowski, S. Senatrowie księstwa warszawskiego i królestwa kongresowego, 1807—1831. Warszawa, 8°, crp. 75.

Czołowski. Sprawy wołoskie w Polsce do r. 1412 (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, crp. 32.

— Lwów za ruskich czasów (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, crp. 42.

Deiches, E. Halszka z Ostroga w dramacie i historyi (Swiat). Kraków, 8°, 24.

— Sprawa żydowska w czasie sejmu wielkiego. Lwów, 8°, crp. 87.

Dembiński, B. Konstytucja 3-go Maja a rewolucja francuzka (Dziennik Poznański). Poznań, 8°, crp. 18.

— Upadek rycerstwa. Kraków, 8°, crp. 23.

Demetrykiewicz, W. O stylach zabytków Krakowa, rzecz objaśniona rycinami. Kraków, 8°, crp. 29.

Deskur, B. Krótki rys dziejów stronnictwa ludowego w Polsce. Lwów. 16°, crp. 82.

Diehl, E. Przyczynek do sfragistyki polskiej (Wiadomości numizm - archeol.). Kraków, 1890, 4°, crp. 16.

Drzewiecki, J. Pamiętniki 1772—1852, wydane na nowo przez Ks. S. Pawlickiego. Kraków. 8°, crp. 366.

Falkiewicz, K. O konstytucji 3-go Maja, dla młodzieży. Lwów. 8°, crp. 15.

Finkel, E. Bibliografia historyi polskiej. Lwów, 4°, crp. 527.

— Konstytucja 3 Maja, wstęp historyczny, odczyt miany w Towarzystwie prawniczym we Lwowie (Gazeta Narodowa). Lwów. 16°, crp. 24.

— O konstytucji 3-go Maja (Wydawnictwo Macierzy Polskiej). Lwów. 8°, crp. 142.

— cm. Callimachus.

Gadon, L. Książę Adam Czartoryski podczas powstania listopadowego. (Przegląd polski). Kraków, 8°, crp. 167.

Galliusz, J. Pamiętnik mieszcza - nina polskiego, 1650—1653, wydał i wstępem poprzedził J. Kallenbach. (Archiwum do dziejów oświaty VII). Kraków, 1890, 8°, crp. 53.

Gorczak, B. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890, 4°. T. III 1432—1534, crp. 556; t. IV 1535—1547, crp. 647.

Graziani, A. M. Informatio de rebus poloniae ad Henricum regem 1574, edidit J. Korzeniowski. (Scriptores rer. pol. XV. Cracoviae, 8°, crp. 11.

Gubrynowicz, B. Kazimierz Brodziński, 1830—1835, przyczynek do biografii i charakterystyki. (Sprawozdanie Czytelni Akademickiej). Lwów, 8°, crp. 47.

Heck, W. Archiwa miejskie księstw oświęcimskiego Zatorskiego (Sprawozdanie gimnazjum S. Anny). Kraków. 8°, crp. 112.

Kallenbach cm. Galliusz.

Kalinka, W. Dzieła. T. I, II: Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, cz. 1, 2. Kraków, 8°, crp. 323, 418.

Kariejew, N. Upadek Polski w literaturze historycznej, przekład z rosyjskiego. Kraków. 8°, crp. 387.

Kętrzyński, W. Fontes Olivenses (Monumenta Poloniae VI). Lwów, 4°, crp. 126.

— Studya nad dokumentami XII w. (Rozprawy wyd. hist. Akademii XXVI). Kraków, 8°, crp. 122.

Kolberg, O. Chełmskie, obraz etnograficzny, t. II. Kraków, 8°, crp. 265.

— Przemyskie, zarys entograficzny. Kraków, 8°, crp. 243.

Koneczny, F. Walter von Plettenberg, landmistrz inflancki, wobec zakonowi, Litwy i Moskwy, 1500—1525 (Rozprawy wydziału hist. Akademii XXVIII). Kraków, 8°, crp. 76.

Konstytucja 3-go Maja 1791 r. przedruk z IX tomu Volumina legum. Kraków, 32°, crp. 31.

Korytkowski, J. Arcybiśkupi gnieźnieńscy, prymasowie i metropolici polscy od r. 1000—1821, według źródeł archiwalnych. T. I—IV. Poznań.

1887 — 1891, 4°, ctp. 792, 818, 778, 618.

Korzeniowski, J. *Catalogus codicum manuscriptorum musei principum Czartoryski, fasciculus III. Cracoviae*, 8°, ctp. 179—272.

— Polonici regni cum adiunctis provinciis descriptio (Script. rerum polon. T. XV). Cracoviae, 8°, ctp. 16.

— cm. Graziani. Orzechowski. Wapowski.

Koszczyz, W. *Zygmunt Sierakowski, naczelný wodz żmudzi. Lwów*, 16°, ctp. 132.

Kozłowski, K. *Wojsko polskie w r. 1831, przedstawione w 10 obrazach według rysunków Mottego. Poznań*, 4°, ctp. 32.

Kraushar, A. *Drobiazgi historyczne, II: Marek Reverdil; Obrazek Warszawy; Wspomnienia trybunalskie; Przygody Francuza Payena; Notatki Anglika Morisona; Maska żelazna, Ramesses Baltazzoni. Petersburg (1892?)*, 8°, ctp. 372.

Krzyżanowski, St. *Słowo o dziejach Krakowa (Przewodnik po Krakowie). Kraków*, 8°, 16.

Kwartalnik historyczny. Львовское трехмѣсячное изданіе: Czermak. *Listy Jana Kazimierza do Maryi Ludwiki I 10—39; Lisicki. Skrzynecki i Prądziński w 1831 r. I 83—94; Lisicki. Polityka Austrii podczas trzeciego rozbioru II 235—260; Winiarz. Sądy boże w Polsce II 290—313; Łaguna; Pierwsze wieki kościoła polskiego III 549—568; Kraushar. Poselstwo Chmielnickiego pod Zamość w r. 1648, IV 813—824; Lewicki. Dwa przyczynki do życiorysu J. Ostroroga IV 825—828; Bostel. Uniwersał Zamojskiego z r. 1599; Instrukcja starosty Sanockiego w sprawie wybierania podatków.*

Leniek, J. *Kandydaci stanu akademickiego, przyczynek do dziejów szkolnictwa z czasów komisji edukacyjnej (Sprawozd. gimn. w Tarnopolu). Tarnopol*, 8°, ctp. 42.

Lewicki, A. *Codex epistolaris s. XV tomus II 1382—1445 (Monumenta mediae aevi, XII), Cracoviae*, 4°, ctp. 581.

Lichocki, F. *Pamiętnik prezydenta miasta Warszawy z r. 1794 (Bibl. uniwersalna). Kraków*, 8°, ctp. 97.

Liske, X. *Akta grodzkie i ziemskie. T. XV. Lwów*, 4°, ctp. 720.

— *Zarys biograficzny, zbiór prac różnych autorów (Kwartalnik historyczny). Lwów*, 8°, ctp. 84.

Litwin. *Dzień 3-go Maja, odczyt dla moich synów. Lwów*, 8°, ctp. 55.

Zoyko, E. *Monografia rodziny Zoyków, spisana podług dokumentów rodzinnych. Kraków*, 8°, ctp. 110.

Zoziński, W. *Patrycyat i mieszczanstwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwów. 1892(?)*, ctp. 434.

Zuszczykiewicz, Wł. *Studia nad zabytkami architektury w Polsce nasze najdawniejsze kościoły franciszkańskie 1250—1330, Dom wojtowski w Krośnie 1525. (Sprawozdania Komisji sztuki, t. IV). Kraków*, 4°, ctp. 51.

Maciejowski, W. A. *Historia miast i mieszczan polskich aż do połowy XIX wieku (Rocznik Tow. przyj. nauk pozn.)*. Poznań, 8°.

Miklaszewski, J. *W stuletnią rocznicę konstytucji 3-go Maja odczyt dla czytelników ludowych. Kraków*, 8°, ctp. 52.

Miodoński, A. *Czas powstania Historyi Florusa (Rozprawy wydziału filolog. Akademii XVI). Kraków*, 8°, ctp. 10.

Morawski, K. *Andrzej Patrycy Nidecki, jego życie i dzieła. Kraków*, 8°, ctp. 402.

Olizar, G. *Pamiętniki, 1798—1865. z przedmową Leszczyca. Lwów*, 8°, ctp. 300.

Orzechowski, S. *Orichoviana opera inedita et epistulae, 1543—1566, vol. I, edidit dr. J. Korzeniowski (Biblioteka pisarzy polskich). Cracoviae*, 8°, ctp. 740.

— *Vita Stanislai Orichovii, gente Rutheni, natione Poloni, ad Jo. Fr. Commendonem a 1564 scripta, nunc primum edita. Ed. S. Korzeniowski. Kraków*, 4°, ctp. 21 (незачаго 50 экз.).

Ostrorog, Jan. *Pamiętnik ku pożytkowi Rzeczypospolitej zebrany, wydał T. Wierzbowski. Warszawa*, 8°, ctp. 44, 32.

P. E. z K. *Wspomnienia wygnańca Litwina, 1806—1834. Poznań*, 8°, ctp. 192.

Pamiętnik II zjazdu historyków polskich we Lwowie, II: Obrady i uchwały. Lwów, 8°, ctp. 191.

Pawiński, A. *Ostatnia księżna mazowiecka, obrazek z dziejów XVI w. Warszawa*, 8°, ctp. 175.

Piekosiński, Fr. *Materyały sfragistyczne (Wiadomości num.-arch.)*. Kraków, 16°, ctp. 31.

— *Uwagi nad ustawodawstwem wisklicko-piotrkowskiem Kazimierza Wielkiego. (Rozprawy Wydz. hist. Akademii XXVIII). Kraków*, 8°, ctp. 91.

Pobóg, H. *Manifest mnicha (Mar-*

elna Lutra), studjum historyczne z dziejów reformacyi. Warszawa, 8°, crp. 78.

Popiel, P. Powstanie i upadek konstytucyi 3 Maja, według dokumentów oryginalnych. Kraków, 8°, crp. 72.

Pałaski, K. Z życia księżnej Kurońskiej, szkic historyczny. Warszawa, 8°, crp. 226.

Sawczyński, H. Jan Dekert prezydent miasta Warszawy. Lwów, 8°.

Semkowicz, A. Walka o monarchią, 1298—1294, ustęp z dziejów piastowich (Kwartalnik historyczny). Lwów, 8°, crp. 52.

Słarczyński. Dzień trzeci Maja r. 1791 w Warszawie. Kraków, 8°, crp. 187.

Słownik geograficzny Królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XI. (Szlubowska Wola). Warszawa, 8°, crp. 900.

Smiałowski, E. Tadeusz Kościuszko, jego życie i czyny. Kraków, 16°, crp. 180.

Smolonski, Wł. Przewrót umysłowy w Polsce w XVIII. Kraków, Petersburg, 8°, crp. 424.

Smolikowski, P. Historia zgromadzenia Zmartwychwstania polskiego. T. I (Przegląd Polski). Kraków, 8°, crp. 201.

Smolka, S. Stanowisko mocarstw wobec konstytucyi 3-go Maja. (Rocznik Akademii). Kraków, 8°, crp. 27.

Sokołowski, A. O sejmie czteroletnim. Lwów, 8°, crp. 197.

Szachowski, St. Rzecz o symonii (Rozprawy wydziału hist. Akademii XXV). Kraków, 8°, crp. 179.

Tarnowski, S. Z doświadczeń i rozmyślań. Kraków, 8°, crp. 422.

Trzeci Maj, książka pamiątkowa wydana nakładem towarzystwa Staszycy. Poznań, 8°, crp. 191.

Trzeci maja, szkic historyczno-społeczny. Lwów, 16°, crp. 85. (Crp 73 — 35: Katechizm o tajemnicach rządu polskiego F. Jezierskiego).

Ulanowski, R. Acta capitulorum cracoviensis et plocensis selecta, 1438—1523 et 1438—1523. (Archivum Komisji histor. VI). Kraków, 8°, crp. 296.

— O założeniu i uposażeniu klasztoru Benedyktynów w Staniątkach (Rozprawy wydziału histor. Akademii XXVIII). Kraków, 8°, crp. 131.

Waliszewski, K. Z dziejów XVIII w., wstęp do historii ruchu politycznego w tej epoce. Kraków, Petersburg, 8°, crp. 377 (1892 ?).

Wapowski, B. De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos

gesto w 1508, edidit Jos. Korzeniowski (Sript. rer. pol. t. XV). Cracoviae, 8°, crp. 11.

Wierzbowski, T. O dukatach Władysława Łokietka i Aleksandra Jagiełły (Wiadomości num. arch.). Kraków, 8°, crp. 8.

— cm. Ostrorog.

Windakiewicz, St. Informacya o aktach uniwersytetu bolońskiego. (Archiwum do dziejów lit. t. VII). Kraków, 8°, crp. 23.

— Materyały de historii Polaków w Padwie. (Archiwum do dziejów lit.). Kraków, 8°, crp. 39.

— Padwa, studjum z dziejów cywilizacji. (Przegl. Polski). Kraków, 8°, crp. 104.

Wyśloucuowa. O konstytucyi 3-go Maja i przyczynach, które ją wywołały. Lwów, 8°, crp. 75.

Zakrzewski, W. Xawery Liske, wspomnienie pośmiertne. (Przegląd Polski). Kraków, 8°, crp. 39.

Zychliński, T. Złota księga szlachty polskiej, rocznik XIII. Poznań, 4°, crp. 475.

1892 годъ.

(Свѣдѣнія собраны по 1-е декабря н. ст.).

Abraham, W. Organizacya kościoła w Polsce do połowy w XII, wyd. 2-e uzupełnione i zwiększone. Lwów. 1893, 8°, crp. XX, 303.

Bąkowski. Pierwszy pobyt Austriaków w Krakowie 1796/1809 (Kalendarz Czecha). Kraków, 8°, crp. 15.

— Kraków w czasie powstania Kościuski. Kraków. 1893, 16°, crp. 80.

Bełcikowski, A. Księża Stanisława Grochowskiego żywot i pisma. Lwów, 8°, crp. 251.

Bobrzyński, M. Kartka z dziejów ludu wiejskiego w Polsce. Kraków. 1892, 8°, crp. 43.

Bogusławski Wilhelm. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII w. T. III. Poznań. 8°, crp. XIV, 689.

Celichowski, Z. Spory i sprawy pomiędzy polakami a zakonem krzyżackim, wydanie drugie, tom II. Poznań. 4°, crp. 482.

Chmiel, Ad. Album studiosorum universitatis Cracoviensis. Tomi II fasciculus 1: ab a. 1490 ad a. 1515. Cracoviae. 8°, crp. 160; fasc. II, 1515—1551, crp. XI, 161—347.

Czermak, W. Bellum polonoma-schicum ad Cracow, a. Dni 1600 expeditum (Arch. komis. hist.). Kraków. 8°, crp. 54.

Czołowski, A. Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum miasta. I. Najstarsza księga miejska 1362 — 1389. Lwów.

Dwadzieścia pięć lat. Rosyi w Polsce, 1863—1888, zarys historyczny (Ekonomista Polski). Lwów, 8°, ctp. 267.

Górski, Jak. Rada pańska, 1597, wydał dr. W. Czermak. Kraków, 8°, ctp. XV, 137.

— K. Pierwsza wojna Rzeczypospolitej w W. księstwie moskiewskim za Batorego (Bibl. Warszawska). Kraków, 8°, 93—117.

Hryncewicz. Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej, Litwy i Rusi. (Zbiór wiadomości do antropologii XVI). Kraków, 8°, ctp. 62.

Kleczyński. Spisy ludności w Rzeczypospolitej polskiej (Rozprawy hist. filoz. Akademii XXX). Kraków, 8°, ctp. 29.

Knapieński. Sprawa o kościół w Ostrogu na Wotyniu. Lwów, 1892, 8°, ctp. 36.

Kniaziolucki. Materyały do biografii M. Reja z Nagłowic (Archiwum do dziejów literatury VII). Kraków, 8°, ctp. 40.

Korytkowski, J. Arcybiskup igniezniescy od r. 1000 do 1821, według źródeł archiwalnych. T. V. Poznań, 4°, ctp. 377.

Korzeniowski, J. Informatio de rebus oeconomicis Poloniae. 1583 (Scriptores rerum pol. XV). Cracoviae, 8°, ctp. 14.

Kraushar, Al. Dzieje Krzysztofa Arciszewskiego, 1596—1656; Petersburg. Kraków, 1893, 8°, T. I, ctp. 383; T. II, ctp. 401.

— Samozwaniec Jan Faustyn Łuba, 1643—1646. Warszawa. 16°, ctp. 71.

Krzyzanowski. Studya nad najdawniejszą dyplomatyką polską (Sprawozdania wydziału II Akademii). Kraków, 8°, ctp. 5.

Latkowski, J. Mendog, król litewski (Rozprawy hist. filoz. Akademii). Kraków, 8°, ctp. 154.

Leniek. Przwileje krolów i właścicieli miasta Tarnopola (Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego). Tarnopol, 8°, ctp. 54.

Lewicki, A. Powstanie Swidrygli (Rozpr. hist. filoz. Akademii). Kraków, 8°, ctp. 389.

Lisiewicz, Z. O obsadzaniu stolic biskupich w Polsce. Lwów, 8°, ctp. 123.

Łuszczkiewicz. Karta z dziejów malarstwa polskiego, 1765—1850. (Świat). Kraków, 8°, ctp. 39.

Kętrzyński, W. Granice polski w X w. (Rozprawy hist. filoz. Akademii XXX), Kraków, 8°, ctp. 32.

— Bruno. Vitae quinque fratrum. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, ctp. 48.

— Chronicon monasterii Claretumbensis, auctore Niv. de Cracovia. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, ctp. 52.

— Catalogi episcopum vratislaviensium. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, ctp. 59.

— Miracula s. Joannis Cantii. (Mon. Pol. VI). Lwów, 4°, ctp. 53.

Mierzwiński, A. Zródła do mitologii litewskiej od Tacyty do końca XIII w. Warszawa. 8°, ctp. 155.

Monumenta historica dioeceseos Wladislaviensis. XI Liber retaxationum dioeceseos Wladislaviensis sc. XVI. Vladislaviae, 8°, ctp. 76.

Morgenbesser, Al. Kilka uwag o przyczynie upadku polski. Lwów, 8°, ctp. 52.

Offmański, M. Wypadki historyczne po trzejim maja 1791 r., skreślił Orion. Kraków, 8°, ctp. 29.

Piekosiński, Fr. Prawa, przywileje i statuta miasta Krakowa, 1507—1795. Tom II, zesz. 2, 1587—1696. (Acta historica. T. XII). Kraków, 4°, ctp. XXV, 599—1105.

— Znaki wodne w rękopisach polskich wieków średnich. (Wiadomości numizm. arch.). Kraków, 4°, ctp. 16.

Prochaska, A. Archiwum domu Sapiehow. T. I: Listy z lat 1575—1606. Lwów, 4°, ctp. XXXV, 577, 2.

S. Z. L. Historia dwóch lat 1861/62; T. I, 1856/60. Kraków, 8°, ctp. 365.

Skirmunt. Konstancya. Z najstarszych czasów plemienia litewskiego, I. Kraków, 8° ctp. 163.

Sokołowski, M. Miniatury włoskie biblioteki Jagiellońskiej. (Sprawozd. Kom. hist. sztuki V). Kraków, 8°, ctp. 44.

— Muzeum rs. Czartoryskich. (Kwart. Hist.). Lwów, 8°, ctp. 48.

Spasowicz, Wł. Pisma. Petersburg. 8°. T. I: Wiadomość o Rudawskim.—O Orzelskim.—O Heidensteynie.

— Władysław Syrokomla.—Wincenty Pol, jako poeta.—Marcin Matuszewicz, jako pamiętnikarz.—Nasze dzisiejsze sądy polubowne.—O bajronizmie Mickiewicza.—Konrad Wallenrod.

T. II: Szekspirowska historia tragiczna o księciu duńskim Hamlecie.—Byron i niektórzy jego poprzednicy.—Polskie fantazje na tematy słowiańskie.—Literacki i polityczny spadek po A. Wielopolskim.—Z powodu polemiki prof. Kostomarowa z prof. Aleksandrem Gradowskim.—John Howard.

T. III: Życie i polityka margabięgo Wielopolskiego. — O gminach i sądach gminnych w Królestwie polskiem.

T. IV: O stosunkach majątkowych między małżonkami, według dawnego prawa polskiego. — Teoria włamania się. — Rzecz o tak zwanej „Własności literackiej“. — O prawie własności w literaturze. — Język w sądownictwie. — Rzecz o kodyfikacji ruskiego prawa cywilnego. — O towarzystwach akcyjnych. Rozbior ostatniej pracy K. D. Kawelina: „Zadania etyki“, 1885. — Najnowsze prądy w nauce prawa karnego. — O niektórych zmianach zaszytych w 1878 r. w prawodawstwie karnem w Rosji.

T. V: Rzut oka na literaturę ruską w początkach 1859 r. — Pozytywizm w Rosji. — Z powodu życiorysu P. D. Kisielowa. — Mowa na obiedzie literackim, danym I. S. Turgieniewowi 13 marca 1879 r. w Petersburgu. — Mowa na obchodzie puszkinowskim 31 stycznia 1885 r. w Petersburgu. — Artykuł o Aleksandrze Puszkynie. — Mickiewicz i Puszkina przed pomnikiem Piotra Wielkiego. — Bajronizm Puszkina. — Bajronizm Lermontowa. — Rzecz o Puszkynie.

T. VI: Pięćdziesięciolecie uniwersytetu petersburskiego. — Dwa tygodnie w Bułgarji. — Jubileusz Kraszewskiego. — Zwędrowki po Bośni i Hercegowinie. — Wycieczka do Brukseli. — Luźne kartki. — Z podróży. Dwa odcinki z „Kraju“. — Teka Nieczui. — Korespondencja Turgieniewa. — Lermontow w książce P. Kotłarskiego. — Książę P. A. Wiazemski.

Starzyński, St. Konstytucja trzeciego maja na tle współczesnego ustroju innych państw europejskich. Cz. I. Lwów, 8°, crp. X, 216.

— Projekt galicyjskiej konstytucji 1790/91, Charta Leopoldina. Lwów. 1893, 8°, crp. 64.

Świątkewicz, An. Ostatni szturm na Smoleńsk (Kwart. Hist.). Lwów, 8°, crp. 15.

Ulanowski. Kilkazabytkówustawodawstwa królewskiego i wojewódzkiego w przedmiocie handlu i ustanowienia cen. (Arch. Komisji prawniczej I). Kraków. 8°, crp. 108.

Wierzbowski. Uchańsciana czyli zbiór dokumentów, wyjaśniających życie i działalność J. Uchańskiego. Warszawa. 8°, crp. VII, III, II, 400.

Żychliński, T. Złota księga szlachty polskiej rocznik, XIV. Poznań. 4°, crp. V, 248.

Sборники и повременныя изданія:

Archiwum Komisji historycznej, t. VI. Kraków, 8°, 463. Ulanowski. Acta capitulorum; Bostel. Taryfa cen. Овъ же. Rachunek skarbu; овъ же. Żydzi ziemi Lwowskiej; Blumenstok. Wiadomość o rękopisach w Petersburgu. Вът расужденія вышш отдѣльно.

Ateneum, варшавское ежемѣсячное изданіе. Smoleński. Walka z przesądem w Polsce w w. XVIII—I, 232—273; Kraushar. Nowe epizody z życia Paska I 433—466; Pawiński. Stefan Czarniecki II 463—470; Menidus. Pseudo-Ostrorog III 123—133; Nehring. Wiadomość o rękopisie gnieźnieńskim, zawierającym statuta inwersytetu Padewskiego z r. 1301 III 384—380; Jabłonski. Zasiedlenie Ukrainy w epoce litewskiej IV 439—470.

Biblioteka Warszawska, ежемѣсячное варшавское изданіе. Rembowski. Nowe opracowania źródłowe I 71—94; Morawski, K. Kierunki duchowe za Batorego I 294—315; Czermak. Próba naprawy Rzeczypospolitej za Jana Kazimierza I 519—542; Smoleński. Nowa filozofia w Polsce w XVIII II 1—33; Górski. Obronagranic Rzeczypospolitej od Tataków II 439—461, III 93—107; Łoziński. Kupiectwo lwowskie w XVI w.

Przegląd powszechny, ежемѣсячное краковское изданіе. Z. C. Wówierć wieku po uwłaszczeniu chłopów w królestwie polskiem. I 42—52, 197—208; Załęski. Geneza nihilizmu w Rosji I 226—244, II 76—100, II 228—247, III 346—359, III 85—98, 341—359, IV 173—191, 351—372; Monaster bazylianski w Ładach na Białej Rusi I 379—397; Dubiecki. Podróż do puszczy północy i na stępy Kipczackie z r. 1861—62, I 357—378; II 52—75, 171—195, 384—408, III 62—82, 169—189; Koneczny. Szkoła Hożjusza w Prusiech II 1—13, 208—227; Ottmann. Pierwsza rocznica ogłoszenia konstytucji 3-go Maja III 27—43; Wołyniak. Bazylianie na Zmudzi III 313—324, IV 53—72.

Przewodnik naukowy ежемѣсячное львовское изданіе. Listy A. E. Koźmiana 1830—1864, 45—54, 135—148, 240—251, 331—341, 423—434; Wybranowski. Z domowego Archiwum 55—75; R. Wołyn i Podole w drugiej połowie XVI w. 163—172, 252—260, 342—352; Sternal. O autorze dyaryusza z lat 1696—97,

261—276, 353—364; J. D. K. Rzut oka na starożytną przeszłość Krzemienia 435—439; Kraushar. Notatki Morisona z podróży po Polsce w r. 1593, 504—512. Kętrzyński. O organizacii kościoła polskiego do połowy w. XII: 468—474, 561—569, 662—669, 758—763, 842—848; Lisiewicz, Z. O obsadzeniu stolic biskupich w Polsce 604—613, 699—714, 796—804, 897—906, 1001—1012, 1153—1173; Mierzyński. Co znaczy Sicco 741—747, 817—822.

— Roczniki. Towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego, T. XVIII, wyd. 2. Poznań 8°, crp. 375—516; Bersohn. Posagi kamienne St. Batorego i Jana III w Padwie (375—386); Kraushar. Lament Hrehorego Ościka, 1580 (487—395). Celichowski. List Mikołaja Reja do księcia pruskiego Albrechta (451—457).

Rolle, M. Z życia ormian kamienieckich w XII i XIII w. (Świat). Kraków, 8°, crp. 24.

Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii. T. XXV. Kraków, 8°, crp. 403. Dargun. Źródłach prawa miast polskich w w. XVI. II B. Grodzickiego o źródłach porządku sądowego (120—156); Ostrożyński. Ostatni projekt reformy prawa i procesu karnego w Polsce (157—224); Szachowski. Rzecz Symonii (225—403). T. XXVI, crp. 440; Borzemski. Kronika Miechowity, rozbiór krytyczny (1—149); Kętrzyński. Studya nad dokumentami XII w. 201—319 и отдѣльно. T. XXVII: crp. 419. Dembiński, B. Rzym i Europa przed rozpoczęciem trzeciego okresu soboru trydenckiego (1—264); Rubczyński. Traktat Vitelliona o porządku istnień, przyczynek do historyi pojęć średniowiecznych (378—410).

Бѣлѣ пасыжленія вышлі отдѣльно. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. Kraków, 8°, 641. T. VII: Benis. Materiały do historyi drukarstwa i księgarstwa. I. Inwentarze Mi Scharfenberga i Fl. Unglera, 1547—1551; II Inwentarsbibliotek prywatnych; Windakewicz. Siedm dokumentów do życia ja nickiego; Informacje o aktach Uniwersytetu bolońskiego; Materiały do historyi polaków w Padwie; Kallenbach. Pamiętnik Galiurza, 1650—1653; Sas przyczynek do krytyki tekstu A. Krzyckiego; Kniaziolucki, materiały do biografii M. Reja.

Ateneum. Warszawa. Koneczny: Z przeszłości miast podgórskich (163—181).—Pawłowski. Młode lata Zygmunta Starego, (6—46, 292—341).—Kraushar.

Z dziejów Krzysztofa Arciszewskiego, 1596—1566 (217—230). Lutosławski. O znaczeniu i zadaniu historyi filozofii (II, 407—421).—Wittg. Kilka słów o sprawie autentyczności dukatów Władysława Łokietka i Aleksandra Jagiellończyka, (II, 562—564). Rembowski, A. Reprezentacya stanowa w rozwoju historycznym od XV do XVIII w. (III, 366—392, 526—543; IV, 111—124).—Górski, K. Wojna z wojewodą wołoskim Michałem w r. 1600. (IV, 251—270).

Biblioteka Warszawska. Warszawa. Czermak. Ostatnie lata Jana Kazimierza (I, 1—57; III, 417—468).—Deiches, E. Z czasów ucieczki Walezego (I 197—223).—Pawlicki. Młodość Platona (II, 1—34).—Górski, K. Pierwsza wojna Rzeczypospolitej w księstwie moskiewskim za Batorego (II, 93—117; Druga wojna, IV, 1—26).—J. Antoni. Dzieje osadnictwa tatarskiego na wołoskiem pograniczu (II, 202—222, 381—406; III, 83—118).—Korzon. Kondusz Wielki (III, 138—161).—D. S. O konstytucyi Ateńskiej, świeżo odkryte dzieło Arystotelesa (III, 508—526).

Kwartalnik Historyczny. Lwów. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza W. (1—33).—Korzon. O Chmielnickim sądy Kulisa i Karpowa (34—79).—Świątkiewicz. Ostatni szturm na Smoleńsk (80—92).—Czołowski. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Ruś. Hrynczewicz. Biskup unicki Dyonizy Zabokrzycki.—Sokołowski. Muzeum ks. Czartoryskich (229—276).—Bilczewski. Maniusz Aeyliusz Glabryo (465—497).—Bostel. Ostatnia księżna mazowiecka (498—526).—Wehrmann. Studenti polacy w pedagogium szczecińskim.—Bostel. Stacje królewskie na Rusi w r. 1524.—Czołowski. Relacya o oblężeniu Lwowa przez B. Chmielnickiego.—Franko Jwan. Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII w. (693—727).—Prochaska. Konfederacya lwowska 1464 (728—780).—Krzyżanowski. Początki dyplomatyki polskiej (781—820).

Przegląd polski. Kraków. Li-sicki. Talleyrand (I, 1—46, 339—383, 515—566; II, 100—145; III, 89—124, 348—364).—Pawlicki. Xenophont (upoz. 47—94, okon. 288—338).—Cwikliński. Konstytucya Aten. świeżo odkryte dzieło Arystotelesa (II, 51—99).—Bobrzyński. Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce (III, 1—31).—Popowski, J. Narodowość-rasa. słow-

wianstwo-panslawizm (IV, 1—35).—
Ledjan. Nowy pamiętnik o wojnach
napoleońskich (IV, 129—173).

Przegląd powszechny. Kraków.
—Szarlowski. Sekciarstwo w Rosyi:
Sztunda i jej rozgałęzienie (I, 45—69);
Sokta L. Tolstoja (III, 105—117, 305—320;
IV, 53—70).—Dubiecki. Car Alexy
Michajłowicz na Litwie (I 161—176, 346
—663).—Koneczny. Zatař szkolny
chełmiński, 1554—1557 (II, 1—20; 165—
186; 324—352).

Przewodnik naukowy. Lwów.
Koneczny. E. Jagiełło i Witold,
1382—1392 (1—14, 97—113, 193—209,
289—301, 481—494, 577—591, 673—690,
679—780, 865—885).—Kraushar, A.
Samozwaniec Jan Faustyn Łuba (15—
22, 114—120, 210—219, 302—311).—
Alkar. Bajków, z kartek pamiętnika
rękopiśmiennego, 1824—1829 (495—504,
592—603, 691—700, 781—790, 806—898).

Rozprawy Akademii umiejęt-
ności. Wydział historyczno-filozoficzny
t. XXVIII. Kraków, I, 8°, crp. 453.—Uła-
nowski. O założeniu klasztoru w Sta-

niatkach. (1—131).—Koneczny. Wal-
ter Plettenberg wobec zakonu, Litwy
i Moskwy, 1500—1525 (132—207).—
Piekosiński. Uwagi nad ustawodaw-
stwem Kazimierza W. (209—299).—
Latkowski. Mendog (300—453). T.
XXIX.—Blumenstrak, A. Studya nad
historją własności u ludów germań-
skich (1—127).—Lewicki. Powstanie
Świdrygiełły (128—516).

Zbiór wiadomości do antropo-
logii krajowej. Kraków, 8°, T. XV,
crp. IV, 98, 39, 282.—I. Ossowski.
Sprawozdanie z wycieczki paleontolo-
gicznej po Galicji w r. 1890 (1—88).—
O grobach niecałopalnych w Myszko-
wie (89—98).—II. Zakrzewski.
Wzrost w królestwie polskim (1—39).—
III. Gadki górali beskidowych (1—43).
Sylwestrowicz. Wiadomość o swie-
ceniu łuczywem na Litwie (44—45).—
Kosiński. Niektóre zabobony z okolic
Makowa i Andrychowa (46—52).—
Udziela. Lud polski w powiecie rop-
czyckim (53—180).—Ulanowska.
Łotysze Inflant polskich (181—282).

Списокъ историческихъ статей и рецензій въ русскихъ общихъ журналахъ за 1891 годъ.

(В. Е. = Вѣстникъ Европы, Набл. = Наблюдатель, Р. Б. = Русское Богатство, Р. В. = Русский Вѣстникъ, Р. М. = Русская Мысль, Р. О. = Русское Обозрѣніе, С. В. = Сѣверный Вѣстникъ).

А. Историческія статьи.

Астыревъ, Н. Субботники въ Россіи и Сибири. С. В., июнь, 34—70.

Безобразовъ, П. В. Очерки средневѣковой жизни. Наблюдатель, мартъ; 138—153, апрѣль, 259—276; май, 146—152; июнь, 60—72; июль, 58—68.

Безобразовъ, П. Еще объ „Исторіи“ Д. И. Иловайскаго. Р. О., февраль, 932—940.

Безобразовъ, П. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Р. О., январь, 205—236; февраль, 587—624; мартъ, 306—337; апрѣль, 604—638; май, 279—313; июнь, 609—660; августъ, 548—593; сентябрь, 5—54; ноябрь, 173—241; декабрь, 489—515.

Бизе, Альфредъ. Историческое развитіе чувства природы. Р. Б., январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, июнь.

Борисовъ, Л. Б. Къ исторіи Петровскихъ полковъ Р. В., ноябрь, 251—263.

Бородинъ, С. М. Русская журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія. Наблюдатель, мартъ, 61—102.

Буслаевъ. Мои воспоминанія. Вѣстн. Евр., апрѣль, 469—492; май, 183—215; июнь, 553—568; июль, 177—219; октябрь, 612—648; ноябрь, 138—164.

Быковъ, А. А. Славяне и тев-

тоны. Наблюдатель, мартъ, 298—324.

Быковъ, А. А. Шуланъ-Арунъ. Н., июнь, 140—153.

Быковъ, А. А. Талмудъ Вавилонскій. Наблюдатель, апрѣль, 120—133; май, 161—673.

В. Т. Послѣдній титанъ милитаризма. С. В., июнь, 183—197.

Георгиевскій, С. М. Мнѣніе о воззрѣніи и мнѣніи китайцевъ. Р. О., октябрь, 728—776; ноябрь, 42—97.

Генри Мэнъ. Опытъ о народномъ правительствѣ. Р. Б., январь, мартъ, апрѣль, май—июнь, июль, сентябрь, декабрь.

Герье, В. Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ. Вѣстн. Евр. Январь, 172—196; февраль, 752—781; мартъ, 5—29, апрѣль, 495—552.

Джаншиевъ, Гр. Какъ возникъ нашъ судъ присяжныхъ Русск. Мысль, январь, 148—159.

Джаншиевъ, Гр. Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ. Р. М., май, 83—100.

Ефименко, Александра. Малороссійское дворянство и его судьба. Вѣст. Евр., августъ, 515—569.

Е. О. Къ вопросу объ египетской мнѣологіи и религіи. Р. О., январь, 151—187; февраль, 559—586.

Карѣвъ, Н. Новая біографія Мирабо. Рус. Мысль, январь, 25—37.

Карѣвъ, Н. Исторія и философ-

ское значеніе идеи прогресса. С. В., ноябрь, 91—112; декабрь, 57—75.

Каутскій, К. Возникновеніе брачныхъ союзовъ. Пер. Покровскаго. С. В., сентябрь, 173—215; октябрь, 69—93.

К-я, И. По поводу шестистолѣтія швейцарской конфедераціи. Русская Мысль, сентябрь, 107—118; октябрь, 93—120.

Ключевскій, В. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. Русск. Мысль, январь, 132—147.

Кудравцевъ, А. Средневѣковое мировоззрѣніе. Русск. Мысль, мартъ, 23—40, апрѣль, 30—43.

Лавиъ. Идеа священной римско-германской имперіи. Русск. Мысль, апрѣль, 96—122.

Лучицкій, И. Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. С. В., июль, 1—20; августъ, 1—13; сентябрь, 1—20.

Любовичъ, Н. Вопросъ о сущности историческаго процесса. Р. М., декабрь, 108—116.

М. Общественные идеалы два вѣка тому назадъ. Р. М., ноябрь, 20—29.

Мартенсъ. Ф. Россія и Англія въ продолженіи XVI и XVII вѣковъ. Русск. Мысль, январь, 38—54; февраль, 1—36.

Матвѣевъ, П. А. Новая книга Тана. Р. В., апрѣль, 276—294; май, 234—258, июнь, 276—321.

Михайловъ (Шеллеръ). Царства двухъ монаховъ. С. В. июнь, 73—92; июль, 41—65; августъ, 41—87; сентябрь, 57—114.

Н. П. О. Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса. Русск. Мысль, май, 42—59.

Овцынъ, В. Къ исторіи и статистикѣ городского пролетаріата въ Россіи. Русск. Мысль, май, 60—82.

Пыпинъ, А. Первые извѣстія о Сибири и ея заселеніе. Вѣстн. Евр., августъ, 742—789.

Пыпинъ, А. Эпизоды изъ исторіи XVIII вѣка. Вѣстн. Евр., сентябрь, 261—285.

Р. М. Н. Картины античнаго міра. Русск. Мысль, февраль, 176—193; мартъ, 150—188.

Середа, Н. Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ. Рув. Мысль, июль, 32—44; августъ, 18—38.

Слонимскій, Л. Франко-русская политика въ началѣ столѣтія. Вѣстн. Евр. февраль, 816—837.

Слонимскій, Л. Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I. Вѣстн.

Евр., мартъ, 378—394, апрѣль, 703—723.

Татищевъ, С. Мировой раздѣлъ. Р. В., февраль, 3—49; ноябрь, 3—23; декабрь, 3—25.

Шильдеръ, Н. К. Записка графа М. Н. Муравьева объ Австріи. Р. В., октябрь, 3—21; декабрь, 191—211.

*** О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I. Р. В., ноябрь, 166—196.

В. Историческія рецензіи.

Aristotle, on the constitution Athens, edited by F. H. Kenyon. 1890. Рус. Мысль, апрѣль, библиографич. отдѣлъ, 188—189.

Архангельскій, А. С. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Казань. 1890. Р. О., май, 456—459. Ст. Глубоковскаго

Архивъ кн. О. А. Куркина. Ред. Семеновскій. 1890. Рус. Мысль, мартъ, библиогр. отдѣлъ, 127—130. Р. В., май, 334—339. Ст. Чечулина В. Е., авг., 310—339, ст. Брикнера.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, Спб. 1891. Вѣст. Евр., февраль, библиогр. листокъ.

Барсуковъ, И. Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, Москва, 1891. Р. О., июнь, 840—912, июль, 450—468. Ст. П. Безобразова.

Барсуковъ, И. Дѣтели Восточной Сибири. Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Москва, 1891. Р. В., июнь, 286—298. Ст. А. М-скаго.

Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаетичъ Муравьевъ-Амурскій, по его письмамъ, официальнымъ документамъ, рассказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Москва. 1891 г. Вѣст. Евр., май, библиограф. листокъ.

Благовожденскій, Н. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб. 1891. Вѣст. Евр., июль, 405—409; Р. М., май, 226.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. ред. А. В., Вѣст. Евр., декабрь, 855—857.

Бубнонъ, Н. Собранный писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Спб. 1888—1889—1890. Вѣст. Евр., июль, 395—401. Ред. Н. Карѣева.

Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1890. Рус. Мысль, мартъ, библиогр. отдѣлъ, 183.

Васильевскій, В. Обзоръ трудовъ по византійской исторіи. Спб.

1890. Рус. Мысль, февраль, библиогр. отдѣлъ, 77—79.

Васильевъ, И. Историко-статистическій указатель города Пскова. Псковъ. Рус. Мысль, февраль, библиогр. отдѣлъ, 79—80.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. пер. Циммермана. М. 1891 г. Вѣст. Евр., июнь, библиогр. листокъ.

Витевскій, В. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань, 1890, 1891. Рус. Мысль, апрѣль, библиогр. отдѣлъ, 185—186.

Гартвицъ. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва. 1891. Вѣст. Евр., апрѣль, библиогр. листокъ.

Ге, Г. Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула. Николаевъ. 1890. Рус. М., февраль, библиогр. отдѣлъ, 80.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Составилъ кн. Шербаковъ. Сиб. 1891. Р. В., декабрь, 329—334.

Германъ, Ф. Врачебный бытъ до Петровской Руси. Харьковъ, 1891. Вѣст. Евр., октябрь, 841—844.

Голицынъ, Л. Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археології и исторіи Укека. Саратовъ, 1891. Рус. Мысль, июль, библиогр. отдѣлъ, 312—313.

Голубевъ, П. Алтай. Томскъ. 1890. С. В., июнь, 118—119.

Горенбергъ, М. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Сиб. 1891. С. В., сентябрь, 92—93.

Грушевскій. Очеркъ исторіи Киевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. Киевъ, 1891. Вѣст. Евр., декабрь, 849—851.

Джаншиевъ, Гр. Основы судебной реформы. М. 1891. С. В., октябрь, 96—97.

Дж. Брайтъ. Св. Римская имперія. М. 1891. Перев. Петрушевскій. Рус. Мысль, январь, библиогр. отдѣлъ, 14—15.

Döllinger, I. Papsthum. München, 1892. Р. В., декабрь, 338—339.

Дройзенъ, І. Исторія эллинизма. Перев. Шелгуновъ. М. 1891. Рус. Мысль, мартъ, библиогр. отдѣлъ, 131—132. Наблюд., мартъ, 27—30.

Елпатьяевскій. Учебникъ русской исторіи. Сиб. 1891. Вѣст. Евр., февраль, библиогр. листокъ.

Животовъ, Н. Церковный расколъ Петербурга въ связи съ общероссійскимъ расколомъ. Сиб. 1891. Вѣст. Евр., июль, 401—405.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Пер. Колубовскаго. Рус. Мысль, январь, библиогр. отдѣлъ, 11—12. В. Е., январь, 448—449. Ред. В. С.

Иванюковъ, И. Основныя положенія теоріи экономической политикѣ съ Адама Смита до настоящаго времени. Москва. 1891 г. Вѣст. Евр., августъ, библиогр. листокъ.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Москва. 1891. Р. В., февраль, 342—346. С. В., мартъ, 96—110, ст. А. Бз.

Историческіе матеріалы изъ Архива Министерства Государственныхъ Имуществъ. Сиб., 1891. Р. О., ноябрь, 472—480. Ст. Е. К. Нелидова.

K. v. D. Die Konfessionellen Wirren in Livland vom Jahre 1865 bis zum Gegenwart. Lpz. 1891., Р. В., ноябрь, 330—336.

Карейль. Герои и героическое въ исторіи. Сиб. 1891, перев. В. Н. Яковенко. Р. В., ноябрь, 235—240.

Kneisel, B. Die Weltgeschichte ein Zufall? Berlin. 1891. Вѣст. Евр., августъ, 862—865. Ред. Л. С.

Кролюницкій, А. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Москва. 1891. Н., сентябрь, 24—25.

Кузнецовъ, Н. Историческіе акты XVII столѣтія. Томскъ. 1890. Рус. Мысль, июль, библиограф. отдѣлъ, 313—314.

Лавинскъ. Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Перев. Перцова. Москва. 1891. С. В., августъ, 77—78.

Лангле. Жизнь Тимура. Перев. Суворовъ. Ташкентъ. 1890. Рус. Мысль, февраль, библиогр. отдѣлъ, 82.

Леонидъ, арх. Святая Русь или свидѣнія о всѣхъ святыхъ. Сиб., 1891. Р. В., май, 339—342.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Сиб. 1891. Вѣст. Евр., январь, библиогр. листокъ.

Luchaire, Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. Paris. 1890. Рус. Мысль, январь, библиогр. отдѣлъ, 15—19.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI—XVIII ст. Подъ редакціей Д. Богатяна. Харьковъ, 1890. Р. В., октябрь, 361—362.

Масперо, G. Lectures historiques. Paris. 1890. Рус. Мысль, июнь, библиогр. отдѣлъ, 271.

Межовъ, В. Сибирская библиографія. Сиб. 1891. С. В., декабрь, 125—126. В. Е., ноябрь. 399—402. Р. М., июль, библиогр. отдѣлъ 314. С. В., июнь, 119—120.

Мирсовичъ, Н. Госпожа Роланъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, апрѣль, библиотдѣль, 187—188.

Миллеръ, Г. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. Спб. 1890. Вѣст. Евр., январь, библиогр. листокъ.

Morru. Extrait des mémoires du duc de Morru. Une ambassade en Russie 1856. Paris. Ollendorf. 1892. P. O., декабрь, 937—943. Ст. Д. Гессе.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, учение и община. Москва. 1891. Пер. П. Николаева. Наблюдатель, май, 17—18. В. Е., май, библиотдѣль, листокъ.

Пинегиянъ, М. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, февраль, библиотдѣль, 79.

Постоянный Наблюдатель. Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Спб. 1891. С. В., ноябрь, 83—84.

Пудавовъ, В. Исторія войска Донского и старобытность началъ казачества. Новочеркасскъ. 1890. Рус. Мысль, июнь, библиогр. отдѣль, 270—271.

Сборникъ Русскаго Императорскаго Общества. Спб. 1891. Рус. Мысль, августъ, библиогр. отдѣль, 348—350. В. Е., апрѣль, библиогр. листокъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной Е. И. В. Канцеляріи. Спб., 1891. P. В., октябрь, 355—361.

Семеновъ, Н. П. Проекты манифеста 19 Февраля 1861 г. P. В., июнь, 47—67.

Смирновъ, И. Пермяки. Казань, 1891. Рус. Мысль, августъ, библиогр. отдѣль, 350.

Строевъ, П. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новыи-Іерусалимъ и др. Спб. 1891. P. В., май, 339—342.

Столпѣвская, А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Москва. 1891. Н., июнь, 25—26.

Сукачевъ, В. Иркутскъ. М. 1891. С. В., сентябрь, 93—94. В. Е. октябрь, 844—850.

Suppl. Th. Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich mit besonderer Berücksichtigung der litterarischen Entwicklung. Gotha, 1890. P. В., августъ, 314—315.

Schaible, Karl Heinrich. Die Juden in England von achten Jahrhundert bis zur Gegenwart. Karlsruhe, 1890. P. В. августъ, 316—318.

Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III. Paris. 1891. P. O., сентябрь, 425—441. Ст. П. Везобразова.

Трачевскій, А. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей. С. В., июнь, 120—121.

Уманецъ, И. Очеркъ развитія религиозно-философской мысли въ исламѣ. Спб. 1890. Рус. Мысль, февраль, библиогр. отдѣль, 80—81.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX вѣка. Москва. 1890. Пер. Л. Лучицкой. Наблюдатель, мартъ, 33—34.

Фаминцынъ, А. Домра и сходные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Спб. Вѣст. Евр., августъ, 843—850.

Филипповъ, А. О наказаніи по законодательству Петра В. въ связи съ реформой. Москва. 1891. С. В., сентябрь, 90—92.

Фонъ-Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Москва. 1891. Н. июль, 26—29. В. Е., июнь, 862—866.

Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris. 1891. Вѣст. Евр., апрѣль, 891—893.

Харузинъ, А. Киргизы Букеевской орды. Москва. 1891. Рус. Мысль, августъ, библиогр. отдѣль, 351—352.

Цвѣтаевъ, Дм. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Москва. 1890. P. O., январь, 473.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кіевъ. 1889, 1890. Рус. Мысль, январь, библиогр. отдѣль, 13—14.

Шляпкинъ, И. Св. Дмитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891. Рус. Мысль, июнь, 268—269. В. Е., июль, 409—413. Рец. А. П.

Эварницкій, Д. Вольности запорожскихъ казаковъ. Спб. 1890. Рус. Мысль, июль, библиогр. отдѣль, 314.

Якушкинъ, В. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкахъ. Москва. 1891. P. В., мартъ, 299—306.

О Т Д Ъ Л Ъ П.

Н. М. Благовѣщенскій.

Рѣчь, произнесенная В. И. Модестовымъ въ засѣданіи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 21 октября 1892 г.

Мм. гг.!

Мнѣ трудно было отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго мнѣ почтеннымъ предсѣдателемъ нашего Общества, сказать передъ вами нѣсколько словъ по случаю кончины сочлена нашего, Николая Михайловича Благовѣщенскаго. Покойный былъ мой учитель, который умѣлъ внушить мнѣ любовь къ своей наукѣ, и которому я обязанъ тѣмъ, что еще въ годы своего студенчества избралъ своею спеціальностью классическую филологію, а не другую область историко-филологическихъ знаній. Будучи моимъ руководителемъ въ избранной мною наукѣ, онъ, а не кто другой, внушилъ мнѣ мысль и смѣлость идти по ученой дорогѣ и искать профессуры. Слѣдовательно, покойный былъ человекъ, вліяніе котораго опредѣлило мою судьбу, дало такое, а не другое направленіе моей жизни. Какъ же мнѣ было отказываться говорить о немъ въ этотъ часъ, когда всѣ вы сочли своимъ долгомъ почтить память усопшаго сочлена! Мнѣ нельзя забывать и того, что я не только одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Николая Михайловича, но и первый изъ его учениковъ, занявшій университетскую кафедру по его спеціальности. Двое другихъ его ближайшихъ учениковъ, позднѣе у него учившихся, успѣли уже отдать дань публичной признательности своему учителю: одинъ — по случаю совершенія его сорокалѣтней ученой дѣятельности и затѣмъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его государственной службы, праздновавшагося въ февралѣ текущаго года, а другой — въ некрологѣ, напечатанномъ въ официальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія. Мнѣ же еще не выпадало на долю случая исполнить долгъ, который уже испол-

нили другіе. Въ юбилей своего бывшего учителя я не могъ принять участія потому, что жилъ въ то время за границей, а послѣ его кончины, случившейся вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Россію и прибытіи въ Петербургъ, я еще не принималъ участія въ публичной дѣятельности. Настоящее собраніе Историческаго Общества, въ которомъ вы только-что почтили память покойнаго сочлена общимъ вставаніемъ съ мѣстъ при его имени, даетъ мнѣ удобный случай произнести о немъ публичное слово, и я пользуюсь этимъ случаемъ тѣмъ охотнѣе, что существовавшія между мною и покойнымъ болѣе двадцати лѣтъ отношенія нѣкоторой отчужденности могли подать поводъ думать, что я не чувствую подобающей признательности къ памяти своего учителя.

Моя рѣчь, мм. гг., не будетъ ни юбилейнымъ панегирикомъ, ни официальнымъ некрологомъ. Всему свое время. Было время для юбилейнаго гимна, было время и для похоронной неніи. Теперь требуется не восхвалять усопшаго дѣателя во что бы то ни стало перечисленіемъ его добродѣтелей, а оцѣнить его. Нужды нѣтъ, что при этой оцѣнкѣ выступать на сцену не однѣ добродѣтели, — изъ которыхъ, встаетъ сказать, никогда не слагается жизнь земного человѣка, — а въ сжатомъ видѣ вся сумма дѣятельности почившаго лица съ ея не только сильными, но и слабыми сторонами. Надлежащая оцѣнка заслугъ покойнаго есть именно то, чего отъ насъ требуетъ уваженіе къ его памяти. Отъ руководящагося справедливостію разбора дѣлъ покинуваго насъ дѣателя личность его можетъ только выиграть и выиграть гораздо больше, чѣмъ отъ огульнаго и какъ бы обязательнаго восхваленія.

Кто былъ П. М. Благовѣщенскій?

Онъ былъ русскій ученый, дѣйствовавшій на этомъ поприщѣ перомъ и преподаваніемъ. Слова *русскій ученый* теперь уже не заключаютъ въ себѣ какого-то сомнительнаго оттѣнка не только у насъ, но даже и за границей, такъ какъ европейскимъ специалистамъ извѣстенъ цѣлый рядъ русскихъ ученыхъ именъ, ими признанныхъ вполне равноправными съ другими членами ученой республики; и это не въ одной области математики, какъ то было еще недавно, а, можно сказать, во всѣхъ областяхъ науки. Но недалеко, очень недалеко то время, когда къ словамъ *русскій ученый* относились съ сомнѣніемъ или съ ироніей даже въ самой Россіи. Такъ относились къ нимъ, впрочемъ, не русскіе, а всецѣло у насъ господствовавшіе на ученыхъ поприщахъ иностранцы, особенно люди германскаго происхожденія. Николаю Михайловичу выпало на долю одному изъ первыхъ въ Россіи завоевать въ своемъ отечествѣ мѣсто для русскаго филолога, который, будучи такимъ-же ученымъ, какъ и другіе, преподаетъ классическую филологію

въ русскихъ университетахъ не только не хуже нѣмцевъ, но и съ большею пользою для слушателей, и не только преподаеть, но и вообще служить этой наукѣ въ своемъ отечествѣ плодотворнѣе, чѣмъ вызванные изъ-за границы или пріѣхавшіе изъ балтійскихъ провинцій филологи. До тѣхъ поръ, если и признавались филологами люди русскаго происхожденія, то лишь тѣ, которые именно личности русскаго филолога не имѣли и преподавали науку, если ихъ допускали къ этому, — что было рѣдкимъ явленіемъ, — такъ, какъ преподавали ихъ нѣмецкіе учителя и покровители, т.-е. такъ-же односторонне, сухо и бесплодно. Ученые же труды, кромѣ тощихъ латинскихъ диссертаций, обыкновенно письменныхъ и рѣдко печатныхъ, считались для такихъ русскихъ филологовъ совсѣмъ ненужными. Да и о чемъ имъ было писать? Для университетскаго преподаванія, съ точки зрѣнія тогдашнихъ нѣмецкихъ филологовъ въ Россіи, требовалось лишь чтеніе древнихъ авторовъ съ одними или почти съ одними грамматическими объясненіями, а изданія этихъ авторовъ считались дѣломъ нѣмцевъ, которые мастера и на всякія объясненія. Что же касается до посвященія публики въ филологическіе вопросы, до ознакомленія ея съ древнимъ міромъ, то о такихъ задачахъ мало въ то время думали въ самой Германіи: съ какой же стати объ этомъ думать въ Россіи? Такъ было до сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, когда въ Москвѣ и въ Казани появились на каедрѣ новые люди: въ Москвѣ — Леонтьевъ, въ Казани — Благовѣщенскій. Они только-что возвратились изъ-за границы, гдѣ познакомились въ разныхъ университетахъ съ тѣмъ, какъ живетъ, какъ преподается настоящая наука о классической древности, иначе называемая классическою филологіей, и рѣшились придать ей жизнь и въ Россіи. Леонтьевъ написалъ и напечаталъ свою магистерскую диссертацию по-русски: случай до того времени не бывалый. Благовѣщенскій, находясь въ Казани, гдѣ классическая филологія была въ нѣмецкихъ рукахъ, написалъ свою диссертацию по-латыни, но сталъ писать въ журналахъ статьи по исторіи римской литературы, — фактъ, до того времени въ Россіи почти неслышанный и производившій на филологовъ стараго закала и ихъ поклонниковъ впечатлѣніе скандала. Леонтьевъ приступилъ къ изданію сборника статей по классической древности, подъ заглавіемъ „Прописи“, что составило въ нѣкоторомъ родѣ эпоху въ исторіи нашего образованія; Благовѣщенскій принялъ въ составленіи статей для этого сборника дѣятельное участіе, и первая книжка сборника (1851) была начата его статьей „О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ“, статей на тему, на которую была написана имъ раньше латинская диссертация. Но Леонтьевъ, увлекшись общественнымъ движеніемъ, послѣдовавшимъ за

печальнымъ исходомъ Крымской войны, скоро оставилъ научныя занятія по классической древности въ сторонѣ, прекратилъ изданіе „Пропилей“ (1856) и взялся вмѣстѣ съ Катковымъ издавать „Русскій Вѣстникъ“, а затѣмъ весь ушелъ въ „Московскія Вѣдомости“. Благовѣщенскій, также отзываясь по временамъ на общественные вопросы, не бросалъ своей специальности, а продолжалъ заниматься римской литературой, дая публику отъ времени до времени живо написанными статьями въ журналахъ, а иногда и цѣлыми книгами по этому предмету, не покидая вполне и исторіи древняго искусства, блестящимъ трудомъ по которой и закончилась его плодотворная ученая дѣятельность.

Я сказалъ *плодотворная* дѣятельность. Сказать это можно далеко не о всякомъ, хотя бы и очень ученомъ, дѣятелѣ. Покойный видѣлъ одно время на своей кафедрѣ въ трехъ университетахъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ каждый дѣятельно трудился на пользу науки. Требуется ли болѣе яркое доказательство большой пользы, которому приносило его университетское преподаваніе? Могли ли указать на такіе громкіе плоды своего преподаванія Грефе и Фрейтагъ, профессорствовавшіе въ Петербургѣ, Фатеръ и Струве въ Казани, Нейкирхъ и Делленъ въ Кіевѣ? Нѣтъ, ни Фрейтагъ, ни Фатеръ, ни Струве, ни Нейкирхъ, ни Делленъ не только не имѣли счастья видѣть своихъ учениковъ занимающими университетскія кафедры, но и не оставили послѣ себя никакого преемника, который бы занялъ кафедру своего учителя въ какомъ бы то ни было университетѣ. Одинъ Грефе оставилъ себѣ преемника въ лицѣ своего зятя Штейнмана, о значеніи котораго какъ въ наукѣ вообще, такъ и въ русской наукѣ въ частности, сказать совершенно нечего. Н. М. Благовѣщенскій, какъ студентъ Главнаго Педагогическаго Института, былъ также слушателемъ Грефе, читавшаго тамъ греческихъ авторовъ, но нигдѣ не видно, чтобы лекціи этого авторитетнаго въ тогдѣшнемъ Петербургѣ ученаго производили на него особенно благотворное дѣйствіе. Н. М. никогда не занимался греческой литературой, какъ и никогда не высказывалъ, чтобы онъ былъ вообще много обязанъ этому профессору. Поэтому не безъ нѣкотораго недоумѣнія я прочелъ въ упомянутомъ некрологѣ Н. М. напечатанномъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ (сентябрь, 1892), слѣдующія строки: „*Нѣтъ сомнѣнія*, что его (т.-е. Грефе) лекціи возбудили въ даровитомъ молодомъ человѣкѣ особенную любовь къ классической филологіи, которой онъ и посвятилъ себя впоследствии“. Нѣтъ, мм. гг., сомнѣніе тутъ есть, хотя Грефе тутъ и названъ „принопамятнымъ“, и его не можетъ не быть, особенно когда и въ официальной „Исторической Запискѣ“ о петербургскомъ университетѣ, составленной ко дню его пятидесятилѣтняго юбилея (1869) покой-

нымъ теперь профессоромъ В. В. Григорьевымъ, о вліяніи *лекцій* Грефе на его русскихъ слушателей неоднократно говорится съ явнымъ скептицизмомъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ этой записки (стр. 73) мы читаемъ: „Изученіе классическихъ языковъ держалось единственно энергією, требовательностію и авторитетомъ Грефе, на котораго смотрѣли, какъ на гиганта учености. *Но нельзя сказать, чтобы и преподаваніе Грефе способствовало распространенію вкуса къ ознакомленію съ древностію въ писателяхъ ея и памятникахъ искусства.* Этого и не могло быть при преподаваніи предмета русскимъ студентамъ на латинскомъ языкѣ; Грефе же, кромѣ того, принадлежалъ къ той школѣ преподавателей, которая не находила нужнымъ вдаваться въ историческія и археологическія подробности, и ограничивалъ свое преподаваніе грамматическимъ и эстетическимъ комментариемъ объясняемыхъ авторовъ“. Можетъ быть, ориенталистъ Григорьевъ, хотя онъ былъ человекъ очень ученый и самъ слушалъ Грефе три года ¹⁾, не судья въ дѣлѣ преподаванія классической филологіи? Положимъ такъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: высказавъ свое мнѣніе о преподаваніи Грефе, почтенный ориенталистъ дѣлаетъ выноски, въ которой мы читаемъ: „изъ записки профессора Благовѣщенскаго“. Рѣчь идетъ о запискѣ, которую Н. М. доставилъ Григорьеву, о преподаваніи классической филологіи въ петербургскомъ университетѣ его предшественниками вмѣстѣ съ своимъ curriculum vitae. Пранда Н. М. слушалъ Грефе не въ университетѣ, а въ педагогическомъ институтѣ; но, преподавая въ институтѣ, Грефе не могъ быть другимъ человекомъ, и сужденіе Н. М. объ его преподаваніи, приведенное профессоромъ Григорьевымъ, во всякомъ случаѣ показываетъ, что преподаваніе Грефе не играло большой роли въ возбужденіи любви къ классической филологіи въ Н. М., по крайней мѣрѣ роль эта не сознавалась имъ впоследствии. Если самъ Благовѣщенскій въ одной своей латинской рѣчи и говоритъ о Грефе „*unquam nobis obliviscendus*“, то это было, разумѣется, не больше, какъ риторическій оборотъ, которому нельзя придавать серьезнаго значенія.

Приснопомытлность Грефе для Благовѣщенскаго на самомъ дѣлѣ состояла въ томъ, что онъ оставилъ въ Петербургѣ традицію, съ которой долго приходилось бороться Николаю Михайловичу, а отчасти и ученикамъ его. Внесеніе живого элемента въ преподаваніе, чтеніе исторіи римской литературы и древностей, да ознакомленіе публики съ предметами своей спеціальности посредствомъ живыхъ статей,

¹⁾ См. его „Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая Записка и пр. Спб. 870, стр. 26-я примѣчаній.

помѣщавшихся въ журналахъ, было въ глазахъ почитателей Грефе ересью, легкимъ обращеніемъ съ наукой. Почитатели Грефе и въ университетѣ, и нѣ его были порицатели Благовѣщенскаго, и иерешедшій изъ Казани въ 1852 г. въ Петербургъ на мѣсто Фрейтага молодой профессоръ римской словесности сталъ казаться имъ „фельетоннымъ ученымъ“, преподаваніе котораго не серьезно, и не можетъ способствовать образованію истинныхъ филологовъ.

Съ этимъ именно взглядомъ на Н. М. встрѣтился я прежде всего въ Петербургѣ, когда, поступивъ въ 1856 г. въ студенты Главнаго Педагогическаго Института, сталъ осматриваться кругомъ и сталкиваться съ людьми, близкими къ тогдашнимъ представителямъ классицизма. Этотъ взглядъ принесъ къ намъ въ институтъ ученикъ (покойнаго теперь) Любебиля, бывшаго тогда преподавателемъ въ Ларинской гимназіи. Подобный же взглядъ высказывали тѣ, кто прошелъ школу Лапшина въ третьей, называвшейся тогда *филологическою*, гимназіи. Мнѣ, еще въ бытность студентомъ, не разъ приходилось выдерживать живые споры за направленіе, котораго держался профессоръ, сдѣлавшійся моимъ руководителемъ, не разъ приходилось вести эту борьбу и впоследствии. За то недоброжелатели Н. М. дѣлались ео ipso и моими врагами. Мнѣ старались дѣлать вредъ не только за мою дѣятельность, но и за то, что я былъ близокъ къ Благовѣщенскому. Н. М. хорошо понималъ это и не разъ высказывалъ. Когда я прислалъ изъ-за-границы въ 1862 г. первый отчетъ о своихъ занятіяхъ, высказавъ въ немъ недовольство направленіемъ нѣкоторыхъ изъ германскихъ профессоровъ въ чтеніи древнихъ авторовъ, отчетъ, поднявшій бурю въ средѣ петербургскихъ нѣмцевъ и ихъ русскихъ поклонниковъ и заставившій ихъ накинуться на меня не только въ русской печати, но и за-границей, то Благовѣщенскій, котораго сначала было сбили съ толку ложныя толкованія моихъ мыслей и коварное приписываніе мнѣ того, что принадлежало отчету другого лица (Новоселова), писалъ мнѣ въ Римъ отъ 1-го сентября 1863 г. изъ Петербурга слѣдующее: „Помнится, что я откровенно писалъ къ вамъ объ этомъ въ Боннѣ. Въ то же время я, однако, очень хорошо понималъ, что журнальная брань, возбужденная этими отчетами, въ большей части случаевъ направлена была не столько противъ васъ, сколько противъ моей особы. Ваше недовольство исключительно грамматическимъ толкованіемъ древнихъ авторовъ было приписано, какъ мнѣ кажется, довольно справедливо моему вліянію. Вотъ почему съ самаго начала я смотрѣлъ на ваше дѣло, какъ на мое собственное, хотя и былъ очень недоволенъ рѣзкостью и безтактностью нѣкоторыхъ мыслей въ вашихъ отчетахъ (т.-е. въ моемъ и Новоселова). Со многими взглядами, высказанными въ нихъ, я не

могу не согласиться, потому что это мои собственные взгляды, не разъ заявленные мною печатно... Я думаю, что современем намъ придется еще вѣстѣ ратовать за русскую филологію, и защитить ее отъ нашествія иноплеменниковъ". Когда потомъ въ концѣ 1864 г. я представилъ въ историко-филологическій факультетъ свою магистерскую диссертацию о Тацитѣ, то хотя она и была принята факультетомъ благосклонно, но Благовѣщенскому пришлось за меня выдержать не малую бурю. Противъ диссертациі возсталъ поклонникъ (едва ли впрочемъ искренній) Грефевскаго направленія, М. С. Куторга. Онъ упрекалъ меня и въ томъ, почему диссертациа написана не по-латыни, и въ томъ, что предметъ ея очень обширенъ, и въ томъ, что я будто бы отзываюсь о нѣкоторыхъ ученыхъ не съ надлежащимъ почетомъ. Послѣ бурнаго засѣданія, ожидать результата котораго я долженъ былъ на дому у Н. М., онъ пришелъ домой хотя и съ торжествующимъ видомъ, но въ большомъ возбужденіи. Когда я замѣтилъ ему, къ чему было ему изъ-за меня такъ много волноваться, тѣмъ болѣе, что вопросъ о принятіи диссертациі былъ уже рѣшенъ, онъ прямо заявилъ, что онъ тутъ бился не за меня, а за себя, такъ какъ было ясно, что стрѣлы противниковъ были направлены прямо противъ его личности.

Но этотъ актъ борьбы за новое направленіе въ преподаваніи и въ разработкѣ классической филологіи былъ едва ли не послѣднимъ актомъ этой борьбы для Н. М. Борьба этого рода скоро прекратилась сама собой. Ее прекратило время, выступленіе на сцену новыхъ дѣятелей, наконецъ самъ университетскій уставъ 1863 года, который расширилъ область предметовъ классической филологіи въ преподаваніи, сдѣлалъ чтеніе исторіи литературы и древностей обязательнымъ и ввелъ въ программу преподаванія исторію искусства, чѣмъ было исполнено сердечное желаніе Н. М. Когда же нѣсколько лѣтъ спустя, обнаружилось новое нашествіе иноплеменниковъ на классическую филологію въ Россіи, то бороться противъ него пришлось не Благовѣщенскому, а другому.

Теперь посмотримъ на учено-литературную дѣятельность Н. М. отъ ея начала до того періода, когда онъ уже не является въ какой бы то ни было коллизіи съ противниками его направленія, и когда его труды получаютъ новый характеръ.

Выступая на учено-литературное поприще, Н. М. выходилъ изъ той мысли, что пришла пора знакомить публику съ древнимъ міромъ, съ его литературой, исторіей, бытомъ и искусствомъ посредствомъ статей, доступныхъ образованному читателю, и что для этого не требуется ничего другого, какъ передавать результаты трудовъ, имѣющихся въ большомъ изобиліи въ западныхъ литературахъ, въ особен-

ности въ нѣмецкой. Мысль эту онъ нѣсколько разъ высказывалъ и мнѣ, и другимъ, и проводилъ ее на дѣлѣ. Такимъ образомъ, у него образовался рядъ статей, которыя въ сущности—не что иное, какъ болѣе или менѣе искусная передача готовыхъ изслѣдованій. Такова его первая статья по римской литературѣ, статья, которую онъ открылъ свою учено-литературную дѣятельность и которая была помѣщена въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1848 г. (іюнь), подъ заглавіемъ: „О судьбахъ римской трагедіи“, такова и послѣдняя статья этого періода, озаглавленная: „Римскій сатирикъ Персій“, помѣщенная въ 1866 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (октябрь). Однѣ изъ этихъ статей опирались на капитальныя или наиболѣе важныя изслѣдованія по даннымъ вопросамъ, какова, наприм., статья о трагедіи, въ основу которой легло изслѣдованіе Ланге „*Vindiciae tragoediae Komanae*“, (Лейпц. 1822), или статья объ Ателланахъ во II томѣ „Пропилей“, для которой главный матеріалъ дали Мункъ своимъ изслѣдованіемъ „*De fabulis Atellanis*“ (Лейпц. 1840) и Мейеръ своими „*Etudes sur le théâtre latin*“ (Paris, 1847), или статья „О римскихъ пантомимахъ“, матеріаломъ для которой послужило изслѣдованіе Гризара „*Die Pantomimen der Römer*“ (Rhein. Museum, 1833). Нѣкоторыя же изъ этихъ статей были вызваны просто какою-либо иностранною статьей текущей ученой литературы, какова, наприм., статья „Гостинницы въ древности“, помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1852 г. и составленная, главнымъ образомъ, по статьѣ Целля въ его „*Ferien-schriften*“ съ такимъ же заглавіемъ. Въ этомъ приѣмѣ пропаганды научныхъ знаній, конечно, нѣтъ ничего дурного и, при данныхъ обстоятельствахъ, именно, когда русской литературы по классической древности совсѣмъ не существовало, а дѣятели, способные знакомить публику съ результатами науки по этому предмету, считались единицами, такой приѣмъ навязывался даже необходимостью. И Леонтьевъ, приступая къ изданію своего сборника, прямо заявляетъ, что „Пропилей“ хотятъ не исправлять господствующія понятія и создавать новыя, а знакомить съ событіями, данными исторіею, и съ воззрѣніями, уже выработанными въ наукѣ. „Они (продолжаетъ онъ) надѣются помѣщать отъ времени до времени и такія статьи, которыя говорятъ новое слово въ наукѣ; но общее ихъ назначеніе состоитъ болѣе въ томъ, чтобы знакомить съ современною наукою, нежели въ томъ, чтобы преобразовывать науку и двигать ее впередъ“. Значить, обвинять Влаговищенскаго, такъ сказать, за компилятивный характеръ его статей о римской литературѣ, нечего. Такой характеръ статей требовался временемъ, и еслибы русскіе ученые того времени писали только изслѣдованія, то наше образованное общество не имѣло бы ни „Пропилей“, ни многочисленныхъ статей одного изъ главныхъ тогдаш-

нихъ представителей классической филологіи въ Россіи, т.-е. статей Н. М. Благовѣщенскаго. Въ статьяхъ такого рода, разумѣется, есть всегда извѣстная слабость, и на взглядъ специалиста всегда найдется не мало промаховъ (въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій“ по исторіи римской литературы мною были указаны крупныя промахи въ статьѣ „О началѣ римской комедіи“), но цѣли, для которой онѣ пишутся, онѣ все-таки достигаютъ, особенно когда являются въ такомъ мастерскомъ изложеніи, какое всегда было свойственно Благовѣщенскому.

Однако, всему должна быть мѣра. Если вся ученая литература по данному предмету становится лишь передачей чужихъ изслѣдованій, то это не только не содѣйствуетъ развитію науки въ странѣ, а прямо ведетъ къ ея пониженію. Въ странахъ, гдѣ—большая ученая жизнь гдѣ есть много ученыхъ работниковъ и появляются постоянно новыя изслѣдованія, популяризація знаній по чужимъ изслѣдованіямъ не представляетъ никакой опасности: тамъ многообразная и многосторонняя работа уравниваетъ всякія крайности. Но у насъ только популярныя и, главное, несамостоятельныя статьи представляли неудобства, и съ этой стороны недруги Н. М. имѣли долю справедливости въ своихъ нареканіяхъ. Профессоръ есть не только литераторъ, но и ученый; онъ долженъ не только просвѣщать публику, но и утверждать науку въ странѣ, готовить ученыхъ дѣятелей; онъ долженъ ихъ учить работать не только наставленіями, но и собственнымъ примѣромъ. Благовѣщенскій писалъ всегда интересныя статьи, которыя хорошо знакомили съ дѣломъ, но, строго говоря, не были статьями, по которымъ можно было бы учиться. Для того, чтобы учиться, надо было обращаться къ иностраннымъ литературамъ. Эта, если хотите, слабая сторона дѣятельности Н. М. чувствовалась мною и въ то время, какъ чувствуется и теперь, и бывали случаи, когда, при нападеніяхъ на него изъ лагеря противниковъ, приходилось молчать, какъ, напр., когда, также покойный теперь, Нейлисовъ сдѣлалъ очень непріятную вылазку противъ статьи его о Персіѣ ¹⁾. Можно было, конечно, указывать и на вполнѣ самостоятельныя статьи Н. М., какова, наприм., прекрасная статья подъ названіемъ „Пермскіе сказочники и Петроній“, помѣщенная въ „Русскомъ Словѣ“ (1860), или какъ „Взглядъ Нибура и Грота на Александра В.“ (тамъ же); но эти статьи, напечатанныя въ легковѣсномъ журналѣ, при своемъ популярномъ характерѣ, не могли служить доказательствомъ напряженныхъ усилій ихъ автора. Болѣе ученый характеръ или, по крайней мѣрѣ, видъ имѣетъ его латинская рѣчь о застольныхъ пѣсняхъ древнихъ римлянъ (De sag-

¹⁾ См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1867, № 148. „По поводу одной ученой статьи“.

minibus convivalibus), произнесенная имъ въ 1853 году на актѣ Главнаго Педагогическаго Института, гдѣ авторъ выступаетъ въ защиту въ то время сильно оспаривавшейся Нибуrowsкой теоріи о вліяніи эпическихъ пѣсенъ, т.-е., по нашему, былины, на содержаніе древнѣйшей римской исторіи. Но актывыя рѣчи вообще не принадлежатъ къ продуктамъ большой учености ихъ авторовъ, и все, что въ этой рѣчи сказано, могло быть написано при помощи самыхъ ходячихъ въ то время книгъ по исторіи римской литературы, Бэра и Краузе, хотя я не сомнѣваюсь, что Н. М. работалъ надъ этою рѣчью не мало и ознакомился съ специальною литературою, на которую онъ ссылается. Настоящимъ серьезнымъ трудомъ этой эпохи былъ у Благовѣщенскаго трудъ о Гораціѣ, который помѣщался сначала отдѣльными статьями въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1857—9 гг. и былъ изданъ авторомъ отдѣльно въ 1864 г. съ присовокупленіемъ двухъ главъ, изъ которыхъ одна была помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 г., а другая составила рѣчь, произнесенную на актѣ с.-петербургскаго университета въ 1855 г. Трудъ этотъ основанъ не только на обширномъ знакомствѣ съ ученою литературою о Гораціѣ, но и на ближайшемъ изученіи самого Горація и въ этомъ отношеніи представляетъ одну изъ главныхъ монографическихъ работъ (если не самую главную) по исторіи римской литературы въ нашемъ отечествѣ. Сознавая важность этой работы въ русской литературѣ, Н. М. представилъ ее на соисканіе Уваровской преміи, хотя и сильно опасался, что Академія наукъ, тогдашніе представители которой по классической филологіи меньше всего думали о русской литературѣ, отдѣлается почетнымъ отзывомъ. Такъ именно и случилось. Но когда это случилось, Н. М., къ удивленію моему, принялъ этотъ почетный отзывъ не безъ удовольствія и даже однажды въ устномъ спорѣ со мной, когда я указалъ на недостатки этого труда, сослался на почетный академическій отзывъ, какъ на доказательство неумѣстности моихъ возраженій.

Рядомъ съ занятіями по исторіи римской литературы у Благовѣщенскаго была еще другая, побочная специальность: это — археологія, въ смыслѣ исторіи древняго искусства. По археологіи онъ, какъ мы видѣли, писалъ свою магистерскую диссертацию. Напечатана она была по-русски въ 1851 г., въ I томѣ „Пропилей“. Но проходили годы, и онъ не печаталъ ничего по этому предмету, хотя и нерѣдко заговаривалъ о своей любви къ нему. Наконецъ, въ 1862 г. онъ выпросилъ себѣ годичную командировку за-границу и отправился въ Римъ, гдѣ думалъ заняться искусствомъ. И дѣйствительно занялся имъ подъ руководствомъ Бруна, одного изъ секретарей Института археологической корреспонденціи, извѣстнаго уже и тогда за боль-

шого спеціаліста. Я позволю себѣ привести здѣсь для выясненія дѣла отрывокъ изъ интереснаго письма, которое писалъ мнѣ Н. М. въ Боннѣ, отъ 2 января 1863 г. (по новому стилю):

„Къ неопisanному моему удовольствію я снова сдѣлался студентомъ и штудирую не съ меньшимъ жаромъ, какъ въ первую мою поѣздку за границу, ровно 20 лѣтъ тому назадъ. Сначала Римъ подавилъ меня громаднымъ количествомъ предметовъ изученія, которыя представляются здѣсь на каждомъ шагѣ. Подъ вліяніемъ хандры и апатіи, вывезенныхъ мною изъ Петербурга, задача, которую я предложилъ себѣ, показалась мнѣ неудобноисполнимою; а задача эта состояла въ томъ, чтобы положить въ петербургскомъ университетѣ хотя первое начало преподаванію исторіи древняго искусства. Теперь я уже ориентировался въ Римѣ, и успѣху моихъ занятій не мало содѣйствуетъ проф. Брунъ (секретарь здѣшняго археологическаго общества [?]), съ превосходными трудами котораго я уже былъ знакомъ въ Петербургѣ. Съ Бруномъ я сошелся очень хорошо. Около него составилъ небольшой кружокъ нѣмецкихъ ученыхъ, къ которому применилъ и я. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ читаетъ намъ лекціи въ здѣшнихъ музеяхъ, гдѣ мы имѣемъ предъ глазами богатѣйшій матеріалъ для исторіи классическаго искусства. Теперь мы разбираемъ разные отдѣлы Ватиканскаго музея; затѣмъ перейдемъ въ Капитолійскій, потомъ займемся виллами (Albani, Ludovisi, Borghese и пр. и пр.). Не зависимо отъ этихъ лекцій Брунъ будетъ читать намъ систематическій курсъ исторіи древняго искусства въ здѣшнемъ нѣмецкомъ Künstlerverein'ѣ. Благодаря Бруну мнѣ открыта бібліотека здѣшняго археологическаго общества. Словомъ, я очень доволенъ и занимаюсь очень прилежно“. Затѣмъ черезъ два мѣсяца (отъ 8 марта) онъ писалъ мнѣ: „Теперь я больше, чѣмъ когда-нибудь жалѣю о томъ, что мнѣ не пришлось побывать здѣсь въ мои студенческіе годы. Римъ и римская Кампанія, дѣйствительно научать лучше понимать древность, чѣмъ любая нѣмецкая книга. Прошу васъ передать этотъ мой совѣтъ и другимъ нашимъ филологамъ вмѣстѣ съ моимъ имъ поклономъ“.

Впоследствии римскія занятія весьма пригодились Н. М.; но въ первые года по возвращеніи его изъ Рима они мало отразились на его литературныхъ трудахъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ какъ видно изъ некролога его, помѣщеннаго въ сентябрьской книжкѣ журнала Мин. Нар. Просв., прочелъ курсъ римской топографіи (очевидный плодъ его пребыванія въ Римѣ); но что касается литературной дѣятельности, то онъ принялся тогда за собраніе въ одну книгу своихъ статей о Горациѣ, а затѣмъ занялся, подъ вліяніемъ прочитанной имъ въ „Revue de deux mondes“ (сентябрь, 1863) статьи Марта, Пер-

сіемъ, этюдъ о которомъ онъ напечаталъ лишь въ 1866 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Занятія же археологіей были имъ отложены.

Быть можетъ, Н. М. думалъ приняться за нихъ вмѣстѣ съ осуществленіемъ мысли о возобновленіи „Пропилей“, покинутыхъ Леонтьевымъ ради публицистической дѣятельности. Мнѣ хорошо извѣстно, что мысль объ изданіи въ Петербургѣ сборника въ родѣ „Пропилей“ преслѣдовала Благовѣщенскаго очень сильно съ самаго момента прекращенія сборника московскаго. Онъ высказывалъ мнѣ ее много разъ, встрѣчая во мнѣ, разумѣется, полное сочувствіе. Когда я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи университетскаго курса уѣхалъ на службу въ Петрозаводскъ, то въ первомъ же письмѣ, которое я тамъ получилъ отъ Н. М., отъ 24 декабря 1860 г., онъ говоритъ объ этомъ сборникѣ, высказывая желаніе помѣстить въ него мою работу о новооткрытомъ тогда латинскомъ историкѣ, Граниѣ Липцианѣ, которая ему нравилась; но тутъ же прибавляетъ: „Дѣло о сборникѣ все еще не подвинулось впередъ; напоминать о немъ Кушелеву я не хочу, самъ онъ все еще въ Парижѣ“. Н. М. велъ переговоры съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, извѣстнымъ меценатомъ того времени, о принятіи послѣднимъ на себя издержекъ на изданіе. Надежда на Кушелева была, очевидно, плоха; но проходили годы, а Н. М. все еще мечталъ объ осуществленіи своей идеи. Лѣтомъ 1865 г. писалъ онъ мнѣ изъ Карлсбада въ Одессу: „Меня все еще не оставляетъ мысль объ изданіи сборника въ родѣ „Пропилей“. Предварительно однако хочу издать сборникъ нѣкоторыхъ моихъ статей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя напечатаны въ „Пропилеяхъ“. Не знаю, какъ долго еще покойный лелѣялъ мысль о сборникѣ статей по классической древности: въ слѣдующихъ письмахъ, становившихся все болѣе и болѣе рѣдкими, онъ уже не упоминалъ о ней, а въ 1868 г. наша переписка окончательно прекратилась. Прекратилась впрочемъ не только переписка, прекратились и наши добрыя отношенія.

Здѣсь я волей-неволей долженъ коснуться одного крайне горестнаго событія въ своей жизни: своей полемики съ Н. М. Не мнѣ, а другимъ принадлежитъ право произнести свой приговоръ объ этой несчастной полемикѣ. Но я знаю напередъ, что за одно я буду несомнѣнно осужденъ (быть можетъ, съ этого самаго мѣста, когда меня не будетъ на свѣтѣ): за то, что я выступилъ въ этой полемикѣ съ большою рѣзкостью противъ своего учителя. Вину свою въ этомъ отношеніи я признаю всецѣло, не смотря на то, что не я бросилъ перчатку глубокаго раздора, и что мнѣ въ данныхъ обстоятельствахъ нельзя было не поднять ее. А раздоръ былъ такъ глубокъ, что его, казалось не въ состояніи залѣчить никакое время. Благодарю Бога,

однако, за то, что Н. М. сошелъ въ могилу безъ враждебнаго ко мнѣ отношенія. Еще за три съ половиною года до его смерти я получилъ отъ него небольшую записку (отъ 10 февраля 1889 г.), которая оканчивалась словами: „Весьма желаю войти съ вами въ прежнія добрыя отношенія“. Мой, вскорѣ послѣдовавшій, отъѣздъ изъ Петербурга на три года помѣшалъ развитію этихъ добрыхъ отношеній; но все же мы разстались въ этой жизни не врагами. Судьбѣ даже угодно было, чтобы мнѣ, въ числѣ немногихъ его старыхъ друзей, привелось опустить 4-го августа его тѣло въ могилу и бросить на его гробъ горсть земли, общей нашей матери, всѣхъ насъ ожидающей, все примиряющей, все успокоивающей въ дѣлахъ человеческихъ.

Въ 1872 г. Н. М. переѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, куда онъ былъ назначенъ ректоромъ Университета. Съ этого времени для него ясно обозначился начавшійся еще раньше новый періодъ учено-литературной дѣятельности, дѣятельности рѣшительно плодотворной. Тамъ имъ была окончена и издана въ Петербургѣ (1873) книга о Персіѣ съ латинскимъ текстомъ, переводомъ и объясненіемъ всѣхъ произведеній этого римскаго сатирика. Книга эта должна была потребовать много труда у автора, и онъ доказалъ въ ней, что умѣть справляться съ очень серьезными задачами. Персіѣ—авторъ трудный, возбуждающій много недоумѣній для комментаторовъ, и усвоеніе его нашей литературѣ, сдѣланное рукою специалиста, есть заслуга не малая. Такой трудъ былъ, какъ мнѣ кажется, рѣшительно нуженъ для того, чтобы поддержать или, коли угодно, поднять ученую репутацію Н. М. въ такое время, когда и въ Россіи научныя требованія отъ филолога стали совсѣмъ другія, чѣмъ какъ это было въ пятидесятыхъ годахъ. Выступили на сцену одинъ за другимъ филологи, которые, познакомившись съ новымъ научнымъ движеніемъ въ Германіи, принесли съ собою въ отечество и новые взгляды, и новыя задачи, и болѣе строгія научныя требованія. Старые русскіе филологи, стоявшіе внѣ новаго научнаго движенія въ филологіи, выражаяшася особенно въ изученіи латинскихъ надписей и исторической разработкѣ латинскаго языка, естественно отходили на задній планъ. Трудомъ по Персію Н. М. доказалъ, что онъ, хотя и остался чуждъ историческому изученію языка, нашедшему особенно важную точку опоры въ надписяхъ, не желаетъ уходить на задній планъ, и, издавъ съ переводомъ и комментариемъ труднаго писателя, онъ удержалъ свое мѣсто въ русской наукѣ. Продолжая свои занятія въ этомъ родѣ, онъ сталъ переводить и объяснять Ювенала и, возвратившись въ концѣ 1883 г. на жительство въ Петербургъ, успѣлъ издать такимъ образомъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. четыре са-

тиры. Переводъ Ювенала, какъ и Персія положительно хорошъ, хотя не мало мѣстъ въ немъ и подлежитъ не только возраженіямъ, но и поправкамъ; что же касается комментарія, то здѣсь нельзя не пожалѣть, что Н. М. были недоступны труды англійскихъ филологовъ, въ дѣлѣ объясненія какъ Персія, такъ и Ювенала имѣющихъ перво-степенное значеніе. Но, съ какими бы требованіями ни приступать къ этимъ трудамъ покойнаго, справедливая критика должна ихъ счесть важнымъ приобрѣтеніемъ русской ученой литературы.

Съ этюдомъ по Ювеналу Н. М. выступилъ въ первый разъ въ 1859 г. на своихъ публичныхъ лекціяхъ, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать еще студентомъ. Что это была за свѣтлая пора въ моей жизни! Петербургская публика наполняла огромную актовую залу въ Университетѣ; студенты Университета и Главнаго Педагогическаго Института наполняли хоры. Все имѣло видъ бодрый, веселый, полный надеждъ на широкое будущее. Лекціи, въ которыхъ такъ живо и такъ твердо передавалось Ювеналовское негодованіе противъ ужасовъ правленія Домиціана, имѣли блестящій успѣхъ, тѣмъ больше, что лекторъ, находясь подъ вліяніемъ общаго возбужденія въ ту эпоху, не пропускалъ случая сдѣлать тамъ и сямъ намекъ на современность, который быстро схватывался слушателями, такъ недавно еще пережившими печальныя времена, приведшія къ крымскому погрому ¹⁾. Ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1889 году, Н. М. читалъ въ Солянѣ Горюхѣ также двѣ публичныхъ лекціи, даже на тему, близкую къ прежней и касавшуюся той же злополучной въ исторіи человѣчества эпохи. Онъ читалъ о Марціалѣ и Стаціѣ, извѣстныхъ поэтахъ Домиціанова времени, но совершенно противоположныхъ Ювеналу по своимъ душевнымъ качествамъ, по своему раболопному характеру, по своему презрѣнному міросозерцанію, которое, впрочемъ, давало имъ возможность говорить въ такое время, когда возвышенныя натуры, какъ Тацитъ и Ювеналъ, могли только молчать. На этихъ лекціяхъ мнѣ тоже довелось присутствовать. Но какая пережѣна въ публикѣ, въ ея настроеніи! Публики было очень мало, хотя лекціи были весьма интересны и, несомнѣнно, больше выработаны, чѣмъ двѣ лекціи 1859 г. Печальнѣе всего было то, что и ученики Н. М., которыхъ въ Петербургѣ не мало, почти всецѣло блистали своимъ отсутствіемъ. Такова русская общественность! Подъ гнетомъ надвигающагося на насъ все больше и фа-

¹⁾ Лекціи о Ювеналѣ были отданы для напечатанія въ Русскій Вѣстникъ, но такъ какъ Леоптьевъ счелъ нужнымъ выпустить въ нихъ вступленіе, то Н. М. перепечаталъ ихъ тогда же въ „Студентскомъ Сборникѣ“ (вып. II) и издалъ отдѣльной брошюрой (Спб., 1860).

таковыя нравственного огрубѣнія теряется среди насъ даже чувство обыкновеннаго, обязательнаго для всѣхъ образованныхъ людей, приличія. Впрочемъ, лекціи эти, будучи напечатаны въ „Русской Мысли“ (апрѣль, 1890), обратили на себя довольно живое вниманіе читателей пубрики.

Вы видите, какъ велико въ Благовѣщенскомъ было стремленіе жить научною жизнью. Уже въ концѣ седьмого десятиа лѣтъ онъ не только работаетъ надъ тѣмъ или другимъ отдѣломъ науки, но и выступаетъ съ публичными лекціями, желая провести нѣсколько минутъ въ непосредственномъ духовномъ общеніи съ людьми, интересующимися высшимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, и въ концѣ своей жизни онъ намъ, ученикамъ своимъ, далъ примѣръ неизсякаемой любви къ своему дѣлу, живучести въ душѣ научнаго интереса и стремленія вносить умственное движеніе въ сферу общественную.

Въ послѣдніе годы своей жизни Н. М. обратился и къ исторіи древняго искусства, которою онъ началъ свою учено-литературную дѣятельность, представивъ по этому предмету диссертацию для полученія степени магистра. То была диссертация объ одномъ изъ начальныхъ періодовъ пластическаго искусства, когда оно всецѣло было подчинено религіознымъ цѣлямъ, мѣшавшимъ его свободному развитію. Теперь онъ обратился къ позднимъ его эпохамъ, когда оно, переживъ длившійся полтора столѣтія классическій періодъ, начавшійся Фидіей и Поликлетомъ и окончившійся съ Праксительемъ и Лизиппомъ, еще долго продолжало цвѣсти и выставлять цѣлые ряды замѣчательныхъ по технической отдѣлкѣ произведеній. Благовѣщенскій, выходя изъ мысли, что эпохи, производившія такіе художественные вещи, какъ группа Лаокоона и Фарнезскій быкъ, — произведенія родосской школы, — или какъ умирающій Галлъ и Гигантоматія, — пергамской жертвенникъ, — произведенія пергамской школы, не могутъ считаться эпохами упадка, какими ихъ считали до времени Винкельмана, приходитъ къ заключенію, что эти эпохи представляютъ собой, напротивъ, время высокаго процвѣтанія художественной пластики. Онъ полагаетъ, что современемъ будетъ признано, что пора высокаго ея развитія не только продолжалась эпоху діадховъ, но не закончилась діадхами, „а продолжалась съ тѣмъ же блескомъ и въ начальные періоды римской имперіи (имперіи?) до Адріана включительно“.

Не смотря на всю шаткость и въ нѣкоторомъ отношеніи даже парадоксальность этой теоріи, имѣвшей правда, уже давно своихъ представителей и высказанной Н. М. еще въ его работѣ „О глоріи въ древнемъ греческомъ искусствѣ“ (Прописки, I, 20) никакая его книга не читается съ такимъ интересомъ, какъ его послѣдняя

книга: „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“ (Спб., 1891 г.). Столько въ ней живости и увлеченія автора своимъ предметомъ, столько убѣжденности, столько, наконецъ, увлекательности въ изложеніи! Не всякому дано и въ молодые годы такъ увлекательно говорить о предметахъ научнаго и художественнаго интереса, какъ говорить о нихъ въ этой книгѣ сѣмидесятилѣтній старикъ, имѣвшій по русскимъ понятіямъ, и право, и возможность почитать отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.

Тѣмъ, что я указалъ, конечно, не исчерпывается учено-литературная дѣятельность Н. М. Благовѣщенскаго. Писалъ онъ иногда рецензіи на книги по римской словесности, писалъ иногда статьи по педагогическимъ вопросамъ. Но ни тотъ ни другой изъ этихъ видовъ его дѣятельности не представляетъ чего-либо выдающагося. Педагогическія его идеи были здравы: онъ всегда возставалъ противъ грамматическаго направленія въ изученіи древнихъ языковъ и съ удовольствіемъ сообщалъ публикѣ мысли Кёхли (тоже дорогое мнѣ имя!), рѣшительно стоявшаго за историческое направленіе, какъ за такое, которое дѣлаетъ плодотворнымъ чтеніе древнихъ авторовъ и ведетъ къ ознакомленію съ древнимъ міромъ. Что касается до рецензій на русскія филологическія сочиненія, то здѣсь онъ, въ сожалѣнію, больше держался субъективной, чѣмъ объективной точки зрѣнія, да и не всегда стоялъ на уровнѣ науки въ тѣхъ вопросахъ, которые ему приходилось разсматривать. Вообще говоря, какъ критика, такъ и полемика его были рѣдко удачны, и искать въ этой области его успѣховъ было бы напрасно.

Слабая сторона свойственна всякому человѣку и всякому ученому. Поэтому ученаго надобно цѣнить не по ошибкамъ, неизбежнымъ во всякомъ трудѣ, а по услугамъ, оказаннымъ имъ наукѣ и отечественному просвѣщенію. Наука, которою занимался Н. М., такова, что, при современномъ ея состояніи, трудно двигать ее впередъ русскому ученому, стоявшему вдали отъ матеріала, которымъ она обновляется. Н. М. никогда и не претендовалъ на титулъ двигателя европейской науки, а стремился только въ тому, чтобъ сообщать ей жизнь и движеніе въ своемъ отечествѣ. Съ этой точки зрѣнія важныхъ заслугъ его не въ состояніи оспорить никакая несправедливость, никакое недоброжелательство. Его труды по Горацию, Персію и Ювеналу составляютъ очень крупный вкладъ въ сокровищницу русской науки, и признательность исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія за нимъ несомнѣнно обезпечена. Я радъ, что мнѣ пришлось громко произнести эти слова въ ученомъ собраніи, передъ столь многочисленными слушателями.

